

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Емельянов С. Н.	
Отечественная уголовно-исполнительная система: поиски идеологической парадигмы	3
Ефarov М. Х.	
Понятие оперативно-розыскной характеристики краж товарно-материальных ценностей, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы	10
Маленчук В. Ф., Колесов В. И.	
Формирование нравственной устойчивости осужденных в местах лишения свободы в процессе образовательной деятельности	12
Малин П. М.	
Распределение осужденных к лишению свободы по уровням опасности как необходимое условие реализации международных стандартов по обращению с заключенными в исправительных учреждениях России	15
Панарин Д. А.	
Восприятие некоторых рекомендаций международных документов по вопросам соблюдения прав осужденных в нормативно-правовых актах России в сфере организации уголовно-исполнительного процесса	18
Панарина Н. М.	
Основные функции дежурной службы (смены) исправительной колонии как субъекта организационно-управленческой деятельности	21
Рушак Р. В., Колесов В. И.	
Педагогические аспекты исправления осужденных в местах лишения свободы	23
Скрячев А. М., Баринov А. В., Гудков А. И.	
Частно-государственное партнерство в системе трудовой адаптации осужденных	27
Фомичева О. В.	
Проблемы участия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в реализации уголовно-процессуальной деятельности	33
Шпилевой О. Н.	
Современное состояние оперативно-профилактической работы в колониях-поселениях и факторы, обуславливающие ее эффективность	35

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Бавыкин Д. Ю.	
Теоретические аспекты криминалистической характеристики преступлений террористического характера, совершаемых путем взрыва	41
Волынский А. Ф., Тишутина И. В.	
Некоторые проблемы реализации социальных функций криминалистики	46
Галимов С. А.	
Особенности тактики допроса при расследовании преступлений против жизни сотрудников милиции	50
Головинская И. В.	
Расширение перечня особых порядков судебного разбирательства в отечественном уголовном процессе: досудебное соглашение о сотрудничестве	56
Гулягин А. Ю.	
Проблемы координационной деятельности по борьбе с преступностью в федеральных округах	59
Ерохина Ю. Е.	
Новые подходы к разрешению коллизий в институте гарантий и компенсаций	64
Есипов А. В.	
Проблемы квалификации действий иных соучастников при добровольном отказе исполнителя	66
Есипова И. В.	
Роль учета при назначении наказания личности лица, совершившего преступление в группе	68
Зарубин А. В.	
Сравнительный анализ разъяснений пленумов высших судов СССР и РФ (РСФСР) о мошенничестве	72
Идрисов М. М.	
Задачи государственного обвинителя в состязательном уголовном процессе	78
Козинкин В. А.	
Проблемные аспекты взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений с операторами сотовых систем подвижной связи	81

Колесник И. Ю.	
Эколого-правовая деятельность как вид юридической деятельности	84
Кострюков К. В.	
Виктимологические аспекты личности и поведения потерпевших от мошенничества	88
Лобанова А. Ф.	
Экономическое правосудие Российской Федерации: проблемы становления	92
Мелкумян Г. А.	
Историко-правовой анализ действий, связанных с захватом заложника	97
Миронов А. Н.	
Юридическая техника нормативных правовых актов	101
Назарова М. Г.	
Проблемы охраны культурных ценностей в России и за рубежом	105
Павличенко Н. В.	
Правила конспирации как модель регулируемых общественных отношений, возникающих в оперативно-розыскной деятельности	109
Пеньков И. М.	
Некоторые проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел о ДТП	115
Протасов Д. В.	
Понятие права на секрет производства (ноу-хау)	118
Сабанов А. Ю.	
Генезис и современное состояние криминалистической взрывотехники	125
Сеидов М. Ш.	
Разновидности инструкций в зависимости от типа регулирующего воздействия	128
Ткачук Т. А., Михайлов А. Е.	
Криминалистическая идентификация и ее роль в раскрытии и расследовании преступлений	134
Туркова В. В.	
Государственное обвинение: этимология и сущность уголовно-процессуальной категории	139
Тычинская Е. В.	
Порядок заключения договора о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества	143
Урлеков Н. В.	
Некоторые проблемы деятельности и статуса присяжных заседателей	148
Чернышова Ю. Н.	
Некоторые проблемы дифференциации уголовной ответственности соучастников	152
Чубченко И. М.	
Особенности определения подследственности уголовных дел о преступлениях, совершенных в Вооруженных силах РФ	155
Шаломенцева Е. Г.	
Муниципальные правовые акты: система и классификация	158

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ашин А. А.	
Особенности исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних (1941–1945 гг.)	164
Егорькова И. А.	
Общая характеристика преступности несовершеннолетних в Нижегородском крае в 1920–1935 гг.	169
Комнатная Ю. А.	
История науки международного частного права: юбилейные даты 2009 г.	173

ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Рузевич О. Р.	
Уголовно-правовое регулирование угрозы в преступлениях против собственности по законодательству зарубежных стран	179
Сергейчик А. Л.	
Опыт правового регулирования режимов конфиденциальной информации в зарубежных странах и его использование в деятельности ФСИН России	187

Сведения об авторах, названия статей, ключевые слова и аннотации на русском и английском языках .. 190

Требования к рукописям, представляемым для опубликования
в «Вестнике Владимирского юридического института» 199

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

С. Н. Емельянов,
начальник ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА: ПОИСКИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Важнейшим фактором в деятельности органов и учреждений УИС являются поставленные государством цели уголовного наказания. Они образуют смысловое ядро уголовно-исполнительной политики и определяют весь арсенал методов и средств воздействия на человека, преступившего закон. В свою очередь, целеполагание в пенитенциарной сфере зависит от общего содержания внутривластного курса государственной власти и отражает избранные ею приоритеты. Иными словами, в основе уголовного наказания лежит идеологическая составляющая, которая позволяет судить о политико-правовой сущности данного государства.

В условиях реформирования российской УИС особое значение приобретает вопрос о том, как происходил поиск этой идеологической парадигмы в процессе развития отечественной государственности. Учет достижений и просчетов исторического прошлого может помочь нам сегодня в выработке критериев оценки уголовно-исполнительной политики и практики.

Среди уголовных наказаний, применявшихся в Древней Руси, преобладали денежные штрафы, которые уплачивались частично в пользу государственной власти, частично – в пользу потерпевшего. При этом размер штрафа зависел от личности пострадавшего. Например, жизнь боярина оценивалась в 80 гривен, свободного крестьянина-общинника – 40, холопа – 5. Наказания в виде штрафа предполагали не просто компенсацию ущерба, нанесенного пострадавшему, но и вреда, причиненного государству в результате нарушения пра-

вопорядка. Упомянутые различия между величинами штрафов показывают, что, согласно «Русской правде», уголовное наказание было призвано способствовать утверждению социального неравенства, присущего раннефеодальному обществу.

В Российском централизованном государстве по сравнению с предшествующей эпохой уголовные наказания значительно ужесточились. Во многом это было обусловлено деспотизмом государственности, которая объединяла русские земли вокруг Москвы в острой конкурентной борьбе с другими княжествами и в ситуации противостояния с Золотой Ордой. Возросшее государственное давление на общество выразилось в том, что получили распространение телесные наказания и смертная казнь. Согласно Судебнику 1550 г., принятому при Иване IV Грозном, стала применяться такая мера уголовной репрессии, как тюремное заключение. Соборное уложение 1649 г. расширило круг уголовных наказаний за счет введения ссылки в Сибирь и «украинные города, где государь укажет».

Анализ видов уголовных наказаний, предусмотренных отечественным законодательством конца XV – середины XVII в., показал, что карательная политика Московского государства выполняла несколько основных функций. Во-первых, преследовалась цель возмездия за совершенное противоправное деяние, причем наибольшая мера ответственности предусматривалась за преступления против государственной власти и церкви. Во-вторых, наказание преступника было рассчитано на устрашение остальных подданных: «чтобы на то смотря иным не повадно было так делати». В-третьих, возникновение ссылки свидетельствовало о намерении государства обратить людской потенциал осужденных на нужды колонизации малонаселенных окраинных территорий.

Иными словами, цели уголовно-исполнительной политики состояли в том, чтобы

не только сурово карать нарушителей закона, но и использовать этот человеческий ресурс для решения стоявших перед страной социально-экономических проблем. Такая идеологическая подоплека уголовного наказания наглядно отражала самодержавный облик российской государственности.

Традиционное для самодержавия понимание смысла уголовной репрессии наиболее рельефно проявилось на рубеже XVII–XVIII вв., т. е. в Петровскую эпоху. Осуществление инициированных государством крупномасштабных преобразований требовало огромных средств, поэтому наказание за совершенные преступления стало напрямую рассматриваться как источник обеспечения экономики дешевой рабочей силой. Так возник новый вид уголовных наказаний – каторга, сочетавшая в себе лишение свободы и принудительное привлечение к тяжелому физическому труду.

Таким образом, до XVIII в. основой карательной политики являлось возмездие, суровость которого определялась не задачами исправления преступника, а интересами государства. С приходом к власти Екатерины II идеологическая основа применения уголовных наказаний некоторым образом изменилась, чему способствовало проведение внутривластного курса «просвещенного абсолютизма». В уголовно-исполнительной сфере были предприняты попытки внедрить новаторские идеи западно-европейских правоведов, в первую очередь Ч. Беккариа, автора трактата «О преступлениях и наказаниях». Ключевое положение данной концепции состояло в том, что наказание должно иметь своей целью перевоспитание правонарушителя и предотвращение новых преступлений. Наиболее эффективным средством воспитательного воздействия, по мнению Ч. Беккариа, выступает труд, но лишь в том случае, если работа, к которой привлекают осужденного, соответствует его возможностям и не влечет за собой физического и морального истощения. То же самое относится и к условиям содержания в целом. Таким образом, в сочинении Ч. Беккариа получил обоснование принцип гуманного отношения к преступнику.

В 1778 г. при непосредственном участии Екатерины II был подготовлен проект «Положения о тюрьмах», в котором нашла от-

ражение концепция Ч. Беккариа. Проект предусматривал раздельное содержание заключенных в зависимости от пола, тяжести совершенных преступлений и вида наказания; были сформулированы требования, касающиеся устройства тюрем, режима содержания, подготовки персонала. Из-за организационных и финансовых трудностей данный проект не был реализован, однако в XIX в. он оказался весьма полезен при разработке планов проведения тюремной реформы. В области пенитенциарной практики Екатерининская эпоха знаменательна тем, что появились новые виды учреждений, исполняющих наказания, – работные и смирительные дома, в которых труд впервые стал использоваться не как карательная, а как исправительная мера воздействия на заключенного.

Важным рубежом в истории отечественной УИС стала первая четверть XIX в. Согласно подписанному в 1819 г. указу императора Александра I в России по примеру западно-европейских государств было создано Общество попечительное о тюрьмах (далее: Общество), которое просуществовало вплоть до революции 1917 г. Это была первая в стране благотворительная организация, учрежденная с целью оказания помощи заключенным. Центральные управленческие структуры Общества располагались в Петербурге, а на местах действовали губернские и уездные попечительные о тюрьмах комитеты. В соответствии с Правилами Общества его компетенция включала в себя такие вопросы, как разделение заключенных по половозрастному признаку и по характеру совершенных преступлений, а также размещение разных категорий отдельно друг от друга, нравственное исправление осужденных, их трудоустройство, надзор за соблюдением внутреннего распорядка в местах лишения свободы.

Следует признать, что для выполнения всего комплекса поставленных задач усилий Общества было явно недостаточно. Однако уже сам факт появления такой организации свидетельствовал об изменении направленности уголовно-исполнительной политики. Привлекая благотворителей к участию в решении насущных проблем тюрьмы, государственная власть демонстрировала свое стремление к гуманизации

условий содержания заключенных. Членам попечительных комитетов было предоставлено право свободно посещать тюремные учреждения и знакомиться с положением арестантов. Каждый местный комитет занимался сбором пожертвований, которые расходовались на закупку продуктов питания, одежды, медикаментов для заключенных, а также на выкуп содержавшихся в тюрьмах неисправных должников. Несомненная заслуга Общества состоит также в том, что под его эгидой началось проведение систематической воспитательной работы с арестантами. Эта деятельность осуществлялась входившими в состав попечительных комитетов священнослужителями. На собранные комитетами деньги в тюрьмах строились церкви и формировались библиотеки духовной литературы. Свой вклад Общество сумело внести и в разработку уголовно-исполнительного законодательства. В 1832 г. увидел свет Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей и ссыльных (далее: Свод) – первый в России кодифицированный закон об исполнении наказаний в виде лишения свободы. В качестве приложения к Своду была издана Инструкция смотрителю губернского тюремного замка, составленная при активном участии членов Общества. Данный документ впервые в отечественной истории регламентировал правила внутреннего распорядка в тюремных учреждениях. Таким образом, Общество положило начало взаимодействию государственной власти с общественностью в организации тюремной системы.

Кардинальный пересмотр содержания уголовно-исполнительной политики произошел во второй половине XIX в. На данном этапе основным видом уголовных наказаний стало тюремное заключение. Стремительный рост численности заключенных и соответственно количества тюремных учреждений требовал от государства создания механизма централизованного управления местами лишения свободы. В 1860-е гг. началась работа по подготовке проекта тюремной реформы. Анализируя сложившуюся в стране криминогенную ситуацию, члены специальной правительственной Комиссии пришли к выводу о том, что «наказание не достигает своей цели, если преследует

только возмездие и не содержит в способах исполнения элементов исправительных, возбуждающих в преступнике желание достигнуть лучшей участи хорошим поведением и отучающих его от праздности» (Цит. по: Детков М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 67).

Перед образованным в 1879 г. Главным тюремным управлением была поставлена задача организовать тюремное дело в стране таким образом, чтобы лишение свободы способствовало перевоспитанию личности правонарушителя. В связи с этим особую актуальность получил вопрос о привлечении заключенных к общественно полезному труду. Однако практическое его решение зависело не только и не столько от воли тюремных властей, сколько от объективных возможностей экономики. Между тем рынок труда располагал значительным предложением вольнонаемной рабочей силы, так что арестантский труд должным спросом не пользовался. Более успешно продвигалась работа по духовно-нравственному воспитанию заключенных. В 1887 г. священники и диаконы, состоявшие при местах лишения свободы, были включены в штат этих учреждений, т. е. приняты на службу в качестве должностных лиц. Началось издание религиозной литературы, специально предназначенной для заключенных. Постепенно увеличивалось число тюрем, где силами священнослужителей было организовано обучение арестантов грамоте.

Усиление исправительных начал в уголовно-исполнительной политике в конечном итоге обусловило передачу Главного тюремного управления из состава МВД в ведение Министерства юстиции (1895 г.). Изменение ведомственной принадлежности Главного тюремного управления свидетельствовало о стремлении правительства поручить тюремное дело гражданскому министерству, в рамках которого можно было успешнее проводить курс на гуманизацию обращения с заключенными. Как показала практика, этот расчет был вполне оправданным, поскольку произошло существенное обновление уголовно-исполнительного законодательства. Так, в 1909 г. вступил в силу закон «Об условном досрочном освобождении». Практика условного досрочного освобождения способствовала скорейшей ресо-

циализации заключенных. Одновременно был принят закон «О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних», где подробно регламентировались условия содержания несовершеннолетних преступников и особое внимание уделялось методам педагогического воздействия на личность ребенка-правонарушителя. Гуманистические принципы уголовно-исполнительной политики были сформулированы в Общей тюремной инструкции 1915 г. Она предусматривала, что цель деятельности тюремных учреждений состоит в нравственном исправлении преступника и подготовке его к законопослушному образу жизни на свободе. Следует добавить, что тюремное ведомство оказывало поддержку частным благотворительным объединениям, которые предоставляли помощь арестантам, их семьям, а также тем, кто освобождался из мест заключения. Такие организации пользовались налоговыми льготами и ежегодно получали от Главного тюремного управления денежные пособия.

Таким образом, за период с конца XVIII в. до начала XX в. идеологическая парадигма отечественной уголовно-исполнительной политики эволюционировала от репрессивно-карательной к исправительно-воспитательной, т. е. пенитенциарной.

Революционные события февраля 1917 г. повлекли за собой разрушение сложившейся в стране тюремной системы. Тюремные учреждения повсеместно подвергались разгрому, в результате чего на свободе оказались десятки тысяч заключенных. Пришедшее к власти Временное правительство, постфактум узаконив это самовольное освобождение актом амнистии, провозгласило курс на всемерную демократизацию карательной политики. Ее главными приоритетами признавались перевоспитание правонарушителей и оказание им помощи в социальной адаптации после отбывания наказания. Были отменены смертная казнь, ссылка, телесные наказания. Значительно смягчился тюремный режим (вплоть до отмены обысков и предоставления заключенным возможности беспрепятственно перемещаться по территории тюрьмы). Однако уже вскоре обнаружилось, что чрезмерно либеральный уклон в применении уголовной репрессии приводит к выхолащиванию

самой сути наказания. Беспорядки в тюрьмах и побеги заключенных стали обыденным явлением. Кстати, этому способствовали не только концептуальные ошибки в проведении уголовно-исполнительной политики, но и общая дестабилизация обстановки в стране. Начиная с середины лета 1917 г. тюремное ведомство было вынуждено действовать методом «от противного», т. е. переходить к ужесточению режимных требований, но взять ситуацию под контроль оказалось уже крайне затруднительно. В результате Временное правительство не сумело создать достойную альтернативу царской тюремной системе.

Приход к власти партии большевиков ознаменовал начало новой эпохи в развитии отечественной государственности в целом и карательных органов, в частности. Во время Гражданской войны в управлении местами лишения свободы участвовало сразу несколько центральных ведомств. Всероссийской чрезвычайной комиссии подчинялись концентрационные лагеря, Наркомату внутренних дел – лагеря принудительных работ. Основное предназначение лагерей состояло в изоляции политических противников большевистского режима. Места заключения, где отбывали наказание уголовные преступники, были подведомственны Наркомату юстиции. Таким образом, в первые годы советской власти единой УИС, а следовательно, и целостной доктрины карательной политики не существовало. Цели уголовной репрессии впервые были определены в нормативных актах Наркомата юстиции, изданных в 1918–1920 гг. Согласно этим документам исполнение наказаний должно быть направлено на исправление личности преступника, а главным инструментом перевоспитания является общественно полезный труд.

По завершении Гражданской войны произошло объединение всех мест лишения свободы в составе НКВД. Централизация исправительных учреждений позволила приступить к выработке общей нормативной базы их функционирования. В 1924 г. был принят Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, в основу которого легли концептуальные положения вышеупомянутых ведомственных актов Наркомата юстиции. Таким образом, был установлен принцип

обязательности труда для всех трудоспособных заключенных. При этом подчеркивалось, что привлечение к работе имеет воспитательно-исправительное значение и преследует цель не просто приучить заключенных к труду, но и сформировать у них те или иные профессиональные навыки, которые служили бы залогом успешной адаптации в обществе после освобождения. Помимо профессионального обучения к числу задач администрации относилась организация культурно-просветительной работы с заключенными, в частности ликвидация безграмотности. Однако полноценная реализация этих законодательных норм оказалась невозможной в силу острой нехватки средств. С 1922 г. большинство исправительных учреждений финансировались из местных бюджетов, которые не располагали ресурсами, необходимыми для материально-технического обеспечения УИС.

В конце 1920-х гг. содержание карательной политики резко изменилось. Непосредственной предпосылкой к этому послужило проведение курса на форсированную индустриализацию экономики. Поиск людских резервов подтолкнул государственную власть к созданию нового вида мест лишения свободы – исправительно-трудовых лагерей. Исправительными данные учреждения были номинально, а фактически предназначались для выполнения производственных функций. Начиная с середины 1930-х гг. лагеря стали основным структурным компонентом в советской УИС. Таким образом, труд из средства перевоспитания личности превратился в средство эксплуатации. Наказание в лагерях отбывали не только по приговорам судов, но и по постановлениям органов внесудебной репрессии. К 1941 г. общая численность заключенных составляла около 2 млн чел., а в начале 1950-х гг. она достигла 2,4 млн чел. Узники ГУЛАГа трудились на стройках первых пятилеток, обеспечивали снабжение действующей армии в годы Великой Отечественной войны, внесли большой вклад в послевоенное восстановление народного хозяйства.

Идеологическая подоплека карательной политики наглядно отражала сущность сложившегося в СССР тоталитарного режима. Уголовная репрессия оказалась направлена не только против преступников,

но и против миллионов законопослушных граждан. Опуская свой карающий меч на головы невинных жертв, государственная власть, во-первых, подавляла любые проявления инакомыслия со стороны граждан, а во-вторых, обеспечивала себя огромными ресурсами дешевой рабочей силы.

Эта трагическая страница советской истории была перевернута лишь после смерти И. В. Сталина. Взятый руководством страны курс на демократизацию общественной жизни создал необходимые предпосылки к пересмотру уголовно-исполнительной политики. В середине 1950-х гг. началось реформирование исправительно-трудовых учреждений, цель которого состояла в том, чтобы вернуть лишению свободы его воспитательную функцию. В 1958 г. были приняты Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а также Положение об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах МВД СССР. В соответствии с этими нормативными актами исправительно-трудовые лагеря упразднились, таким образом, система ГУЛАГа была ликвидирована. Основным видом мест лишения свободы стала исправительно-трудовая колония.

Структура обновленной УИС и принципы ее функционирования получили отражение в Положении об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах РСФСР, утвержденном в 1961 г., согласно которому приоритет в деятельности исправительно-трудовых учреждений принадлежит перевоспитанию личности преступника, а методами воспитательного воздействия являются обязательное вовлечение осужденных в общественно полезный труд, оказание им помощи в приобретении производственных специальностей, общеобразовательное обучение, развитие самодеятельных организаций осужденных. Кроме того, названный нормативный акт закрепил принцип дифференциации режима, благодаря чему исключалось совместное содержание тех, кто осужден впервые, и неоднократно судимых, а также совместное содержание осужденных, совершивших преступления разной тяжести. Это позволяло не только уменьшить отрицательное влияние уголовной среды на впервые осужденных, но и повысить качество воспитательной работы, поскольку администрация каждого учреж-

дения могла проводить ее целенаправленно с учетом специфики контингента. Идеи, сформулированные в Положении об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах РСФСР 1961 г., послужили концептуальным «фундаментом» для Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик 1969 г. и республиканских исправительно-трудовых кодексов, принятых в 1970–1971 гг.

Привлечение осужденных к труду осуществлялось в соответствии с общими требованиями советского трудового законодательства, которые предусматривали 8-часовой рабочий день, предоставление еженедельного выходного и отдыха в праздничные дни. Оплата труда на предприятиях исправительно-трудовых учреждений производилась по нормам и расценкам, действовавшим в народном хозяйстве. Основной формой организации воспитательного процесса был отряд. При распределении контингента по отрядам учитывались такие факторы, как возраст, уровень образования, профессия, психологические и криминологические особенности личности. Отрядная система содержания создавала условия для выработки индивидуального психолого-педагогического подхода к осужденным.

Исправительно-трудовая политика государства была нацелена на экономию кары при исполнении уголовного наказания. В 1963 г. появились колонии-поселения, предназначенные для осужденных, твердо вставших на путь исправления. С 1960-х гг. получил развитие институт условного освобождения с обязательным привлечением к труду. Эти нововведения давали осужденным возможность сократить срок своего пребывания в изоляции от общества и способствовали их скорейшей адаптации к жизни на свободе.

В целом не вызывает сомнений, что в 1960–1980-е гг. деятельность УИС строилась на гуманистических началах. Вместе с тем нельзя отрицать, что труд часто рассматривался как самоцель, а не как инструмент воспитательного воздействия на осужденного. Поскольку предприятия, созданные при исправительно-трудовых учреждениях, были включены в единый народнохозяйственный план, то выполнение производственных показателей приобретало для администрации решающее значение.

Распад Советского государства в начале 1990-х гг. повлек за собой дестабилизацию УИС. В условиях общенационального кризиса оказались разрушены не только ее производственная и материально-техническая базы, но и существовавший десятилетиями идеологический «фундамент». Велением времени становилась разработка принципиально новой концепции карательной политики, а это, в свою очередь, требовало коренного пересмотра положений действующего законодательства. В настоящее время результаты законотворческого процесса отражены в Уголовном, Уголовно-исполнительном и Уголовно-процессуальном кодексах Российской Федерации. В основу данных нормативных актов положены требования Конституции РФ и международно-правовых документов, предусматривающие безусловный ценностный приоритет личности, ее прав и свобод. Этот императив и послужил основой для современной доктрины пенитенциарной политики.

Реализация законодательных новелл позволила решить целый ряд острых проблем. Во-первых, были оптимизированы правила внутреннего распорядка в местах лишения свободы, утратили силу необоснованные правоограничения, которым ранее подвергались осужденные. Во-вторых, значительно большее количество осужденных стало направляться для отбывания наказания в колонии-поселения; расширилась также практика досрочного освобождения. В-третьих, изменился сам подход к определению вида наказания за совершенное преступление. Если в советское время наиболее эффективным карательным инструментом считалось лишение свободы, то сегодня все чаще приоритет отдается таким видам наказания, которые не связаны с изоляцией от общества. Три четверти статей Уголовного кодекса РФ предусматривают возможность назначения наказаний, альтернативных лишению свободы. Таким образом, законодательство определяет в качестве стратегических целей пенитенциарной политики гуманизацию обращения с осужденными и предоставление им условий для поддержания социально полезных связей.

Новый импульс реформе был придан в 1998 г. с переходом УИС из МВД РФ в ведение Министерства юстиции РФ. Нема-

лую роль в этом сыграли рекомендации международного сообщества, в частности Совета Европы. Однако не следует забывать о том, что Россия располагает собственным опытом функционирования тюремного ведомства в составе Минюста России. Как уже отмечалось, реорганизация такого рода впервые произошла в нашей стране в конце XIX в. и была обусловлена аналогичными причинами, т. е. усилением гуманистических акцентов в уголовно-исполнительной политике. Иными словами, можно с полной уверенностью сказать, что включение УИС в структуру Минюста России – закономерное явление, соответствующее исторической традиции.

В практической деятельности учреждений, исполняющих наказания, первостепенное значение придается задачам исправления осужденных и их полноценной ресоциализации. Важнейшим средством перевоспитания по-прежнему остается труд, однако приоритеты трудового использования осужденных по сравнению с советским периодом изменились. Производство ориентировано теперь не на решение народнохозяйственных проблем, а на формирование у осужденных профессиональных навыков, необходимых для последующей адаптации в обществе. Получаемая прибыль расходуется в основном на улучшение условий содержания и подготовку осужденных к освобождению.

Интересы нравственного исправления личности требуют особого внимания к организации воспитательного процесса. На этом поприще трудятся педагоги, психологи, социальные работники. Развивается сотрудничество исправительных учреждений с религиозными и общественными объединениями, представители которых принимают активное участие в воспитательной работе с осужденными.

Одним из ключевых аспектов пенитенциарно-педагогической деятельности выступает обучение. В процессе реформирования УИС удалось не только не потерять существовавшую школьную и профессионально-техническую базу, но и внедрить новые формы обучения. Сегодня осужденным предоставлена возможность заочно получать как среднее специальное, так и высшее образование. Профессиональная подготовка осужденных относится к числу

наиболее перспективных направлений в работе УИС, поскольку практика показала, что наличие специальности в значительной мере облегчает ресоциализацию после освобождения и препятствует возвращению человека в преступную среду.

В 2004 г. была образована подведомственная Минюсту России Федеральная служба исполнения наказаний. Учреждение этой специализированной структуры наглядно свидетельствует о повышении статуса УИС как государственного института и пристальном внимании к ее проблемам со стороны Президента РФ и Правительства РФ. В круг основных задач ФСИН России входят обеспечение правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих наказания, охрана прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, создание для них условий содержания, соответствующих нормам международного права и федерального законодательства, оказание осужденным помощи в социальной адаптации.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующий вывод: гуманистическая идеология уголовно-исполнительной политики представляет собой единственно правильный выбор, продиктованный опытом российской истории. Оглядываясь на многовековой путь, пройденный отечественной государственностью, становится очевидно, что уголовное наказание должно быть инструментом исправления личности, а не орудием ее подавления. Только в этом случае система исполнения наказаний будет оправдывать в глазах общества свое предназначение. Таким образом, пенитенциарные приоритеты в деятельности УИС проверены временем, и наша общая задача – сделать все возможное для их максимально полной реализации на практике.

Библиографический список

1. *Детков, М. Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии России / М. Г. Детков. – М., 1999.
2. *Познышев, С. В.* Основы пенитенциарной науки / С. В. Познышев. – М., 1924.
3. *Реент, Ю. А.* История уголовно-исполнительной системы России / Ю. А. Реент. – Рязань, 2006.
4. *Фойницкий, И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. – Спб., 1889.

М. Х. Ефаров,
*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

**ПОНЯТИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ
ХАРАКТЕРИСТИКИ КРАЖ
ТОВАРНО-МАТЕРИАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В УЧРЕЖДЕНИЯХ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Борьба с преступностью в любой сфере жизнедеятельности общества, в том числе экономической, зависит от знания многих характеристик отдельных видов преступлений и изучения тех объективных закономерностей, которые образуют ее предмет.

Так, среди основных направлений деятельности оперативных аппаратов Федеральной службы исполнения наказаний по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с кражами товарно-материальных ценностей, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), вопросы углубленного изучения и анализа оперативно-розыскной характеристики имеют важное значение.

Следует отметить, что наряду с оперативно-розыскной характеристикой в правовой науке используются такие понятия, как «уголовно-правовая», «криминалистическая», «криминологическая» и «оперативно-тактическая» характеристики отдельных видов преступлений.

В криминалистике в качестве таковых выступают закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, а также закономерности собирания, исследования, оценки и использования доказательств.

Уголовно-правовая наука в качестве таковых рассматривает закономерности, определяющие виды и формы преступных посягательств, процесс развития преступлений, преступной деятельности и др.

В криминологии этой цели служат в основном закономерности, определяющие состояние, динамику, формы, принципы преступности и др.

Рассматривая теорию оперативно-розыскной деятельности, необходимо отметить, что, во-первых, предмет и объект ее познания лежат в социально-правовой сфе-

ре; во-вторых, она осуществляется правоохранительными органами и ее субъектами выступают сотрудники органов дознания, которые решают практические задачи правового характера; в-третьих, все научные и практические рекомендации, направленные на повышение эффективности оперативно-розыскной работы, вырабатываются на основе норм права и потребностей юридической практики борьбы с преступностью.

Следует признать, что уровень научных разработок, определения понятия, содержания, структурного построения и других вопросов характеристики преступлений в криминалистике и в теории оперативно-розыскной деятельности отличаются.

В связи с тем, что мы, пользуясь понятием оперативно-розыскной характеристики, включаем в нее также элементы криминалистической характеристики, рассмотрим последнюю несколько подробнее.

Изучение специальной литературы позволяет констатировать, что сущность криминалистической характеристики преступлений определяется следующими положениями. Криминалистическая характеристика:

- это система сведений о преступлениях, а также об иных, хотя бы и таких близких явлениях, как динамика преступности, состояния расследования и пр.;

- сведения о криминалистически значимых, типичных признаках преступлений данного вида;

- система сведений, включающих данные о закономерных связях между признаками преступлений и служащих построению и проверке следственных версий.

С учетом этого ученые в криминалистике одноименную характеристику преступлений рассматривают как системно-структурное образование и выделяют три взаимосвязанные группы признаков преступления.

В первую входят нейтральные признаки, не имеющие никакого криминалистического значения.

Вторую группу составляют входящие признаки, служащие решению нескольких и, как правило, различных задач (предупреждения, раскрытия и т. д.).

К третьей группе относятся признаки, имеющие только криминалистическое значение.

На наш взгляд, подобный подход к определению криминалистической характе-

ристики преступлений обеспечивает всесторонний научный анализ всех ее элементов.

Однако, несмотря на возросший интерес широкого круга ученых к проблеме характеристики преступлений, некоторые аспекты, касающиеся ее сущности и содержания, остаются предметом развернутых и острых дискуссий. Это обстоятельство позволяет изложить собственную точку зрения на обозначенную выше проблему. Проведенные исследования и анализ мнений, высказанных учеными по поводу института характеристики преступлений в оперативно-розыскной деятельности, позволяют выделить два основных подхода.

Так, Ю. М. Худяков предложил ввести в теорию и практику оперативно-розыскной деятельности понятие «оперативно-тактическая характеристика преступлений и личности преступника» и отнести к ее содержанию «комплекс уголовно-правовых, криминологических, криминалистических, психологических и иных социальных признаков, которые должны рассматриваться под углом зрения решения оперативно-тактических задач аппаратов уголовного розыска и учитывать возможности негласных средств и методов борьбы с преступностью» (Худяков Ю. М. Организация и тактика раскрытия краж, грабежей и разбойных нападений, совершаемых с целью хищения денежных средств из объектов народного хозяйства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982).

Другой подход к определению понятия рассматриваемой характеристики предложен в работах Ю. С. Блинова, К. М. Тарсукова, В. П. Шиенка (Блинов Ю. С. Специальные экономические познания и их использование в деятельности аппаратов БХСС (организационно-тактические и правовые основы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984 ; Тарсуков К. М. Совершенствование организации и тактики оперативной разработки несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984 ; Шиенок В. П. Оперативно-розыскные ситуации и их значение для практики раскрытия умышленных убийств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1985). Они понимают под такой характеристикой «описание противоправного деяния и тем или иным образом связанных с ним явлений (процессов), как-то: криминалистическая и криминальная среда, предпреступное и послепреступное поведе-

ние и т. д., – с целью создания условий (основ) для разработки рекомендаций, применение которых способствует более эффективной борьбе с преступностью». По их мнению, эта характеристика должна именоваться оперативно-розыскной.

Мы придерживаемся второй точки зрения. При этом следует отметить, что признание теории оперативно-розыскной деятельности самостоятельной наукой позволяет включить ее в число тех наук, данные которой используются в других юридических науках в непосредственном или преобразованном виде.

Учитывая приведенные положения, представляется обоснованным определить оперативно-розыскную характеристику применительно к сфере краж товарно-материальных ценностей (в частности, совершаемых на объектах УИС) как научно разработанную систему наиболее существенных, обобщенных признаков отдельного вида (группы) общественно опасных деяний, способную служить основанием для выдвижения оперативно-розыскных версий о событии преступления и личности преступника, имеющую значение в решении стоящих перед оперативными аппаратами задач по раскрытию преступлений и обуславливающую применение соответствующих оперативно-розыскных сил, средств и методов.

Представляется, что понимание и знание оперативно-розыскной характеристики исследуемой сферы и ее составляющих элементов дают возможность правильно организовать оперативное обслуживание учреждений УИС в целях предупреждения краж товарно-материальных ценностей.

Библиографический список

1. *Белкин, Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р. С. Белкин. – М., 1988.
2. *Дубровина, А. Н.* Лекции по криминалистике / А. Н. Дубровина. – М., 1992.
3. *Маркушин, А. Г.* Теоретические основы оперативно-розыскной деятельности и ее правовое регулирование : учеб. пособие / А. Г. Маркушин. – Н. Новгород, 1992.
4. *Худяков, Ю. М.* Организация и тактика раскрытия краж, грабежей и разбойных нападений, совершаемых с целью хищения денежных средств из объектов народного хозяйства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1982.

В. Ф. Маленчук,
*начальник ГУФСИН России
по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области*

В. И. Колесов,
*профессор кафедры педагогики и психологии
Санкт-Петербургской юридической академии,
директор инновационного центра
«Постпенитенциарное образование»
Санкт-Петербургской юридической академии
доктор педагогических наук*

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В основании почти всех теорий личности лежит предположение о том, что личность как социально-психологический феномен представляет собой жизненно устойчивое в своих проявлениях образование. Однако во многих исследованиях было обнаружено, что поведение человека довольно вариативно. Так, одни ученые отрицают возможность изменения психологии человека, другие, наоборот, указывают на неограниченные возможности развития и изменения человеческой личности.

Уже в Древней Греции довольно четко определились две противоположные точки зрения на устойчивость личности. Например, Платон считал, что бессмертная душа содержит в себе идеи и знания. А поскольку мир идей – мир вечный и неизменный, то душа изначально обладает определенными неизменными свойствами, предопределяющими общественное положение человека. Так, люди ума призваны управлять, воли – защищать управителей, люди животных страстей и растительной жизни – трудиться (Платон. Диалоги. М., 2009).

Противоположная позиция представлена материалистом Демокритом, который, объясняя психологическую деятельность человека, считал, что душа – это движущее начало. Для того чтобы приводить в движение тело, душа сама должна быть материальной и движущейся (Хрестоматия по философии / отв. ред. и сост. А. А. Радугин. М., 2001). Линия Демокрита нашла свое развитие у других античных ученых: Гиппократ в его учении о природных свойст-

вах человека и их изменениях в зависимости от образа жизни и климатических условий и Теофраста, рассматривавшего личность как отпечаток социального быта.

Проблема наказания в России стала анализироваться в связи с возможностью исправления преступника через его воспитание еще в XIX в. Вопросы нравственного, умственного, физического воспитания осужденных, методов воздействия на них, роли личности педагога поднимались в педагогических, философских и психологических исследованиях. Однако в работах отечественных ученых конца XIX – начала XX в. доказывалась нереальность достижения в условиях тюрьмы нравственного исправления заключенного (Мокринский С. П. Наказание, его цели и предложения. М., 1902; Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). Спб., 1902. Ч. 2; Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. Спб., 1889). Между тем положительным моментом было следующее: несмотря на то, что отечественная пенитенциарная система долгое время сохраняла многие отпечатки феодальной эпохи (разделение заключенных по сословному признаку, клеймение, применение орудий, причиняющих физические страдания), появилась сама идея об исправительно-воспитательном воздействии на заключенных через приобщение к труду, обучение и т. д.

С 1819 г. в России к решению проблемы нравственного исправления преступника стали привлекаться члены созданного по указу Александра I (19 июля 1819 г.) Попечительного общества о тюрьмах, целью которого был не только общественный контроль, но и улучшение нравственного облика арестантов.

Интерес российской общественности к тюрьмам и жизни заключенных пробудился благодаря публикациям Ф. М. Достоевского, В. Г. Короленко, Н. Г. Чернышевского, на собственном опыте испытавших тюремные лишения, а также Л. Н. Толстого и М. Горького.

На парадоксы тюрьмы обращают внимание сибирский публицист и общественный деятель Н. М. Ядринцев, революционер-народоволец и известный литератор П. Ф. Якубович. Последний в своей книге «В мире отверженных», являющейся классикой тюрем-

ного жанра в русской литературе, создал очень яркие социальные «портреты» представителей преступного мира и показал влияние уголовного наказания на различные категории преступников. Он впервые поставил вопрос о тюремной общине – особом социальном явлении, влияющем на поведение заключенного (Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. Рязань, 2003).

Идея исправления, а не устрашения преступников была подкреплена принятием закона от 5 декабря 1866 г. «Об исправительных приютах» и Положения о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних, утвержденного 19 апреля 1909 г., а также внедрением в практику различных исправительных систем (семейной, казарменной, смешанной).

После Февральской революции 1917 г. в качестве главной задачи декларировались прогрессивные пенитенциарные новации: перевоспитание преступников, проявление к ним гуманности и неукоснительное соблюдение прав человека, попечение о дальнейшей судьбе лиц, отбывших наказания, улучшение подбора кадров для мест заключения. Однако на практике они не были реализованы.

После прихода к власти большевиков началась активная дискуссия о задачах наказания в виде лишения свободы, о содержании исправления заключенного и его пределах (Поздняков В. М. Личность преступника и исправление осужденных (историко-педагогический очерк). Домодедово, 1998).

На рубеже XX и XXI вв. стало ясно, что проблема исполнения уголовного наказания, при всей ее многогранности, – это, по существу, проблема не только педагогическая, психологическая или правовая, но в большой степени антропологическая, главной социальной целью которой выступает исправление осужденных для возвращения их к здоровой, основанной на нравственных и правовых нормах, жизни. Если эта цель не достигается, система уголовного наказания и его исполнения не дает положительного результата. Более того, она способна принести даже вред, порождая рецидивную преступность. Отбывшие наказания, освобождаясь из мест лишения

свободы, нередко становятся более криминально активными и опасными для общества людьми.

В связи с этим формирование нравственной устойчивости осужденного является серьезным фактором в деле их перевоспитания.

Нравственная устойчивость как вид ценностных ориентаций – духовное образование, социально-психологический феномен, являющийся результатом отражения в сознании человека общественных воздействий, их индивидуальной интерпретации, точки зрения морали как формы общественного сознания и способа духовно-практического освоения действительности. Этот результат интернализации личностью нравственных ценностей показывает ее отношение к другому человеку, к себе, к социальным и межличностным отношениям, к окружающим объектам, выступающим в виде превращенных общественных отношений.

Нравственная ориентация носит максимально обобщенный и достаточно устойчивый характер, оказывает влияние на все формы проявления сознания, создание собственного образа, включает особенности социальной установки в виде predispositions к определенной направленности деятельности, содержит в себе момент выбора поведения, стимулирует глубокие эмоциональные переживания человека.

Процесс воспитательного воздействия в целях формирования нравственной устойчивости осужденных в исправительных учреждениях проходит в условиях полной или частичной изоляции осужденных от общества, которая определяет его специфику. Действительно, вызванная необходимостью социальной защиты общества от преступных элементов изоляция как профилактическое средство весьма противоречива. С одной стороны, она позволяет «вырвать» правонарушителя из привычной для него среды, окружения, влияния лиц или групп на его преступное поведение и деятельность, с другой – ведет к разрушению полезных связей с родителями, родственниками, семьей, «помещает» его в среду, отличающуюся специфической субкультурой, уголовными традициями, асоциальными нормами, ценностями и обычаями. Эта среда создает трудности в процессе ис-

правления личности осужденного, а нередко оказывает отрицательное влияние на их исправление. Такое противоречие требует от сотрудников проявления высокого уровня гражданской зрелости и профессионального мастерства.

Эффективность процесса воспитательного воздействия в целях формирования нравственной устойчивости зависит от срока наказания и времени исправления осужденных. Определяя срок наказания, суд учитывает характер и тяжесть совершенного преступления. При этом могут возникнуть ситуации, когда тяжесть совершенного преступления не адекватна степени криминальной и социально-педагогической запущенности личности виновного. Это приводит к тому, что для одних время и срок наказания могут быть недостаточны для исправления их личности, для других – превышать необходимый временной отрезок.

В связи с этим возникают противоречия между сроком наказания и временными рамками специально организуемого в условиях исполнения наказания процесса исправления. При этом временные рамки для каждого осужденного различны. Если сотрудники пенитенциарного учреждения не учитывают этой особенности воспитательной работы, ее эффективность снижается.

Подготовка к формированию нравственной устойчивости включает в себя работу сотрудников по активизации таких качеств осужденного, которые необходимы ему для жизни в семье и трудовом коллективе. Она должна быть направлена на приведение в готовность положительных нравственных убеждений, чувств и привычек освобождаемого.

Данная подготовка заключается в активизации способностей осужденного, формировании у него знаний, умений и навыков готовности жить и действовать в соответствии с правовыми нормами. Ее главная задача – помочь осужденному быстрее включиться в ритм жизни общества.

Другими словами, это – приобретение осужденным профессиональных знаний, практических навыков и умений в определенной профессиональной сфере.

Все формы подготовки осужденных к жизни на свободе находятся или должны находиться в тесной связи друг с другом и осуществляться с учетом вида режима,

срока отбывания наказания, возрастных, криминологических, индивидуальных и других особенностей личности и поведения освобождаемого, конкретной ситуации.

Условно всех лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, подразделяют на три группы:

1) вполне исправившиеся в период отбывания наказания;

2) имеющие дефекты воспитания (положительный прогноз поведения лиц этой категории в значительной степени зависит от условий окружающей среды, в которую они попадут);

3) не исправившиеся в период отбывания наказания (за время нахождения в местах лишения свободы они не только не избавились от своих криминальных взглядов и убеждений, но и обогатили свой преступный опыт, а освобождение связывают с продолжением преступной деятельности) (Васильев А. И., Южанин В. Е. Закрепление результатов исправления и перевоспитания лиц, освобождаемых из ИТУ : учеб. пособие. Рязань, 1990).

Подготовку осужденных к жизни на свободе следует строить как на ее индивидуализации и дифференциации, так и на глубоком изучении отрицательных и положительных факторов, которые оказывают или могут оказать влияние на адаптацию освобождаемого из мест лишения свободы.

Программу подготовки осужденных к жизни в новых условиях составляют два ее вида:

а) общая, или заблаговременная;

б) специальная (непосредственная) (Рыбак М. С. Воспитательная работа как средство адаптации осужденных в ИУ : учеб.-метод. пособие. Саратов, 1998).

Программа адаптационной подготовки направлена прежде всего на формирование нравственной устойчивости осужденного как в процессе всего периода отбывания наказания, так и после освобождения. Ее специальными задачами могут быть:

1. Развитие и укрепление нравственно ценных черт и качеств осужденного: осуждение им своего прошлого образа жизни; вызов чувства вины и раскаяния за совершенное преступление; формирование установки на правопослушное поведение.

2. Вызов к жизни, развитие и укрепление стенических эмоций, которые повышают

позитивную психическую активность человека, формирование умения управлять своими эмоциями.

3. Развитие волевой сферы у осужденных, т. е. умения преодолевать различные трудности и препятствия, которые встретились или могут встретиться в повседневной жизни.

Таким образом, формирование нравственной устойчивости осужденных – весьма сложный процесс, в который необходимо вовлекать положительно зарекомендовавших себя осужденных, проявляющих общественную активность.

П. М. Малин,

*профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Краснодарского государственного университета культуры и искусств
кандидат юридических наук, доцент*

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ
К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ
ПО УРОВНЯМ ОПАСНОСТИ
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ
ПО ОБРАЩЕНИЮ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ
В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ**

В УИК РФ закреплён ряд элементов прогрессивной системы отбывания наказания в виде лишения свободы. Названная система, исходя из её конструктивных характеристик, включает в себя один из важных институтов – изменение условий отбывания наказания, находящийся во взаимосвязи с другими институтами данной системы. В настоящее время среди ученых и практиков ведутся споры относительно критериев оценки осужденного, закреплённых в УИК РФ, для его возможного перевода из одних условий отбывания наказания в другие. Открытым также остается следующий вопрос: как на том или ином этапе срока лишения свободы реализованы цели наказания, в том числе цели уголовно-исполнительного законодательства. В связи с этим в рамках настоящей статьи будет рассмотрен институт изменения условий отбывания наказания через призму рекомендаций, изложенных в тексте Европейских пенитенциарных правил (далее: Правила).

Библиографический список

1. Поздняков, В. М. Личность преступника и исправление осужденных (историко-педагогический очерк) : учеб. пособие / В. М. Поздняков. – Домодедово, 1998.
2. Рыбак, М. С. Воспитательная работа как средство адаптации осужденных в ИУ : учеб.-метод. пособие / М. С. Рыбак. – Саратов, 1998.
3. Ушатиков, А. И. Пенитенциарная психология : учебник / А. И. Ушатиков, Б. Б. Казак. – 2-е изд., перераб. и доп. – Рязань, 2003.

Изменение условий отбывания наказания осужденных к лишению свободы может быть сопряжено как с ограничением их в правах, так и с расширением некоторых прав в рамках УИК РФ. Бесспорно, основным критерием, позволяющим судить об изменении условий отбывания наказания, является поведенческая характеристика осужденного. Однако возникает вопрос: должна ли она доминировать при решении вопроса о переводе осужденного в определенные условия отбывания наказания? На наш взгляд, иногда такой характеристики недостаточно. В связи с этим следует рассмотреть Правила, применяемые в работе отечественной УИС.

Проанализируем данную проблему на основе практической ситуации. Некий осужденный, отбывающий наказание в исправительной колонии общего режима, не имеет взысканий, но и не трудится ввиду отсутствия работы (в настоящее время в местах лишения свободы таких осужденных значительное количество, в особенности тех, кто принадлежит к неформальным группировкам). При этом у этого осужденного отсутствует стремление улучшить свое благосостояние во время отбывания наказания собственными усилиями, своим трудом. Как правило, он создает себе комфортные условия, в рамках дозволенного законом перечня благ, за счет родственников или других осужденных, которые трудятся либо получают материальную поддержку от своих близких. Иными словами, рассматриваемого нами осужденного можно назвать «паразитом».

Для улучшения собственного благосостояния в рамках закона осужденному необ-

ходимо приложить ряд усилий, однако добиться свободы внутри учреждения (отдельного проживания, свободного передвижения внутри жилой зоны, в том числе за пределами локальных участков), согласно нормам УИК РФ, практически невозможно.

Таким образом, добиваться более комфортных условий отбывания наказания для названного выше осужденного не является самоцелью, существующая ситуация его устраивает. Все осужденные в исправительных колониях независимо от нахождения в обычных либо облегченных условиях, как правило, проживают в одной жилой секции своего отряда.

В рассматриваемом аспекте обратим внимание на рекомендации Правил. Часть IV указанного документа, регламентирующая внутренний распорядок, в том числе элементы безопасности, взаимосвязана с условиями отбывания наказания, закрепленными в ч. 1 ст. 87 УИК РФ. В нормах Правил подчеркивается, что, как это станет возможным после поступления, должна производиться оценка заключенных с целью определения: опасности, которую они представляли бы для общества в случае побега; риска того, что они попытаются совершить побег самостоятельно либо при содействии извне. Впоследствии каждый заключенный содержится в режимных условиях, соответствующих этим уровням риска. Необходимые режимные меры регулярно пересматриваются на протяжении всего периода пребывания того или иного лица в заключении. Кроме того, в Правилах упоминается о том, что после поступления также должна проводиться оценка заключенных на предмет того, создают ли они угрозу для безопасности других заключенных или лиц, работающих в пенитенциарных учреждениях или посещающих эти учреждения, и есть ли вероятность того, что они сами могут нанести вред.

Таким образом, основываясь на приведенном тексте, можно предположить, что уровень названного риска зависит в основном от нахождения осужденного в тех или иных условиях отбывания наказания либо на определенном режиме в тюрьме. Вопрос перевода осужденного из одних условий отбывания наказания в другие или осужденного, находящегося в тюрьме, с общего

вида режима на строгий и со строгого на общий, согласно ч. 3 ст. 87 УИК РФ рассматривается комиссией исправительного учреждения в зависимости от нахождения осужденного в соответствующем виде исправительного учреждения. Уровень риска, на наш взгляд, также может быть связан с нахождением осужденного в камере штрафного изолятора либо в помещении камерного типа. Чем выше соответствующий уровень, тем условия отбывания наказания, разумеется, должны быть жестче.

Представляется, что уровень риска в основном свойствен европейскому камерному содержанию, с учетом индивидуальных характеристик осужденного. В сложившейся в настоящее время правовой ситуации нелегко осуществить жесткую дифференциацию осужденных в исправительных колониях с учетом вышеназванных требований. Причем по действующему уголовно-исполнительному законодательству не является препятствием нахождение в любых, в том числе улучшенных, условиях отбывания наказания лиц, состоящих на профилактическом учете, – осужденных, склонных к побегу, захвату заложников и т. п. С нашей точки зрения, уровень риска (назовем его уровнем опасности осужденного) должен быть связан с наличием подобных характеристик, если таковые имеются, а также с периодической оценкой стремления осужденного на предмет разрыва связей с преступным прошлым и возвращением в общество добропорядочным гражданином через стойкую положительную направленность в течение срока наказания. Если осужденный не проявляет подобных стремлений, он продолжает оставаться опасным как для других осужденных, так и для администрации учреждения, в том числе для лиц, посещающих учреждение. Упомянутая периодическая оценка осужденных, несомненно, проводится, так как этого требует закон. Однако такая оценка ограничивается всего лишь показателями наличия примерного поведения и добросовестного отношения к труду. По нашему мнению, соответствующая оценка должна являться своеобразной характеристикой, подтверждающей на определенном этапе срока отбывания наказания достижение целей наказания и уголовно-исполни-

тельного законодательства. Несомненно, часть осужденных после периодических оценок, данных администрацией исправительного учреждения, будут продолжать представлять повышенную опасность непосредственно до окончания отбывтия срока наказания. Уголовное наказание в данной ситуации может считаться отбытым, но его цели остаются практически не достигнутыми.

С нашей точки зрения, в зависимости от условий отбывания наказания, видов режима в тюрьме, личностных характеристик целесообразно выделять следующие уровни опасности осужденных: средний, минимальный, повышенный.

Средний уровень опасности образуют осужденные, поступившие в исправительное учреждение по приговору либо определению суда, а также переведенные из другого исправительного учреждения; осужденные, находящиеся в обычных условиях отбывания наказания в течение минимального срока, предусмотренного для соответствующего вида исправительного учреждения; осужденные, переведенные в обычные условия отбывания наказания из облегченных за злостные нарушения установленно-го порядка отбывания наказания; осужденные, находящиеся в облегченных условиях отбывания наказания и имеющие неснятые либо непогашенные взыскания; осужденные, находящиеся в тюрьме на общем режиме отбывания наказания. *Минимальный* уровень опасности свойствен осужденным, переведенным в облегченные условия отбывания наказания, в том числе готовящимся к изменению вида исправительного учреждения в лучшую сторону либо досрочному освобождению. *Повышенный* уровень опасности характерен для осужденных, находящихся в тюрьме на строгом режиме отбывания наказания; осужденных, не проявляющих себя с положительной стороны во время отбывания наказания; осужденных, не стремящихся быть переведенными в облегченные условия отбывания наказания; осужденных-лидеров неформальных преступных группировок либо участников этих группировок; осужденных, находящихся в строгих условиях отбывания наказания; осужденных, находящихся в качестве меры взыскания в штрафном изоляторе, помещении камерно-

го типа; осужденных, склонных к побегу, захвату заложников, а также совершавших ранее умышленные преступления в период лишения свободы; осужденных, которым изменен вид исправительного учреждения на более строгий; осужденных, которым перед помещением в исправительное учреждение было назначено условное осуждение либо условно-досрочное освобождение, но отменено по вине осужденного.

Следует заметить, что перечень осужденных в вышеназванных уровнях является примерным. На наш взгляд, необходимо усовершенствовать отрядную систему исполнения наказания. Осужденные, находящиеся в определенном уровне опасности, должны быть строго изолированы в исправительном учреждении от тех осужденных, которые находятся в других уровнях, в том числе в местах проживания, работы, приема пищи и т. п. Например, распределить эти уровни по отдельным общежитиям, где в каждом отряде проживали бы осужденные со схожими характеристиками.

В основу наших суждений положена точка зрения профессора А. И. Зубкова, который незадолго до введения в действие УИК РФ высказался о необходимости разделения обычных и облегченных условий отбывания наказания, создав самостоятельные локальные участки (зоны) и структуры (отряды осужденных с единым правовым статусом). Несмотря на то, что это требует выделения дополнительных средств, а также обусловит определенный разрыв в воспитательных воздействиях в связи с перемещением осужденных в другие отряды, на первоначальных стадиях применения данного законодательства можно обойтись единой зоной для двух условий отбывания наказания, а позднее, изучив накопленный опыт, можно принять окончательное решение (Зубков А. И. Проблемы реализации нового уголовно-исполнительного законодательства и совершенствования системы учреждений и органов, исполняющих наказания в России, на современном этапе ее развития // Материалы междунар. науч.-практ. конф. (май 1997 г.). Рязань, 1998. С. 24–25).

Таким образом, перевод из одного уровня опасности в другой мог бы осуществляться администрацией исправительного

учреждения либо судом по представлению администрации исправительного учреждения. Критерии такого перевода могут быть различными, в том числе индивидуальные характеристики осужденного, обязательно учитывающие материальные либо формальные основания, предусмотренные УИК РФ для перевода из одних условий отбывания наказания в другие. При этом перечень оснований перевода осужденных, по нашему мнению, в уголовно-исполнительном законодательстве подлежит расширению. Возможность изменения вида исправительного учреждения, получения замены неотбытой части наказания более мягким, условно-досрочного освобождения, помилования и т. п. должна ставиться в зависимость от нахождения осужденного в определенном уровне опасности. Чем ниже уровень опасности, тем выше возможность условной свободы. Несомненно, может возникнуть критика наших суждений. Предложенный вариант предполагает усложнение работы оперативных служб учреждения, так как будет труднее строить свою работу по предупреждению и профилактике преступлений и правонарушений среди осужденных. Возможно также появление в каждом уровне опасности своей неформальной иерархии и т. д. Нельзя исключать и различных злоупотреблений со стороны администрации учреждения при переводе из одного уровня в другой. Можно также

Д. А. Панарин,
*начальник высших академических курсов
Академии права и управления
ФСИН России (г. Рязань)
кандидат юридических наук, доцент*

**ВОСПРИЯТИЕ НЕКОТОРЫХ РЕКОМЕНДАЦИЙ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПО ВОПРОСАМ
СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ
В НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ РОССИИ
В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА**

Анализ основных нормативных документов, регламентирующих отдельные стороны соблюдения прав и свобод осужденных при отбывании уголовного наказания в виде лишения свободы (в том числе и ре-

предположить, что на первый взгляд является достаточной исчерпывающая законодательная регламентация изменения условий отбывания наказания, что нет необходимости менять отработанную годами отечественную систему отбывания наказания и следовать европейским стандартам. В связи с этим возникает множество вопросов, требующих решения.

В заключение следует отметить, что если вышеназванные критерии, позволяющие дифференцировать осужденных к лишению свободы по уровням их опасности, отразить в законодательстве, более понятным будет выглядеть результат достижения целей наказания в отношении каждого осужденного, и с учетом этого правоприменительно будет проще строить свою работу, как при исполнении наказания, так и в постпенитенциарной практике.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Анисимкова. – Ростов н/Д, 2008.
2. Новые (2006 года) Европейские пенитенциарные правила. – М., 2006.
3. *Ткачевский, Ю. М.* Российская прогрессивная система уголовных наказаний / Ю. М. Ткачевский. – М., 2007.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации. – М., 2009.

комендаций международных правительственных и неправительственных организаций), а также обзоров Генеральной прокуратуры Российской Федерации и аппарата по соблюдению прав человека в УИС федерального и территориальных органов ФСИН России о состоянии дел в данной сфере позволил сделать следующие выводы.

1. Вопросы обращения осужденных за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав регулируются Конституцией Российской Федерации, рядом федеральных законов, например, Законом РФ от 27 апреля 1993 г. № 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» (Рос. газ. 1993. 12 мая), Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмот-

рения обращений граждан Российской Федерации» (Там же. 2006. 5 мая), подзаконными нормативными актами, такими как Указ Председателя Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей» (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1981. № 21, ст. 741) и некоторыми внутриведомственными документами, в частности, Указанием директора ФСИН России от 28 сентября 2006 г. № 10/1-2571 «О соблюдении прав человека в УИС» (Документ опубликован не был).

Законодательством предусматривается возможность обращаться в международные организации, если исчерпаны все внутригосударственные институты защиты нарушенных прав.

В настоящее время наибольшее распространение получили обращения граждан России (в том числе и осужденных) в Европейский суд по правам человека.

Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации» (Рос. газ. 2004. 19 окт.) Минюсту России было вменено в обязанность представлять по поручению Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека необходимые материалы и заключения в связи с поступившими в Европейский суд по правам человека обращениями о нарушении Российской Федерацией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Бюл. междунар. договоров. 2001. № 3).

Обязанности по обеспечению взаимодействия с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека П. А. Лаптевым приказом ГУИН Минюста России от 12 июля 2002 г. № 154 были существенно расширены и закреплены за отделом по соблюдению прав человека в УИС, утвержденным 25 октября 2001 г. Положением Минюста России об отделе по соблюдению прав человека в СИЗО и тюрьмах управления следственных изоляторов и тюрем ГУИН Минюста России (URL: http://www.allbusiness.ru/BPravo/Docum>Show_DocumID_22474.html). Для решения

этой и ряда других задач по инициативе министра юстиции Российской Федерации сначала в составе управления следственных изоляторов и тюрем, затем – организационного управления и в настоящее время – правового управления ФСИН России такие отделы были созданы.

В субъектах Российской Федерации обязанности по организации подготовки материалов в Европейский суд по правам человека приказом ГУИН Минюста России от 22 февраля 2002 г. № 45 закреплены за помощниками начальников территориальных органов по соблюдению прав человека в УИС.

2. Деятельность структурных подразделений ФСИН России по обеспечению, охране и защите прав человека в УИС должна строиться на основе рекомендаций Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Европейских пенитенциарных правил (2006) (URL: http://www.prison.org/law/eur_pr.shtml).

3. Нормативными документами Российского внутригосударственного правового поля, регламентирующими основные стороны организации и осуществления ведения аппаратами по соблюдению прав человека в УИС (как центрального, так и территориального уровней) работы в данном направлении, являются Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные, федеральные и законы РФ, подзаконные акты, например, Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 11 ноября 1999 г. № 499-СФ, в редакции от 29 июня 2001 г. № 232-СФ «О Федеральном законе “Об общественном контроле за обеспечением прав лиц, находящихся в местах изоляции, и о содействии общественных объединений в работе учреждений и органов, исполняющих наказания, и мест содержания под стражей”» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 47, ст. 5655), а также ряд нормативных документов ведомственной принадлежности.

4. Работу в данной сфере необходимо осуществлять в соответствии с требованиями приказа ФСИН России от 29 января 2007 г. № 36 «Об утверждении формы ведомственной статистической отчетности № УИС-ТО-СЗПч» (Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2007. № 9).

5. Состояние работы по соблюдению прав человека в УИС в отношении как персонала, так и осужденных должно являться

одним из оценочных критериев эффективности функционирования учреждений и органов пенитенциарной системы страны.

6. Применительно к организационно-правовой сфере деятельности учреждений и органов УИС по соблюдению прав человека можно проиллюстрировать степень отражения рекомендаций международных документов во внутреннем законодательстве России на примере нормы о запрете на злоупотребление служебным положением со стороны персонала УИС в отношении осужденных.

Так, ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «Запрещение злоупотреблений правами» содержит следующую рекомендацию: «Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции, или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции».

В комментируемом правиле находит непосредственное отражение содержание ст. 1 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого 17 декабря 1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН (Международная защита прав и свобод человека : сб. док. М., 1990. С. 319), где подчеркивается высокая степень ответственности этих лиц перед обществом.

Издаваемые на основе положений Конституции Российской Федерации законы и иные нормативные акты регламентируют порядок отбора персонала для работы в исправительных учреждениях и определяют уровень их компетентности, профессионализма и личностных качеств.

При изучении кандидата для поступления на службу в учреждения, исполняющие уголовные наказания, наряду с состоянием здоровья, наличием соответствующего образования, специальной подготовки органами комплектования учреждения выясняются его семейное положение, социальное окружение, основные черты характера, биография. Немаловажное значение имеет и желание самого кандидата работать с осужденными.

Персонал обязан неукоснительно выполнять законы, соблюдать нормы профес-

сиональной этики, проявлять гуманность к осужденным, понимать, что с работой в органах, исполняющих уголовные наказания, несовместимы жестокие, бесчеловечные или унижающие человеческое достоинство действия, а также непринятие надлежащих мер по отношению к таким действиям. Отечественное законодательство предусматривает уголовную согласно ст. 285 УК РФ и дисциплинарную в соответствии со ст. 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации : постановление Верхов. Совета Рос. Федерации от 23 дек. 1992 г. № 4202-1 // Ведомости Совета нар. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 2, ст. 70) ответственность сотрудников исправительных учреждений за эти действия. Сотрудник исправительного учреждения подлежит увольнению в случае вынесения в течение года повторного дисциплинарного взыскания за жестокие, бесчеловечные или унижающие человеческое достоинство осужденного действия. Персонал учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, вправе предъявлять к осужденным требования, основанные на законе, и применять в пределах своей компетенции меры поощрения и взыскания, указанные в ст. 119 УИК РФ.

В стратегии развития УИС Российской Федерации заложены основы установления высокого официального статуса и общественного престижа сотрудников исправительных учреждений, что, в частности, отражено в Концепции воспитания работников УИС (О Концепции воспитания работников уголовно-исполнительной системы и плане мероприятий по реализации Концепции воспитания работников уголовно-исполнительной системы на 2006–2010 годы : письмо ФСИН России от 18 нояб. 2005 г. № 10/8/1-100. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»), Концепции развития кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы на период до 2011 года и других документах¹,

¹ В частности, имеются в виду материалы выездного заседания Президиума Государственного совета Российской Федерации, посвященного совершенствованию УИС России, которое проходило 11 февраля 2009 г. в г. Вологде.

освещения их деятельности в средствах массовой информации, привлечения различных форм общественного (гражданского) контроля.

Библиографический список

1. *Беляев, А. А.* Правовое положение осужденных к лишению свободы / А. А. Беляев. – Н. Новгород, 1999.
2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ и Минимальным

Н. М. Панарина,

*заместитель начальника отдела
организации международного
сотрудничества и науки научного центра
Академии права и управления
ФСИН России (г. Рязань)*

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ДЕЖУРНОЙ СЛУЖБЫ (СМЕНЫ) ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ КАК СУБЪЕКТА ОРГАНИЗАЦИОННО- УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Результаты ряда научных исследований в области борьбы с пенитенциарной преступностью в нашей стране показывают, что эффективность работы администрации исправительного учреждения в этом направлении во многом определяется уровнем ее информационного обеспечения (Барabanов Н. П. Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях : монография. Рязань, 1999. Ч. 1. С. 56).

В специальной литературе справедливо отмечается, что без глубокого изучения состояния преступности, ее тенденций и закономерностей, выявления причин и условий, а также анализа криминогенных явлений и процессов невозможно разработать целенаправленную, конкретную программу противодействия преступности (Казак Б. Б. Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества : монография. Рязань, 2000. С. 123–124). Это утверждение в полной мере относится к вопросам обеспечения безопасности, порядка исполнения отбывания наказания и предупреждения преступности в исправительных колониях.

стандартным правилам обращения с заключенными / под общ. ред. М. П. Мелентьева. – М., 1997.

3. *Мюллерсон, Р. А.* Права человека: идеи, нормы, реальность / Р. А. Мюллерсон. – М., 1991.

4. *Пономарев, П. Г.* Международно-правовые стандарты обращения с заключенными и национальные варианты их реализации : учеб. пособие / П. Г. Пономарев. – Рязань, 1994.

Успешное выполнение дежурной службой исправительных колоний своих основных задач во многом зависит от правильной организации и четко намеченной информационно-аналитической работы в пенитенциарных учреждениях.

Как отмечается, эффективное управление учреждениями и органами, исполняющими уголовные наказания в виде лишения свободы, невозможно без всестороннего и глубокого анализа состояния оперативной обстановки и критической оценки результатов оперативно-служебной, производственно-хозяйственной и финансовой деятельности (Методические рекомендации по организации управленческой деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы России : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А. В. Воронкова. М., 2007. С. 6–7). От качества и глубины проведенного анализа зависят правильность и обоснованность принимаемых управленческих мер по активизации работы на основных направлениях деятельности и ее конечные результаты.

Информационно-аналитическая работа в местах лишения свободы предусматривает широкий комплекс организационных мероприятий и методических приемов, направленных на сбор, систематизацию и обработку необходимой для анализа информации, изучение и оценку состояния дел, а также результатов деятельности исправительного учреждения.

Анализ теории и практики позволяет судить о том, что информационно-аналитическая работа в исправительных учреждениях включает в себя:

– изучение фактического состояния дел в учреждении за конкретный анализируемый период;

- выявление причин и условий негативных явлений, мер по их устранению;
- определение структурных подразделений учреждения с наиболее низкими показателями деятельности, обстоятельств ухудшения деятельности;
- оценка эффективности принимаемых мер по расстановке и использованию сил и средств учреждения;
- совершенствование и перестройка организационной, оперативно-служебной, производственно-хозяйственной и финансовой деятельности;
- разработка конкретных мер по решению наиболее актуальных проблем исполнения уголовных наказаний и борьбы с преступностью;
- обеспечение полноты, достоверности и своевременности представления в вышестоящие органы статистических и иных данных о состоянии деятельности учреждения;
- разработку предложений о подготовке, сроках представления, объеме и форме информационно-аналитических документов;
- принятие мер по совершенствованию аналитической деятельности в структурных подразделениях учреждения;
- оказание методической и практической помощи;
- подготовку комплексного анализа результатов деятельности учреждения;
- на основе проведенного анализа и с учетом предложений отделов и служб подготовку рекомендаций по совершенствованию организационной, оперативно-служебной, производственно-хозяйственной и финансовой деятельности.

Структурные подразделения исправительного учреждения осуществляют сбор, систематизацию и анализ поступающей оперативной информации по направлениям деятельности, статистической отчетности и материалов, характеризующих состояние дел в учреждении.

К основному направлению аналитической работы в исправительной колонии следует отнести комплексный анализ оперативной обстановки, предполагающий изучение и оценку информации, характеризующей всю совокупность показателей, выявления и прогнозирования внутренних и внешних угроз. Для оценки состояния оперативной обстановки и оперативного слежения за ней вырабатываются объективные

позиции, предназначенные для накопления соответствующей информации. Это необходимо для того, чтобы каждое намеченное, разработанное выполняемое мероприятие по обеспечению безопасности в исправительной колонии основывалось на достоверной, объективной и полной информации. Результаты информационно-аналитической работы, как показывает практика, помогают субъектам обеспечения безопасности найти главное в процессе выполнения намеченного режимного мероприятия, что обеспечивает достижение конечного результата наилучшим образом, с минимальными затратами сил и средств и в наиболее короткое время. Поэтому в деятельности рассматриваемого нами структурного подразделения информационно-аналитическая работа занимает одно из важных мест.

Кроме того, анализ практической деятельности дежурных служб исправительных колоний дает основание утверждать, что во Временном положении об отделе безопасности не отражено еще одно основное направление работы, а именно система обучения персонала, отнесенного к силам надзора. При этом следует иметь в виду, что на сотрудников отдела безопасности должна быть возложена и задача организации профессиональной подготовки всего персонала исправительной колонии к действиям в условиях наступления опасности.

Деятельность по обеспечению безопасности, порядка исполнения и отбывания наказания в исправительных колониях осуществляется определенными силами. В данном случае имеются в виду человеческие ресурсы, которыми располагает учреждение.

Главными требованиями, предъявляемыми к силам по обеспечению безопасности, порядка исполнения и отбывания наказания в исправительных колониях, являются следующие:

- достаточность, т. е. такое их количественное состояние, которое позволяет перекрыть по месту и времени все точки исправительной колонии, заключающие в себе угрозу опасности. Определяются расчетами постов, нарядов, дежурств и пр.;
- качественность, что достигается путем набора и подготовки сотрудников колонии по установленным параметрам (физические данные, знания, умения, навыки, моральный облик);

– оснащенность, т. е. силы, обеспечивающие безопасность, порядок исполнения и отбывания наказания в исправительной колонии, должны располагать всеми необходимыми специальными и техническими средствами, вооружением, соответствующим современным техническим требованиям и табелю положенности;

– мобильность, т. е. способность к группировке, перегруппировке, маневренности, быстрому реагированию и действиям по устранению возможной и явной опасности.

Таким образом, основные функции дежурных служб исправительных колоний как субъекта организационно-управленческой деятельности можно представить следующим образом:

1. Круглосуточный сбор и обработка информации об обстановке в исправительном учреждении, а также заявлений и сообщений о происшествиях и преступлениях со стороны иных лиц.

2. Информирование руководства исправительного учреждения об изменениях в оперативной обстановке.

3. Доведение решений руководства исправительного учреждения по доложенной информации до подчиненных подразделений учреждения.

4. Взаимодействие с дежурными службами органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и правоохранительных структур при решении неотложных вопросов.

Р. В. Рушак,

заместитель начальника ГУФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

В. И. Колесов,

профессор кафедры педагогики и психологии

Санкт-Петербургской юридической академии,

директор инновационного центра

«Постпенитенциарное образование»

Санкт-Петербургской юридической академии

доктор педагогических наук

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В настоящий момент большинство проблем исправления осужденных рассматри-

5. Оперативное реагирование на сообщения о преступлениях, пожарах, стихийных бедствиях, ситуациях природного и техногенного характера, а также других чрезвычайных происшествиях, произошедших в исправительных учреждениях, своевременное направление достоверных донесений о них в территориальный орган уголовно-исполнительной системы.

6. Оповещение, сбор и первоначальное руководство силами и средствами при чрезвычайных происшествиях и экстремальных ситуациях.

7. Учет, хранение, выдача сотрудникам исправительного учреждения и прием от них спецсредств сил надзора.

Библиографический список

1. *Барабанов, Н. П.* Предупреждение и пресечение чрезвычайных ситуаций криминального характера в исправительных учреждениях : монография / Н. П. Барабанов. – Рязань, 1999.

2. *Громов, М. А.* Обеспечение порядка и безопасности в исправительных учреждениях : учеб. пособие / М. А. Громов. – Рязань, 2000.

3. *Детков, М. Г.* Организация надзора в учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы : учеб. пособие / М. Г. Детков [и др.]. – М., 1995.

4. Методические рекомендации по организации управленческой деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы России : учеб.-метод. пособие / под общ. ред. А. В. Воронкова. – М., 2007.

ваются с позиции оценки их адаптивных функций в момент пребывания в местах лишения свободы и возможностей к социальной адаптации в дальнейшем.

Рассмотрим концептуальные подходы к пониманию процессов исправления осужденных, методы и формы педагогического воздействия и влияние последних на социальную адаптацию после освобождения из мест лишения свободы.

Одним из условий, накладывающих отпечаток на особенности воспитательного процесса в пенитенциарной системе, является осуществление исправления осужденных в жестких правовых рамках. Поэтому в нормах уголовно-исполнительного

законодательства закреплены права и обязанности осужденных, их юридический статус. Правовая регламентация процесса исправления вызывается необходимостью соблюдения законности при исполнении уголовного наказания. В зависимости от вида режима в исправительном учреждении правовая регламентация поведения и деятельности осужденных различна. Условия жизнедеятельности осужденных в исправительных колониях особого режима и тюрьме более жесткие по сравнению с условиями колонии общего режима. Кроме того, в пенитенциарных учреждениях всех видов режима созданы условия содержания лиц, лишенных свободы, в зависимости от их поведения: обычные, облегченные и строгие. Намного расширяются в сторону гуманизации рамки правового регулирования и правоотношений несовершеннолетних осужденных и лиц женского пола. Строгая регламентация деятельности исправительных учреждений несет в себе положительный воспитательный потенциал. Она способствует выработке соответствующего отношения к закону, требованиям и традициям общества, формирует дисциплинированность и ответственность, умение соотносить свои потребности и возможности с потребностями других людей, групп, коллективов.

В реальном процессе исправления часто возникают противоречия между педагогической целесообразностью и юридическими предписаниями. Воспитательный процесс – процесс творческий, требующий от сотрудников новаторства, педагогической изобретательности, активности.

Взаимное влияние педагогики и права расширяет сферы их положительного воздействия на осужденных и делает более эффективным процесс исправления их личности. При совершенствовании норм уголовно-исполнительного права нужны не просто их «гуманизация» или «ужесточение», отмечает М. П. Стурова, а создание эффективной системы исправления. Чем больше в условиях исполнения уголовного наказания жизнь и деятельность осужденных приближается к условиям нормального человеческого общежития,

тем более реальным становится достижение цели уголовного наказания – исправление осужденных, возвращение в общество лиц, не совершающих преступлений в силу соответствующих жизненных установок и позиций, а не из-за страха перед наказанием (Стурова М. П. О социально-педагогическом назначении уголовного наказания как методе воздействия на личность осужденного // Совершенствование воспитательной деятельности органов, исполняющих наказания : сб. науч. тр. Рязань, 1992).

Воспитательный процесс в исправительных учреждениях проходит в условиях изоляции осужденных от общества, которая определяет его специфику. Однако при этом необходимо учитывать, что изоляция не только позволяет устранить негативное влияние лиц или групп на преступное поведение и деятельность правонарушителя, но и оказывает отрицательное воздействие на исправление осужденного, так как он попадает в среду, отличающуюся специфической субкультурой, уголовными традициями, асоциальными нормами, ценностями и обычаями. Педагогически неблагоприятная микросреда (большое скопление лиц, имеющих существенные нравственные пороки, отличающихся низкой степенью правовой и моральной развитости) не только существенно затрудняет развитие нравственных качеств у осужденных, но и в известной мере снижает эффективность воспитательного воздействия на них (Исправительная (пенитенциарная) педагогика. Рязань, 1993).

Значимым элементом микросреды в исправительной колонии является особая стратификация осужденных, суть которой заключается в жестком неофициальном делении их на слои и касты. Причина стратификации, отражающая специфику группового поведения осужденных в местах лишения свободы, заключается в стремлении отрицательно настроенных правонарушителей выделиться в особую касту, обеспечить себе привилегии при отбывании наказания за счет ущемления интересов других.

Такая стратификация и искаженное понимание нравственной ответственности за

свое поведение осужденными приводит их к культу физической силы и жестокости. Данные опроса, проведенного в исправительных колониях различных регионов страны, показывают, как осужденные понимают такие качества, как: чувство вины, раскаяния за свое преступление, совесть, долг, справедливость, достоинство, требовательность, сострадание. Так, около 60 % осужденных либо не смогли объяснить смысл этих понятий, либо проявили искаженное их толкование. Например, достоинство приобретало значение силы, требовательность – придирчивости, сострадание – признака слабости, недостойной «настоящего мужчины» и т. д.

Подобная трактовка нравственных качеств и низкий культурный уровень приводят к тому, что групповое поведение и взаимоотношения правонарушителей строятся на основе искаженных представлений о соотношении личного и общественного.

В то же время в группах осужденных вырабатываются свои асоциальные нормы, не одинаковые по значимости. Их классификацию можно рассматривать как цепочку, в которой каждое последующее звено, как правило, не только содержит в себе дефекты предыдущих, но и усугубляет их, расширяя границы безответственного поведения, асоциальных действий и взаимоотношений.

Все эти обстоятельства требуют от сотрудников исправительного учреждения проявления высокого уровня гражданской зрелости и профессионального мастерства.

Срок наказания также должен учитываться при осуществлении воспитательного процесса. При его установлении принимаются во внимание характер и тяжесть совершенного преступления. При этом могут возникнуть ситуации, когда тяжесть совершенного преступления не соответствует степени криминальной и социально-педагогической запущенности личности виновного. В результате для одних осужденных время и срок наказания могут быть недостаточны для исправления их личности, для других – превышать необходимый временной отрезок. То есть временные рамки для каждого осужденного различны,

и если сотрудники исправительного учреждения не учитывают этой особенности воспитательной работы, то ее эффективность резко снижается.

Процесс исправления в местах лишения свободы осуществляется в условиях исполнения наказания, поэтому он воспринимается осужденными через призму кары. Отрицательное отношение к каре создает в сознании правонарушителей смысловые и эмоциональные барьеры, которые препятствуют усвоению ими нравственных и правовых норм общества. Преодоление этих барьеров требует от сотрудников исправительной колонии большого профессионального мастерства.

Однако педагогические явления очень сложны и противоречивы, поэтому трудно найти единое логическое основание для классификации методов.

Данное направление образования находится в процессе постоянного развития, несмотря на имеющиеся проблемы в пенитенциарной системе. Одной из таких проблем в настоящее время является отсутствие четкой законодательной базы, регламентирующей процесс социальной адаптации, который бы охватывал основные ее сферы: трудоустройство, сохранение жилья и семьи. Сегодня практически отсутствуют единые утвержденные Министерством образования и науки Российской Федерации программы, методики, учебно-методические пособия для учащихся-осужденных, особенно для наркозависимых. Кроме того, при проведении занятий остается нерешенным ряд вопросов материального, организационного и режимного характера.

Качество обучения учащихся-осужденных в значительной степени зависит от того, насколько глубоко они осмыслили сущность изучаемого материала, поняли его практическую значимость.

Педагогическое управление учебной деятельностью может быть успешным тогда, когда коллектив преподавателей предвидит мотивы, цели, средства, результат деятельности осужденных, корректирует их в соответствии с современными задачами образования. При этом важно уметь ставить обоснованные цели, задачи деятельно-

сти, доводить их до учебной группы осужденных, побуждать их усилия на достижение цели, создавать готовность к исполнению, которая основывается на знании средств, способов учебно-познавательной деятельности, последовательности ее выполнения и предполагаемых результатах. Коллектив преподавателей предоставляет осужденным соответствующие средства и способы деятельности, организуя таким образом ее исполнение. Контроль позволяет предупредить ошибки или своевременно их исправить. Адекватная оценка результатов стимулирует активность осужденных, вызывает правильное отношение к достигнутому результату.

Тем не менее учебный процесс является не единственным средством исправления осужденных.

В воспитательном процессе в пенитенциарном учреждении применяются различные методы. Важнейшими из них являются методы убеждения, приучения, принуждения, доверия, каждый из которых имеет свою педагогическую характеристику, т. е. рассчитан на определенный воспитательный эффект. Залогом успеха в педагогической работе является гибкое и систематическое применение всех методов воспитания в комплексе. Как свидетельствует практика, одним каким-то методом нельзя решить всех педагогических задач.

Метод убеждения является основным в воспитании. Его ведущая роль объясняется тем, что с помощью этого метода формируется самое важное – сознание человека.

При проведении воспитательной работы с осужденными целесообразно опираться на такие личностные черты, как целеустремленность, честность, педантичность, настойчивость, например, при подборе и назначении их на должности руководителей самостоятельных организаций. Следует учитывать, что в случае отрицательной направленности их поведения достижение целей исправления представляется чрезвычайно трудной задачей. Наиболее опти-

мальным подходом являются разработка и последовательное применение жестко фиксированных и индивидуально ориентированных программ культурно-воспитательного и коррекционного воздействия.

Установление правильных взаимоотношений с осужденными – показатель высокого педагогического мастерства члена совета воспитателей, который должен быть высококультурным, иметь склонности к педагогической работе, уметь правильно строить деятельность свою и осужденных. Все это имеет существенное значение для процесса исправления осужденных, так как деятельность некоторых членов совета воспитателей в данном отношении иногда сводится к морализированию, нотациям, преобладанию словесных форм воздействия, недооценке активности осужденных. В результате такая деятельность не несет большой воспитательной нагрузки и не способствует развитию у осужденных убежденности в нравственной ответственности, адекватной самооценки, они не раскаиваются в своем преступлении, у них не возникает чувства вины за содеянное ими зло.

Таким образом, воспитательную работу по исправлению осужденных необходимо организовывать с учетом сразу нескольких факторов: вид режима в исправительном учреждении, условия изоляции, срок наказания, условия исполнения наказания, влияние микросреды пенитенциарного учреждения, особенности личности осужденного, ее социально-демографическая, уголовно-правовая и психологическая характеристики.

Библиографический список

1. Исправительная (пенитенциарная) педагогика. – Рязань, 1993.
2. Стурова, М. П. О социально-педагогическом назначении уголовного наказания как методе воздействия на личность осужденного / М. П. Стурова // Совершенствование воспитательной деятельности органов, исполняющих наказания : сб. науч. тр. – Рязань, 1992.

А. М. Скрячев,
начальник кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

А. В. Баринов,
заместитель начальника кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

А. И. Гудков,
заведующий кафедрой юридических дисциплин
факультета внебюджетного образования
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

ЧАСТНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПАРТНЕРСТВО В СИСТЕМЕ ТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ

Частно-государственное партнерство – это одна из форм совместной работы бизнеса и государства, распространенная в Европе с начала 1990-х гг. Однако в России она еще мало известна, более того, даже само словосочетание еще не вошло в общепотребительный лексикон и является для россиян новым и не совсем понятным.

В чем же заключается сущность частно-государственного партнерства? Любое государство для выполнения социально-экономических функций должно создавать и поддерживать в надлежащем состоянии объекты, имеющие стратегическое, общественное и социально-политическое значение. К таким объектам относятся находящиеся в государственной собственности и государственном управлении предприятия электроэнергетики, обороны, автодорожное, железнодорожное и коммунальное хозяйство, порты, аэропорты, школы, больницы и т. п. Вместе с тем в государственном бюджете, как правило, нет достаточных средств для содержания данной инфраструктуры. Чтобы решить это противоречие, в экономике зарубежных государств используется концепция частно-государственного партнерства (Public-Private Partnership – PPP)¹. Такое партнер-

ство представляет собой объединение ресурсов государства с его потенциалом собственности и бизнеса, располагающего средствами для инвестиций. Частный сектор может вложить в качестве своей доли в партнерство помимо финансовых ресурсов более эффективные управленческие навыки и опыт.

В настоящее время ЧГП наиболее широко распространено в Великобритании, хотя правительства других европейских стран также начинают все чаще использовать данную схему. Британская форма ЧГП заключается в том, что частный инвестор строит социально значимые объекты за свои деньги, потом эксплуатирует их в течение какого-то времени и получает доход либо от непосредственной эксплуатации этого объекта, либо в виде платежей от государства². В мировой практике выделяют следующие формы ЧГП: контракты на управление (в том числе договоры аренды); юридические лица, созданные путем акционирования или на условиях долевого участия государства и бизнеса; концессионные соглашения.

Идея развития в российской экономике принципов ЧГП появилась в последние четыре года и заняла центральное место в программных документах правительства. Привлечение бизнес-структур к решению социально-экономических задач государства было поручено Министерству экономического развития и торговли РФ (сейчас:

форма сотрудничества государства и бизнеса в российской литературе получила название государственно-частное партнерство (ГЧП), что свидетельствует о приоритете публичного партнера в этом взаимодействии. Однако, на наш взгляд, ведущую роль должен играть все же более эффективный частный сектор, поэтому в дальнейшем мы будем называть такое партнерство частно-государственным (ЧГП).

² В Британии, как и в других странах, широко используются две разновидности проектов ЧГП: во-первых, например, платные дороги, когда частный партнер берет на себя эксплуатацию дороги, так что получаемые доходы идут частному партнеру; во-вторых, когда государство передает, как правило, в долгосрочное пользование общественно значимые объекты и платит заранее фиксированную плату за то, что объект существует и работоспособен, при этом государство берет на себя все риски по его использованию, освобождая от них частного партнера (URL: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts00342/default.asp>).

¹ В условиях усиления государственного влияния в различных сферах экономической деятельности такая

Министерство экономического развития РФ), выступившего инициатором использования этой новой, даже можно сказать, нетипичной, формы экономических отношений в российской экономике (Проблемы и перспективы развития государственно-частного партнерства (на вопросы журнала «Закон» отвечает министр экономического развития и торговли РФ Г. Греф // Закон. 2007. № 2). Федеральные законы от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. 2, ст. 3126), от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (Там же. № 30, ч. 1, ст. 3127), а также постановление Правительства РФ от 23 ноября 2005 г. № 694 «Об Инвестиционном фонде Российской Федерации» (Там же. № 48, ст. 5043) создали начальную правовую основу для развития ЧГП, которая в последнее время совершенствуется и развивается. В частности, указанное постановление утратило силу и вместо него 1 марта 2008 г. было принято постановление № 134 «Об утверждении Правил формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации» (Там же. 2008. № 10, ч. 2, ст. 932). Сегодня при Министерстве экономического развития РФ действует Экспертный совет по государственно-частному партнерству, образованный для обеспечения взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, субъектов предпринимательской деятельности, общественных и научно-исследовательских организаций в целях повышения эффективности реализации проектов ГЧП, упрощения процедуры доступа к инструментам ГЧП, а также совершенствования законодательства, регулирующего их функционирование (Об Экспертном совете по государственно-частному партнерству при Минэкономразвития России : приказ Минэкономразвития РФ от 2 нояб. 2007 г. № 372. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

Более того, для привлечения частных инвестиций в публичную сферу впервые на уровне субъекта РФ был разработан и при-

нят закон о государственно-частном партнерстве (Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах : закон Санкт-Петербурга от 25 дек. 2006 г. № 627-100. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»). И хотя этот документ весьма неоднозначен и имеет противоречия с федеральным законодательством, его появление уже свидетельствует о заинтересованности, в том числе субъектов РФ, развивать формы сотрудничества публичных собственников и частных лиц.

Следует отметить, что в российском праве еще не выработано однозначное определение термина «частно-государственное партнерство», поэтому в настоящее время под ним понимают как различные формы взаимодействия государства и бизнеса, включая их гражданско-правовые договорные отношения, так и совместное регулирование тех или иных общественных отношений. Формы сорегулирования также могут быть различными: это и долгосрочные договоры о сотрудничестве, участие в целевых комплексных программах (в том числе национальных проектах), выполнение заказов для государственных и муниципальных нужд, совместные государственно-частные проекты, государственная поддержка малого и среднего бизнеса, дерегулирование, т. е. передача отдельных функций государственных органов саморегулируемым и иным негосударственным организациям (Тихомиров Ю. А. Право и саморегулирование // Журн. рос. права. 2005. № 9. С. 86–96).

В настоящее время в рамках ЧГП планируется привлечь частных инвесторов, причем не только отечественных, но и иностранных, в таких сферах деятельности, как авиастроение, судостроение, предприятия оборонного комплекса, разработка месторождений нефти и газа, создание туристических и игровых зон, развитие сети платных дорог, строительство олимпийских объектов в Сочи, реализация национальных проектов, формирование наукоемких технологий. Каждое из указанных направлений имеет или будет иметь свою программу развития, причем государство берет на себя не только правовое обеспечение и вспомогательные функции, но и их финан-

сирование, в том числе из инвестиционного фонда¹.

В отличие от европейских стран, где ЧГП используется для привлечения частных инвестиций в крупные инфраструктурные проекты, в нашей стране эта модель решает не только экономическую, но и политическую задачу. Частный инвестор, участвующий вместе с государством в деятельности того или иного предприятия, заинтересован в коммерческой отдаче, т. е. в извлечении легальной прибыли. Поэтому он не допустит превращения такого предприятия в механизм «разворовывания» бюджетных средств.

Большие возможности для использования механизмов ЧГП заложены и в социальной сфере, связанной с исправлением осужденных. Пока речь, конечно, не идет об инвестировании в создание частных тюрем, но использовать потенциал предпринимательских структур для наиболее эффективной организации труда и профессионального обучения осужденных с целью их ресоциализации просто необходимо.

Как показывает анализ мирового опыта использования ЧГП в различных отраслях экономики, в развивающихся странах (к которым можно отнести и Россию) на первом месте по использованию данных проектов находятся дороги, а на втором – аэропорты, тюрьмы и водоочистные сооружения (Рожкова С. Анализ мирового опыта использования государственно-частного партнерства в различных отраслях экономики // Рынок ценных бумаг. 2008. № 1. С. 53). Такое распределение отражает заинтересованность указанных стран в развитии этих отраслей, поскольку ЧГП позволяет привлечь инвестиции частного сектора и снизить затраты государства. Поэтому в современной России наряду со строительством дорог, развитием системы здраво-

охранения, образования, эксплуатации объектов ЖКХ (что характерно для стран с развитой экономикой) использование ЧГП-проектов возможно и необходимо в уголовно-исправительной системе.

Это обусловлено тем, что в соответствии с п. 3 ст. 13 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее: Закон об учреждениях и органах УИС) учреждения, исполняющие наказания, обязаны обеспечивать привлечение осужденных к труду, а также осуществлять их общее и профессиональное образование и профессиональное обучение (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316). В свою очередь, каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений (п. 1 ст. 103 УИК РФ).

Ранее привлечение осужденных к труду осуществлялось на собственных производствах, организованных в рамках государственных унитарных предприятий (далее: ГУП) учреждений УИС. Однако в условиях рыночной экономики деятельность таких предприятий показала их полную несостоятельность, поскольку предприятия учреждений УИС не могут конкурировать на рынке наравне с другими коммерческими структурами. С одной стороны, они должны отвечать всем современным требованиям рыночных отношений, с другой – эти предприятия практически не имеют никаких льгот, многие производственные мощности и оборудование устарели и не всегда есть возможность их модернизировать, потому что в первую очередь необходимо выплатить зарплату, оплатить налоги, погасить задолженность за топливно-энергетические ресурсы и т. д. (Беседа с начальником Финансово-экономического управления ФСИН России генерал-майором внутренней службы Ю. Ю. Кузнецовым // Преступление и наказание. 2007. № 1. С. 5). Указанные проблемы обсуждались на организованном по инициативе ФСИН России заседании «круглого стола», посвященного вопросам обязательного привлечения к общественно полезному труду лиц, содержащихся в местах лише-

¹ В соответствии с п. 1 ст. 179.2 Бюджетного кодекса РФ Инвестиционный фонд Российской Федерации – это часть средств федерального бюджета, подлежащая использованию в целях реализации инвестиционных проектов, осуществляемых на принципах государственно-частного партнерства (см. также постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации» от 1 марта 2008 г. № 134).

ния свободы, как одной из мер реализации уголовно-исполнительной политики государства. О сложной ситуации, сложившейся в лесозаготовительных и деревоперерабатывающих исправительных учреждениях, говорилось и на совещании руководителей территориальных органов ФСИН России, имеющих в своем составе исправительные учреждения, специализирующиеся на заготовке и переработке древесины (Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2007. № 9. С. 5–15).

В связи с этим в настоящее время по инициативе Правительства РФ практически уже завершается преобразование ГУП учреждений УИС в центры трудовой адаптации осужденных (далее: ЦТАО) (Об урегулировании задолженности по обязательным платежам федеральных государственных унитарных предприятий учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы, а также начисленных на нее пеней : постановление Правительства РФ от 7 нояб. 2005 г. № 660 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 46, ст. 4676). Причем такой переход к новым структурам учреждений УИС, нацеленных на активизацию трудового воспитания осужденных, планируется финансировать исключительно за счет средств федерального бюджета (О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2007–2016 годы)» : постановление Правительства РФ от 5 сент. 2006 г. № 540 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 39, ст. 4075).

Как подчеркивалось на совещаниях, посвященных реформированию производственного сектора УИС (Всероссийское совещание руководителей производственных и экономических служб территориальных органов ФСИН // Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2008. № 6. С. 3–17 ; Материалы межрегионального совещания заместителей начальников по производству, главных экономистов территориальных органов ФСИН России по вопросам реформирования государственных унитарных предприятий УИС // Там же. 2008. № 2. С. 2–22), переход от ГУП учреждений к ЦТАО сопровождается массой проблем и трудностей, связанных в первую очередь с распространением на создаваемые

центры действия Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30, ч. 1, ст. 3105).

Еще одна проблема заключается в том, что ЦТАО в соответствии с Примерным положением о них являются структурными подразделениями учреждений, исполняющих наказания, т. е. создаются в исправительных колониях и тюрьмах. Деятельность ЦТАО представляет собой инициативную самостоятельную производственную деятельность данных учреждений и организуется на основе планирования, сочетания единоначалия в решении вопросов и коллегиальности при их обсуждении (Об утверждении Примерного положения о центре трудовой адаптации осужденных или учебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы, и Примерного положения о лечебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы : приказ Минюста России от 1 апр. 2008 г. № 80 // Рос. газ. 2008. 16 апр.).

Таким образом, с точки зрения гражданского законодательства ЦТАО не являются самостоятельным юридическим лицом, а действуют в рамках организационно-правовой формы – государственного бюджетного учреждения. Такое положение, как отметили участники Всероссийского совещания руководителей производственных и экономических служб территориальных органов ФСИН России, негативно сказывается на их сотрудничестве с частными коммерческими структурами. Бюджетное финансирование и плановый характер деятельности вновь создаваемых ЦТАО не позволяют им получать кредиты в коммерческих банках, сотрудничать с частными партнерами на условиях предоплаты и лишают возможности увеличения цен на продукцию в течение срока действия договора. В результате многие ЦТАО просто отказываются от сотрудничества с частными партнерами (Ведомости уголов.-исполнит. системы. 2008. № 6. С. 15).

Такой подход в условиях рыночных отношений с дефицитом трудовых ресурсов в частном секторе экономики представляется явно нецелесообразным. Сегодня, наоборот, возникает необходимость развития широкого сотрудничества учреждений УИС и коммерческих структур с целью более эффективной организации привлечения осужденных к труду. Реализация такого сотрудничества может быть осуществлена в том числе с помощью механизма ЧГП.

В настоящее время данный вид партнерства реализуется в двух формах: 1) путем размещения заказов частных субъектов на производство товаров на предприятиях УИС; 2) трудоустройства лиц, отбывающих наказания, в коммерческих организациях.

На наш взгляд, в качестве формы ЧГП также можно рассматривать восстановление ранее разорванных в результате «экономических преобразований» взаимовыгодных связей подразделений УИС и частных организаций. Об этом, например, свидетельствует совместное распоряжение ОАО «Российские железные дороги» и ФСИН России от 10 сентября 2008 г. № 1714-р «Об образовании Центральной комиссии по рассмотрению вопросов трудоустройства в филиалах и иных структурных подразделениях ОАО «Российские железные дороги» лиц, отбывающих наказание и освобождающихся из мест лишения свободы» (Там же. 2008. № 2).

Хотя Закон об учреждениях и органах УИС предоставляет более широкие возможности для развития ЧГП с их участием. В частности, учреждения, исполняющие наказания, имеют право использовать имущество, закрепленное за ними на праве полного хозяйственного ведения, для осуществления любой предпринимательской деятельности, не запрещенной законом (абз. 4 ст. 11 Закона об учреждениях и органах УИС). Кроме того, в соответствии со ст. 14 данного Закона учреждения УИС имеют право:

- осуществлять предпринимательскую и иные виды деятельности для обеспечения жизнедеятельности учреждений, исполняющих наказания, и привлечения осужденных к труду;

- участвовать в создании и деятельности предприятий любых организационно-

правовых форм, а также участвовать на правах учредителя в управлении ими в интересах привлечения осужденных к труду;

- принимать во владение и пользование от учреждений, организаций и предприятий любых организационно-правовых форм, а также граждан материально-технические ресурсы, финансовые средства и имущество.

В настоящее время учреждения, исполняющие наказания, могут также привлекать осужденных к оплачиваемому труду не только в ЦТАО и на федеральных ГУП УИС, но и на *объектах организаций любых организационно-правовых форм, расположенных как на территориях учреждений, исполняющих наказания, так и вне их* (ст. 17 Закона об учреждениях и органах УИС).

Таким образом, с учетом указанных положений ЧГП учреждений УИС и субъектов предпринимательской деятельности может быть реализовано в следующих гражданско-правовых формах:

- 1) совместная деятельность по организации производства товаров, выполнению работ, оказанию услуг с привлечением труда осужденных на базе производственных комплексов учреждений УИС, основанных на договоре простого товарищества, по которому организацию производства должно взять на себя частное лицо. В качестве вклада частный партнер может внести сырье, материалы, оборудование, современные технологии, управленческий опыт. Причем такой договор должен отвечать требованиям ст. 21 Закона об учреждениях и органах УИС. Совместная деятельность может осуществляться и в рамках Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 9, ст. 1096) путем создания новых производств за счет бюджетных средств и средств частного инвестора.

В зарубежном гражданском и торговом законодательстве такие отношения регулируются договором о кооперации, по которому два или несколько участников гражданского оборота (кооперирующиеся стороны, партнеры) обязуются действовать взаимными усилиями с целью достижения общего хозяйственного результата (Граж-

данское и торговое право зарубежных государств : учебник / отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. М., 2006. Т. 2. С. 148). Сфера применения кооперационного договора достаточно обширна и охватывает различные виды кооперации: производственную, научно-техническую, сбытовую, управленческую. На наш взгляд, данную договорную форму возможно использовать и при организации совместной деятельности с участием учреждений УИС;

2) передача производственных комплексов учреждений УИС в аренду частным субъектам с целью организации производства товаров, выполнения работ, оказания услуг с привлечением труда осужденных;

3) создание своего рода совместного предприятия – юридического лица, учредителями которого будут выступать учреждение УИС и коммерческое юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Цель деятельности такого юридического лица заключается в исправлении и перевоспитании осужденных через привлечение их к труду, причем она должна быть первичной по отношению к цели получения прибыли от их труда. Это означает, что подобное юридическое лицо может быть создано только в форме некоммерческой организации, например, некоммерческого партнерства, автономной некоммерческой организации (ст. 8 и 10 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 145)). Возможно, для этого потребуются разработка особой организационно-правовой формы юридического лица, например, в виде квазипубличного юридического лица, известного праву ФРГ, под которым признаются частные предприятия, наделенные публичными функциями (например, полномочиями принимать административно-правовые акты и совершать необходимые действия) (Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учеб. пособие. М., 2003. С. 204). Передача публичных функций частноправовым юридическим лицам осуществляется для того, чтобы заменить бюрократический механизм эффективным хозяйственным управлением и сократить государственное финансирование (Жалинский А., Рерихт А.

Введение в немецкое право. М., 2001. С. 495), что является актуальным и для УИС России.

Для использования других форм ЧГП в системе ФСИН России необходимо внесение изменений в действующее законодательство. Так, для передачи предприятий УИС по концессионному соглашению частному концессионеру необходимо включить данные объекты недвижимости в перечень объектов, перечисленных в ст. 4 Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях», а для того, чтобы частный партнер мог использовать ЦТАО, следует изменить их статус, в частности, вместо структурных подразделений учреждений УИС, каковыми они являются в настоящее время, сделать их самостоятельными организациями.

Применение механизмов ЧГП при организации труда осужденных в учреждениях УИС имеет несомненные как социальные, так и экономические преимущества.

Во-первых, частный партнер сможет более эффективно организовать трудовую деятельность осужденных, так как будет ориентироваться на выпуск конкурентоспособной продукции, задействовав максимальное количество трудовых ресурсов. Он также свободен в выборе подходов к организации производства и выработке административно-управленческих решений.

Во-вторых, такой субъект самостоятельно решает все финансовые вопросы и в отличие от учреждений УИС не связан жесткими положениями как бюджетного законодательства, так и Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ.

В-третьих, работа осужденного у частного работодателя психологически приближает его к работе в условиях свободы, что является главным фактором ресоциализации и последующей адаптации к нормальной жизни и работе после освобождения.

Однако для развития ЧГП в системе ФСИН России государство в лице органов исполнительной власти должно создать условия, благоприятные для привлечения коммерческих структур в эту сферу деятельности, например, предоставить дополнительное бюджетное финансирование (в том числе из инвестиционного фонда), льготы по налогообложению, обеспечить

приоритетное размещение госзаказов и т. п. Кроме того, потребуется детальная разработка правовых и организационных основ взаимодействия органов и учреждений УИС с частным сектором экономики в указанных выше гражданско-правовых формах в виде специальной программы развития ЧГП в УИС. Данная программа позволит не только эффективно выполнять требования уголовно-исполнительного законодательства по привлечению осужденных к труду и их дальнейшему трудоустройству, но и, безусловно, будет способствовать развитию УИС в целом.

О. В. Фомичева,

*старший преподаватель-методист
отделения методического обеспечения
учебного процесса учебного отдела
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний*

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уголовно-процессуальная деятельность – это деятельность по расследованию и разбирательству дел о преступлениях и отношениях, возникающих в ходе этой деятельности; деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры, судов по защите граждан, общества от общественно опасных деяний путем проверки заявлений, расследования уголовных дел и т. д. (Словарь основных уголовно-процессуальных понятий и терминов. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/buppdic/article/source/g0000282.htm>).

В рамках настоящей статьи нас будет интересовать одна из досудебных стадий уголовного процесса – стадия предварительного расследования.

В соответствии с ч. 1 ст. 150 УПК РФ предварительное расследование производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания. От предварительного следствия дознание отличается по органам, их осуществляющим, а также по объему и срокам процессуальной деятельности, выполняемой этими органами.

Библиографический список

1. Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник. В 2 т. Т. 2 / отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. – М., 2006.
2. Жалинский, А. Введение в немецкое право / А. Жалинский, А. Рерихт. – М., 2001.
3. Козлова, Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории : учеб. пособие / Н. В. Козлова. – М., 2003.
4. Тихомиров, Ю. А. Право и саморегулирование / Ю. А. Тихомиров // Журн. рос. права. – 2005. – № 9.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания относятся органы внутренних дел Российской Федерации, а также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» в ст. 1 определяет данную сферу как вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, перечень которых закреплен в ст. 6, в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (Рос. газ. 1995. 18 авг.).

В соответствии со ст. 13 указанного закона, а также положениями иных нормативных актов федерального и ведомственного характера, в перечень органов, правомочных осуществлять оперативно-розыскную деятельность в полном объеме, входят оперативные подразделения Федеральной службы исполнения наказаний, а именно:

- 1) оперативные управления федерального органа уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) (центрального аппарата ФСИН России);
- 2) оперативные управления территориальных органов УИС (ГУФСИН, УФСИН, ОФСИН);

3) оперативные отделы исправительных учреждений;

4) аппараты розыска, представленные на уровнях федерального органа УИС и территориального органа УИС (ГУФСИН, УФСИН, ОФСИН)¹;

5) оперативно-технические и поисковые подразделения, функционирующие на уровнях федерального органа УИС и территориальных органов.

Осуществление оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях имеет определенную специфику, которая вытекает из особого правового статуса и характера функционирования учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы. Статья 84 УИК РФ закрепляет задачи оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой в исправительных учреждениях: а) обеспечение личной безопасности осужденных, персонала исправительных учреждений и иных лиц; б) выявление, предупреждение и раскрытие готовящихся и совершаемых в исправительных учреждениях преступлений и нарушений установленного порядка отбывания наказания; в) розыск в установленном порядке осужденных, совершивших побег из исправительных учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания лишения свободы; г) содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в исправительное учреждение.

На органы дознания согласно ч. 2 ст. 40 УПК РФ возлагаются:

а) производство дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно, – в порядке, установленном гл. 32 УПК РФ;

б) выполнение неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, – в порядке, установленном ст. 157 УПК РФ.

Полномочия органа дознания, предусмотренные п. 1 ч. 2 ст. 40 УПК РФ, возлагаются на дознавателя начальником органа

дознания или его заместителем, который уполномочен самостоятельно производить следственные и иные процессуальные действия и принимать процессуальные решения, за исключением случаев, когда в соответствии с УПК РФ на это требуются согласие начальника органа дознания, санкция прокурора и (или) судебное решение, а также осуществлять иные полномочия, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Причем не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия.

На основании анализа нормативных предписаний гл. 21 УПК РФ «Общие условия предварительного расследования» разд. VIII «Предварительное расследование» и п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ можно заключить, что участие учреждений и органов УИС в уголовно-процессуальной деятельности ограничивается только лишь производством неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно (в отличие от ранее действовавших правил, установленных в УПК РСФСР).

Однако, как показывает практика, опросы сотрудников оперативных и режимных аппаратов УИС, а также личный опыт автора, в повседневной деятельности учреждений и органов УИС в рассматриваемом направлении имеют место организационно-методические вопросы и трудности, требующие разрешения. В качестве такого разрешения мы предлагаем следующее.

1. В целях ликвидации неоднозначного толкования содержательного наполнения понятия «неотложные следственные действия» считаем целесообразным обязательное законодательное определение четкого их перечня.

2. Необходимо исключить из содержания Инструкции о приеме, регистрации и проверке в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы сообщений о преступлениях и происшествиях, утвержденной приказом Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250 (Рос. газ. 2006. 5 авг.), норму, предусматривающую введение в учреждениях и органах УИС штатных должностей дознавателей, так как дан-

¹ Данные подразделения в настоящее время вводятся в состав оперативных управлений на уровне центрального аппарата и территориальных органов УИС.

ное ведомственное положение вступает в противоречие с федеральным законодательством (ч. 3 ст. 151 УПК РФ), согласно которому в УИС отсутствует должность штатного дознавателя.

3. Ввиду особого характера решаемых задач и выполняемых функций, рекомендуется освободить отделы безопасности исправительных колоний от выполнения неотложных следственных действий при производстве дознания, что регламентировано, в частности, вышеупомянутой Инструкцией, утвержденной приказом Минюста России от 11 июля 2006 г. № 250, в связи с чем внести соответствующие изменения в данный нормативный документ.

Указанные проблемы и пути их решения, несомненно, заслуживают более пристального внимания и глубокой проработки в научно-теоретическом плане для устранения организационно-правовых барьеров и выработки действенных методических рекомендаций прикладной направленности

О. Н. Шпилевой,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОПЕРАТИВНО-ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В КОЛОНИЯХ-ПОСЕЛЕНИЯХ И ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Современный период развития пенитенциарной системы характеризуется существенным увеличением количества лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, в том числе за убийства, терроризм, похищение людей. Возросла активность криминальных лидеров, пытающихся координировать противоправные действия осужденных. Наметила тенденция к «омоложению» состава осужденных (1/3 лиц, отбывающих наказание, не старше 25 лет). Как правило, лица, составляющие данную категорию, не имеют ни образования, ни профессии. Увеличивается количество осужденных с повышенной агрессивностью и возбудимостью, психическими отклонениями, склонных к различным формам деструктивного поведения, агрессии, конфликтам,

при функционировании учреждений и органов УИС в сфере осуществления уголовно-процессуальной деятельности.

Библиографический список

1. *Беляев, А. А.* Правовое положение осужденных к лишению свободы / А. А. Беляев. – Горький, 1999.
2. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 18 авг.
3. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.
4. *Панарин, Д. А.* Организация взаимодействия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы с адвокатскими образованиями / Д. А. Панарин. – Рязань, 2007.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2008.

членовредительству, суициду. Усиление криминальной составляющей спецконтингента привело к осложнению оперативной обстановки в исправительных учреждениях, в том числе в колониях-поселениях.

В результате внесенных Федеральным законом от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ (Рос. газ. 2001. 14 марта) изменений в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство возросла численность контингента в колониях-поселениях. Согласно данным изменениям отбывание лишения свободы в колонии-поселении назначается лицам, ранее отбывавшим лишение свободы, в том числе наркоманам, больным туберкулезом, венерическими заболеваниями, инвалидам, лицам с психическими отклонениями. Увеличилось число осужденных с начальным или неоконченным общим образованием, неграмотных, активных участников группировок отрицательной направленности и т. п. Значительная часть из них до осуждения утратили социальные связи, не имели семьи, определенного места жительства, многие находились в розыске, вели аморальный образ жизни, у них практически отсутствуют трудовые навыки, привычки к систематическому занятию трудом.

С момента вступления в силу указанного Закона списочная численность осужденных-поселенцев возросла более чем на 60 % и достигла почти 56 тыс. человек в 2008 г. Основная масса осужденных (64 %) – это лица, совершившие умышленные преступления небольшой и средней тяжести.

Одновременно с ростом среднесписочной численности осужденных в колониях-поселениях увеличилось количество преступлений: с 175 в 2002 г. до 275 в 2008 г. Своего пика этот показатель достиг в 2006 г. – 502 преступления, т. е. каждое третье преступление от всех зарегистрированных в исправительных учреждениях России совершено в этих колониях, несмотря на то, что доля осужденных данной категории от среднесписочной численности спецконтингента составляет всего 7,5 %. Таким образом, уровень преступности в колониях-поселениях почти в 6 раз выше, чем в других учреждениях.

Вместе с тем анализ деятельности указанных исправительных учреждений свидетельствует о серьезных недостатках в их работе. Несмотря на принимаемые руководством территориальных органов и учреждений УИС меры по совершенствованию деятельности колоний-поселений, остаются нерешенными следующие вопросы:

- обеспечение правопорядка в данных учреждениях, в первую очередь профилактика преступлений, побегов, уклонений от отбывания наказания осужденными;
- создание необходимых условий для исполнения и отбывания наказаний;
- повышение оснащенности колоний инженерными, техническими средствами;
- трудовая занятость осужденных;
- материально-бытовое и медицинское обеспечение.

Вышеуказанные, а также ряд иных обстоятельств, осложняющих оперативную обстановку, требуют поиска новых подходов к организации в данных учреждениях процесса исполнения наказания в целом и мер оперативно-профилактического характера, в частности.

Объективному определению реальных путей совершенствования оперативно-розыскной деятельности в колониях-поселениях необходимо не только теоретическое постижение ее сущности и значения, но и

всестороннее обобщение практики данной деятельности в современных условиях. Кроме того, следует рассмотреть факторы различного характера, оказывающие свое влияние на состояние оперативно-розыскной деятельности в колониях-поселениях.

В связи с этим важно изучить практику реализации основных составляющих названной деятельности в совокупности, определяющих ее содержание.

В первую очередь необходимо уделить внимание состоянию преступности в колониях-поселениях, которая, с одной стороны, во многом зависит от усилий оперативных подразделений; с другой – сама может оказывать воздействие на различные аспекты оперативно-розыскной деятельности в данных учреждениях и выступать интегрирующим показателем состояния этой работы.

Анализ деятельности исправительных учреждений УИС за 2007–2008 гг. свидетельствует о серьезных недостатках в работе колоний-поселений и изолированных участков для содержания лиц, осужденных к отбыванию наказания в колонии-поселении.

Несмотря на то, что в 2008 г. произошло снижение количества преступлений, совершенных в колониях-поселениях, с 474 в 2007 г. до 275 (–42 %). Уровень преступности¹ в рассматриваемом учреждении составил 4,96 %, что в 3,7 раза выше, чем в исправительных колониях (1,31 %).

В 2008 г. наблюдается динамика снижения количества большинства составов преступлений.

Так, на 14,3 % снизилось количество преступлений, квалифицированных по ст. 321 УК РФ – дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества; 300 % – убийств (ст. 105 УК РФ); 43,4 % – побегов (ст. 313 УК РФ); 56,2 % – уклонений от отбывания лишения свободы (ст. 314 УК РФ); 8,3 % – приобретения и сбыта наркотических средств (ст. 228, 228.1 УК РФ). Количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, сократилось на 39,1 %.

Основную долю преступлений составляют побег и уклонения от отбывания лишения свободы. В связи с этим необхо-

¹ Количество зарегистрированных преступлений на 1000 осужденных.

димо более подробно проанализировать причины возникновения данных противоправных деяний в колониях-поселениях.

Так, в 2006 г. крайне негативную реакцию вызвал побег 14 осужденных, содержащихся в штрафном изоляторе колонии-поселения № 10 ГУФСИН России по Краснодарскому краю, где осужденный в ночное время, воспользовавшись отсутствием на посту младшего инспектора по штрафному изолятору, через оставленную открытой форточку для подачи пищи с помощью имевшейся стальной проволоки открыл замки камеры. Выйдя в коридор, открыл замки двух соседних камер, выпустил 13 осужденных, которые смогли беспрепятственно покинуть помещение штрафного изолятора, пройти по территории колонии и совершить побег.

Анализ данного примера показал, что младшим инспектором по штрафному изолятору не было обеспечено постоянное наблюдение за поведением осужденных, допущено самовольное оставление места несения службы. Должностными лицами учреждения не были выполнены требования руководящих документов в части оборудования специальных помещений, проведения обысков, проверок несения службы. Кроме того, двери камер штрафного изолятора не были оборудованы охранной сигнализацией, установленные на объекте инженерные и технические средства не обеспечивали надежной изоляции осужденных.

Акты о проведении обысков, контрольных и технических осмотров камер не составлялись. Проверки несения службы дежурной сменой в ночное время не проводились.

Имеются факты, когда бежавшие осужденные совершают преступления. Так, в 2006 г. в КП-5 ГУФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в 12.00 при проверке было обнаружено отсутствие осужденного, а через четыре часа поступило сообщение из Тосненского отдела внутренних дел о том, что он задержан по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ст. 162 УК РФ «Разбой».

В феврале 2007 г. в КП-9 УФСИН России по Владимирской области в 23.30 при проведении проверки обнаружено отсутст-

вие трех осужденных. На следующий день из УВД г. Коврова поступила информация, что в период с 00.30 до 3.40 ими совершены два грабежа и попытка завладения транспортным средством.

Как показало проведенное нами исследование, большинство побегов явились следствием неудовлетворительной организации надзора за осужденными, отсутствия упреждающей оперативной информации о противоправных намерениях осужденных, низкого уровня организации и проведения обысковых мероприятий, халатного отношения отдельных руководителей и сотрудников к выполнению своих служебных обязанностей, игнорирования требований нормативных правовых актов, упущений в организации трудовой занятости осужденных и неудовлетворительного материально-бытового обеспечения спецконтингента. Комплексы зданий и сооружений колоний-поселений, где проживают осужденные, не оборудованы контрольно-пропускными пунктами, отсутствуют карантинные помещения, штрафные изоляторы, комнаты для предоставления осужденным длительных и краткосрочных свиданий.

Комплексные мероприятия по улучшению работы колоний-поселений не проводятся. Не в полной мере используются возможности оперативной, психологической служб по изучению настроений и морально-психологического климата в среде спецконтингента.

Одной из основных причин увеличения числа побегов является ухудшение криминального состава осужденных-поселенцев. Более 75 % побегов совершены лицами, осужденными за умышленные преступления небольшой и средней тяжести. Значительная часть из них до осуждения не имела определенного места жительства, многие находились в розыске, не осознают свою вину в совершенных преступлениях, не желают отбывать наказание, негативно влияют на оперативную обстановку, представляют потенциальную опасность в плане совершения побегов.

Так, трое осужденных граждан Грузии совершили побег из участка колонии-поселения при ИК-7 УФСИН России по Костромской области, двое из которых до осуждения находились в федеральном ро-

зыске, были ранее судимы. До настоящего времени они не задержаны.

Остается низкой оснащенность колоний-поселений автотранспортом, средствами связи, системами видеонаблюдения и другими техническими средствами надзора и контроля. Только половина колоний-поселений оборудованы пультами оперативной связи, лишь в 70 % данных учреждений используются системы видеонаблюдения.

Руководители колоний-поселений допускают трудоустройство недостаточно изученных осужденных на отдаленных от учреждения объектах, малочисленными группами на неквалифицированных, низкооплачиваемых работах без обеспечения должного надзора.

Так, в УФСИН России по Читинской области два осужденных-поселенца, трудоустроенные в ИК-5, были направлены на кладбище, расположенное в 10 км от учреждения, для копки могилы. Надзор за ними должен был осуществлять и.о. заместителя начальника колонии по тылу, однако, сославшись на служебную необходимость, с осужденными он не выехал. По прибытии на кладбище осужденные покинули место работы, употребили спиртные напитки, после чего один из них нанес телесные повреждения гражданке, в связи с чем возбуждено уголовное дело по ст. 112, 119 УК РФ.

Анализ причин и условий, способствующих совершению побегов, свидетельствует о серьезных недостатках в работе по их профилактике и предотвращению: отсутствии упреждающей информации, не изучении личностных характеристик осужденных-поселенцев, особенно в отношении прибывших в колонии-поселения для отбывания наказания из зала суда, а также об отсутствии четкого взаимодействия между всеми заинтересованными службами.

Часто не осуществляются элементарные мероприятия, такие как проведение бесед с вновь прибывшими осужденными, изучение их личных дел. Так, в марте 2007 г. не прибыл в расположение КП-3 УФСИН России по Московской области один из осужденных. В ходе проверки установлено, что в отношении указанного осужденного в Украине возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 181 УК Украины и из Генеральной прокуратуры поступало ходатайство о его де-

портации. Однако при решении вопроса о предоставлении осужденному выхода за пределы колонии руководством учреждения этого во внимание принято не было.

Специфика побегов из колоний-поселений, особенности толкования объективной стороны данного преступления побуждают некоторых руководителей в целях представления мнимого благополучного положения к сокрытию таких деяний и «махинациям», связанным с их регистрацией. Так, в марте 2007 г. в ходе проверки КП-11 УФСИН России по Астраханской области, проведенной сотрудниками ФСИН России, были выявлены значительные расхождения зарегистрированных преступлений с данными статистической отчетности. В результате только в первом квартале 2007 г. от учета было укрыто 106 преступлений, предусмотренных ст. 313–314 УК РФ.

В ряде случаев первоначальную профилактическую работу затрудняет отсутствие сведений о прибывающих в колонию-поселение осужденных из следственного изолятора. Работа по взаимодействию между оперативными аппаратами данных подразделений в настоящее время нуждается в совершенствовании. Обмен информацией, представляющей оперативный интерес, между этими службами носит периодический характер, в ряде регионов такая работа вообще не проводится. Положительно в этом отношении характеризуются Тульская и Амурская области, где оперативно-профилактическая работа с осужденными начинается с момента их поступления в следственный изолятор, и уже по прибытии осужденного в колонию-поселение администрация учреждения располагает определенной информацией о его намерениях, что позволяет своевременно принимать необходимые меры.

Криминогенные факторы субъективного свойства являются общими для всех пенитенциарных преступлений. По данным криминологических исследований, совершению преступлений в условиях изоляции чаще всего способствуют:

- 1) наличие у значительной части осужденных невротических отклонений и психических аномалий, что, в частности, характерно для лиц, совершающих побег;
- 2) наличие элементов инфантилизма (остатков детской недоразвитости) при сфор-

мированности негативной ценностной ориентации, противоречивость и двойственность психики;

3) невысокий образовательный уровень, недостаточное интеллектуальное развитие и примитивная структура потребностей, характерные прежде всего для лиц, совершающих насильственные преступления;

4) эмоциональная неустойчивость, несдержанность, преобладание возбуждения над торможением, эмоций над разумом, ограниченная возможность самоуправления в экстремальных условиях;

5) конформизм, т. е. пассивное принятие сложившегося порядка, что проявляется в зависимости от других осужденных в условиях ограниченного круга общения в замкнутой среде и невозможности ее смены в конфликтных ситуациях;

6) интровертированность, т. е. сосредоточенность на своем внутреннем мире, собственных переживаниях, выражающаяся в замкнутости, скрытности и других свойствах характера, которые при длительном отсутствии разрядки способны разрешиться в эмоциональном взрыве – злостном нарушении режима, хулиганстве, побеге;

7) повышенная тревожность, проявляющаяся в страхах, осторожности, ограничении контактов с окружающими, что при отсутствии разрядки приводит к невротическим или психическим заболеваниям, в том числе путем совершения преступлений (чаще всего насильственных);

8) сомнение, завышенная самооценка, стремление к лидерству, выражающиеся в организации замаскированных преступлений или приводящие к межличностным конфликтам;

9) быстротечные конфликты, связанные со стрессом, аффектом, опьянением и подобными состояниями, возникающими внезапно и приводящими к совершению как насильственных, так и корыстных, а также корыстно-насильственных преступлений (Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2003. С. 731–733).

В условиях колоний-поселений не исключена и возможность совершения преступлений по мотивам мести за несоблюдение правил криминальной субкультуры, особенно в виде санкций к осужденным, сотрудничающим с администрацией учреждений. По не-

которым данным, за нарушение тюремных правил поведения неформальные санкции в виде преступлений применяются в 73 % случаев, при этом чаще всего (47 %) именно за сотрудничество с администрацией исправительного учреждения (Варчук Т. В. Криминология : учеб. пособие. М., 2002. С. 112).

Общее снижение количества преступлений в колониях-поселениях в 2007–2008 гг. обусловлено проводимыми в последнее время в пенитенциарной системе Российской Федерации мероприятиями в организационно-управленческой, материально-технической, кадровой и правовой сферах, направленными на повышение эффективности деятельности УИС в целом и в колониях-поселениях, в частности. Особенно следует отметить позитивное влияние реализации положений Комплексной программы по улучшению деятельности колоний-поселений на 2007–2008 годы, принятой на Всероссийском совещании начальников колоний-поселений ФСИН России, проведенном в июне 2007 г. в г. Москве.

Анализируя состояние преступности в колониях-поселениях и факторы, обуславливающие ее эффективность, необходимо отметить, что в настоящее время на профилактических учетах в указанных учреждениях состоят 2092 осужденных, или 5 % от общего их количества, в том числе 6 лидеров и активных участников групп отрицательной направленности, 798 осужденных, склонных к побегу, 640 – склонных к употреблению наркотических средств, 486 – систематически употребляющих спиртные напитки. В 2008 г. предотвращено 6732 преступных намерения, деяния, что на 5,4 % выше показателя 2007 г., из них побегов – 2083, что также превышает предыдущий показатель на 1,8 %.

В период с 2007 по 2008 г. в колониях-поселениях допущено соответственно 7 и 8 случаев причинения насилия в отношении сотрудников УИС. Данные происшествия, как показало наше исследование, стало следствием вышеперечисленных обстоятельств. Вместе с тем не единичны случаи, когда по совершенным преступлениям служебные расследования проводятся формально. Все причины и условия безосновательно сводятся, как правило, к недостаткам осуществления надзора.

Кроме того, в настоящее время слабо используется практика применения к осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, мер взыскания, а также возможностей ч. 4 ст. 78 УИК РФ, когда осужденные, являющиеся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, могут быть переведены из колоний-поселений в исправительную колонию, вид которой был ранее определен судом.

Приведенный выше анализ оперативно-профилактической деятельности в колониях-поселениях позволяет констатировать, что современное состояние указанного аспекта функционирования колоний-поселений не в полной мере отвечает предъявляемым требованиям. Повышение уровня исследуемого института деятельности колоний-поселений в современных условиях при реализации системы оперативно-розыскных мер организационного, правового, тактического и иного характера, направ-

ленных на предупреждение в колониях-поселениях правонарушений и преступлений, невозможно без учета влияния перечисленных выше факторов.

Библиографический список

1. *Атмажитов, В. М.* О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. / В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров. – М., 2003.
2. *Атмажитов, В. М.* Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть : учебник / В. М. Атмажитов, В. А. Ильичев. – М., 1990.
3. *Билоус, В. Н.* Взаимодействие оперативных подразделений криминальной милиции и органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, в раскрытии преступлений : учеб. пособие / В. Н. Билоус, А. В. Горячев, В. С. Кулаков. – М., 1997.
4. *Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой.* – М., 2003.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Д. Ю. Бавыкин,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ ВЗРЫВА

Краткий обзор существующих представлений по вопросу основных элементов криминалистической характеристики преступлений показывает, что до настоящего времени среди ученых нет единства мнений по данному вопросу. На наш взгляд, объясняется это тем, что при выборе различных критериев отнесения конкретного признака к элементам криминалистической характеристики преступлений авторами допускаются ошибки в рассмотрении различных уровней криминалистических характеристик преступлений. По нашему мнению, наиболее приемлемым определением криминалистической характеристики является следующее: «Это система сведений о типичных элементах ситуации совершения преступлений определенных категорий, криминалистически значимых связях между этими элементами и особенностях механизма следообразования» (Радаев В. В. Криминалистическая характеристика преступлений и ее использование в следственной практике. Волгоград, 1987. С. 104).

В данном определении криминалистическая характеристика и ее элементы, имеющие значение для раскрытия и расследования преступлений, несомненно, относятся ко всем видам преступной деятельности, но их иерархия внутри системы криминалистической характеристики для каждого вида преступлений, а тем более для каждого отдельного преступления сугубо индивидуальна.

Прежде всего следует рассмотреть содержание криминалистической характеристики преступлений террористического характера, совершаемых путем взрыва.

По мнению Е. В. Давыдова, основными элементами, образующими криминалистическую характеристику актов терроризма, являются: приготовление к совершению преступления; способ сообщения о готовящемся или совершенном акте терроризма; способ совершения преступления; орудия и средства, применяемые при совершении преступления; характеристика личности террориста и террористического формирования; характеристика объектов преступного посягательства; материальные следы преступления и особенности механизма следообразования; типичные элементы обстановки (время, место и т. д.). В основные элементы криминалистической характеристики могут входить и дополнительные, т. е. факультативные, характеризующие конкретное событие преступления (Давыдов Е. В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования актов терроризма, совершенных с применением взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. С. 41–42).

И. А. Варченко полагает, что структуру криминалистической характеристики преступлений, связанных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств, составляют: способ совершения и сокрытия преступления; характеристика орудий и средств, применяемых при совершении преступления; особенности механизма следообразования; характеристика личности преступника; характеристика объектов посягательства (Варченко И. А. Криминалистическая характеристика и особенности первоначального этапа расследования преступлений, связанных с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. С. 22).

В своем исследовании О. В. Евстигнеева пришла к выводу о том, что криминалистическая характеристика преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств, должна включать в себя следующие элементы: сведения о способе подготовки, совершения и сокрытия преступ-

лений (а в некоторых случаях о механизме их совершения); данные об орудиях, используемых для совершения данной категории преступлений; описание типичных материальных следов и наиболее вероятных мест их обнаружения; данные о личности преступника, мотивах и целях его действий (либо характеристика преступных групп); данные, характеризующие потерпевшего; информация об отдельных обстоятельствах совершения преступлений (обстановка, место, время) (Евстигнеева О. В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 28–29).

С точки зрения В. С. Кряжева, наиболее значимыми элементами криминалистической характеристики преступлений, совершенных с применением взрывных устройств, являются: данные о способе совершения преступлений; совокупность данных о материальных следах преступлений, их особенностях и локализации; обстановка совершения преступлений; обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений; сведения об особенностях личности жертв преступлений; данные о свойствах личности преступников; данные об орудиях, применяемых для совершения этой категории преступлений (Кряжев В. С. Общие положения методики расследования преступлений, совершенных с применением взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. С. 24).

В свою очередь, И. Ю. Шорин под криминалистической характеристикой преступлений, совершаемых с использованием взрывных устройств, понимает совокупность обобщенных данных о криминалистически значимых признаках преступлений данного вида, включающую в себя: способы подготовки, совершения и сокрытия преступления; некоторые обстоятельства совершения преступления (место, время, обстановка); данные о личности жертвы (объекта преступного посягательства); данные о личности вероятного преступника; особенности следов и их взаимосвязей; характеристику повреждений и причиненного ущерба (Шорин И. Ю. Криминалистические аспекты борьбы с преступлениями, совершаемыми с использова-

нием дистанционно-управляемых взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 22–23).

Таким образом, авторы, исследовавшие проблемы расследования преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов, не пришли к единому мнению о том, что включить в перечень элементов, составляющих криминалистическую характеристику анализируемых преступлений.

Как и во многих других теоретически сконструированных системах, значимость криминалистической характеристики отдельного вида (группы) преступлений состоит не столько в выделении самих этих элементов как таковых, сколько в установлении взаимосвязей между выделенными элементами (Колесниченко А. Н., Суетнов В. П., Хотенец В. М. Проблемы развития методики расследования преступлений (к вопросу о криминалистической характеристике преступлений) // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений. Иркутск, 1980. С. 42). Цель создания криминалистической характеристики отдельного вида (группы) преступлений – разработать наиболее рациональные направления следственного поиска на основе выявленных взаимосвязей между отдельными криминалистически значимыми элементами этого вида (группы) преступлений, т. е. чтобы следователь, установив один или несколько элементов расследуемого преступления, мог с достоверностью либо с достаточно высокой степенью вероятности предполагать существование других, еще не установленных элементов расследуемого события (Баев О. Я. Основы криминалистики : курс лекций. М., 2001. С. 230–231).

На наш взгляд, в содержание криминалистической характеристики преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов, должны входить следующие основные элементы:

- а) типичные следственные ситуации, под которыми понимается характер исходных данных;
- б) способ совершения преступления;
- в) типичные материальные следы преступления и вероятные места их нахождения;
- г) характеристика личности преступника и ее типологических особенностей;

д) характеристика личности типичных жертв преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов, и объектов посягательства;

е) обстановка преступления (место, время и другие обстоятельства).

В связи с этим попытаемся обосновать необходимость включения вышеуказанных элементов в содержание криминалистической характеристики преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов.

1. В криминалистической литературе сегодня существуют различные точки зрения относительно понятия следственной ситуации, ее сущности, структуры, а также классификации следственных ситуаций (Напр.: Гавло В. К. Криминалистический аспект следственной ситуации и ее значение в расследовании преступлений // Вопросы советского государства и права в период развитого социализма. Томск, 1977. С. 178 ; Копылов И. А. Следственная ситуация и тактическое решение. Волгоград, 1988. С. 5 ; Лаврухин С. В. Классификация следственных ситуаций // Использование достижений науки и техники в деятельности следователей и судов по борьбе с преступлениями. Вильнюс, 1981. С. 27 ; Салтевский М. В. О структуре криминалистической характеристики хулиганства и типичных следственных ситуациях // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1982. Вып. 25. С. 13 ; Филиппов А. Г., Целищев А. Я. Понятие и криминалистическое значение следственной ситуации // Сов. государство и право. 1982. № 8. С. 71–75 ; Яблоков Н. Л. Криминалистическая характеристика преступления и типичные следственные ситуации как важные факторы разработки методики расследования преступлений // Вопр. борьбы с преступностью. 1979. № 30. С. 120–121 и др.). Мы придерживаемся позиции тех ученых, которые включают следственные ситуации в качестве самостоятельного элемента, составляющего содержание криминалистической характеристики преступления.

Одним из ее элементов должны быть исходные данные, характер и содержание которых дают представление об отдельных компонентах следственной ситуации. Так, характер исходных данных к началу расследования имеет непосредственное значе-

ние для выдвижения криминалистических версий по делу и определения направления расследования. Содержание исходных данных позволяет определить круг и последовательность проведения первоначальных следственных действий, а также круг лиц, среди которых надлежит искать предполагаемого преступника (Белкин Р. С. Криминалистика. Проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 176–177).

Действительно, в начале расследования следователь (дознатель), как правило, не владеет необходимыми знаниями о сложившейся ситуации, но имеет о ней определенное представление, исходя из содержания сведений, относящихся к элементам криминалистической характеристики и обстоятельствам расследуемого события.

2. С возникновением понятия криминалистической характеристики способ совершения преступления занял в нем одно из основных мест. В частности, Г. Г. Зуйков рассуждал о способе совершения преступления как о системе действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизиологическими свойствами личности, могущих быть связанными с избирательным использованием орудий или средств и условий места и времени (Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 10). Аналогичное мнение о способе совершения преступления высказал и Р. С. Белкин (Белкин Р. С. Указ. соч. С. 211–217).

Таким образом, под способом совершения преступления (в широком смысле, включая приготовление и сокрытие) понимается система объективно и субъективно детерминированных действий (бездействия) субъекта преступления, с помощью которых он достигает своей цели. Способ совершения преступления должен рассматриваться во взаимосвязи с механизмом общественно опасного деяния, включаться в обстановку преступления и увязываться с механизмом слеодообразования.

Необходимо подчеркнуть, что анализ способов совершения преступлений предполагает установление наиболее распространенных видов средств, используемых преступниками при совершении преступ-

лений данного вида, типичных мест, времени их совершения, условий, способствующих выбору именно этого способа совершения преступления. К последним вполне можно отнести обстановку совершения преступления, под которой мы понимаем систему различного рода взаимодействующих между собой объектов, явлений и процессов, характеризующих условия места и времени, вещественные, другие обстоятельства объективной реальности, сложившиеся (независимо или по воле участников) в момент преступления, влияющие на способ и механизм его совершения и проявляющиеся в различного рода следах, позволяющих судить об особенностях этой системы и содержания преступления (Яблоков Н. П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 38).

Действия по сокрытию преступления необходимо включать в понятие способа совершения преступления лишь в случае, если подготовка, совершение и сокрытие преступления осуществлялись по единому замыслу, субъект преступления имел четкую программу по его сокрытию (Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. III: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997. С. 313). В остальных случаях способ сокрытия преступления представляет собой самостоятельную систему действий, направленных на утаивание, уничтожение, маскировку или фальсификацию следов преступной деятельности.

Следует также отметить, что при описании способов совершения преступления рассматриваются типичные последствия, оставшиеся при этом следы и типичные места их локализации.

3. Любой взрыв оставляет характерные для данного процесса следы на месте преступления. При взрыве образуются сильно сжатые газообразные продукты химической реакции, которые вместе с формирующейся ударной волной способны перемещать и разрушать отдельные предметы окружающей обстановки, причинять повреждения людям и животным. В связи с этим круг следов, образующихся в результате взрыва, многообразен. Он включает в себя три традиционных вида: отображения,

предметы, вещества. Поэтому не вызывает сомнения необходимость включения в криминалистическую характеристику преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов, такого элемента, как типичные следы преступления.

4. Для криминалистической методики обобщение и анализ данных о личности преступника имеют существенное значение, потому что позволяют сделать вывод о таких зависимостях, знание которых способствует установлению личности виновного (Матусевич И. А. Изучение личности обвиняемого в процессе предварительного расследования преступлений. Минск, 1975. С. 33). Результаты каждой преступной деятельности содержат следы личности человека, ее осуществившей. В частности, это сведения о некоторых его личных социально-демографических, нравственно-психологических и уголовно-правовых признаках, подлежащих обязательному установлению (Галахов С. С. Криминальные взрывы. Основы оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера. М., 2002. С. 42–43).

В целях установления личности террориста, совершившего преступление путем взрыва, широко используются обнаруживаемые на месте преступления его следы, черты внешности, различного рода физические данные, профессиональные навыки и другие признаки, отобразившиеся в объектах материальной обстановки.

5. Данные об особенностях личности типичных жертв преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов, и объектов посягательства нередко помогают до конца разобраться в обстоятельствах и причинах совершения преступления, способствуют его эффективному раскрытию и расследованию. Криминалистическая информация подобного свойства позволяет полнее охарактеризовать мотивы совершения преступления и соответственно точнее очертить круг лиц, среди которых следует искать преступника, а также планировать поисковые мероприятия по розыску необходимых доказательств.

По мнению одних ученых, криминалистический аспект данных о личности и особенностях поведения потерпевших проявляется в некоторых сведениях демографи-

ческого характера (пол, возраст, образование, семейное и общественное положение и т. д.) об их физических, биологических и психических особенностях, об образе жизни, ценностных ориентациях, связях, отношениях с преступником и др. (Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. М., 1995. С. 55). Другие изучают характеристику личности типичной жертвы преступления, совершенного с применением взрывных устройств, только в той мере, в какой потерпевшие имеют отношение к их связям с преступником, поскольку именно эта связь позволяет разрабатывать рекомендации, обеспечивающие непосредственный «выход» на личность преступника (Галахов С. С. Указ. соч. С. 40). Третьи рассматривают потерпевших с позиции наличия умысла у преступника на осуществление в отношении них криминального взрыва, однако признают, что потерпевшими в большом количестве случаев оказываются посторонние люди, случайно находившиеся в районе взрыва (Дворкин А. И., Бертовский Л. В. Методика расследования убийств, совершенных с применением взрывных устройств. М., 2001. С. 16).

6. Совокупность условий, в которых протекало преступление, в криминалистике получило наименование обстановки совершения преступления (Яблоков Н. П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. С. 34–35) или обстановки преступления (Гавло В. К. Обстановка преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступления // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений. Иркутск, 1980. С. 49–55). Обстановка совершения преступления имеет важное криминалистическое значение, так как она тесно связана с вопросом оптимизации как практической, так и исследовательской деятельности криминалистической направленности. В частности, структурирование данного понятия позволяет определить круг его составных элементов, а следовательно, и обстоятельств, подлежащих выяснению по делу (время суток, день недели, месяц, место преступления, погодные условия, прилегающие к указанному месту коммуникации, наличие по близости жилых, производственных объек-

тов и т. д.) (Образцов В. А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений. М., 1984. С. 9–10).

Элементы обстановки совершения преступления оставляют вовне различного рода собственные следы, которые могут быть выявлены при криминалистическом анализе преступления в процессе его расследования. Выявление и исследование подобной информации, особенно в начале расследования, как правило, позволяют собрать существенные сведения о возникшей до и в момент происшествия криминальной ситуации (Криминалистика. С. 52). Выявление и анализ элементов указанной обстановки дают весьма ценную криминалистическую информацию для выбора наиболее правильных путей и методов расследования (Яблоков Н. П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики. С. 39).

К сведениям, характерным для обстановки совершения преступлений террористического характера с применением взрывных устройств, относятся также данные о различного рода взаимодействующих непосредственно до и в момент взрыва явлениях, процессах, объектах и иных внешних и внутренних условиях, влияющих на возникновение и проявление разрушительных сил взрыва и т. д. Учитывая вышеуказанные обстоятельства, обстановка совершения преступления, на наш взгляд, является самостоятельным элементом криминалистической характеристики исследуемой категории преступлений.

Предложенная нами криминалистическая характеристика преступлений террористического характера, совершаемых путем взрывов, может использоваться в разработке и совершенствовании методики их расследования. Информационная база позволяет разрабатывать типовые алгоритмы первоначального и последующего этапов расследования преступлений данной категории, а также может использоваться при формировании тактических приемов, реализуемых при производстве отдельных следственных действий.

Сведения, содержащиеся в криминалистической характеристике преступлений

террористического характера, способствуют выдвижению версий о преступном характере того или иного взрыва, личности террориста, совершении преступления группой лиц, типичных местах обнаружения следов преступления и иной информации, что даст возможность более эффективно осуществлять расследование того или иного преступного деяния.

Библиографический список

1. *Варченко, И. А.* Криминалистическая характеристика и особенности первоначального этапа расследования преступлений, связанных с применением взрывчатых

веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002.

2. *Давыдов, Е. В.* Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования актов терроризма, совершенных с применением взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004.

3. *Евстигнеева, О. В.* Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.

4. *Кряжев, В. С.* Общие положения методики расследования преступлений, совершенных с применением взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2003.

А. Ф. Волынский,
*профессор кафедры криминалистики
Академии экономической безопасности
МВД России*

И. В. Тишутина,
*доцент кафедры криминалистики
Тульского филиала Московского
университета МВД России
кандидат юридических наук*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ КРИМИНАЛИСТИКИ

Потребности общества в обеспечении своего благополучия и безопасности, общественный прогресс обусловили возникновение и становление науки криминалистики. Вместе с тем возможности удовлетворения таких потребностей общества предопределяются научно-техническим прогрессом, по мере ускоряющегося развития которого совершенствовались и совершенствуются, причем также с ускорением, криминалистические методы, средства, рекомендации. Иначе говоря, криминалистика как прикладная наука изначально и в настоящее время выступает проводником достижений науки и техники в практику борьбы с преступностью, в систему острейших, а потому жестко регулируемых законом публичных общественных отношений. Исходя из этого определяются не только ее задачи, но и социальные функции, которые условно можно разделить на четыре группы: познавательные, созидательные, образовательные и практико-деятельностные.

тельные, образовательные и практико-деятельностные.

Познавательные функции криминалистики реализуются в выявлении и изучении закономерностей: а) самой преступности, тенденций ее развития, способов преступлений и преступной деятельности; б) использования современных достижений науки и техники в криминалистике, а также в борьбе с преступностью; в) правового, организационного и научно-исторического обеспечения применения криминалистических методов, средств, рекомендаций при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений.

Созидательные функции криминалистики проявляются: в разработке новых и модернизации имеющихся методов, средств и рекомендаций собирания, исследования и использования розыскной и доказательственной информации; содействии внедрению результатов таких разработок в практику раскрытия и расследования преступлений; совершенствовании организации и правового регулирования осуществляемой в этих целях деятельности.

Образовательные функции криминалистики выражаются: в криминалистической подготовке субъектов раскрытия и расследования преступлений, предполагающей освоение ими криминалистических знаний и формирование у них навыков и умений реализовывать такие знания на практике; разработке учебно-методических материалов; совершенствовании организации и методики учебного процесса по курсу «Криминалистика».

Практико-деятельностные функции криминалистики как прикладной науки реализуются в повседневной деятельности правоохранительных органов по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений.

Через них в конечном итоге проявляются предназначение и общественно значимая роль данной науки.

Эти же функции можно сгруппировать несколько иначе с учетом более общих целей их реализации:

- функции самосовершенствования. Они касаются прежде всего методологии и основ теории криминалистики, а вместе с тем ее частных теорий, учений и соответствующих им методов, средств и рекомендаций;

- функции формирования условий реализации своих возможностей. Они выражаются в естественном стремлении криминалистики содействовать процессу совершенствования организации и правового регулирования, внедрения в практику и целевого использования ее достижений; соучаствовать в процессе криминалистической (как одного из элементов профессиональной) подготовки субъектов раскрытия и расследования преступлений;

- функции внедрения и практической реализации достижений криминалистики в деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений.

При этом уместно заметить, что определившись в статусе науки, криминалистика постепенно и в то же время убедительно, оперируя реалиями практики, популяризирует свои возможности, убеждая общество и законодателя не только в их научной состоятельности, но и в действенности, эффективности, иначе говоря, в допустимости и необходимости их использования в борьбе с преступностью. В этом отношении весьма интересны научно-популярные издания о возможностях криминалистики, в которых в историческом аспекте раскрываются с ускорением, подстать научно-техническому прогрессу, растущие возможности криминалистики и особенности их практического использования (Например: Белкин Р. С. Скучная криминалистика. Ижевск, 1993 ; Крылов И. Ф. В мире криминалистики. 2-е изд. Л., 1989 ; Порубов Н. И. Полвека с криминалистикой против криминала. Минск, 2007 ; Торвальд Ю. Сто лет криминалистики / под ред. Н. С. Алексеева. М., 1974 ; Его же. Век криминалистики / под ред. Ф. М. Решетникова. М., 1990).

Социальные функции криминалистики, несмотря на их разнообразие и разнонаправленность, не могут быть представлены иначе как в органическом единстве, причем отражающем прикладной характер криминалистики. Наличие социальных функций криминалистики (иногда их называют служебными) и необходимость их реализации как одного из важнейших условий дальнейшего развития самой криминалистики и совершенствования криминалистической практики никем не отрицается, однако изучению их сущности, системы и механизма действия пока не уделяется должного внимания. В учебниках по криминалистике они, за редким исключением, даже не упоминаются. Вместе с тем как факт в криминалистической литературе утверждается, и не без оснований, что между достижениями криминалистики, ее потенциальными возможностями и результатами их внедрения в практику раскрытия и расследования преступлений образовался «разрыв», который все больше увеличивается по мере ускоряющегося развития научно-технического прогресса и трансформации его достижений в систему криминалистических знаний.

Модные еще в конце 70-х – начале 80-х гг. прошлого века призывы «об укреплении связи науки и практики» явно не срабатывали. Особенно наглядно это проявлялось в прикладных отраслях научного знания, к числу которых относится и криминалистика. Многие ее разработки, предложения и рекомендации десятилетиями оставались «вне закона», порождая длительные и нередко бесплодные дискуссии.

Обращая внимание на это обстоятельство, В. Г. Коломацкий еще в 1979 г. попытался сформулировать представление о криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений (в одноименной лекции в Академии МВД СССР), суть которого сводилась по существу к анализу некоторых социальных функций криминалистики и разработке на этой основе предложений по укреплению связей криминалистической науки и практики. В дальнейшем этот взгляд на данную проблему нашел свое развитие и был представлен им в виде отдельной главы в учебнике по криминалистике (Криминалистика / под ред. Р. С. Белкина, И. М. Лузгина. М., 1992. Т. 1, гл. 5).

Позже Р. С. Белкин, излагая сущность и содержание криминалистического обеспечения, по существу, в понимании В. Г. Коломацкого, представил его в виде трех подсистем:

- криминалистические знания;
- криминалистическое образование;
- криминалистическая техника (Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / под ред. проф. А. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. М., 1997. С. 64–69).

При этом, не упоминая термин «функции криминалистики», Р. С. Белкин фактически обозначил именно их, хотя в несколько искусственно представленной системе. Во-первых, названные подсистемы рассматриваются им обособленно, без учета взаимообусловленностей характерных для них проблем и взаимосвязей их решения. А поэтому они представляются как научная абстракция, как некая данность. Во-вторых, не ясно, во всяком случае с первого приближения, почему в этом перечне подсистем криминалистического обеспечения оказалась криминалистическая техника – предмет одного из разделов криминалистики. Возможно потому, что на ее примере более наглядно и убедительно проявляется взаимосвязь криминалистической науки и практики, наличие и особенности реализации тех самых социальных функций, которые нами обозначены выше. И тем не менее именно с этих позиций, как нам представляется, более конкретно и содержательно воспринимаются понятие и сущность криминалистического обеспечения, его место в системе криминалистики и значение для криминалистической теории и практики.

Более выражено и конкретно взаимосвязь социальных функций криминалистики с криминалистическим обеспечением проявляется при исследовании последнего как специфического двухуровневого вида деятельности, направленной:

а) на создание условий постоянной готовности правоохранительных органов к реализации возможностей криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений;

б) реализацию таких условий в повседневной практической деятельности правоохранительных органов.

В таком случае криминалистическое обеспечение выступает, по существу, в ка-

честве формы реализации социальных функций криминалистики. Не случайно со-звучно им условно именуется названные уровни криминалистического обеспечения: а) созидательный; б) деятельностный (Криминалистика : учебник / под ред. проф. А. Ф. Волынского и проф. В. П. Лаврова. М., 2008. С. 52–56). Соответственно его субъектами в силу должностных обязанностей являются сотрудники научно-исследовательских учреждений, преподаватели учебных заведений, руководители и сотрудники подразделений правоохранительных органов, призванных раскрывать и расследовать преступления, и т. д. В конечном итоге круг этих субъектов определяется исходя из содержания социальных функций, реализуемых в порядке криминалистического обеспечения, и решаемых при этом задач.

В дискуссиях о понятии, содержании криминалистического обеспечения, его месте в системе криминалистики, его относимости к предмету этой науки, в целом о продуктивности научной разработки данной проблемы появились диаметрально противоположные взгляды.

В ряде случаев они объясняются весьма произвольной «эксплуатацией» в некоторых научных трудах модного словосочетания – «криминалистическое обеспечение». Так, под этим названием опубликованы фактически традиционные курсы криминалистики, но с измененным названием ее разделов (техничко-криминалистическое обеспечение, тактико-криминалистическое обеспечение и т. п.) (Криминалистическое обеспечение предварительного расследования / под ред. проф. В. А. Образцова. М., 1992 ; Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / под ред. проф. А. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина), подготовлен и защищен ряд диссертаций по криминалистическому и технико-криминалистическому обеспечению раскрытия и расследования отдельных видов преступлений, в которых это самое обеспечение порой представлено всего лишь на деятельностном уровне (Голубенко Г. А. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия квартирных краж на первоначальном этапе расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993 ; Демин К. Е. Техничко-криминалистическое обеспечение раскры-

тия и расследования убийств, совершенных наемными лицами : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000). Это вполне объяснимо, хотя на примере расследования отдельного вида преступления практически невозможно все-сторонне раскрыть содержание научной категории, имеющей общеметодологическое значение, а соответственно и деятельность, ориентированную на реализацию в целом социальных функций криминалистики.

Иногда проявляется наивное, если не сказать вульгарное, представление о технико-криминалистическом и в целом криминалистическом обеспечении. Например, С. И. Соболевская, претендуя на «новый взгляд» в определении данной категории, на примере расследования пожаров убеждает читателя, что при этом имеет место не криминалистическое, а научно-техническое обеспечение, и здесь же признается, что ей «не совсем понятно, какова связь данной деятельности с криминалистикой (?!), в частности, с предметом данной науки». Такая деятельность, по ее мнению, «относится к предмету исследования какой-либо другой науки, например, науки управления...» (Соболевская С. И. Научно-техническое обеспечение: новый взгляд на известное понятие // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2005. С. 280–283). Заслуга подобных «новых взглядов» на проблему криминалистического обеспечения очевидна только в одном – одни авторы плодят публикации, другие, читая их, вообще не видят необходимости в научной разработке данной проблемы (Седова Г. Н., Степанов В. В. Дознание. Функция и организация деятельности. М., 2003. С. 22–23).

Строго говоря, закономерности организации разработок проблем криминалистики, создания средств криминалистической техники, криминалистической подготовки субъектов раскрытия и расследования преступлений, как и организации их работы, непосредственно предметом криминалистики не охватываются. Но при этом резонно возникают другие, далеко не риторические вопросы: а в какой «иной науке» исторически накоплены более объемные и содержательные криминалистические знания о преступности (о способах, методах и средствах преступлений, лицах, их совершающих); какая «иная наука»

имеет более богатый и предметный опыт создания, например, средств криминалистической техники, нередко выступая при этом в качестве не только заказчика, но и разработчика; какая «иная наука» в состоянии разработать и предложить нам более рациональные и содержательные приемы и методы криминалистической подготовки сотрудников правоохранительных органов, формирования у них соответствующих навыков и умений? Наконец, только криминалистическая практика, изучение и обобщение которой, бесспорно, относится к предмету криминалистики, представляет собой наиболее веский аргумент в решении правовых проблем, в частности, допустимости и порядка использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в раскрытии и расследовании преступлений.

Иначе говоря, ошибочно и даже вредно социальные функции криминалистики отрывать от ее предмета как «науки о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, закономерностях собирания, исследования, оценки и использования доказательств...» (Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 2003. С. 42). Ошибочно хотя бы потому, что криминалистика есть прикладная наука, и при всей значимости формально-теоретических определений, в том числе ее предмета, реалии практики много разнообразнее и сложнее; а вредно потому, что без криминалистической теории и практики, в отрыве от них, реализация указанных функций, в том числе воспитательного воздействия на тех, кто собирает, исследует и использует доказательства, просто невозможна.

Уместно заметить, что криминалистика, будучи синтетической по своей природе отраслью знания, традиционно концентрирует в себе положения других наук, в том числе науки управления, научной организации труда, логики, психологии, без чего просто не получили бы своего развития криминалистические учения о планировании расследования, взаимодействии субъектов этой деятельности, розыске и др. Аналогичные, но еще более сложные процессы наблюдаются в пока формирующейся теории о криминалистическом обеспечении – теории, призванной познать сущность социальных функций криминалистики и с позиций этой науки

определить наиболее оптимальный путь их практической реализации.

Говоря о социальных функциях криминалистики, следует учитывать влияние на их развитие и возможные варианты их реализации в рамках (или в форме) криминалистического обеспечения как объективных (уголовно-правовая политика, социально-экономические условия жизни общества, уровень его криминализации и т. п.), так и субъективных факторов. В числе первых – резко и негативно изменяющаяся в последние годы преступность. Кстати, в определении предмета криминалистики ничего не говорится о закономерностях формирования организованных преступных групп и особенностях их преступной деятельности, но без их выявления и криминалистического анализа трудно, если и возможно, рассчитывать на успешное противостояние этому новому вызову преступности с позиций криминалистики. Криминологический анализ определенно не преследует целей раскрытия и расследования преступлений, а его результаты выступают всего лишь как «информационный фон» для криминалистического исследования (Каминский А. М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2008).

Субъективные факторы, влияющие на развитие и реализацию социальных функций криминалистики, находят свое выражение в различных научных школах, публикациях, дискуссиях, т. е. в конкретных действиях конкретных лиц (ученых, спе-

циалистов-практиков), которые, по-разному воспринимая и оценивая одни и те же проблемы, предлагают различные, порой взаимоисключающие варианты их решения. При этом очень важно, чтобы в основе «особого мнения» были социально значимые интересы и профессионализм, но не правовой нигилизм, ведомственный конъюнктуризм или служебный эгоизм, чем, если внимательно присмотреться, объясняется наличие многих старых и появление новых проблем организационного и правового обеспечения использования криминалистических методов, средств и рекомендаций в деятельности правоохранительных органов. В этом же аспекте применительно к деятельности этих органов в современных условиях уместно напомнить и о таких понятиях, как служебный долг, честь, совесть и ответственность.

Библиографический список

1. Каминский, А. М. Теоретические основы криминалистического анализа организованности преступной деятельности и возможности его практического использования : дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2008.
2. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. – М., 2003.
3. Криминалистика : учебник / под ред. проф. А. Ф. Волынского и проф. В. П. Лаврова. – М., 2008.
4. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования : учебник / под ред. проф. А. В. Аверьяновой и проф. Р. С. Белкина. – М., 1997.

С. А. Галимов,
*адъюнкт кафедры управления органами
расследования преступлений
Академии управления МВД России*

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ

Как известно, важными условиями успешного расследования преступлений являются знание следователем порядка проведения отдельных следственных действий, тактических операций и комбинаций и использование этих знаний на практике.

В криминалистической литературе имеются различные точки зрения по поводу определения тактики следственных действий. Но наиболее удачное, на наш взгляд, определение сформулировал Р. С. Белкин, который под тактикой следственного действия понимал «систему тактических приемов по его подготовке, осуществлению, фиксации и оценке результатов» (Белкин Р. С. Тактика следственного осмотра и освидетельствования // Тактика следственных действий. М., 1997. С. 38).

При расследовании преступных посягательств на жизнь сотрудников милиции, как правило, проводятся следующие следст-

венные действия: допрос потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, очная ставка, выемка документов, следственный осмотр, контроль и запись переговоров, обыск и назначение различного рода экспертиз.

Практика показывает, что наиболее эффективным средством раскрытия указанных преступлений и обеспечения всесторонности расследования, позволяющим получить максимальную информацию об исследуемом событии, является допрос. В связи с этим рассмотрим особенности тактики этого следственного действия в отношении разных участников уголовного процесса и проблемы, которые возникают в ходе его проведения по делам данной категории.

Допрос свидетеля, потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого). Общие положения и особенности тактики допроса, основы его организации достаточно детально разработаны и подробно изложены в многочисленных исследованиях по криминалистике (Напр.: Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж, 1995 ; Белозеров Ю. Н., Рябоконт В. В. Производство следственных действий. М., 1990 ; Глазырин Ф. В. Психология следственных действий. Волгоград, 1983 ; Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе. М., 1981 и др.).

Допрос – это следственное действие (ст. 187–191 УПК РФ), сущность которого состоит в получении следователем непосредственно от допрашиваемого в установленной уголовно-процессуальным законом форме показаний об известных ему обстоятельствах и иных данных, имеющих значение для расследуемого дела (Криминалистика / под ред. И. Ф. Герасимова, Л. Я. Драпкина. М., 1994. С. 276).

Как показывает практика, при расследовании дел о преступных посягательствах на жизнь сотрудников милиции результаты допроса часто имеют доказательственное значение, ложатся в основу обвинения, помогают выявить наиболее надежные источники доказательственной информации.

Наиболее распространенным способом преступных посягательств является угроза убийством (без конкретных действий, направленных на реализацию угрозы и оскорблений). Это означает, что на месте преступления, как правило, отсутствуют или

находятся в минимальном количестве материально фиксированные следы преступления. Поэтому свидетельские показания составляют основу доказательственной базы по уголовным делам. Однако на практике следователи не всегда уделяют должное внимание подготовке допросов потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, в результате чего при их проведении возникают проблемы, в частности:

1. Недостаточно глубоко изучается личность допрашиваемого, ее психологические особенности и т. п. Изучение личности подозреваемого (обвиняемого) ограничивается истребованием характеристик с места работы или жительства, а также сведениями, сообщаемыми самим обвиняемым, причем проверка по криминалистическим и медицинским учетам если и проводится, то лишь незадолго до предъявления обвинения. Характеристика же по месту работы далеко не всегда может служить объективным источником информации о личности обвиняемого, так как преступник, как правило, не работал или числился работающим. Также не учитываются особенности личности, преступные привычки лиц, ранее судимых и отбывавших наказание в местах лишения свободы.

2. В целях предупреждения и пресечения дачи ложных показаний недобросовестными свидетелями и сообщения заведомо ложных доносов подозреваемым (обвиняемым) следует использовать весь арсенал разработанных в криминалистике тактических и организационных приемов по изобличению во лжи (Напр.: Бабаева Е. У. Предупреждение изменения показаний подследственными и свидетелями на предварительном расследовании. М., 2001 ; Закатов А. А. Ложь и борьба с нею. Волгоград, 1984 ; Порубов Н. И. Научные основы допроса на предварительном следствии. Минск, 1978 и др.). При установлении умышленного характера ложных сообщений их необходимо квалифицировать по ст. 307 и 306 УК РФ.

Однако такие факты нами не выявлены.

3. Некачественная подготовка к проведению следственных действий, а также пресечение фактов дачи ложных показаний и ложных доносов нередко приводят к необходимости проведения повторных и дополнительных следственных действий, в основном допросов свидетелей, потерпевших и

подозреваемых (обвиняемых), очных ставок и осмотров мест происшествий. Практике известны случаи неявки свидетелей к следователю и в суд, отказ самих потерпевших-сотрудников от участия в судебном заседании, нежелание принимать активное участие в процессе расследования. Данное обстоятельство объясняется частыми вызовами к следователю, отвлечением от служебной деятельности, занятостью по службе и отсутствием в течение длительного времени реальных результатов расследования.

4. По большинству заявлений о посягательстве проводятся предварительные проверки, и соответственно перед допросами у следователя имеется возможность ознакомиться с объяснениями будущих свидетелей, подозреваемого и других лиц, однако это тактическое преимущество при допросах часто не используется. В результате в показаниях относительно события преступления появляется множество неточностей и противоречий, а к конкретизации и детализации показаний следователи не готовы.

5. Достаточно редко следователи принимают решение о применении средств дополнительной фиксации результатов допросов и очных ставок, особенно в условиях активного противодействия расследованию со стороны подозреваемого (обвиняемого) и связанных с ним лиц.

Допрос свидетелей. Как правило, по делам рассматриваемой категории устанавливаются свидетели преступного посягательства на жизнь сотрудников милиции или отдельных элементов события преступления. Однако при дальнейшем расследовании первоначальные показания ряда свидетелей имеют лишь ориентирующее, а не доказательственное значение. В основном такая ситуация складывается по делам об убийствах и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, совершенных преимущественно в ночное время и при отсутствии непосредственных очевидцев посягательства. Свидетели, установленные в ходе расследования по таким делам, могут лишь констатировать результат происшедшего, указать на способ посягательства, время и место его совершения, но какой-либо информацией о лице или лицах, совершивших посягательство, они не обладают.

Исходя из специфики исследуемых посягательств, характера исполняемых слу-

жебных мероприятий, связи свидетеля с происшедшим событием, особенно с причинами его нахождения на месте преступления, следует признать, что наиболее часто свидетелями посягательства становятся в равной степени как сослуживцы, так и граждане, случайно оказавшиеся свидетелями-очевидцами посягательства. Приблизительно в 1/3 случаев во время посягательства присутствуют сотрудники милиции, осуществляющие служебную деятельность в составе группы, родственники и близкие лица потерпевших.

Наиболее благоприятная для расследования ситуация складывается в тех случаях, когда факт посягательства могут подтвердить и потерпевшие, и другие сотрудники, а также граждане, случайно оказавшиеся на месте преступления. Более сложной с тактической точки зрения является ситуация, когда посягательство совершается либо один на один, т. е. без свидетелей, либо когда свидетелями выступают только сотрудники милиции. Как правило, в таких случаях они занимают позицию обвинения лиц, подозреваемых в совершении преступления. В этой связи не следует забывать о ст. 26 Закона РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел : сб. нормат. правовых актов. М., 2001. Т. 1. С. 136), в соответствии с которой показания сотрудника милиции по делу о преступлении или административном правонарушении оцениваются наравне с иными доказательствами, полученными в установленном законом порядке.

Наиболее незаинтересованными в исходе дела являются лица, случайно оказавшиеся на месте преступления. Таким образом, при выборе тактики допроса свидетелей следователь должен учитывать заинтересованность в исходе дела, особенности установления психологического контакта, использовать приемы предупреждения дачи ложных показаний, выявления негативного воздействия на свидетеля и др.

При допросе свидетелей – очевидцев посягательства следует сразу выяснить следующие ключевые вопросы:

1) каким способом совершено преступление?

2) в каких конкретных действиях преступника это выражалось (особенно по де-

лам об угрозах убийства и оскорблениях для выявления признаков состава уголовного наказуемого деяния)?

3) как действовали сотрудники милиции (имеется в виду соблюдение формальных, законных требований к проведению тех или иных служебных мероприятий; реакция потерпевшего)?

4) имел ли место факт служебного или иного правонарушения со стороны сотрудника милиции, был ли он соответствующим образом задокументирован?

Как правило, дела, по которым имеются показания свидетелей, содержат сведения о времени, месте и способе совершенного посягательства, а также о преступнике, совершившем посягательство. Причем имеются в виду как «добросовестные» свидетели, так и «недобросовестные». Первые подтверждают совершение посягательства конкретным лицом, вторые признают факт общения с потерпевшими, но категорически отрицают либо само событие посягательства, либо совершение его подозреваемым (обвиняемым).

Допросы родственников и близких потерпевшего проводятся с целью установления обстоятельств совершения преступления (если последние были очевидцами или потерпевшими), а также восстановления предкриминальной картины событий (по делам об убийствах). Так, допросы родственников проводятся по всем делам об убийствах, умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, а также по делам об угрозах, применении насилия и т. п., совершенных по месту жительства сотрудника, когда родственники были свидетелями происшедшего.

Вместе с тем родственники и близкие лица потерпевшего не всегда обладают значимой информацией для дела, которая в последующем может вывести на след преступника. Часто следователь получает от родственников информацию, непосредственно не связанную с посягательством. Более результативными являются допросы тех родственников, которые сами были потерпевшими, непосредственно видели или слышали преступника либо были свидетелями звонков с угрозами в адрес потерпевшего, полученных анонимных писем, содержащих угрозы, шантаж или клеветнические сведения.

В то же время нельзя не учитывать, что большинство сотрудников не ставят в известность своих близких о конфликтных и других ситуациях по работе, в том числе и из соображений безопасности родственников и сохранения в семье спокойствия. Именно поэтому допросы родственников и близких нередко бывают малоинформативными и не всегда приносят существенную пользу расследованию.

Как показывает практика, добросовестные сотрудники, исполняя свой служебный долг и попав под серьезное воздействие со стороны преступника, стараются принимать все решения в соответствии с законом и не разглашать те ситуации, которые складываются по отдельным делам, не идти на уступки правонарушителям. К сожалению, когда такая информация несвоевременно поступает в службу собственной безопасности и не принимаются меры безопасности к сотрудникам, это может стоить им жизни. Например, майор милиции М., который вел оперативную разработку организованных преступных групп г. Махачкалы, стал жертвой заказного преступления: его застрелили в собственной машине. Как выяснилось впоследствии, предложения и угрозы ему ранее поступали, но он их отверг, в связи с чем и был убит при исполнении служебных обязанностей (Арх. прокуратуры г. Махачкалы 2007 г. Уголов. дело № 1151754 по ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Особо следует выделить допросы родственников подозреваемого (обвиняемого) как важное средство получения доказательственной информации. Необходимость таких допросов возникает прежде всего в тех случаях, когда подозреваемый дает ложные показания, скрывается от следствия, использует ложное алиби или сам родственник был непосредственным соучастником посягательства либо свидетелем происшествия. Сложность данного следственного действия по сравнению с допросом родственников потерпевшего связана с тем, что родственники и близкие подозреваемого (обвиняемого) довольно часто пытаются выгородить преступника, подтверждая его ложное алиби, давая ложные показания, обвиняя сотрудников милиции в превышении полномочий, незаконности действий и совершении других должностных преступлений.

Кроме того, родственники и близкие лица субъекта проверки сами нередко совершают преступные посягательства в отношении сотрудников правоохранительных органов.

Свидетелями в отношении отдельных фактов происшедшего нередко выступают сослуживцы потерпевшего сотрудника (в основном по делам об убийстве или умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, т. е. по неочевидным преступлениям). При допросах сослуживцев важно установить, какая именно деятельность сотрудника могла привести к возможным конфликтным ситуациям, оказывалось ли на него давление в связи с исполнением им своих служебных обязанностей (расследование уголовных дел, наложение крупных штрафных санкций или осуществление оперативно-розыскной деятельности и др.), не было ли в последнее время в его адрес угроз, и если были, то какого содержания, воспринимал ли их потерпевший как реальные, от кого и каким способом они поступили.

Допрос потерпевшего сотрудника осуществляется практически по каждому делу. Заявление потерпевшего сотрудника милиции и результаты его объяснений в ходе предварительной проверки позволяют следователю хорошо подготовиться к такому допросу.

В первую очередь он должен изучить личность потерпевшего, его служебную характеристику, результаты служебной деятельности и другие фактические данные.

Наиболее часто сообщаемые потерпевшими сведения характеризуют способ преступления, связи посягательства со служебной деятельностью, обстановку совершения посягательства, за исключением неочевидных преступлений, когда связь со служебной деятельностью является одной из версий следствия (в частности, подтверждаемой оперативными данными); практически по всем делам, когда посягательство происходит при непосредственном контакте преступника с потерпевшим, последний может дать определенную информацию о личности преступника.

Вместе с тем, по нашему мнению, прав С. В. Пахомов в том, что «нельзя безоговорочно принимать на веру правдивость пока-

заний потерпевшего, даже если он является сотрудником правоохранительного или контролирующего органа, так как он вполне может находиться в стрессовом состоянии, отрицательно влияющем на интеллектуальное состояние. Кроме этого, нужно помнить, что потерпевший может попытаться скрыть факты своего неправомерного поведения, послужившего поводом для совершения в отношении него преступления» (Пахомов С. В. Проблемы методики расследования посягательств на сотрудника правоохранительного органа : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. С. 160).

Следователь также может столкнуться с ситуацией, когда потерпевший осознанно дает ложные показания либо отрицает связь факта посягательства со служебной деятельностью (в основном по неочевидным преступлениям – поджоги домов и квартир, взрывы машин и т. п.). Причиной ложных показаний потерпевшего, помимо страха перед разоблачением своей незаконной деятельности, может стать опасение за безопасность собственной жизни и здоровья, а также родственников и близких ему лиц.

При допросе потерпевшего сотрудника необходимо учитывать также повышенную виктимность его действий и выяснить факты ранее высказанных в его адрес угроз жизни и здоровью.

Особое внимание следует уделять допросу потерпевших по делам об умышленных поджогах и взрывах домов, квартир, машин сотрудников, а также о покушениях на убийство и убийствах сотрудников милиции. Довольно часто по таким делам потерпевшие не связывают событие преступления с их служебной деятельностью. Можем допустить, что в отдельно взятом случае это будет правдой, однако, анализируя факты преступных посягательств, специфику их способов, мы пришли к выводу, что это весьма закономерно. По статистическим данным Генеральной прокуратуры и МВД России за период с 2003 по 2008 г., на территории России путем поджога или подрыва квартир, домов и машин сотрудников милиции совершено 65 посягательств, что составляет более четверти среди всех способов посягательств.

Допрос подозреваемого и обвиняемого. Положения тактики допроса подозреваем-

мых и обвиняемых разработаны в криминалистике также довольно обстоятельно (Напр.: Карнеева Л. М., Соловьев А. Б., Чувилов А. А. Допрос подозреваемого и обвиняемого. М., 1969 ; Ратинов А. Р., Ефимова Н. И. Психология допроса обвиняемого : метод. пособие. М., 1988 ; Соловьев А. Б. Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии. М., 2002 и др.).

В ситуации, когда преступник задерживается сразу после совершения преступления и допрашивается, как правильно отмечал Р. С. Белкин, «на стороне следователя – особенно при первом допросе подозреваемого – фактор внезапности; допрашиваемый не успел еще продумать линию защиты, не представляет, какими доказательствами его вины располагает следователь» (Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М., 2001. С. 612).

Тактика и результаты допроса подозреваемого (обвиняемого) по исследуемой нами категории дел имеют определенную специфику. Во-первых, она выражается во взвешенной, продуманной позиции подозреваемого (обвиняемого), направленной на отрицание самого факта преступного посягательства. Во-вторых, комбинируя способы противодействия, подозреваемый (обвиняемый) может заявить, что сам стал жертвой насилия, угроз, вымогательства со стороны сотрудника, или обвинить сотрудников милиции в совершении иных должностных преступлений.

Между тем необходимым и обязательным, но редко полностью выполняемым на практике условием, как правильно пишет А. В. Дулов, является предварительное построение следователем мысленной модели поведения участника во время предстоящего следственного действия (Дулов А. В. Основы психологического анализа на предварительном следствии. Минск, 1973. С. 120).

Очень редко обвиняемые признают свою вину, да и то только после того, как в отношении них собрали необходимые доказательства. Иногда подозреваемые (обвиняемые) отказываются давать показания на первоначальной стадии расследования, ссылаясь на предвзятость следствия и возможность использования своего конституционного права на отказ от дачи показаний

(ст. 51 Конституции РФ). Как правило, после предъявления обвинения преступники начинают давать не соответствующие действительности (ложные) показания, продолжая это делать и в суде.

Наиболее часто подозреваемые (обвиняемые) используют следующую совокупность уловок в показаниях: 1) ложные показания относительно наличия состава преступления в собственных действиях; вину свою не признают и отрицают само событие посягательства; 2) заявление о том, что сами стали жертвой насилия, угроз, вымогательства, шантажа со стороны сотрудника милиции; 3) отказ от дачи показаний; 4) расценивают свои действия как совершенные в состоянии необходимой обороны, при этом ссылаются на незаконность действий потерпевшего.

Тактика допроса подозреваемого в значительной мере зависит от того, очевидно для следователя совершение допрашиваемым преступления или имеются сомнения. Если совершение преступления очевидно, то поведение следователя должно быть более активным и настойчивым, в ином случае ему следует вести себя очень осторожно и осмотрительно.

Во время допроса подозреваемого (обвиняемого) в совершении рассматриваемых преступлений необходимо выяснить:

1) признает ли совершение расследуемых действий; если да, то в чем выражались их подготовка, совершение и сокрытие, с указанием точного времени и места каждого действия;

2) каким способом совершено преступление и в чем конкретно оно выражалось;

3) в случае отрицания обвиняемым события посягательства выяснить мнение о причинах и мотивах его оговора со стороны сотрудников милиции;

4) при обвинении сотрудников милиции в совершении должностных преступлений или иных незаконных действий детально установить все обстоятельства, наличие доказательств, свидетелей-очевидцев и некоторые другие вопросы.

Одно из обстоятельств, негативно влияющих на процесс расследования, заключается в том, что подозреваемый (обвиняемый) в период расследования остается на свободе, в силу чего он имеет тактическое

преимущество в подготовке позиции своей защиты, осуществлении негативного воздействия на свидетелей и потерпевших и оказании иного противодействия расследованию.

Очевидно, что рассмотренный нами перечень тактических приемов при производстве допроса по делам о посягательствах против жизни сотрудников милиции не является исчерпывающим. Многочисленные проблемы, возникающие перед следователем при расследовании, обуславливают необходимость совершенствования общепризнанных и создания новых форм использования специальных познаний.

В этой связи следует отметить, что знание сотрудниками правоохранительных органов отмеченных закономерностей позволяет более точно оценить сложившуюся ситуацию, связанную с посягательством на жизнь сотрудников милиции, обоснованно строить версии и оптимально осуществлять производство следственных и розыскных действий.

И. В. Головинская,
заведующий кафедрой
социально-экономических дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук

РАСШИРЕНИЕ ПЕРЕЧНЯ ОСОБЫХ ПОРЯДКОВ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

С момента появления в российском уголовно-процессуальном законодательстве не имеющего ранее аналогов института особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением без проведения судебного следствия (гл. 40 УПК РФ) прошло семь лет. Множество противоречивых точек зрения было высказано о целесообразности такого новшества. Тем не менее сегодня можно утверждать, что данный институт «прижился» в отечественном правовом поле: значительное количество дел ежегодно рассматривается именно в особом порядке судебного разбирательства благодаря тому, что обвиняемый, признавший себя виновным, не может быть под-

считаем, что решение сформулированных выше проблем тактики производства допроса может положительно повлиять на качество и эффективность результатов расследования уголовных дел о преступных посягательствах на жизнь сотрудников милиции.

Библиографический список

1. *Белкин, Р. С.* Тактика следственного осмотра и освидетельствования / Р. С. Белкин // Тактика следственных действий. – М., 1997.
2. *Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина.* – М., 2001.
3. *Пахомов, С. В.* Проблемы методики расследования посягательств на сотрудника правоохранительного органа : дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2003.
4. *Соловьев, А. Б.* Процессуальные, психологические и тактические основы допроса на предварительном следствии / А. Б. Соловьев. – М., 2002.

вергнут наказанию свыше двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Очевидны и положительные факторы, сопутствующие такому разбирательству: гуманность наказания способствует даже признательных показаний; рассмотрение уголовного дела в особом порядке сокращает сроки производства по нему; значительно приближает момент привлечения к ответственности виновного ко времени совершения им преступления; более быстро удовлетворяются требования или восстанавливаются нарушенные преступлением права и законные интересы потерпевших; увеличивается раскрываемость преступлений, усиливается превентивная роль уголовного процесса. Вместе с тем данный порядок судопроизводства не решает проблем борьбы с организованной преступностью и коррупцией.

В настоящее время УПК РФ пополнился новым видом особого порядка судебного разбирательства. Основанием тому послужило принятие Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный

кодекс Российской Федерации» (Рос. газ. 2009. 3 июля).

Суть данного Закона заключается в возможности составления досудебного соглашения о сотрудничестве, понятие которого закрепляется в п. 61 ст. 5 УПК РФ: «это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения».

Таким образом, с принятием изменений сразу в два кодекса стала возможной так называемая сделка с правосудием: лицо, выразившее согласие оказывать содействие следствию, может гарантированно рассчитывать на защиту (т. е. обеспечение безопасности самого указанного лица, а также его близких родственников, родственников и близких ему лиц) и смягчение наказания, поскольку срок или размер наказания при наличии смягчающих и отсутствии отягчающих обстоятельств не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Кроме того, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, если соответствующей статьей Особенной части УК РФ предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, эти виды наказания не применяются. При этом срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Представляется, что такое смягчение наказания служит серьезным аргументом к добровольному сотрудничеству преступника с органами следствия.

Условиями смягчения наказания являются: явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления.

Вышеназванный Закон дополнил УПК РФ главой 40.1 «Особый порядок принятия

судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве». Данная глава содержит девять статей, в совокупности определяющих порядок, пределы и последствия участия подозреваемого или обвиняемого в расследовании и раскрытии преступления.

В досудебной стадии производства по уголовному делу действия участников процесса, связанные с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, находят отражение в следующих документах:

- ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в обязательном порядке подписанное защитником;
- согласованное с руководителем следственного органа постановление следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве;
- постановление прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;
- досудебное соглашение о сотрудничестве, подписанное прокурором, подозреваемым или обвиняемым, его защитником (в присутствии следователя);
- обвинительное заключение;
- представление прокурора о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве;
- представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу.

Из приведенного в хронологической последовательности перечня процессуальных документов можно сделать вывод о том, что процедура утверждения и проверки соблюдения условий соглашения довольно сложная и продолжительная. Для подготовки каждого из названных документов УПК РФ оговаривает конкретные сроки. Само соглашение о сотрудничестве может быть оформлено с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия и должно включать указания на действия, которые подозреваемый или обвиняемый

обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления.

Следует заметить, что закон содержит указание на возможность обжалования постановления следователя и постановления прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве. Уголовное дело в отношении заключившего соглашение о сотрудничестве лица может быть выделено в отдельное производство; по постановлению следователя документы, указывающие на заключение досудебного соглашения, могут храниться в опечатанном конверте.

С момента передачи уголовного дела в суд наступает второй этап. На данном этапе суд проверяет обоснованность применения особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Закон называет всего два основания к такому порядку судебного разбирательства: государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, и досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника. В случае несоблюдения названных условий суд рассматривает уголовное дело в общем порядке. Кроме того, согласно ч. 4 ст. 317.6 УПК РФ уголовное дело также будет рассмотрено в общем порядке, если содействие подозреваемого или обвиняемого следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности.

Особенностями судебного следствия являются проведение его в порядке ст. 316 УПК РФ, т. е. по аналогии с порядком проведения судебного заседания и постановления приговора в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением;

с обязательным участием подсудимого и его защитника. Суд должен исследовать:

1) характер и пределы содействия подсудимого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления;

2) значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления, розыска имущества, добытого в результате преступления;

3) преступления или уголовные дела, обнаруженные или возбужденные в результате сотрудничества с подсудимым;

4) степень угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица;

5) обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

Судья вправе постановить обвинительный приговор и с учетом положений ч. 2 и 4 ст. 62 УК РФ назначить подсудимому наказание, если удостоверится, что подсудимым соблюдены все условия и выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве. Следует заметить, что по усмотрению суда подсудимому с учетом положений ст. 64, 73 и 80.1 УК РФ могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания.

Закон не указывает, в каком судебном заседании — открытом или закрытом — должно рассматриваться уголовное дело. Представляется, что в каждом конкретном случае необходимо руководствоваться общими нормами УПК РФ о гласности судебного разбирательства, предусмотренными ст. 241 УПК РФ. Кроме того, если материалы уголовного дела в целях обеспечения безопасности обвиняемому были выделены в отдельное производство, хранились в опечатанном виде, то, на наш взгляд, судебное заседание должно проходить закрыто.

В законе также не указано, по уголовным делам по обвинению (подозрению) в совершении каких преступлений, предусмотренных УК РФ, допускается заключение с обвиняемым или подозреваемым досудебного соглашения о сотрудничестве. Исходя из ч. 7 ст. 317.7 УПК РФ, предусматривающей после провозглашения приговора разъяснение судьей сторонам права и порядка его обжалования, предусмотренных главой 43 УПК РФ, представляется, что такое соглашение может заключить подозреваемый или обвиняемый в любом преступлении, предусмотренном УК РФ, поскольку глава 43 УПК РФ содержит порядок апелляционного и кассационного обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу. Так как апелляционному обжалованию подлежат уголовные дела о преступлениях, отнесенных к компетенции мировых судей, т. е. небольшой и средней тяжести, то досудебное соглашение может быть заключено и с лицом, подозреваемым или обвиняемым, в том числе в совершении преступления небольшой или средней тяжести. Вместе с тем мы предполагаем, что законодатель создавал данные нормы, в первую очередь имея в виду раскрытие и расследование тяжких и особо тяжких преступлений.

Закон ставит незыблемость вступившего в законную силу приговора суда в зависимость от следующих условий: если после назначения подсудимому наказания будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от

следствия какие-либо существенные сведения, то приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном разделом XV УПК РФ. По нашему мнению, пробел, присутствующий в приведенной выше норме ст. 317.8 УПК РФ, в будущем будет восполнен. В настоящее время неясно, какой главой, содержащейся в разделе XV УПК РФ, необходимо руководствоваться правоприменителю: 48 «Производство в надзорной инстанции» или 49 «Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств».

Осмысление внесенных в УПК РФ Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ изменений дает основания полагать, что данный Закон послужит прогрессивным шагом законодателя к увеличению раскрываемости преступлений, снижению организованной преступности, иными словами, оправдает цели, ради которых он был принят. Как и любой новый закон, он требует апробации. Дальнейшая практика его применения выявит необходимость его уточнения, дополнения.

Библиографический список

1. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. И. Л. Петрухин. – 6-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ] // Рос. газ. – 2009. – 3 июля.

А. Ю. Гулягин,
заместитель прокурора
Владимирской области
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГАХ

С момента образования федеральных округов в России, а также соответствующих государственных структур федерального окружного уровня прошло 9 лет (О полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе :

указ Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849 : в ред. от 11 апр. 2008 г. // Рос. газ. 2000. 16 мая).

Следует отметить, что авторами по-разному оценивается необходимость иметь указанные структурно-пространственные образования в России.

Некоторые исследователи даже усматривают в создании федеральных округов ключевой институт построения параконституционализма в России, выстраивание параллельной структуры управления, дублирующей институционально закреплённый механизм власти (Преображенский С. Судьба резидентов // Наша власть: дела и

лица. 2008. № 2. С. 51 ; Саква Р. Подотчетность, конституционализм и некоторые модели власти в посткоммунистической России // Срав. конституц. обозрение. 2008. № 2. С. 68).

Вместе с тем, по мнению Р. Абдулатипова, решение об образовании федеральных округов не противоречит Конституции РФ (Абдулатипов Р. Семь ступенек, ведущих к центру // Рос. газ. 2000. 20 мая ; Путин В. В. Власть должна быть работающей! // Там же. 19 мая ; Ради укрепления государственности // Там же. 16 мая).

Данную точку зрения разделяет К. В. Черкасов, указывая, что это подтверждается рядом положений Конституции РФ, в частности, согласно ст. 71 федеративное устройство и территория Российской Федерации находятся в ведении Российской Федерации (Черкасов К. В. Федеральные округа в Российской Федерации: состояние и тенденции развития // Законодательство и экономика. 2009. № 1).

Кроме того, тезис о законности института федеральных округов косвенно подтверждается постановлением Конституционного Суда РФ от 24 января 1997 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 г. “О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике” (Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. 1997. № 1), в котором выражена правовая позиция, устанавливающая, что территория субъекта Федерации может делиться не только на муниципальные образования, но и на административно-территориальные единицы, где осуществляется государственная власть субъекта России.

Определившись с законностью установления рассматриваемого механизма государственного управления, отметим, что действия по введению федеральных округов преследовали цель оптимизации процесса государственного управления в регионах ввиду большого количества субъектов Российской Федерации и значительности ее территорий. Несмотря на то, что данная мысль уже не нова и не принадлежит автору, она логически следует из самой идеи, о чем высказывались различные авторы.

Так, по мнению К. В. Черкасова, центральная федеральная власть для удобства

осуществления своих полномочий помимо общепринятого федеративного деления страны на территории субъектов Федерации также вправе условно разделить всю территорию страны на определенные административно-управленческие единицы независимо от их конкретного наименования. Де-факто существование в виде федеральных округов нового уровня государственного управления было признано российской общественностью, и его законность сегодня не оспаривается (Черкасов К. В. Указ. соч.).

А. А. Панов, отмечая положительность образования федеральных округов, приводит аргументы в пользу его целесообразности, а именно то, что это явилось вынужденной мерой 90-х гг. XX столетия по восстановлению в регионах властных функций федерального центра, поскольку, по его мнению, власти некоторых субъектов игнорировали законные требования и интересы Российской Федерации (Панов А. А. Полномочные представители Президента Российской Федерации в федеральных округах: особенности правового статуса и перспективы развития. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс).

В свою очередь, Д. В. Замышляев считает очевидным, что создание федеральных округов должно усилить позиции центра, его влияние на жизнь регионов (Замышляев Д. В. Проблемы иерархии нормативно-правовых актов в Российской Федерации // Гос. власть и местное самоуправление. 2003. № 1. С. 5).

Практика других стран также идет по пути создания отдельных округов, которые авторы условно разделяют на особые и специальные. Данные округа создаются как по территориальному, так и по территориально-отраслевому принципу, причем и в первом, и во втором случае должностные лица этих округов выполняют лишь технические и исполнительские функции.

Россия в этом отношении имеет особое устройство и в идею создания таких округов у нас заложена иная мысль. Наиболее точно ее сформулировал В. М. Манохин: федеральные округа в России созданы для управления государственными делами во всем объеме в рамках федеральной компе-

тенции (Манохин В. М. К вопросу о государственно-правовом статусе федерального округа // Вестн. Саратов. гос. акад. права. 2002. № 1(30). С. 9).

В качестве некоторого промежуточного итога в рассуждениях о существовании федеральных округов можно привести слова К. В. Черкасова: «В сущности, федеральные округа представляют собой не оговоренный, но допускаемый Конституцией России элемент, актуализированный в целях оптимизации государственного управления, являются инструментом федерального регулирования территориального развития. Это особые образования, их учреждение связано с рядом определенных факторов и необходимостью решения таких первоочередных задач, как восстановление управляемости государства, обеспечение его устойчивости и суверенности, укрепление властной вертикали, улучшение условий для контроля над деятельностью территориальных структур федеральных органов государственной власти» (Черкасов К. В. Указ. соч.).

Сегодня практически по всем направлениям государственного управления выстроена система федерального окружного регулирования, созданы структурные подразделения различных органов власти. Не осталась в стороне и Генеральная прокуратура России.

Руководствуясь Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. № 849, в целях обеспечения надзора в федеральных округах Генеральным прокурором России было принято решение об образовании управлений Генеральной прокуратуры в федеральных округах (Об образовании управлений Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах : приказ Ген. прокурора РФ от 5 июня 2000 г. № 98. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс).

В соответствии с этим решением введено семь дополнительных должностей заместителей Генерального прокурора Российской Федерации (по количеству федеральных округов), а в структуре Генеральной прокуратуры созданы семь дополнительных управлений в федеральных округах.

Названным выше приказом регламентированы полномочия данных управлений. В частности, к их числу относится координа-

ция деятельности всех правоохранительных органов, находящихся в пределах федерального округа, по борьбе с преступностью.

При этом необходимо исходить из того, что управления Генеральной прокуратуры при выполнении возложенных на них функций не подменяют прокуратуры субъектов Российской Федерации, а взаимодействуют с ними и вправе вмешиваться в их деятельность только тогда, когда для устранения нарушений законности полномочий прокурора субъекта Федерации недостаточно либо имеются иные причины и обстоятельства.

Об этом же говорит и Регламент Генеральной прокуратуры: «Координационная деятельность по борьбе с преступностью соответствующих структур правоохранительных органов в федеральном округе осуществляется Главным управлением или управлениями Генеральной прокуратуры Российской Федерации в федеральных округах, которые обеспечивают организацию и проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов в соответствующих федеральных округах. Созывают и возглавляют такие координационные совещания заместители Генерального прокурора Российской Федерации» (Приказ Ген. прокурора РФ от 17 апр. 2008 г. № 67 // Законность. 2008. № 7).

Однако, имея хорошую идею оптимизации осуществления государственных функций по различным направлениям, в том числе прокурорской деятельности по координации и надзору, необходимо констатировать и проблемные вопросы, требующие своего разрешения.

Так, координационная деятельность прокуратуры определена законодателем в ст. 8 соответствующего Федерального закона следующим образом: «1. Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, органов таможенной службы и других правоохранительных органов.

2. В целях обеспечения координации деятельности органов, указанных в пункте 1

настоящей статьи, прокурор созывает координационные совещания, организует рабочие группы, истребует статистическую и другую необходимую информацию, осуществляет иные полномочия в соответствии с Положением о координации деятельности по борьбе с преступностью, утверждаемым Президентом Российской Федерации» (О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 : в ред. от 17 июля 2009 г. // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 8, ст. 366 ; Рос. газ. 2009. 21 июля).

По смыслу данной статьи, а также в силу положений ст. 54 полномочиями в надзорной деятельности, правом принимать решения по результатам надзорных мероприятий наделены прокурор, его заместитель и иные перечисленные в этой статье должностные лица прокуратуры. Вместе с тем при описании указанных должностных лиц, признаваемых прокурорами, не оговорена координационная деятельность.

Таким образом, учитывая положения ст. 8 о том, что правом ведения координационного совещания наделен прокурор, а также вышеприведенные положения ст. 54, согласно которым используемое в Законе понятие «прокурор» обозначает прокуроров, их заместителей и иных должностных лиц прокуратуры применительно лишь к надзорной деятельности, правом председательствования в координационном совещании наделены лишь должностные лица прокуратуры, прямо именуемые *прокурорами*.

Ни заместители прокуроров, ни иные должностные лица прокуратуры (применительно к федеральным округам – начальники управлений) не вправе непосредственно осуществлять и руководить координационной деятельностью.

Из смысла приведенных положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» следует, что возложение полномочий по координации деятельности всех правоохранительных органов, находящихся в пределах федерального округа, по борьбе с преступностью не урегулировано соответствующими положениями данного Закона. Это обусловлено, по-видимому, жизненной необходимостью эффективно реализовывать функции прокурату-

ры и осуществлять контроль деятельности прокуратур субъектов (применительно к разговору о координации в федеральных округах).

Вместе с тем в научных публикациях проблема так остро не обозначается.

Например, Ф. М. Кобзарев, рассуждая о законном закреплении обязанности и права осуществления координационной деятельности непосредственно прокурором, приводит мысль о том, что в принципе возможно делегирование Генеральным прокурором РФ полномочий по координации иным сотрудникам прокуратуры, в том числе заместителям. Такая передача полномочий, по его мнению, фактически осуществлена заместителем Генерального прокурора РФ, курирующим вопросы федеральных округов (Кобзарев Ф. М. Координационная деятельность по борьбе с преступностью // Законность. 2005. № 4).

Необходимо, на наш взгляд, согласиться с Ф. М. Кобзаревым в том плане, что наделение заместителей Генерального прокурора РФ, а также иных работников прокуратуры, в частности, начальников управлений Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах обязанностью и правом осуществления координационной деятельности будет служить достижению ее максимальной эффективности.

Вместе с тем, как было отмечено выше, это не вписывается в рамки, установленные законом.

С учетом сложившейся практики современного ведения координационной деятельности, а также безусловно присутствующего положительного эффекта от нее проблема, по нашему мнению, носит скорее технический характер и требует разрешения посредством внесения соответствующих изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Помимо Генерального прокурора РФ необходимо наделить полномочиями по осуществлению координационной деятельности и его заместителей. Это обеспечит более эффективное и реальное исполнение функций прокуратуры, что очень важно, поскольку вопросы межрегиональной преступности остаются острыми и сегодня.

Вторая проблема заключается в следующем.

На окружном уровне в координационной деятельности принимают участие различные структурные подразделения правоохранительных органов, в частности, главные управления МВД в округах, советы начальников органов ФСБ в округах, иные федеральные правоохранительные органы.

Анализ компетенции указанных правоохранительных органов позволяет сделать вывод, что они не обладают контрольными полномочиями по отношению к органам данных ведомств в субъектах Российской Федерации.

Это существенно затрудняет как ведение координационной деятельности, реализацию выработанных мер и принятых решений, так и получение максимально возможного эффективного результата от нее.

В качестве примера можно привести управление Генеральной прокуратуры РФ по Дальневосточному федеральному округу, где имеется только один такой федеральный орган – Главное управление МВД России в федеральном округе, которое какими-либо распорядительными полномочиями по отношению к подразделениям данного министерства в субъектах Федерации округа не обладает. Также образованы и действуют советы начальников органов федеральной безопасности и ФСКН в округе, которые возглавляют руководители соответствующих управлений в Хабаровском крае.

В таких условиях при осуществлении координационной деятельности Главное управление МВД России в округе вынуждено привлекать к участию в ней руководителей правоохранительных органов других субъектов Федерации в округе – прокуроров субъектов, начальников УВД, МВД, управлений ФСБ и ФСКН России по субъектам, руководителей подразделений Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, поскольку непосредственная деятельность по реализации координационных мероприятий осуществляется именно ими. Однако организация контроля за исполнением указанными органами постановлений координационных совещаний и других запланированных мероприятий вызывает определенную сложность, так как вышеперечисленные федеральные правоохранительные органы, как уже отмечалось, контрольными функциями не обладают.

В связи с вышеизложенным решение данной проблемы видится в следующем.

Во-первых, возможно изменить п. 3.2 Положения об управлениях Генеральной прокуратуры РФ в федеральных округах, указав на необходимость обеспечения координации деятельности по борьбе с преступностью всех правоохранительных органов, расположенных в округе (за исключением органов военной прокуратуры и военно-следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации).

С учетом недостаточной регламентации этих вопросов организационно-распорядительными документами Генеральной прокуратуры РФ представляется целесообразным подготовить и утвердить Регламент работы координационного совещания руководителей правоохранительных органов в федеральных округах, который бы регулировал вопросы координационной деятельности более детально.

Во-вторых, возможно наделить окружные правоохранительные органы контрольными полномочиями в отношении субъектов структур по вертикали в рамках координационной деятельности. Это позволит анализировать и корректировать состояние исполнения совместных решений.

В-третьих, вменить в обязанности руководителей (на уровне заместителей) федеральных министерств и ведомств участие (членство) в координационной деятельности в округах.

Эффективность такого шага явно высока, поскольку это обеспечит прямое и оперативное реагирование в отношении исполнителей решений посредством властных полномочий по прямой вертикали, возможностью принимать самостоятельные решения во исполнение уже принятых совместных.

Особому вниманию, по нашему мнению, подлежат второй и третий варианты решения проблемы. Они дополняют друг друга и позволяют по каждой из вертикалей, во-первых, своевременно реагировать на изменяющуюся оперативную обстановку, уровень и состояние преступности, во-вторых, быстро и качественно формировать те или иные предложения для включения их в решения координационных совещаний с уче-

том уровня и состояния преступности и, в-третьих, позволят оценивать качество и полноту исполнения решений координационных совещаний с принятием конкретных мер в отношении неисполнителей.

Применение третьего варианта, по сути, исключает необходимость принятия первого, поскольку членство руководителя правоохранительного органа такого уровня будет достаточно для того, чтобы поручать на места непосредственное исполнение выработанных и принятых решений и обеспечивать контроль их исполнения. Иными словами, членство всех руководителей правоохранительных органов, находящихся в регионе, теряет свою актуальность. При этом наделение окружных структур правоохранительных органов контрольными полномочиями в отношении субъектов структур в рамках координационной деятельности позволит обеспечить непосредственный и объективный контроль исполнения решений и доведение состояния этой работы до вышестоящего руководителя — члена координационного совещания.

Ю. Е. Ерохина,

*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К РАЗРЕШЕНИЮ КОЛЛИЗИЙ В ИНСТИТУТЕ ГАРАНТИЙ И КОМПЕНСАЦИЙ

Несмотря на усилия, предпринимаемые юристами с целью усовершенствования отечественного трудового законодательства, оно еще далеко от идеала. Это объясняется многими факторами, некоторые из которых являются серьезными проблемами не только для трудового, но и для российского законодательства в целом. В частности, одна из таких проблем связана с возможностью законной и продуктивной реализации трудовых прав работников.

Система обеспечения реального осуществления трудовых прав, установленных трудовым законодательством России и международными договорами РФ, представлена гарантиями и компенсациями.

Вместе с тем почти каждая статья Трудового кодекса РФ (далее: ТК РФ), регла-

В целом предложенные пути решения проблемы требуют постоянной проработки и изучения с учетом складывающейся криминальной ситуации в том или ином регионе. Но то, что координационную деятельность в федеральных округах необходимо осуществлять максимально эффективно, бесспорно.

Библиографический список

1. *Абдулатипов, Р.* Семь ступенек, ведущих к центру / Р. Абдулатипов // Рос. газ. — 2000. — 20 мая.
2. *Кобзарев, Ф. М.* Координационная деятельность по борьбе с преступностью / Ф. М. Кобзарев // Законность. — 2005. — № 4.
3. *Манохин, В. М.* К вопросу о государственно-правовом статусе федерального округа / В. М. Манохин // Вестн. Саратов. гос. акад. права. — 2002. — № 1(30).
4. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон : [от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 : в ред. от 25 дек. 2008 г.] // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. — 1992. — № 8, ст. 366.

ментирующая предоставление гарантий и компенсаций, нуждается в определенной корректировке путем устранения пробелов и внесения дополнений.

Остановимся лишь на некоторых проблемных вопросах, существующих в социально-трудовой сфере и подлежащих разрешению.

Так, в ст. 166 ТК РФ содержится понятие служебной командировки, которое, на наш взгляд, требует дополнений.

Некоторые категории работников, например, бухгалтеры, в процессе исполнения трудовых обязанностей в течение рабочего дня могут неоднократно покидать свое постоянное место работы по служебной необходимости и передвигаться в пределах одной местности. Однако территориальная отдаленность, несмотря на одну местность, может быть весьма значительной, в связи с чем работник вынужден добираться до пункта назначения на общественном транспорте с пересадками, затрачивая при этом собственные денежные средства. Исходя из этого предлагаем дополнить содержание ст. 166 ТК РФ понятием «слу-

жебная поездка», означаящим поездку работника по распоряжению работодателя либо по служебной необходимости в силу исполнения должностных обязанностей в пределах одной и той же местности.

В этом случае работнику не надо будет оформлять командировочное удостоверение и приказ.

По нашему мнению, можно упростить порядок оформления служебной поездки, ограничившись письменным заявлением работника, билетами и квитанциями, подтверждающими его транспортные расходы. Иными словами, при предъявлении работником письменного заявления о служебной поездке и предоставлении документов финансовой отчетности (транспортных билетов, квитанций) работодатель должен возместить ему указанные затраты, т. е. в ст. 168 ТК РФ следует внести следующее дополнение: «расходы, связанные со служебной командировкой, поездкой».

Далее, анализ содержания ст. 59 ТК РФ «Срочный трудовой договор» позволяет сделать вывод об определенных ущемлениях прав лица, замещающего депутата Государственной Думы РФ на период его избрания на выборные должности в государственные органы и органы местного самоуправления. На наш взгляд, гражданин, устраиваясь на работу в связи с возникшей вакансией, должен быть уведомлен, что выполнение им трудовых функций в должности возможно носит временный характер. Работодатель же, заключив с работником срочный трудовой договор, должен обеспечить выполнение государственных гарантий по отношению к бывшему депутату Государственной Думы РФ. Полагаем, что данное дополнение регламентирует правовое положение замещающего.

Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования гарантий и компенсаций работникам представляется обоснованным и логичным внести изменения в ст. 59 ТК РФ «Срочный трудовой договор», а именно дополнить п. 12, изложив его в следующей редакции: «с гражданами, поступившими на вакантное место работы, которое ранее было замещено лицом, избранным на выборные должности в государственные органы и органы местного самоуправления».

Согласно ст. 25 Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ» (Рос. газ. 1999. 8 июля ; 2009. 15 мая) депутату, работавшему до избрания в Государственную Думу РФ по трудовому договору, после прекращения его полномочий предоставляется прежняя работа (должность), а при ее отсутствии – другая равноценная работа (должность) по предыдущему месту работы (с его согласия) в другой организации.

Кроме того, как показывает практика, работодатели, за очень редким исключением, стараются избавиться от работника-пенсионера. При этом, как известно, Федеральная пенсионная служба, проводя многочисленные проверки, начинает начислять им пенсию спустя месяцы. Для того чтобы данная социальная категория граждан была защищена в трудовой сфере, предлагаем внести дополнения в ч. 1 ст. 178 ТК РФ «Выходные пособия» и изложить ее в следующей редакции: «При расторжении трудового договора в связи с ликвидацией организаций (п. 1 ч. 1 ст. 81 настоящего Кодекса) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 ч. 1 ст. 81 настоящего Кодекса) увольняемому работнику выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, а также за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия). При расторжении трудового договора в связи с наступлением возраста, дающего права на пенсию по старости, увольняемому выплачивается выходное пособие в размере среднемесячного заработка».

Указанная в дополнении гарантия поможет лицам пенсионного возраста социализироваться в их новом гражданском статусе.

Таким образом, устранение коллизий в институте гарантий и компенсаций путем внесения дополнений в отдельные статьи ТК РФ является попыткой гармонизации трудового законодательства, его совершенствования и повышения эффективности.

Если в Российской Федерации работник будет уверен в своей защищенности в вопросе предоставления гарантий и компен-

саций, то качественные характеристики его работы будут значительно выше, в чем должна быть прямая заинтересованность работодателя.

Библиографический список

1. *Казанцев, В. И.* Трудовое право / В. И. Казанцев, В. Н. Васин. – М., 2008.
2. *Симонов, В. И.* Вопросы теории и практики реализации права на гарантии и

А. В. Есипов,

аспирант кафедры

уголовного права и криминологии

Тюменского государственного университета

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ИНЫХ СОУЧАСТНИКОВ ПРИ ДОБРОВОЛЬНОМ ОТКАЗЕ ИСПОЛНИТЕЛЯ

Учитывая большую общественную опасность преступлений, совершаемых в соучастии, значительную их распространенность, что обуславливает установление более строгих санкций для лиц, совершающих преступление в соучастии, а также повышение эффективности борьбы с организованной преступностью, особое значение приобретает правильное определение пределов ответственности соучастников преступления в случае недоведения исполнителем преступления до конца.

Рассмотрение соучастия как определенной системы взаимодействия тесно связанных между собой участников в свете такого института российского уголовного права, как неоконченное преступление, безусловно, имеет свои особенности.

По нашему мнению, ответственность соучастников не может быть абсолютно зависимой от деятельности и ответственности исполнителя преступления. Ответственность соучастников лишь в определенной мере носит производный от ответственности исполнителя характер. При этом основным вопросом в рассмотрении проблемы ответственности иных соучастников в случае добровольного отказа исполнителя от совершения преступления является отсутствие в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации норм, регламентирующих этот вопрос.

компенсации в трудовых отношениях по новейшему трудовому законодательству / В. И. Симонов // Трудовое право. – 2008. – № 10.

3. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / отв. ред. Ю. П. Орловский. – 4-е изд. – М., 2008.

4. *Петров, А. Я.* Гарантии и компенсации: аспекты трудового права / А. Я. Петров // Трудовое право. – 2007. – № 4.

В ч. 4 ст. 31 УК РФ сформулированы положения о добровольном отказе соучастников преступления, которых не было в ранее действовавшем уголовном законодательстве. Этот вопрос освещался лишь в теории уголовного права, причем не всеми учеными единообразно. Правила квалификации действий иных соучастников (организатора, подстрекателя, пособника) в случаях добровольного отказа исполнителя от совершения преступления в действующем УК РФ не рассматриваются, однако представляется, что данные вопросы требуют теоретического осмысления и выработки рекомендаций по их практическому применению.

В такой ситуации к действиям организатора, подстрекателя, пособника можно подойти с двух сторон: 1) иные соучастники не отказывались от доведения преступления до конца; 2) иные соучастники также добровольно отказались. При анализе первого варианта необходимо помнить, что иные соучастники, как правило, действуют до исполнения преступления и их действия в любом варианте являются лишь вспомогательными для исполнения преступления. Именно поэтому все действия иных соучастников представляют собой создание условий для исполнения преступления. Добровольный отказ исполнителя влечет за собой либо оконченное иное соучастие, либо неоконченное. В связи с тем, что за основу соучастия взят общий результат, то отказ исполнителя с необходимостью влечет за собой прерывание преступления, совершаемого в соучастии, соответственно – признание действий иных соучастников неоконченными на стадии создания условия, т. е. приготовлением (Козлов А. П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002. С. 319).

Большинство ученых-правоведов, исследовавших проблемы добровольного отказа соучастников преступления, придерживаются именно такой точки зрения.

Так, П. Ф. Тельнов указывал, что добровольное прекращение преступных действий одним из совместно действующих лиц не исключает общественной опасности продолжающейся преступной деятельности других соучастников. При этом действия организатора, подстрекателя и пособника, которые уже осуществили содействие в совершении преступления, продолжают быть общественно опасными. Они произвели изменения во внешнем мире и в сознании исполнителя, направляя его действия на совершение преступления. При дальнейшем отказе исполнителя от совершения преступления по своей воле, действия иных соучастников не нейтрализуются ими самими, преступный результат их деятельности не наступает по не зависящим от них обстоятельствам. Поэтому организатор, подстрекатель и пособник подлежат уголовной ответственности за приготовление к преступлению, которое должен был совершить исполнитель (Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 159).

Аналогичной точки зрения придерживается и Е. А. Галактионов. По его мнению, добровольный отказ исполнителя при соучастии с распределением ролей приводит к распаду соучастия. Исполнитель освобождается от уголовной ответственности. Предпринятые действия остальных соучастников оказываются неудавшимися и оцениваются как приготовление к преступлению (Энциклопедия уголовного права. СПб., 2007. Т. 6: Соучастие в преступлении. С. 523).

Всегда ли это так? Полагаем, что нет. И вот почему. Исполнитель до добровольного отказа совершил общественно опасные действия либо по созданию условий, либо по исполнению преступления, либо те и другие. Если исполнитель совместно с другими создавал или не создавал условия для исполнения преступления и на этой стадии добровольно отказался от доведения преступления до конца, то, вне всякого сомнения, действия иных соучастников следует рассматривать как приготовление. Если исполнитель уже начал совершать действия

по причинению вреда, то и в этой ситуации пока нет однозначной квалификации действий иных соучастников, поскольку все зависит от того, применил или не применил он в исполнительских действиях результаты поведения иных соучастников. Если в исполнительских действиях уже было задействовано и поведение иных соучастников, то добровольный отказ исполнителя не исключает квалификации такого поведения, как покушение, поскольку действия иных соучастников уже «вплетены» в исполнительские и представляют с ними единое целое. И поскольку деятельность соучастников прервана на стадии исполнения, то и квалифицировать их нужно как покушение. Если же действия иных соучастников не нашли отражения в исполнении до добровольного отказа, то их нужно квалифицировать как приготовление. Возможно и существование и смешанного варианта, когда действия одних соучастников нашли отражение в исполнении, а действия других – нет. В этом случае действия первых будут представлять собой покушение, а действия других – приготовление (Козлов А. П. Указ. соч. С. 319).

Вместе с тем существующая судебная практика ввиду несовершенства действующего законодательства также неоднозначно решает проблемы квалификации действий иных соучастников в случае добровольного отказа исполнителя от совершения преступления, что еще раз говорит о необходимости законодательной регламентации рассматриваемых вопросов. Так, по приговору Московского городского суда от 22 сентября 2004 г. М. осужден по ст. 30, ч. 3; ст. 33, ч. 3; ст. 105, ч. 2, п. «з» УК РФ и признан виновным в совершении покушения на организацию убийства по найму при следующих обстоятельствах. М. обратился к Абдуллаеву с предложением за денежное вознаграждение убить С., который мешал его коммерческой деятельности. Абдуллаев записал разговор с М. на кассету и обратился в правоохранительные органы с заявлением о готовящемся покушении на жизнь С. После обращения в правоохранительные органы Абдуллаев встретился с М. и сообщил, что заказ исполнен.

Как установлено судом, в действиях М. имеется состав организации убийства по

найму, поскольку он, являясь инициатором убийства, разработал план его осуществления, подыскал исполнителя, заплатил за его совершение деньги, при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от его воли обстоятельствам, поскольку Абдуллаев сообщил о готовящемся преступлении потерпевшему С. и в правоохранительные органы.

Как указала в своем определении от 16 ноября 2004 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, правильно установив фактические обстоятельства дела, суд дал им неверную юридическую оценку. Содеянное М. является приготовлением к преступлению, а не покушением на него, поскольку действий, непосредственно направленных на убийство потерпевшего, совершено не было. При таких обстоятельствах действия М. перекалифицированы на ст. 30, ч. 1; ст. 33, ч. 3; ст. 105, ч. 2, п. «з» УК РФ (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации № 5-о04-215 от 16 нояб. 2004 г. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»).

Второй вариант, при котором иные соучастники преступления (организатор, подстрекатель, пособник) добровольно отказываются от доведения преступления до конца, не является предметом рассмотре-

ния в данной статье и требует самостоятельного подробного анализа.

Таким образом, существует острая необходимость в законодательном закреплении правил квалификации действий иных соучастников в случае добровольного отказа исполнителя от совершения преступления для формирования единообразной правоприменительной практики и выработки единой теоретической позиции по данному вопросу.

Вместе с тем рассмотрение вопроса о правилах квалификации действий иных соучастников в случае добровольного отказа исполнителя от совершения преступления невозможно без определения понятия, признаков и видов соучастников. Именно поэтому, по нашему мнению, было бы логичным добавить в ст. 34 УК РФ отдельную часть, регламентирующую вопросы ответственности иных соучастников в случае добровольного отказа исполнителя от совершения преступления.

Библиографический список

1. Козлов, А. П. Учение о стадиях преступления / А. П. Козлов. – СПб., 2002.
2. Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. – М., 1974.
3. Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 6. Соучастие в преступлении / отв. ред. В. Б. Малинин. – 2-е изд. – СПб., 2007.

И. В. Есипова,
аспирант кафедры
уголовного права и криминологии
Тюменского государственного университета

РОЛЬ УЧЕТА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ НАКАЗАНИЯ ЛИЧНОСТИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ГРУППЕ

Одним из обязательных критериев общих начал назначения наказания выступает учет при назначении наказания личности виновного. Особое значение имеет изучение влияния данного признака на назначение наказания при совершении групповых преступлений. Решение этого вопроса необходимо с точки зрения реализации правила об учете некоторых признаков при ответственности за преступление, совершен-

ное в соучастии (ч. 1 ст. 67 УК РФ), а также правила о том, что смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику (ч. 2 ст. 67 УК РФ).

В уголовном законе закреплены общие положения о назначении наказания, смягчающие и отягчающие обстоятельства, оказывающие влияние на определение меры наказания, а также правила назначения наказания. Значительное место в законе занимают квалифицирующие признаки составов преступлений, предусматривающие повышенную ответственность за преступление, совершенное в составе группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы. Кроме того, в некоторых преступлениях это конструктив-

ный признак состава преступления (например, ст. 209, 210 УК РФ). Все эти уголовно-правовые нормы нацелены на решение задач и осуществление целей, указанных в ст. 2 и 43 УК РФ, реализацию принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) (О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 11 янв. 2007 г. № 2. П. 1 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2007. № 4. С. 7), при этом значение ст. 67 УК РФ среди данных норм заключается в том, что это один из элементов системы института назначения наказания, раскрывающий содержание общих начал назначения наказания как обязательных для учета в процессе правоприменения общих правил.

Л. А. Прохоров определяет принципы назначения наказания как «четко обозначенное в уголовном законе общее правило определения меры наказания, отвечающее объективным и субъективным признакам преступления, а также личности виновного» (Прохоров Л. А. Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 7). По мнению М. И. Баженова, общие начала представляют собой «установленные законом критерии, которыми должен руководствоваться суд при назначении наказания по каждому конкретному делу». Они должны применяться судом одновременно в своем единстве, когда он решает вопрос об избрании конкретной меры наказания (Баженов М. И. Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев, 1980. С. 23–24, 26. В уголовно-правовой литературе распространено мнение о том, что общие начала назначения наказания связаны с определением справедливой меры наказания и учитываются в каждом случае. Например: Кропачев Н. М. Общие начала применения мер ответственности за преступления // Вопр. уголов. политики. Красноярск, 1991. С. 86 ; Скрябин М. А. Общие начала назначения наказания и их применения к несовершеннолетним. Казань, 1988. С. 6–7 и др.). Таким образом, во многих случаях общие начала назначения наказания как общие принципы назначения наказания связываются с вопросом выбора характера и объема правоограничений, ус-

танавливаемых для лица, совершившего преступление.

Содержание индивидуализации наказания соучастникам преступления, в том числе при групповом совершении преступления, не охватывается полностью содержанием понятия общих начал назначения наказания, оно гораздо шире. В ст. 60 УК РФ включены лишь законодательные предпосылки индивидуализации наказания соучастникам преступления, поэтому иные нормы позволяют устранить имеющиеся факты приведения в некоторых приговорах бессодержательной, неконкретизированной фразы о том, что суд «учел личность виновного».

Принцип индивидуализации находит свое выражение в норме об ответственности соучастников преступления (ч. 1 ст. 34, ст. 67 УК РФ), деятельном раскаянии при совершении преступления в соучастии (ст. 62, 64 УК РФ), учете влияния старших по возрасту лиц на несовершеннолетнего виновного (ч. 1 ст. 89 УК РФ). Важно, что все санкции норм УК РФ являются относительно-определенными или альтернативными, а возможность выбора определенной меры наказания соучастникам из представленного наказания в санкции статьи Особенной части УК РФ связано с судебским усмотрением и также зависит от опасности содеянного и личности виновного.

М. Н. Становский подчеркивает особое значение при рассмотрении уголовного дела изучения личности виновного в четырех аспектах: а) физическое состояние лица; б) психическое состояние лица; в) его социальный статус; г) правовой статус (Становский М. Н. Назначение наказания. СПб., 1999. С. 157). Причем в практическом плане интерес представляет последний признак, позволяющий учитывать данные о личности последовательно-криминогенного типа, имеющей прежние судимости (даже снятые или погашенные, но характеризующие личность виновного как человека, обладающего антиобщественной направленностью, повышенной общественной опасностью). Они могут влиять на индивидуализацию наказания в рамках санкции статьи Особенной части УК РФ, для чего в приговоре или обвинительном заключении указывается, что виновный «юридически не судим». В связи с этим

можно поддержать позицию Т. В. Непомнящей относительно того, что «учет данных, отрицательно характеризующих личность, не означает расширения перечня отягчающих наказание обстоятельств» (Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006. С. 58).

Правильной видится позиция О. Д. Ситковской о том, что с психологической точки зрения неуместна формализация процесса индивидуализации наказания виновному (Ситковская О. Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1999. С. 62–63). Очевидно, это касается и назначения наказания соучастникам преступления, так как сложно заранее формализовать выражение опасности действий того или иного соучастника. Не следует ограничивать судебское усмотрение, с помощью которого можно учитывать общественную опасность содеянного и личности виновного.

Учет личности подсудимого при совершении преступления в группе, по нашему мнению, возможен как на уровне объективных признаков при совершении преступления, так и на уровне социально-демографических, биологических и иных признаков (поведение виновного до и после совершения преступления, например, характеризующее его как ситуативный тип личности или последовательно-криминальный, его поведение в быту и семье, отношение к учебе, работе, образ жизни и др.). В ч. 1 ст. 67 УК РФ законодатель устанавливает основы индивидуализации наказания соучастникам преступления прежде всего с учетом объективных признаков: а) характера и степени фактического участия лица; б) значения участия для достижения цели преступления; в) влияния участия лица на причиненный или возможный вред; г) характера и размера причиненного или возможного вреда.

Это связано с необходимостью учета опасности самого преступления и содеянного виновными при соучастии в преступлении, в том числе при одной из наиболее опасных форм групповой преступности – организованной преступности. Изменения степени общественной опасности преступления могут определяться как наличием

смягчающих обстоятельств, так и исключительными обстоятельствами содеянного, связанными с ролью виновного (например, незначительной, второстепенной, менее активной при соисполнительстве), либо учетом особо активной роли виновного в совершении преступления (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК РФ) в случаях, когда лицо: а) выполняет основную часть действий (чаще всего при соисполнительстве); б) проявляет инициативу совершения преступления, выступает организатором, подстрекателем преступления; в) будучи исполнителем, может одновременно выступать как организатор, подстрекатель либо пособник.

По мнению А. В. Шеслера, «сформировавшееся лидерство, как и другие обязательные параметры группы, повышает ее общественную опасность, так как усиление негативных индивидуальных способностей участников преступной группы приобретает целенаправленный и упорядоченный характер» (Шеслер А. В. Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности. Тюмень, 2005. С. 32). Однако данное отягчающее обстоятельство, характеризующее как объективные, так и субъективные признаки содеянного, не всегда учитывается при назначении наказания лицу, создавшему, например, банду и руководившему ее деятельностью (ч. 1 ст. 209 УК РФ). По нашему мнению, только особо активная роль при совершении конкретных преступлений в составе банды (личное участие в нападениях) может быть основанием усиления наказания с учетом данного обстоятельства, характеризующего также личность виновного как наиболее опасного участника группы вследствие открытого негативно-пренебрежительного отношения к защищаемым уголовным законом ценностям.

При назначении наказания за преступление, совершенное в группе, следует учитывать личность каждого виновного, что связывается с целью его исправления (правило о том, что смягчающие и отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику – ч. 2 ст. 67 УК РФ). Поэтому выбор конкретного вида наказания или меры наказания зависит в том числе и от возможности их исправительного и предупредительного воздействия.

Например, по приговору Тюменского областного суда от 5 февраля 1999 г. группа виновных лиц в составе пяти человек была осуждена за ряд убийств. При назначении меры наказания судебная коллегия учла характер, общественную опасность и тяжесть совершенных подсудимыми преступлений, наступившие последствия, данные о личности подсудимых и погибших. Все подсудимые характеризовались удовлетворительно: Коротких – участник войны в Афганистане, имел правительственные награды; Ельцов, Коротких, Кононенко и Кунгурцев имели на иждивении малолетних детей. В связи с этим судебная коллегия посчитала, что подсудимые Ельцов, Кунгурцев, Кононенко и Коротких могут быть исправлены только в условиях длительной изоляции от общества.

Однако было указано, что Кожевников совершил особо тяжкие преступления, лично лишив жизни пять человек и приняв активное участие в убийстве еще двоих граждан. Ранее за совершение умышленных преступлений к нему уже применялись меры уголовного воздействия, однако он на путь исправления не встал, правильных выводов не сделал, был возвращен в места лишения свободы, в период испытательного срока продолжал совершать преступления. Был сделан вывод о том, что указанные обстоятельства свидетельствуют об исключительной опасности Кожевникова для окружающих, поэтому судебная коллегия сочла, что лишение свободы на определенный срок является недостаточным наказанием для подсудимого, а так как Конституционный Суд РФ приостановил применение смертной казни, то Кожевникову было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы (Архив Тюмен. обл. суда за 1999 г. Приговор Тюмен. обл. суда от 5 февр. 1999 г. в отношении Ельцова, Кунгурцева, Кононенко, Коротких и Кожевникова).

Личность виновного может характеризоваться различными признаками – возрастом, полом, психологическими, социальными, правовыми признаками, состоянием здоровья, поведением и т. п. Однако только к личности виновного в узком смысле этого слова могут относиться такие обстоятельства, как «несовершеннолетие виновного»

– п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ; «беременность» – п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ; наличие малолетних детей – п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ и иные обстоятельства, не указанные в законе. То есть при учете личности подсудимого при совершении преступления в соучастии обязательно следует принимать во внимание и объективные, и субъективные признаки, обстоятельства, относящиеся к личности виновного и общественно опасному деянию, совершенному им. Таким образом, конкретизируя принцип справедливости уголовного права, выраженный в ст. 6 УК РФ, применительно к назначению наказания, можно сказать, что справедливое наказание соответствует тяжести совершенного преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Например, согласно приговору Иркутского областного суда Красицкий и Голиков были признаны виновными в разбойном нападении, совершенном группой лиц по предварительному сговору и с применением оружия; в незаконных ношении, перевозке, хранении огнестрельного оружия и боеприпасов. В отношении Голикова суд исключительными обстоятельствами признал его второстепенную роль и отсутствие каких-либо тяжких последствий его действий. Вместе с тем в приговоре указано, что разбой совершен группой лиц по предварительному сговору, с распределением ролей при нападении. При таких данных вывод о второстепенной роли Голикова не мотивирован и является преждевременным, так как не выяснено, кто из соучастников был инициатором совершения разбоя, кто заряжал ружье, сам ли Красицкий стрелял из ружья или по чьей-либо команде. Кроме того, придя к выводу о возможности исправления Голикова без отбывания наказания в местах лишения свободы, суд не оценил сведения, характеризующие его. При этом из характеристик следовало, что Голиков в школе пропускал уроки без уважительных причин, к занятиям не готовился, в трудовых и общественных делах не участвовал, к поручениям относился недобросовестно, отрицательно влиял на ребят, был дерзок, груб, изворотлив, постоянно нарушал режим дня, состоял на учете в детской комнате милиции. В период расследования уголовного дела он продолжал заниматься

преступной деятельностью: совершил ряд краж из гаражей, угон автомашины, умышленно уничтожил и повредил чужое имущество. С учетом всех указанных обстоятельств вывод суда о возможности исправления Голикова без отбывания наказания в местах лишения свободы признан незаконным и необоснованным, в связи с чем приговор отменен (Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2003 год // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2004. № 9. С. 30).

При назначении наказания за преступление, совершенное в составе группы, необходимо учитывать то, является ли конкретное общественно опасное деяние закономерным результатом поведения подсудимого или же преступление носит для него случайный характер. Особое значение в этом случае имеют ситуации совершения преступлений в составе так называемых смешанных групп с участием взрослых соучастников и несовершеннолетних, часть из которых может быть вовлечена в совершение преступления. Однако для некоторых из подростков может быть характерна активная роль, равная по значению роли взрослого, а в отдельных случаях инициатива преступления может исходить от самого подростка (В п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указано, что «при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних, совершенных с участием взрослых, необходимо тщательно выяснять характер взаимоотно-

шений между взрослым и подростком, поскольку эти данные могут иметь существенное значение для установления роли взрослого в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий» (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2000. № 4. С. 12). В связи с этим велика роль прокурорского надзора за исполнением законов, касающихся несовершеннолетних и молодежи, реализации задач по выявлению и устранению причин и условий, способствовавших совершению преступления, изучения необходимых материалов об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, влиянии на него взрослых.

Таким образом, сказанное выше позволяет нам отметить, что назначение судом наказания при совершении групповых преступлений с учетом данных о личности подсудимого, основанных на объективных и субъективных признаках, позволяет реализовать частно-предупредительное воздействие наказания. Это может способствовать решению задач повышения эффективности практики применения норм закона, совершенствованию противодействия преступности, обеспечению реализации принципа гуманизма.

Библиографический список

1. *Непомнящая, Т. В.* Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы / Т. В. Непомнящая. – СПб., 2006.
2. *Шеслер, А. В.* Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности / А. В. Шеслер. – Тюмень, 2005.

А. В. Зарубин,
*аспирант кафедры
уголовного права и процесса
Юридического института Красноярского
государственного аграрного университета*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗЪЯСНЕНИЙ ПЛЕНУМОВ ВЕРХОВНЫХ СУДОВ СССР И РФ (РСФСР) О МОШЕННИЧЕСТВЕ

Принятое 27 декабря 2007 г. постановление № 51 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (Бюл.

Верхов. Суда Рос. Федерации. 2008. № 2) (далее: Постановление № 51) является первым постановлением Пленума Верховного Суда РФ, которое непосредственно посвящено таким формам хищения, как мошенничество, присвоение и растрата. Однако нельзя сказать, что до этого высшая судебная инстанция не уделяла внимания делам о мошенничестве вообще. Как показывает анализ различных постановлений пленумов верховных судов СССР и РФ (РСФСР), некоторые спорные вопросы разграничения мошенничества с теми или иными составами преступлений рассматривались.

Цель настоящей статьи – проанализировать новые положения, предложенные в Постановлении № 51, а также изменения, внесенные этим постановлением в понимание судами сущности мошенничества и его разграничения с другими составами преступлений.

В п. 1 Постановления № 51 Пленум Верховного Суда РФ (далее: Пленум) разъясняет судам, что «мошенничество совершается путем обмана или злоупотребления доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо либо уполномоченный орган власти передают имущество или право на него другим лицам либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другими лицами». Таким образом, по мнению высшей судебной инстанции, способами изъятия имущества при мошенничестве являются: 1) передача имущества или права на него непосредственно владельцем (иным лицом, уполномоченным органом), 2) непрепятствование изъятию этого имущества или приобретению права на него.

Ранее как в теории, так и на практике традиционно признавалось, что при мошенничестве потерпевший **сам** должен передать имущество (право на него). Пленум Верховного Суда СССР в свое время разъяснял судам, что «признаком мошенничества является добровольная передача потерпевшим имущества или права на имущество виновному под влиянием обмана или злоупотребления доверием» (О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности : постановление Пленума Верхов. Суда СССР от 5 сент. 1986 г. № 11. URL: http://www.lawmix.ru/docs_CCCP.php?id=2997). Теперь же потерпевший (иное лицо) может просто «не препятствовать» изъятию имущества.

Предположим ситуацию: виновный завладевает чужим имуществом в присутствии третьих лиц, делая вид, что оно принадлежит ему. Ранее такие действия квалифицировались как открытое хищение имущества – грабеж, теперь же, по-видимому, такие случаи следует квалифицировать по ст. 159 УК РФ, поскольку введенные в заблуждение третьи лица не будут препятствовать изъятию имущества. В связи с изложенным представляется не совсем оп-

равданной позиция Пленума, предложившего такое расширительное толкование способов изъятия имущества мошенническим путем.

В пп. 2 и 3 Постановления № 51 Пленум разъясняет, что следует понимать под обманом и злоупотреблением доверием. Данные разъяснения не противоречат устоявшейся в теории уголовного права точке зрения: обман может быть как активным, так и пассивным, ложные сведения могут относиться к любым обстоятельствам, а злоупотребление доверием заключается в использовании доверительных отношений, обусловленных различными обстоятельствами.

Предложенное Пленумом в п. 4 Постановления № 51 разъяснение момента окончания мошенничества, предметом которого выступает имущество, практически не отличается от разъяснений Пленума Верховного Суда СССР в постановлении от 5 сентября 1986 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности». Однако в Постановлении № 51 Пленум впервые указал на момент окончания мошенничества, совершенного в отношении права на имущество: «Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным». Иными словами, здесь уже недостаточно фактической возможности владения, поскольку отсутствует возможность распоряжения: в отличие от имущества правом на него виновный может распорядиться только в случае, когда такое право закреплено (зарегистрировано) установленным законом образом.

В следующем пункте Постановления № 51 Пленум разъясняет устоявшееся в теории уголовного права и практике его применения понимание субъективной стороны мошенничества: еще до получения имущества или права на него виновный должен преследовать цель их присвоения; уже на этот момент он должен принять решение не возвращать полученное имущество или его стоимость потерпевшему, не исполнять принятых на себя обязательств. Так, Пленум указывает: «В случаях, когда

лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него».

Это разъяснение не отличается от ранее предложенных разъяснений пленумов верховных судов СССР и РФ: п. 9 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» (Сб. постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1977. М., 1978. Ч. 2), п. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. № 11 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности», абз. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 ноября 1989 г. № 13 «О квалификации некоторых видов преступных посягательств на личное имущество граждан» ([URL: http://www.pravoteka.ru/pst/531/265298.html](http://www.pravoteka.ru/pst/531/265298.html)), пп. 20, 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» ([URL: http://zakon.kuban.ru/private/ppvs6.htm](http://zakon.kuban.ru/private/ppvs6.htm)).

Данный признак мошенничества доказывается порой труднее всего (прежде всего это относится к злоупотреблению виновным доверием потерпевшего), поскольку трудно доказать, была ли у виновного цель присвоения кредита до его получения, собирался ли он изначально присвоить прокатное имущество и т. д. Вместе с тем анализируемый признак обязателен для мошенничества, и его отсутствие означает отсутствие всего состава в целом. Именно он является главным критерием для отграничения преступного мошенничества от недобросовестных гражданско-правовых сделок (Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. М., 2007). Видимо, поэтому Пленум в п. 5 Постановления

№ 51 счел нужным уточнить, что «о наличии умысла, направленного на хищение, могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной финансовой возможности исполнить обязательство или необходимой лицензии на осуществление деятельности, направленной на исполнение его обязательств по договору, использование лицом фиктивных уставных документов или фальшивых гарантийных писем, сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества, создание лжепредприятий, выступающих в качестве одной из сторон в сделке».

Судам следует учитывать, что указанные обстоятельства сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства».

Пункты 6 и 7 Постановления № 51 посвящены квалификации мошенничества, совершенного с помощью поддельных документов. Ранее Пленум Верховного Суда РСФСР в п. 6 постановления от 23 декабря 1980 г. № 6 «О практике применения судами Российской Федерации законодательства при рассмотрении дел о хищениях на транспорте» разъяснял судам, что «в случаях подделки похищенных билетов и предъявления их транспортной организации для оплаты под видом отказа от поездки, опоздания к отправлению (вылету) транспортного средства и т. п. либо сбыта таких поддельных билетов гражданам действия лица должны быть квалифицированы как подделка документов (ст. 327 УК РФ) и мошенничество (ст. 159 УК РФ)» (Сб. действующих постановлений пленумов верховных судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам с комментариями и пояснениями / отв. ред. В. И. Радченко ; науч. ред. А. С. Михлин. М., 2008). В Постановлении № 51 Пленум распространил данное разъяснение на все официальные документы, предоставляющие права или освобождающие от обязанностей, и уточнил, в каких случаях следует подделку документа квалифицировать как неоконченное мошенничество (приготовление либо покушение), а также в каких случаях

квалификации по совокупности со ст. 327 УК РФ не требуется.

В п. 8 Постановления № 51 Пленум разъяснил судам, что «в случаях создания коммерческой организации без намерения фактически осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность, имеющего целью хищение чужого имущества или приобретение права на него, содеянное полностью охватывается составом мошенничества. Указанные деяния следует дополнительно квалифицировать по статье 173 УК РФ как лжепредпринимательство только в случаях реальной совокупности названных преступлений, когда лицо получает также иную, не связанную с хищением, имущественную выгоду».

Кстати отметим, что вопрос разграничения мошенничества и лжепредпринимательства является одним из самых спорных среди ученых.

Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 173 УК РФ, показывает, что данное преступление совершается путем обмана (создание организации без намерения осуществлять предпринимательскую или банковскую деятельность), с корыстной целью (с целью получения кредитов, освобождения от налогов, извлечения иной имущественной выгоды или прикрытия запрещенной деятельности), последствием имеет причинение имущественного ущерба (крупный ущерб гражданам, организациям или государству). Таким образом, данная норма является специальной по отношению к мошенничеству, предусмотренному ст. 159 УК РФ (в случае причинения прямого ущерба), и по отношению к причинению имущественного ущерба, предусмотренному ст. 165 УК РФ (в случае упущенной выгоды). Однако сравнение санкций показывает, что этот состав привилегированный, именно поэтому он практически не применяется. В связи с этим, на наш взгляд, он должен быть исключен из УК РФ.

В следующем пункте Постановления № 51 высшая судебная инстанция разъясняет, что «если лицо осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность путем изготовления и реализации фальсифицированных товаров, например спиртосодержащих напитков, лекарств, под видом подлинных, обманывая потреби-

лей данной продукции относительно качества и иных характеристик товара, влияющих на его стоимость, содеянное образует состав мошенничества и дополнительной квалификации по статье 171 УК РФ не требует». Отметим, что постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем» (Рос. газ. 2004. 7 дек.) такого разъяснения не содержит. Действительно, деятельность, запрещенная законом, не может быть признана предпринимательской, поэтому по ст. 171 УК РФ уголовная ответственность возможна только в том случае, если предметом преступления выступает предпринимательская деятельность, которая в действительности может быть зарегистрирована. Изготовление и реализация фальсифицированных товаров в принципе не могут быть признаны предпринимательской деятельностью, поэтому, во-первых, не совсем верным представляется использование Пленумом формулировки «лицо осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность путем изготовления и реализации фальсифицированных товаров», а во-вторых, излишним представляется упоминание об отсутствии в таких действиях состава преступления, предусмотренного ст. 171 УК РФ.

Кроме того, Пленум добавляет: «В тех случаях, когда указанные действия связаны с производством, хранением или перевозкой в целях сбыта либо сбытом фальсифицированных товаров, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 159 и 238 УК РФ», не разграничивая при этом понятия «изготовление» и «производство», «реализация» и «сбыт».

В п. 10 Постановления № 51 разъясняется, что тайное хищение ценных бумаг на предъявителя должно квалифицироваться как кража чужого имущества, а «последующая реализация прав, удостоверенных тайно похищенными ценными бумагами на предъявителя (то есть получение денежных средств или иного имущества), представля-

ет собой распоряжение похищенным имуществом и не требует дополнительной квалификации как кража или мошенничество». Следует отметить, что это абсолютно верное разъяснение, однако, на наш взгляд, его следовало бы дать в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», поскольку оно разграничивает по предмету кражу ценных бумаг, являющихся имуществом, и кражу легитимационных знаков, предоставляющих право на получение имущества, но которые сами по себе имуществом не являются (Там же. 2003. 18 янв.).

Согласно п. 11 Постановления № 51 как мошенничество должны квалифицироваться «действия, состоящие в противоправном получении социальных выплат и пособий, денежных переводов, банковских вкладов или другого имущества на основании чужих личных или иных документов», а также «путем представления в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать соответствующие решения, заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, наступление которых согласно закону, подзаконному акту и (или) договору является условием для получения соответствующих выплат или иного имущества... а также путем умолчания о прекращении оснований для получения указанных выплат». Следует отметить, что незаконное получение государственной пенсии путем обмана или злоупотребления доверием признавалось мошенничеством еще Пленумом Верховного Суда РСФСР (постановление от 31 марта 1961 г. № 2 «О судебной практике по рассмотрению дел, возникающих в связи с незаконной выплатой государственных пенсий», ныне утратившее силу (Сб. постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации 1961–1993. М., 1994). Пленум Верховного Суда СССР в п. 5 постановления от 11 июля 1972 г. № 4 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» (не утратило силу) также разъяснял судам, что «умышленное незаконное получение частным лицом государственных или общественных средств в качестве пенсий, пособий или других выплат в результате

обмана или злоупотребления доверием подлежит квалификации как хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества». Иными словами, в данном пункте высшая судебная инстанция только более полно разъяснила способы совершения таких мошеннических действий.

Совершенно новыми и действительно необходимыми представляются разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, предложенные им в пп. 12–14 Постановления № 51: о мошенничестве, совершенном в отношении безналичных денежных средств, о моменте его окончания, о совокупности данных действий с преступлениями, предусмотренными ст. 272 или 273 УК РФ; о хищении чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной кредитной (расчетной) карты, об изготовлении таких карт как приготовлении к мошенничеству, об использовании их как покушении на мошенничество, о мошенническом способе хищения денежных средств путем сбыта поддельных карт или иных платежных документов, не являющихся ценными бумагами, заведомо не пригодных к использованию. Хотя следует отметить, что, в сущности, последние разъяснения, касающиеся поддельных расчетных (кредитных) карт аналогичны разъяснениям, содержащимся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 апреля 1994 г. № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» ([URL: http://zakon.kuban.ru/nd2/2001-1/2-94.shtml](http://zakon.kuban.ru/nd2/2001-1/2-94.shtml)).

Практически дословно в п. 15 Постановления № 51 воспроизведены разъяснения, предложенные Пленумом в п. 8 упомянутого постановления от 28 апреля 1994 г. № 2.

Следующие два пункта Постановления № 51 посвящены таким вопросам, как разграничение мошенничества с причинением имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) и грабежом (ст. 161 УК РФ). Ранее подобных разъяснений Пленум не давал, однако они были разработаны учеными, поэтому абсолютно новыми их назвать нельзя.

В пп. 21, 23–27 Постановления № 51 Пленум разъясняет, в каких случаях мошенничество может быть признано квали-

фицированным или особо квалифицированным. При этом высшей судебной инстанцией впервые применительно к рассматриваемому составу раскрывается такой квалифицирующий признак, как совершение мошенничества лицом с использованием своего служебного положения: под ними следует понимать лиц, перечисленных в примечаниях к ст. 201 и 285 УК РФ, а также государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами.

В уголовно-правовой литературе неоднократно указывалось на первые два признака – совершение мошенничества должностными лицами или управленцами (перечисленными в примечании к ст. 201 УК РФ). К ним Пленум добавил еще государственных или муниципальных служащих. В соответствии со ст. 10 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» государственные служащие делятся на два вида: «федеральный государственный служащий – гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета» и «государственный гражданский служащий субъекта Российской Федерации – гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации и получающий денежное содержание (вознаграждение) за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации. В случаях, предусмотренных федеральным законом, государственный гражданский служащий субъекта Российской Федерации может получать денежное содержание (вознаграждение) также за счет средств федерального бюджета» (Рос. газ. 2003. 31 мая).

Понятие муниципальных служащих законодатель дает в ст. 10 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»: «1. Муниципальным служащим является гражданин, исполняющий в порядке, определенном муниципальными правовыми актами в соответствии с федеральными

законами и законами субъекта Российской Федерации, обязанности по должности муниципальной службы за денежное содержание, выплачиваемое за счет средств местного бюджета. 2. Лица, исполняющие обязанности по техническому обеспечению деятельности органов местного самоуправления, избирательных комиссий муниципальных образований, не замещают должности муниципальной службы и не являются муниципальными служащими» (Там же. 2007. 7 марта).

Однако, на наш взгляд, Пленуму следовало бы в данных пунктах также дать разъяснение, в случае совершения мошенничества должностным лицом или управленцем имеет ли место совокупность преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159 УК РФ и соответственно ст. 201 (285) УК РФ, или действия должны квалифицироваться только по ч. 3 ст. 159 УК РФ.

В п. 28 Постановления № 51 Пленум впервые разъяснил, что под корыстной целью следует понимать «...стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц». Данное разъяснение, возможно, прекратит дискуссию по вопросу о том, имеется ли корыстная цель при хищении в пользу третьих лиц.

Проведенный анализ позволяет сделать следующий вывод: во-первых, не все разъяснения, предложенные Пленумом в Постановлении № 51, являются бесспорными; во-вторых, о некоторых моментах Пленум умалчивает, что свидетельствует о необходимости доработки данного постановления.

Библиографический список

1. *Лопашенко, Н. А.* Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону / Н. А. Лопашенко. – М., 2007.
2. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 дек. 2007 г. № 51 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. – 2008. – № 2.
3. О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности : постановление Пленума Верхов. Суда СССР от 5 сент. 1986 г. № 11. – Режим доступа: http://www.lawmix.ru/docs_CCCP.php?id=2997.

М. М. Идрисов,
старший прокурор
отдела прокуратуры г. Москвы

ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Определение процессуального положения и задач прокурора-обвинителя в состязательном уголовном процессе является самостоятельной и достаточно сложной теоретической проблемой.

Российский уголовный процесс был и остается по своей природе смешанным, основанным не только на равноправии сторон, но и на активной познавательной роли суда в исследовании обстоятельств дела. С указанной проблемой в неразрывной связи находится вопрос о процессуальном положении прокурора-обвинителя.

По данному вопросу аналогично вопросу о содержании принципа состязательности существуют различные и часто полярные точки зрения.

Так, И. Л. Петрухин, рассматривая место прокуратуры в регулировании общественных отношений, отмечает, что задачи прокурора следует ограничить поддержанием в суде государственного обвинения, руководством следствия и предъявлением в суд исков в защиту граждан по их просьбам (Петрухин И. Л. Реформа уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Законодательство. 2001. № 3. С. 7–8).

По мнению В. М. Савицкого, «обвинитель есть обвинитель, он приходит в суд обвинять, поддерживать обвинение, а не защищать. Обвинение никогда не может быть многосторонним, на то оно и обвинение, т. е. деятельность, направленная на доказывание вины подсудимого и необходимости его наказания» (Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 64).

Ч. С. Касумов полагает, что прокурор должен принять все меры к тому, чтобы обеспечить привлечение максимально широкого круга источников доказательств, которые помогли бы ему на судебном следствии успешно доказывать обвинение, а в судебном следствии задача прокурора – выполнить возложенную на него обязанность по доказыванию виновности подсудимого

(Касумов Ч. С. Презумпция невиновности в советском праве. Баку, 1984. С. 102, 103).

К. Ф. Скворцов отмечает: «Утверждение, что прокурор – обвинитель, не согласуется с презумпцией невиновности. Если прокурор идет в суд заведомо обвинять, а не законность оберегать, если он заранее, до окончания судебного следствия, убежден в виновности подсудимого, то значит, он руководствуется презумпцией виновности. А это не решаются открыто утверждать даже сторонники состязательности» (Скворцов К. Ф. О «сторонах» состязательности и о роли прокурора в судебном рассмотрении уголовных дел // Развитие и применение уголовно-процессуального законодательства. Воронеж, 1987. С. 170–171).

По мнению В. Ш. Харчиковой, участие прокурора в судебных стадиях уголовного процесса не ограничивается уголовным преследованием. Государственный обвинитель в состязательном процессе должен быть гарантом соблюдения прав лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства, в том числе потерпевших (Харчикова В. Ш. Роль государственного обвинителя в состязательном уголовном процессе // Актуальные проблемы правовой науки и практики. Кемерово, 1999. С. 451). Похожие точки зрения высказывали в разное время и другие авторы (Напр.: Воскресенский В., Корневский Ю. Состязательность в уголовном процессе // Законность. 1998. № 7 ; Гаврилов В. В. Слово государственному обвинителю // Поддержание государственного обвинения в суде. Саратов, 1998 ; Кириллова Н. П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции. СПб., 1996 ; Кухлевская Т. А. Государственное обвинение в условиях судебно-правовой реформы : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 1994 ; Семененко М. Э. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами. М., 2001 и др.).

Согласно приказу Генпрокуратуры РФ от 24 ноября 1998 г. № 82 «О задачах прокуроров, участвующих в рассмотрении судами уголовных дел» (в настоящее время данный приказ утратил свою силу), участие прокурора в судебных стадиях уголовного процесса не ограничивалось уголовным преследованием; государственный обвини-

тель должен быть гарантом соблюдения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу судопроизводства; участвуя в судебных стадиях уголовного судопроизводства, прокурор руководствуется принципом верховенства закона. Это требует соблюдения правовых предписаний прежде всего самим государственным обвинителем, а также возлагает на него обязанность реагировать на любые нарушения закона, чьи бы интересы они ни ущемляли. Сегодня деятельность государственных обвинителей обусловлена приказом от 20 ноября 2007 г. № 185 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» (Законность. 2008. № 1).

В соответствии со ст. 35, 36 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472) прокурор осуществляет уголовное преследование в суде, выступает в качестве государственного обвинителя и в пределах своей компетенции он или его заместитель приносит в вышестоящий суд кассационный или частный протест. В уголовно-процессуальном законодательстве впервые получило нормативное закрепление понятие «уголовное преследование». В п. 55 ч. 1 ст. 5 УПК РФ содержится его определение: «процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления». Понятие и сущность уголовного преследования в свое время были подробно исследованы А. Г. Халиулиным (Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры России (проблемы осуществления в условиях правовой реформы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997).

С нашей точки зрения, наиболее важными положениями, определяющими деятельность государственного обвинителя в настоящее время, являются следующие: в условиях состязательного процесса объективность, профессиональная грамотность прокурора при осуществлении обвинительной функции, его активность в представлении и исследовании доказательств становятся решающим фактором в обеспечении неотвратимости наказания за совершенное преступление. Выполняя обязанности госу-

дарственного обвинителя, прокурор должен всемерно способствовать всестороннему исследованию обстоятельств дела, правильному его разрешению, поддерживать обвинение лишь в меру его доказанности.

Кроме того, представляются важными следующие предписания Генерального прокурора:

1. Принимать меры к постоянному совершенствованию государственного обвинения как одного из действенных средств борьбы с преступностью, а непосредственное участие в поддержании государственного обвинения считать важнейшей служебной обязанностью прокурора.

2. Обеспечить поддержание государственного обвинения, помимо дел, рассматриваемых судом присяжных, по всем делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, по делам о преступлениях несовершеннолетних, а также в тех случаях, когда участие прокурора признает обязательным суд. По остальным делам обвинение поддерживать исходя из их важности, сложности либо общественной значимости и с учетом реальной возможности обеспечить качественное участие государственного обвинителя в судебном процессе.

3. Руководителям прокуратур назначать государственных обвинителей заблаговременно. При этом учитывать характер, объем и сложность дела, квалификацию и опыт работы прокурора, которому поручается поддержание обвинения. Обеспечить активное участие прокуроров в исследовании доказательств при судебном разбирательстве, повысить их личную ответственность за правильность занимаемой позиции и ответственность ее результатам судебного следствия, обоснованность заключений по всем возникающим при рассмотрении дела вопросам, опротестование в кассационном порядке каждого незаконного или необоснованного судебного постановления.

4. По наиболее сложным, многоэпизодным делам, с большим количеством лиц, привлеченных к уголовной ответственности, решать вопрос о создании группы государственных обвинителей. Распределять обязанности среди членов группы применительно к особенностям каждого конкретного дела.

В регионах, где действует суд присяжных заседателей, в качестве государствен-

ных обвинителей назначать специально подготовленных прокуроров, обладающих навыками ораторского мастерства.

5. Строго соблюдать принцип процессуальной самостоятельности государственного обвинителя, позиция которого не связана выводами обвинительного заключения и должна быть основана на результатах исследования обстоятельств дела в судебном заседании. Заключение и ходатайства прокурора должны основываться на нормах права, быть аргументированными. В необходимых случаях их следует представлять суду в письменной форме. Неукоснительно следовать требованиям закона об отказе от обвинения при отсутствии убедительных доказательств вины подсудимого.

К числу задач прокурора в условиях состязательности, по нашему мнению, необходимо отнести и то, что прокурор должен доказать виновность подсудимого с полной несомненностью и достоверностью и обвинять подсудимого именно в том преступлении, которое он действительно совершил. Прокурор должен правильно юридически оценить это преступление, т. е. указать правильную уголовно-правовую квалификацию. Государственный обвинитель должен требовать для подсудимого наказания, строго соответствующего тяжести совершенного им преступления и данным о его личности, иными словами, наказания заслуженного, справедливого (Кореневский Ю. В. Этические начала поддержания прокурором государственного обвинения // Проблемы судебной этики. М., 1974).

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что главной задачей прокурора в суде является обеспечение законности и обоснованности предъявленному государственным обвинителем обвинения. Полный или частичный отказ от обвинения, а равно изменение обвинения в сторону смягчения (ч. 8 ст. 246 УПК РФ) возможны лишь при условии, когда прокурор в ходе судебного разбирательства придет к убеждению о том, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение (полностью или в части) или действия обвиняемого образуют другой состав преступления.

Кроме того, прокурор должен принять все предусмотренные законом меры по

обеспечению прав участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, а также лиц, отнесенных законом к категории иных участников уголовного судопроизводства.

Конституционный суд РФ своим постановлением от 20 апреля 1999 г. № 7-П (Рос. газ. 1999. 27 апр.) признал ч. 4 ст. 248 УПК РСФСР не соответствующей Конституции РФ. Напомним, что речь шла о последствиях отказа прокурора от обвинения в суде. Конституционным судом РФ было отмечено, что при отказе прокурора от обвинения продолжение судом разбирательства есть осуществление судом несвойственной ему обязанности по обоснованию предъявленного органами расследования обвинения.

Противники этого постановления приводили в пользу своей позиции различные доводы, в частности, говорилось о том, что прокурор, отказываясь от обвинения, выражает всего лишь собственное мнение, а это не исключает возможности его заблуждения и существования иной точки зрения. Такой отказ не означает, что обвинение больше не существует и сам предмет спора сторон исчез. Суд после этого фактически занимает позицию одной из сторон, и отсутствие обвинителя означает прекращение дела или вынесение оправдательного приговора. Вопрос о том, было ли совершено преступление в действительности, перестает быть важным (Лотыш Т. А. Состязательность и некоторые другие вопросы уголовного судопроизводства в постановлениях Конституционного суда РФ // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. 2001. № 1. С. 94).

По мнению О. Л. Васильева, Конституционный суд РФ таким образом вытесняет из уголовного процесса объективную истину во имя стремления к «чистой состязательности» (Васильев О. Л. Состязательность как принцип организации судебного следствия в уголовном процессе // Вестн. Моск. гос. ун-та. Сер. 11, Право. 1999. № 5. С. 55).

Ф. Багаутдинов и А. Васин подвергают критике указанное выше постановление Конституционного суда РФ с позиций защиты прав человека и излагают свои доводы, согласно которым оно нарушает общепризнанный международным правом принцип гарантирования каждому судебной за-

щиты нарушенных прав, в частности, говорят о нарушении прав потерпевшего.

Приняв новый УПК РФ, законодатель поставил точку в этом споре. В соответствии с ч. 7 ст. 246 УПК РФ полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части. Статья 254 УПК РФ не ставит принятие судом решения о прекращении дела в зависимость от согласия либо возражения потерпевшего (Багаутдинов Ф., Васин А. Последствия отказа прокурора от обвинения в суде // Рос. юстиция. 2000. № 3).

На наш взгляд, у потерпевшего должна сохраниться возможность продолжить поддержание обвинения при отказе от него прокурора, поскольку это право не противоречит принципу состязательности, соотнобразуется с общепризнанными принципами и нормами международного права и должно быть закреплено в законе.

Таким образом, деятельность по применению права в сфере уголовного судопроизводства находит свое конечное отражение в процессуальных правоприменительных актах, оценка которых с точки зрения законности, обоснованности, мотивированности, объективности и полноты позволяет судить в определенной мере об эффективности судебного рассмотрения уголовных

дел. С оценкой правоприменительных актов тесно связана методика изучения эффективности уголовного судопроизводства.

Однако уголовное судопроизводство осуществляется и достигает своих целей не только за счет деятельности по применению права, значительный вклад вносится теми участниками процесса, деятельность которых связана с подготовкой условий для правоприменения и проверкой его результатов, исполнением, соблюдением и использованием процессуальных норм.

Библиографический список

1. Гаврилов, В. В. Слово государственному обвинителю / В. В. Гаврилов // Поддержание государственного обвинения в суде. – Саратов, 1998.
2. Кириллова, Н. П. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции / Н. П. Кириллова. – СПб., 1996.
3. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе : учеб.-практ. пособие / В. А. Лазарева. – М., 2009.
4. Петрухин, И. Л. Реформа уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы / И. Л. Петрухин // Законодательство. – 2001. – № 3.
5. Семенов, М. Э. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами / М. Э. Семенов. – М., 2001.

В. А. Козинкин,
*старший преподаватель
кафедры криминалистики
Тульского филиала Московского
университета МВД России*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ОПЕРАТОРАМИ СОТОВЫХ СИСТЕМ ПОДВИЖНОЙ СВЯЗИ

Взаимодействие субъектов получения криминалистически значимой информации из средств сотовых систем подвижной связи (далее: СССПС) в процессе расследования преступлений является залогом успеха данного вида деятельности. Его важность обусловливается сложностью задач, решаемых

в процессе такой деятельности, особенно при том, что формы и виды преступных проявлений постоянно совершенствуются и усложняются, а преступность представляет собой основу «криминального общества», которое существует и действует наряду с официальным.

Накопленный к настоящему времени опыт расследования преступлений с использованием информации, обнаруживаемой в СССПС, свидетельствует о том, что залогом успеха в такой работе выступает тесное взаимодействие различных подразделений и служб правоохранительных органов как на внутриведомственном, так и на межведомственном уровнях, а также с операторами СССПС. Диапазон преступлений, в процессе расследования которых

возникает необходимость в получении указанной информации, весьма широк. При этом задачи расследования могут быть как стратегическими, касающимися отдельных направлений борьбы с преступностью, так и тактическими, связанными с раскрытием и расследованием отдельных преступлений или их групп.

Одним из наиболее важных вопросов взаимодействия традиционно считается взаимодействие на организационно-тактическом уровне следователя с оперативными работниками и экспертами-криминалистами. Проведенный нами опрос следователей, экспертов и оперативных работников ОВД показал, что такое взаимодействие как хорошее оценивают только 23 % респондентов, удовлетворительное – 59 % и неудовлетворительное – 18 %.

Взаимодействие с оперативными работниками в целях получения информации из СССПС осуществляется в следующих организационно-тактических формах:

- совместное обсуждение путей реализации информации, обнаруживаемой в СССПС, полученной ранее в рамках дел оперативного учета;
- обмен информацией о ходе предварительного следствия и результатах проведенных оперативно-розыскных мероприятий.

В связи с этим, учитывая особенности, характерные для получения информации, обнаруживаемой в СССПС, можно обозначить основные направления реализации этих форм.

Следователи оказывают квалифицированную методическую помощь оперативным работникам в оценке полученных материалов. Такая практика позволяет своевременно определить перспективу материалов, дальнейшее направление проверки, наметить оперативные и оперативно-технические мероприятия, необходимые для сбора информации, способные в дальнейшем иметь доказательственное значение. В результате подобного взаимодействия оперативные работники получают возможность целенаправленно проводить свою работу с учетом последующей процессуальной значимости получаемой информации.

Так, по оперативной информации, семья И., занимающаяся торговлей наркотическими средствами, осуществляла реализа-

цию последних через посредника А., который устанавливал связь и передавал заказ на очередную закупку посредством мобильной связи через SMS-сообщения. Указанная информация, после совместного обсуждения ее следователем и оперативным работником, была успешно использована для целей реализации оперативного материала и задержания указанных лиц, а также для выявления лиц, приобретающих наркотические средства.

Важной организационной формой взаимодействия в целях получения и использования информации, обнаруживаемой в СССПС, является обмен информацией о ходе предварительного следствия и результатах проведенных оперативно-розыскных мероприятий. Однако открытым остается вопрос об объеме материалов, с которыми может знакомиться следователь. По этому поводу в литературе существуют диаметрально противоположные точки зрения: 1) о необходимости ограничивать право следователя на ознакомление с оперативными материалами тем объемом, который сочтет необходимым оперативный работник (Долгинов С. Д. Некоторые проблемы взаимодействия следствия и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами // Актуальные проблемы теории и практики взаимодействия органов внутренних дел в борьбе с преступностью : материалы межвуз. науч.-практ. конф. Челябинск, 1998. С. 110 ; Ефимичев С. П. Реформирование уголовно-процессуального законодательства России // Актуальные проблемы досудебного производства по уголовным делам : сб. науч. тр. М., 1999. С. 7); 2) целесообразности максимально полного его информирования (Белоусов А. В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. М., 2001. С. 60–75 ; Громов Н. А., Гришин А. И. Основные направления использования результатов ОРД в процессе доказывания // Следователь. 1999. № 11. С. 39). Мы разделяем вторую точку зрения, поскольку только владея информацией в полном объеме, возможно сделать истинно верные выводы по результатам ее изучения, тактически верные и значимые для целей расследования.

При этом результаты опроса практических работников показывают, что в то время, как 87 % следователей указывают на необходимость получения всей оперативной информации, связанной с конкретным фактом, 58 % оперативных работников полагают, что объем представляемой информации должен определяться по их усмотрению.

Анализ практики получения информации, обнаруживаемой в СССПС, позволяет констатировать, что наиболее сложным аспектом взаимодействия является получение информации оперативными службами от операторов связи, и обозначить следующую процедуру осуществления этого процесса.

Оперативные службы направляют запрос на предоставление информации от оператора связи, оформленный в соответствии с установленной формой, в управление специальных технических мероприятий (далее: УСТМ). При необходимости предоставления информации, ограничивающей конституционные права граждан на тайну связи, к запросу прилагается соответствующее постановление суда.

Технический исполнитель при получении документов приступает к функциональной стадии – направлению запроса оператору связи. После получения официального ответа запрашиваемая информация передается инициатору. Результаты мероприятия оформляются сводкой.

В настоящее время отдел по борьбе с преступлениями в сфере телекоммуникаций называется отдел «К» при УСТМ МВД РФ. Следует отметить, что сегодня отсутствует нормативный акт, регламентирующий порядок такого взаимодействия на федеральном уровне оперативных подразделений с отделами «К» при УСТМ МВД РФ.

В регионах порядок такого взаимодействия регулируется самостоятельно на уровне инструкций, подготовленных отделами «К» или сотрудниками криминальной милиции УВД. Так, в УВД Тульской области отделом «К» УСТМ разработана инструкция для упорядочения процесса взаимодействия оперативных подразделений и операторов связи при раскрытии и расследовании преступлений (Инструкция оперативным службам ОВД Тульской области по организации работы в соответствии с Правилами взаимодействия операторов связи с упол-

номоченными государственными органами, осуществляющими ОРД).

Анализ результатов взаимодействия отдела «К» УСТМ УВД Тульской области и оперативных подразделений свидетельствует о его активизации и увеличении потребности практических органов в получении информации, обнаруживаемой в СССПС. Так, в 2007 г. количество запросов, поступивших из оперативных подразделений в отдел «К», по сравнению с 2006 г. увеличилось на 1/3, или 32 %.

Взаимодействие с операторами связи в целях получения информации, обнаруживаемой в СССПС, как правило, осуществляется через департаменты и службы безопасности и регламентируется наряду с ведомственными нормативными актами внутренними инструкциями операторов связи.

Так, ОАО «Мобильные телесистемы» руководствуется внутренним Регламентом процесса «Организация предоставления информации правоохранительным органам и суду». В соответствии с ним продолжительность исполнения запроса составляет 5–18 рабочих дней. Прием и регистрация постановлений следователей о производстве выемок, запросов правоохранительных органов осуществляется сотрудником департамента безопасности, при этом документы, присланные по факсу, исполнению не подлежат.

Предоставление прав доступа для работы с информационными системами, необходимыми для исполнения запроса (постановления), сотруднику департамента осуществляется на основании решения Директора по эксплуатации ИТ Макро-региона по представлению Директора по безопасности Макро-региона, оформленного служебной запиской.

Предоставление информации правоохранительным органам или суду осуществляется на бумажном (электронном) носителе лично в руки при предъявлении служебного удостоверения или по почте.

Вся документация, связанная с предоставлением информации правоохранительным органам и суду, хранится в течение 2 лет.

Взаимодействие операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, регламентируется соответствующими Правилами (Об утвер-

ждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность : постановление Правительства РФ от 27 авг. 2005 г. № 538 // Рос. газ. 2005. 2 сент.), во исполнение которых сети и средства связи, используемые оператором связи, должны соответствовать требованиям, предъявляемым к ним для проведения оперативно-розыскных мероприятий и устанавливаемым Министерством информационных технологий и связи Российской Федерации по согласованию с ФСБ РФ.

Таким образом, на сетях электросвязи Российской Федерации задействуются специальные системы технических средств по обеспечению функций оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ – система оперативно-розыскных мероприятий). Они состоят из специальных устройств, устанавливаемых в помещении фирмы-провайдера, удаленного пульта управления, размещаемого в ФСБ РФ и выделенного «контроллерам» специально-быстродействующего канала связи. При подключении к Интернет СОРМ позволяет свободно считывать всю информацию. Особенность СОРМ заключается главным образом в том, что ее внедрение в СССПС дает технологическую возможность скрытого доступа ко всей информации оператора связи в режиме реального времени.

И. Ю. Колесник,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

ЭКОЛОГО-ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юридическая деятельность в структуре экологических правоотношений многоаспектна, что обусловлено специфическим предметом экологического права. Помимо традиционно выделяемых групп общественных отношений, регулируемых экологическим правом, а именно по использованию природных ресурсов и охране окружающей среды, в научной доктрине выделяют и другие отношения. В их число входят отношения собственности на природ-

Внедрение СОРМ является обязательным условием для подключения к сетям электросвязи общего пользования и неотъемлемой частью лицензии на осуществление деятельности по связи на территории РФ.

Таким образом, эффективное использование для целей расследования преступлений информации, обнаруживаемой в СССПС, во многом зависит от тесного взаимодействия различных подразделений и служб правоохранительных органов в процессе ее получения, как между собой, так и с операторами средств сотовых систем подвижной связи.

Библиографический список

1. Белоусов, А. В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений / А. В. Белоусов. – М., 2001.
2. Волынский, А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1999.
3. Громов, Н. А. Основные направления использования результатов ОРД в процессе доказывания / Н. А. Громов, А. И. Гришин // Следователь. – 1999. – № 11.
4. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского. – М., 1999.
5. Криминалистика : учебник / под ред. Н. П. Яблокова. – М., 2005.

ные объекты и ресурсы, отношения по защите экологических прав и законных интересов и др. Так, по мнению М. М. Бринчука, предмет экологического права образуют отношения: собственности на природные объекты и ресурсы; природопользования; охраны окружающей среды от разных форм деградации; защиты экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц (Бринчук М. М. Экологическое право : учеб. для высш. учеб. заведений. М., 2005. С. 41, 42). Л. В. Ращупкина, помимо природопользования и охраны окружающей среды, выделяет такую форму взаимодействия общества в процессе его деятельности и природы, как обеспечение экологической безопасности (Ращупкина Л. В. Экологический правовой порядок (Общетеоретический анализ) : дис. ... канд.

юрид. наук. Владимир, 2006. С. 57, 58). Б. В. Ерофеев определяет предмет экологического права как «складывающиеся в сфере действия эколого-правовых норм исторически обусловленные производственные отношения между гражданами и организациями при обязательном участии государства по поводу сохранения, улучшения, восстановления, эффективного использования природных объектов (экосистем) в целях сохранения окружающей среды в интересах настоящего и будущего поколений» (Ерофеев Б. В. Экологическое право России : учеб. для юрид. вузов. М., 2000. С. 52).

Таким образом, современные тенденции в развитии экологического права свидетельствуют о том, что *предмет* правового регулирования этой науки *необходимо расширять*. По справедливому замечанию Н. И. Хлуднёвой, «предмет экологического права имеет тенденцию к расширению, что объективно предопределяет отставание его норм от динамично развивающихся экологических отношений» (Хлуднёва Н. И. Коллизии в экологическом праве : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 5).

Это обусловлено также необходимостью соблюдения экологических прав и интересов будущих поколений, о чем сейчас говорят уже многие исследователи (Напр.: Бринчук М. М. Удвоение ВВП в контексте экологического права // Эколог. право. 2009. № 1. С. 7, 8).

Расширение предмета правового регулирования ставит вопрос о выделении специфических видов юридической деятельности. В науке экологического права рассмотрению содержания различных видов данной деятельности и их разграничению существенного внимания не уделялось. Говоря о деятельности вообще, здесь употребляют преимущественно термины «экологическая деятельность» и «природоохранная деятельность». Такой «обедненный» терминологический запас не позволяет качественно познавать явления правовой действительности в сфере регулируемых экологическим правом общественных отношений. Мы разделяем мнение В. Н. Карташова в том, что «деятельностный подход должен занимать одно из ведущих мест в современной методологии правоведения... Принцип деятельности позволяет соеди-

нить юридические аспекты исследования многих правовых явлений и процессов с философскими, социальными, психологическими, педагогическими и иными “видениями” данных объектов изучения» (Карташов В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. Саратов, 1989. С. 18).

На наш взгляд, заслуживает более внимательного изучения эколого-правовая деятельность. С ее помощью в совокупности с иными видами юридической деятельности возможно максимальное покрытие деятельностной составляющей экологических правоотношений. Теоретическое обоснование содержательной стороны понятия «эколого-правовая деятельность» безусловно столкнется с необходимостью аргументации целесообразности вычленения самостоятельного вида юридической деятельности. Кроме того, необходимо отметить отсутствие терминов «экологической» группы в действующем законодательстве. Речь идет об используемых в правовой доктрине понятиях «экологическое законодательство», «экологическое право», «экологические нормативные правовые акты». По справедливому замечанию И. А. Игнатьевой, «требуется обоснование введения термина “экологический” в названных и им подобных правовых понятиях в дальнейшем процессе развития законодательства» (Игнатьева И. А. Кодификация экологического законодательства: современные проблемы и условия применения // Эколог. право. 2008. № 1. С. 17).

Следует признать, что, даже оставаясь исключительно научными, указанные категории не теряют своей познавательной ценности и способствуют познанию квинт-эссенции экологического права.

Уверенность в выделении эколого-правовой деятельности возникает в связи с существующей в науке дискуссией относительно необходимости вычленения эколого-правовой ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности (Бринчук М. М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид юридической ответственности // Государство и право. 2009. № 4. С. 39–48). М. М. Бринчук отмечает, что важность признания в структуре юридической ответственности эколого-правовой состоит в том, что это послужит сильным фактором как для обеспечения возмещения экологического вреда, так и для достижения более перспективной цели –

создания условий благоприятного социально-экономического развития (Там же. С. 48).

Выделение самостоятельного правового явления предполагает определение его места в понятийном ряду, исследование его функциональной характеристики, выделение его существенных признаков. Все вышеперечисленное направлено на разграничение исследуемого явления со смежными правовыми категориями. Применительно к эколого-правовой деятельности таковыми выступают экологическая, природоохранная деятельность, а также деятельность по использованию природных ресурсов. Попытаемся их разграничить на концептуальном уровне.

Поскольку правовой процесс далеко не всегда влечет правовой результат, необходимо помнить, что эколого-правовая деятельность, в отличие от экологической, всегда носит правовой характер, который проявляется либо в особенностях самой деятельности как процессе, либо воплощен в ее результате.

Рассмотрим вопрос о соотношении эколого-правовой деятельности с природоохранной деятельностью. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» содержит оговорку по поводу содержания понятия «природоохранная деятельность». Проведенный нами опрос показал, что специалисты в области экологического права по-разному трактуют понятие природоохранной деятельности. Одни респонденты фактически отождествляют понятия «охрана окружающей среды» и «природоохранная деятельность», другие полагают, что первое понятие шире, чем второе. В соответствии со ст. 1 указанного Закона охрана окружающей среды – это «деятельность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных и иных некоммерческих объединений, юридических и физических лиц, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий (далее также – *природоохранная деятельность*)» (Рос. газ. 2002. 12 янв.). Воз-

никает дилемма: относится ли оговорка (отождествление с природоохранной деятельностью) только к последней части фразы, т. е. к «предотвращению негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий», либо она распространяется на все предложение. Анализ содержания других положений рассматриваемого правового акта показал, что законодатель, определяя термины «нормативы в области охраны окружающей среды» и «требования в области охраны окружающей среды», совершенно недвусмысленно указал на тождественность этих терминов с «природоохранными нормативами» и «природоохранными требованиями» соответственно. Эта недвусмысленность проявляется в помещении соответствующих оговорок сразу после указанных выше понятий, а не в конце их легальных дефиниций, как это сделано в случае природоохранной деятельности.

Логичности сделанных нами выводов корреспондирует их противоречивость доктринальным положениям. Так, презюмируется, что влияние человека на природу обусловлено их взаимодействием и имеет три направления: экологопользование, охрана окружающей среды и экологическая безопасность (Ерофеев Б. В. Указ. соч. С. 6). Охрана окружающей среды осуществляется природоохранными органами, поскольку для реализации природоохранной деятельности необходимы соответствующие полномочия, позволяющие применять меры принудительного характера. Следовательно, оговорка по поводу природоохранной деятельности в приведенном выше легальном определении охраны окружающей среды должна относиться ко всей дефиниции.

Однако, исходя из приведенного здесь же определения окружающей среды как совокупности компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов, можно сделать вывод о том, что отождествление охраны окружающей среды и природоохранной деятельности просто нелогично, поскольку последняя не имеет ничего общего с охраной антропогенных объектов.

Для устранения выявленных противоречий логично было бы в определении охраны окружающей среды перечислить суще-

ствующие инструментальные средства, которыми являются соответствующие виды юридической деятельности. Однако разработанная в общей теории права теория юридической деятельности оказалась практически не востребованной специалистами в области экологического права.

С нашей точки зрения, природоохранная деятельность пересекается с эколого-правовой только в части, касающейся деятельности природоохранных органов. Иные аспекты правовой активности в сфере охраны окружающей природной среды являются неотъемлемой частью эколого-правовой деятельности.

Дискуссионным будет разграничение эколого-правовой деятельности и деятельности по использованию природных ресурсов (экологопользование). Под использованием обычно понимают извлечение полезных свойств. Деятельность по рациональному использованию природных ресурсов законодатель фактически включил в природоохранную деятельность, что следует из содержания легальной дефиниции понятия «охрана окружающей среды». Такой подход еще больше «размывает» и без того достаточно неопределенное понятие «деятельность по рациональному использованию природных ресурсов».

Изучение структуры Федерального закона «Об охране окружающей среды» позволяет выделить еще один вид юридической деятельности – деятельность по управлению в области охраны окружающей среды. Закономерно возникает вопрос разграничения управления и использования в экологических правоотношениях. Функциональной основой названных терминов безусловно является деятельность, однако ее существенные характеристики будут лишь частично пересекаться.

Изучение деятельности по управлению в области охраны окружающей среды следует вести в рамках государственного экологического управления. При этом необходимо учитывать, что в науке экологического права отсутствует единый подход к содержанию категории «государственное экологическое управление». Основная трудность состоит в определении перечня природоохранных органов. Согласно первой точке зрения экологическое управление осуществляют исключительно государственные органы исполнительной власти (Бринчук М. М. Государст-

венное управление как эколого-правовая категория // Эколог. право. 2006. № 1 ; Красов О. И. Экологическое право : учебник. М., 2001. С. 151). Сторонники второй точки зрения подводят под государственное экологическое управление деятельность всех органов государственной власти, включая органы прокуратуры и суда (Экологическое право : учебник / под ред. В. Д. Ермакова и А. Я. Сухарева. М., 1997. С. 180).

На наш взгляд, дискуссию по данному вопросу необходимо продолжить, поскольку уяснение содержания государственного экологического управления позволит выявить субъекты реализации основных функций управления: организации, мотивации, планирования и контроля. В противном случае не будет работать механизм реализации экономической функции государства. Для этого следует, во-первых, определить сущность категории «управление» применительно к государственному экологическому управлению, так как термин «управление» полисемичен; во-вторых, – характер деятельности, осуществляемой природоохранными органами.

Анализ действующего экологического законодательства показал, что оно не может быть охарактеризовано как логичное и непротиворечивое. Его деятельностная составляющая остается весьма неопределенной. Разграничение различных видов юридической деятельности в экологических правоотношениях представляется весьма перспективным для совершенствования их правовой регламентации.

Библиографический список

1. Бринчук, М. М. Удвоение ВВП в контексте экологического права / М. М. Бринчук // Эколог. право. – 2009. – № 1.
2. Игнатьева, И. А. Кодификация экологического законодательства: современные проблемы и условия применения / И. А. Игнатьева // Эколог. право. – 2008. – № 1.
3. Карташов, В. Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность / В. Н. Карташов. – Саратов, 1989.
4. Рацупкина, Л. В. Экологический правовой порядок (Общетеоретический анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. – Владимир, 2006.
5. Хлуднёва, Н. И. Коллизии в экологическом праве : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.

К. В. Кострюков,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

**ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ЛИЧНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ
ПОТЕРПЕВШИХ ОТ МОШЕННИЧЕСТВА**

Сложная и многогранная деятельность по раскрытию и расследованию мошеннических посягательств направлена не только на установление и задержание лиц, виновных в совершении преступления, но и изучение механизма осуществления преступных действий, выявление объективных и субъективных движущих сил, лежащих в основе их зарождения и развития, а также принятие мер к предотвращению подобных деяний.

Решить указанные задачи можно лишь в том случае, если профессиональное мастерство сотрудников ОВД будет базироваться на последних достижениях различных наук. В юридической литературе достаточно много работ, посвященных характеристике личности преступника, исследованию возможностей и путей влияния на ее поведение в генезисе преступления, т. е. ученые и практики занимаются главным образом изучением социально-психологической структуры личности, различных свойств и качеств поведения человека, представляющего оперативный интерес для органов внутренних дел. Именно с этих позиций, как правило, рассматриваются причины противоправных деяний и условия, им способствующие, осуществляется поиск наиболее эффективных путей профилактики и предупреждения преступлений.

На наш взгляд, важное значение имеет изучение личности потерпевшего, хотя бы потому, что лицо, совершившее преступление, пусть и главное, но не единственное «действующее» лицо в самом событии противоправного деяния. Применительно к мошенничеству преступление в подавляющем большинстве случаев представляет собой системное образование, возникшее как результат единства трех взаимосвязанных элементов: лица, совершившего противоправное деяние, непосредственно самого противоправного действия или бездействия и потерпевшего.

Как правило, между мошенником и потерпевшим еще до непосредственного совершения преступления складываются сложные связи, образующие целый комплекс отношений. Поэтому всестороннее изучение личности потерпевшего от мошенничества и его поведения не менее важно, чем знание личностных качеств и поведения мошенника, о чем, в частности, писал профессор Д. В. Гребельский в конце 70-х гг. прошлого века: «Исследование виктимности поведения вероятной жертвы преступника или потерпевшего и использование выводов виктимологии позволяют значительно расширить информационную базу борьбы с рядом опасных преступлений. Это сравнительно новое направление изучения преступности имеет четкую практическую направленность, поскольку конечная цель сбора информации о вероятной жертве или поведении потерпевшего – это выработка предупредительных мер, позволяющих использовать ситуации, в которых поводом к совершению противоправного деяния могут быть личность или поведение самой жертвы. Выводы виктимологии могут дать ответы на вопросы, почему именно данное лицо или определенная группа лиц стали жертвами убийств, мошенничества, изнасилования, грабежа, а другие благополучно минуют эту опасность» (Гребельский Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1977. С. 52).

Под виктимологией в юридической науке принято понимать специальную научную дисциплину, которая в качестве главного и самостоятельного предмета исследования занимается изучением жертвы и связанных с нею теоретических и практических аспектов (Полубинский В. И. Практические аспекты криминальной виктимологии. М., 1982. С. 13).

Применительно к практике борьбы с мошенничеством, следовательно, речь может идти не вообще о жертвах, а именно о жертвах преступления, или, другими словами, о криминальном аспекте, т. е. криминальной виктимологии.

Криминальная виктимология – это совокупность знаний о жертве преступления, в частности, мошенничества, ее биологиче-

ских, психологических, социальных качествах, отношении к преступнику и поведении в ситуациях, предшествующих преступлению, и непосредственно в момент преступления.

Предметом изучения виктимологии являются лица, которым преступлением причинен физический, моральный или материальный вред; поведение этих лиц, находившихся в той или иной связи с совершенным преступлением; отношения, которые связывали преступника и потерпевшего до момента совершения преступления; ситуации, в которых произошло причинение вреда (Ривман Д. В. Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка. Л., 1973. С. 8).

Для практики борьбы с мошенническими посягательствами выводы виктимологии об отношениях, связывающих мошенника и потерпевшего, помогают ответить на вопрос, в какой мере эти отношения значимы для создания предпосылок совершения мошенничества, как они влияют на «завязку» преступления, мотивы действий преступника.

Виктимологические выводы о ситуациях, которые предшествуют совершению мошенничества, а также складывающихся непосредственно в момент его совершения, содержат информацию о том, как в этих ситуациях во взаимодействии с поведением мошенника криминологически значимо проявляется поведение (действие или бездействие) потерпевшего.

Виктимология оперирует понятием виктимности, означающей объективно присущую человеку, но отнюдь не фатальную способность, «предрасположенность» стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления (Ривман Д. В. Указ. соч. С. 9).

Анализ сведений о потерпевших на статистическом уровне оказывается существенным для определения реальных последствий преступности, раскрытия определенных закономерностей, установления статистически вероятных групп населения и территорий, в которых коэффициент потерпевших выше или, наоборот, ниже среднего уровня. Это, в свою очередь, позволит определить соответствующее «скопление» жертв и преступников и таким образом более целенаправленно организовать профилактику и правовое воспитание в широких

масштабах, которые будут ориентированы как на рецидивных и потенциальных потерпевших, так и их возможные посягательства.

Такой анализ наиболее полно соответствует цели криминологического исследования – получить максимально достоверные сведения, которые можно будет использовать для организации деятельности по предупреждению преступлений.

При этом важно не ограничиваться изучением личности и поведения потерпевших, признанных таковыми в установленном законом порядке, необходимо принимать во внимание всех фактически пострадавших, в том числе латентных жертв, поскольку для разработки мер предупреждения мошеннических посягательств, безусловно, серьезное значение имеет установление причин того, почему некоторые лица, понесшие ущерб от неправомерных действий, остаются неизвестными следственным и судебным органам. Исходя из этого следует согласиться с высказанным в литературе мнением, что для виктимологического понятия жертвы необходимо положить в основу материальное определение потерпевшего.

В специальной литературе категорию виктимности подразделяют на четыре различных по содержанию группы: индивидуальная, видовая, групповая и массовая виктимность (Полубинский В. И. Указ. соч. С. 27).

На наш взгляд, в рамках настоящей статьи целесообразно рассмотреть только две из этих групп – индивидуальную и видовую виктимность.

Индивидуальная виктимность – это свойство конкретного человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), способствующее в определенной жизненной ситуации формированию условий, при которых возникает возможность причинения ему вреда противоправным актом. Другими словами, виктимность конкретного индивида представляет собой потенциальную способность оказаться в роли жертвы преступления в результате отрицательного взаимодействия его личностных качеств с внешними факторами. Преступлением лишь реализуется такое свойство, объективизируется данная

способность, т. е. возможность превращается в действительность. Если нет противоправного деяния, поводом для которого послужили личностные качества потерпевшего, его ненадлежащее поведение или специфические взаимоотношения с преступником, то не выявлена и индивидуальная виктимность человека, хотя потенциально она, возможно, и существует (Полубинский В. И. Указ. соч. С. 27).

По нашему мнению, в зарождении и развитии корыстных преступлений против собственности граждан важную роль играют определенные свойства личности жертвы либо ее провоцирующее поведение, т. е. личностные качества жертвы, характеризующиеся некоторой деформацией (социальной, нравственной и психологической), обуславливают в определенных ситуациях ее повышенную виктимность. Сравнительный корреляционный анализ показал, что повышенная виктимность в большей степени присуща потерпевшим от мошенничества и карманных краж.

Социально-психологический портрет потерпевших от мошенничества можно представить следующим образом: это лица среднего возраста, женского или мужского пола, с высоким образовательным уровнем, преимущественно занятые в частном бизнесе, на государственной службе или нигде не работающие. Им присущи завышенная самооценка и равнодушие к чужим бедам. Их эгоизм сочетается с недобросовестностью и подозрительностью, легковерием и корыстолюбием. Вместе с тем такие потерпевшие падки на лесть и проявляют доверчивость к людям, «играющим» на этой их особенности, что в конечном счете приводит к тому, что данные лица становятся жертвами мошенничества.

Знание приведенного выше социально-психологического портрета имеет большое практическое значение, особенно в выявлении потерпевших от мошенничества в ситуациях, когда известно или задержано лицо, совершившее мошенничество, и возникает необходимость установить потерпевших.

Видовая виктимность выражается в относительной предрасположенности отдельных людей становиться в силу ряда обстоятельств жертвами определенных видов преступлений, например, потерпевшими от

мошенничества. Именно видовая виктимность позволяет более полно выделить основные типичные черты потерпевших от того или иного вида преступлений и осуществить типологию жертв, что имеет большое практическое значение для разработки профилактических мер защиты лиц, склонных в силу своих личностных свойств и качеств с большей вероятностью, чем другие граждане, нести ущерб от конкретных видов преступлений (Там же. С. 28).

В процессе изучения рассматриваемого вопроса мы выяснили, что наиболее виктимным является возраст 20–39 лет, т. е. время формирования и закрепления интересов и запросов личности в сфере потребления (см. таблицу).

Таблица

Возраст	14–15	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–49	50–59	60–79
Доля от общего числа, %	2,0	8,8	19,2	12,0	18,6	14,7	13,0	5,2	6,5

Таким образом, изучая личность потерпевших от мошенничества, необходимо в первую очередь исследовать их социально-демографические признаки (пол, возраст, образование, социальное и семейное положение). Эти данные позволяют судить об объективных обстоятельствах, имеющих значение для виктимного поведения и указывающих на условные социальные группы, представители которых со значительной степенью вероятности могут стать жертвами мошенничества.

Важное значение имеет знание нравственно-психологических свойств личности потерпевших (потребности, интересы, психологическое состояние, уровень правосознания и др.). Информация такого рода позволяет установить обстоятельства, лежащие в основе виктимного поведения, ответить на вопрос, почему данное лицо стало жертвой преступления.

Социально-психологические данные (отношение к преступнику и пр.) важно рассмотреть в плане того, какое влияние они оказывают на мотивацию поведения потерпевшего, определяют возможность предвидения им последствий своих действий.

Как известно, поведение потерпевшего различается до, в момент и после совершения преступления.

Изучение поступков потерпевшего до события преступления позволяет понять причины совершения мошенничества, установить криминологически значимые особенности его поведения.

Исследование поведения жертвы во время совершения преступления способствует выявлению условий, облегчающих мошеннику реализацию преступных намерений, позволяет дать обобщенную оценку личности потерпевшего исходя из его отношения к существующим социальным ценностям.

Анализ действий потерпевшего после факта завладения его имуществом представляет интерес потому, что позиция, которую он занимает по отношению к правовым и моральным обязанностям после совершения мошенничества, может оказать определенное воздействие на эффективность деятельности правоохранительных органов по предупреждению и раскрытию мошеннических посягательств данного вида.

Как известно, мошенничество обязательно связано с обманом, злоупотреблением доверием, следовательно, особое значение приобретает степень критичности и доверчивости потерпевшего, который своим поведением объективно способствовал мошеннику.

Еще в начале 70-х гг. XX в. Д. В. Ривман предложил рассматривать поведение потерпевшего по нескольким позициям с учетом специфичности мошенничества (Ривман Д. В. Указ. соч. С. 69). Мы считаем, что данная классификация по-прежнему актуальна. Итак, поведение потерпевшего от мошенничества может быть следующим:

- 1) корыстное или провоцирующее;
- 2) излишне доверчивое, некритичное, основанное на суеверии;
- 3) положительное, т. е. несвязанное с негативными моментами или недопустимой критичностью потерпевшего (потерпевший по обстановке не мог заподозрить обмана, а также не преследовал корыстных целей);
- 4) создавшее условия, позволяющие преступнику продолжать преступную деятельность.

Рассмотрим подробнее три из указанных типов поведения.

1. Потерпевшие с корыстным или провоцирующим поведением составляют око-

ло половины от общего количества потерпевших от мошенничества. В этом случае также наличествует обман или злоупотребление доверием, а значит, и недопустимая доверчивость потерпевшего, однако прева-лирует по криминологическому значению именно корыстная заинтересованность, использованная мошенником (например, под предлогом приобретения потерпевшим товаров по значительно низкой цене, со скидкой). Иногда в этих ситуациях действия потерпевших могут сами перерасти в преступные (например, при попытке дать взятку через мошенника, который просто присваивает полученные деньги (разумеется, в процессуальном отношении такие лица не будут признаны потерпевшими).

Негативный, корыстный характер потерпевшего очевиден и тогда, когда потерпевшему вручается денежная или вещевая «кукла» либо он очень дешево приобретает поддельное золото, драгоценные камни или антиквариат. Здесь имеется прямое стремление нажиться на неопытности покупателя, а нередко обман совершается с помощью одного или нескольких из подыгрывающих продавцу мошенников.

2. Некритичность, недопустимая доверчивость потерпевшего, как правило, реализуются в ситуациях, где подозрительность должна была бы быть естественным следствием конкретной обстановки.

Поразительную доверчивость проявляют потерпевшие от мошенничеств, связанных с гаданием и ворожбой (как правило, женщины).

К этой же категории можно отнести ситуации, в которых мошенники выступают в роли лица, уполномоченного для сбора денег под самыми различными предлогами, от имени должностных лиц и различных организаций.

3. Объективно поведение любого потерпевшего от мошенничества, если оно позволило преступнику совершить преступление, носит в криминологическом плане негативный характер. Однако его можно рассматривать и как положительное, поскольку потерпевший не имел никакой возможности разобраться в ситуации и никакие отрицательные качества его личности (прежде всего, корыстные) преступником использованы не были. Среди ситуа-

ций подобного плана следует назвать приобретение имущества по нормальной цене и в обычной обстановке, не дающей оснований опасаться обмана (однако в итоге выясняется, что вещь некачественная или потерпевший вообще не получает обещанной покупки). Сюда же следует отнести мошенничества, связанные с куплей-продажей и сдачей в аренду квартир.

Таким образом, в процессе сбора целенаправленной виктимологической информации и ее тактически обоснованного использования появляется реальная возможность распознавания потенциальной жертвы. За этим должны последовать разработка и принятие комплекса предупредительных и охранительных мер, в том числе мер индивидуального психологического воздействия на различные типы преступников и некоторые категории их потенциальных жертв, чтобы не допустить наступления преступных результатов.

Снижение виктимности будет оказывать прямое воздействие на снижение преступ-

ности, поскольку путь к этому лежит не только через уменьшение количества лиц, эвентуально могущих стать преступниками, но и через сокращение количества лиц, которые потенциально могут стать жертвами преступных посягательств.

Библиографический список

1. Гребельский, Д. В. Теоретические основы и организационно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / Д. В. Гребельский. – М., 1977.
2. Квашиш, В. Е. Основы виктимологии / В. Е. Квашиш. – М., 1999.
3. Криминология: вчера, сегодня, завтра // Тр. С.-Петерб. криминол. клуба. – 2002. – № 2.
4. Полубинский, В. И. Практические аспекты криминальной виктимологии / В. И. Полубинский. – М., 1982.
5. Ривман, Д. В. Потерпевший от преступления: личность, поведение, оценка / Д. В. Ривман. – Л., 1973.

А. Ф. Лобанова,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВОСУДИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ

Благосостояние государства и всех его граждан, экономическая мощь России, ее авторитет на международной арене – все это невозможно без авторитетной и справедливой судебной системы, в которой все граждане видят законный инструмент защиты своих прав и свобод.

Построение новой модели общества, коренное переустройство всех сфер жизни – на фоне таких глобальных процессов разворачивался процесс построения в России современной судебной системы. Сегодня же наиболее актуальным становится формирование ответственного и эффективного правосудия в экономической сфере, продолжение реформирования судебной системы, в связи с чем не подлежит сомнению актуальность темы настоящей статьи.

В Юридической энциклопедии, подготовленной Институтом государства и права Российской академии наук, правосудие определяется как особый вид государственной (публичной) деятельности, состоящий в том, что независимый, беспристрастный и справедливый суд (суды) на основе закона рассматривает и разрешает правовые споры и дела, отнесенные к его ведению в установленных законом правовых формах; и здесь различают гражданское, уголовное, административное, арбитражное и конституционное судопроизводство (Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. М., 2001. С. 821–822). Согласно другому энциклопедическому изданию правосудие (англ. justice) – это совершаемая в процессуальном порядке правоприменительная деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, а также экономических споров в целях охраны прав и интересов граждан, организаций и государств (Юридическая энциклопедия. М., 1997. С. 347).

По нашему мнению, правосудие, в том числе экономическое, представляет собой продукт длительного, порой прерывающе-

гося, непоследовательного, но вместе с тем эволюционного поступательного развития конкретного общества, который определяется национальными традициями в становлении правовых систем различных государств.

История специальных судебных органов, рассматривающих экономические споры, в России восходит к особым судам для торгового сословия, первое упоминание о которых встречается в Уставной грамоте новгородского князя Всеволода Мстиславовича, датированной 1135 г. Позднее, в 1667 г., царем Алексеем Михайловичем был создан постоянно действующий суд для купечества. Особые таможенные суды (в г. Архангельске и др.), состоящие из «лучших торговых людей», как и специальный судебный приказ по торговым делам, были учреждены по Новоторговому уставу в 1667 г. и действовали до принятия Таможенного устава 1727 г. (Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006).

Становление в последующем судебной системы в России привело в 1832 г. к учреждению специализированных коммерческих судов, утвержденных указом императора Николая I от 14 мая 1832 г. и просуществовавших вплоть до 1917 г. Много положительного можно сказать об опыте последних, и не случайно в юбилейном докладе Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по случаю 75-й годовщины судебно-арбитражных органов России указано на то, что этот правовой институт по сей день представляет интерес для специалистов в плане перенесения его рациональных моментов в современные реалии (Федоренко Н. В. Работа апелляционной инстанции в арбитражных судах субъектов Федерации (итоги пятилетней деятельности) // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации. 2001. № 12).

В 1920-х гг., в период новой экономической политики, в рамках общей судебной системы действовали арбитражные комиссии, к подсудности которых относились дела по спорам между государственными предприятиями и учреждениями. Арбитражные комиссии были образованы в соответствии с постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 21 сентября 1922 г. В связи с пе-

реходом на административные методы регулирования хозяйственных отношений арбитражные комиссии были упразднены наряду с многими другими структурами рыночной экономики.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 мая 1931 г. № 5/298 утверждено Положение о Государственном арбитраже. Оно определило организационное построение органов государственного арбитража в СССР; регламентировало важнейшие вопросы деятельности органов арбитража по разрешению споров, осуществлению надзора за законностью и обоснованностью их решений, исполнению решений и предупреждению хозяйственных правонарушений.

В связи с принятием Закона РСФСР от 4 июля 1991 г. «Об арбитражном суде» (Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 30, ст. 1013) и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2447/1-1 (Рос. газ. 2002. 27 июня), введенного в действие с 15 апреля 1992 г., система государственного и ведомственного арбитража была упразднена с ее одновременным преобразованием в арбитражные суды.

Следует отметить, что основу современных экономических отношений Российской Федерации составляет рыночная экономика, т. е. экономика, основанная на предпринимательской деятельности, поэтому в противовес ранее действующей системе государственного арбитража, функционировавшего в экономике административно-командного типа, и была создана система арбитражных судов, задачами которых согласно ст. 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (Там же. 1992. № 16, ст. 836) являются:

– защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность, а также прав и законных интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Россий-

ской Федерации, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц в указанной сфере;

- обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

- справедливое публичное судебное разбирательство в установленный законом срок независимым и беспристрастным судом;

- укрепление законности и предупреждение правонарушений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности;

- формирование уважительного отношения к закону и суду;

- содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота.

Организационно-структурная система современных арбитражных судов строится на четырех уровнях (URL: <http://www.arbitr.ru/as/assys/struct.htm>).

Первый уровень составляют арбитражные суды субъектов Российской Федерации. В их числе арбитражные суды республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов. В них рассматриваются дела в первой инстанции, а также пересматриваются в полном объеме дела по апелляционным жалобам на не вступившие в законную силу решения. Общее количество арбитражных судов первого уровня – 81.

Второй уровень образуют арбитражные апелляционные суды, являющиеся судами по проверке в апелляционной инстанции законности и обоснованности судебных актов арбитражных судов субъектов Российской Федерации, принятых ими в первой инстанции. В настоящее время в России сформировано 20 апелляционных судов.

Третий уровень образуют 10 федеральных арбитражных судов округов, каждый из которых работает в качестве кассационной инстанции по отношению к группе арбитражных судов, составляющих один судебный округ. В кассационной инстанции решения арбитражных судов проверяются с позиций правильности применения норм материального и процессуального права.

Четвертый уровень представляет Высший Арбитражный Суд Российской Феде-

рации, согласно ст. 127 Конституции Российской Федерации являющийся высшим судебным органом по разрешению экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами, осуществляющий судебный надзор за их деятельностью и дающий разъяснения по вопросам судебной практики. Он входит в единую судебную систему страны наряду с Конституционным Судом Российской Федерации и судами общей юрисдикции во главе с Верховным Судом Российской Федерации.

Согласно Посланию Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «России надо быть сильной и конкурентоспособной» государство сделало существенный шаг в модернизации судебно-правовой системы. Большинство необходимых указов, актов, законов уже принято. Изменения коснулись не только организации и условий работы судов, но, прежде всего, процедур, обеспечивающих защиту прав личности и доступность правосудия (России надо быть сильной и конкурентоспособной: Послание Президента Рос. Федерации Федер. Собранию Рос. Федерации // Рос. газ. 2002. 19 апр.).

По нашему мнению, позитивные изменения в арбитражном судостроительстве и судопроизводстве внесла реализация федеральных целевых программ «Развитие судебной системы России» на 2002–2006, 2007–2011 гг. Приняты нормативные правовые акты, регламентирующие процедуры и меры, обеспечивающие защиту прав личности, доступность, открытость и прозрачность правосудия, эффективность рассмотрения дел, повышение уровня исполнения судебных актов.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу в 2002 г., также является очередным позитивным шагом на пути реформирования экономического правосудия, шагом, демонстрирующим преемственность в развитии принципов арбитражного судопроизводства в сторону расширения диспозитивных правомочий сторон и углубления возможностей для реализации данных принципов на практике. В этом Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации отразился целый ряд норм, разрабо-

таных ранее в судебной практике, и были устранены некоторые положения, которые встречали критику в предыдущих арбитражных процессуальных кодексах.

Вместе с тем полагаем, что сегодня в регулировании арбитражного судопроизводства остается ряд комплексных вопросов и проблем, которые пока не находят положительного решения.

По нашему мнению, одной из существенных проблем являются пробелы в законодательстве и обеспечении единства судебной практики. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации постоянно работает над решением данной проблемы, подготавливая документы, призванные устранить существующие пробелы в законодательстве и обеспечить единообразие судебной практики. К таким документам, в частности, следует отнести: комментарии к постановлениям Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по конкретным делам, издающиеся ежегодно, постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, информационные письма Президиума и обзоры, оказывающие серьезное воздействие на правоприменительную практику.

Считаем, что интересной в свете решения проблемы пробелов в законодательстве и обеспечении единства судебной практики является инициатива председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванова о введении «процессуального запроса», нашедшая отражение в проекте Федерального закона № 85070-4 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации», опубликованном в июле 2007 г.

В данном проекте предлагается: «... в случае, если при рассмотрении конкретного дела арбитражным судом выявлена неопределенность в применении или толковании нормы материального права, подлежащей применению в рассматриваемом деле, если такая неопределенность обусловлена коллизией норм права, отсутствием единообразия судебной арбитражной практики, а также в целях предотвращения совершения фундаментальной судебной ошибки, которая может повлиять на исход дела, арбитражный суд вправе обратиться в

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации с процессуальным запросом за разъяснением» (ч. 1 ст. 165.1) (Пасленов А. Д. О новых механизмах обеспечения единообразия арбитражной практики // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 3, 4).

В последнее время также наблюдается явная тенденция к изменению подхода при использовании института арбитражных заседателей в спорах между гражданами или организациями, с одной стороны, и государством, с другой стороны. Если раньше арбитражные заседатели использовались только или преимущественно для затягивания процесса, то сейчас данный процесс стал функциональным. Это принципиально новое изменение нашей практики, которое требует осмысления и анализа. Если данная тенденция сохранится, нужно будет определить порядок привлечения арбитражных заседателей в судах первой инстанции именно по спорам с государством, укрепить эту систему, в том числе более широко привлекая общественность к такому выбору заседателей (Итоговый доклад Председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А. А. Иванова от 13 июля 2007 г., посвященный 15-летию образования системы арбитражных судов Российской Федерации. URL: <http://www.arbitr.ru/as/assys/15ann/index.htm>).

По нашему мнению, еще большую озабоченность вызывает проблема соблюдения судами процессуальных сроков рассмотрения заявлений и жалоб. Для арбитражной судебной системы, чье формирование в нынешнем виде происходило в последние полтора десятилетия, вопрос оперативности рассмотрения дел и жалоб всегда был одним из самых острых. Прежде всего потому, что до сих пор не устранена наиболее распространенная причина нарушения процессуальных сроков – высокая нагрузка на судей. В последнее время удалось снизить показатели средней по системе судебной нагрузки почти на 20 %. Но в отдельных регионах уровень загруженности судей остается неприемлемо высоким (Об итогах деятельности арбитражных судов Российской Федерации за 2007 год и задачах на 2008 год : доклад Председателя Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации А. А. Иванова на совещании председателей

арбитражных судов Российской Федерации 17 апр. 2008 г., г. Санкт-Петербург. URL: <http://www.arbitr.ru/as/assys/200ann/>).

Решение данной проблемы ведется по нескольким направлениям. Во-первых, в настоящее время завершено создание системы арбитражных апелляционных судов. Во-вторых, осуществляется постоянная работа по обустройству судов и комплектованию их необходимыми кадрами. Полагаем, что данные меры постепенно снижают нагрузку на судей и аппараты судов, что, несомненно, ведет к повышению эффективности работы арбитражных судов.

Вместе с тем, как показывает практика, нередко нарушение процессуальных сроков и, в частности, в судах апелляционной инстанции происходит в силу объективных причин. Например, отделения почтовой связи с учетом пробег почтовых отправок не в состоянии обеспечить суды почтовыми уведомлениями с доказательствами надлежащего извещения участников дела. В этой связи представляется целесообразным предложение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации о внесении изменений в ст. 267 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации с целью увеличения сроков рассмотрения дел в апелляционной инстанции с одного до двух месяцев (Там же).

Следует также отметить, что законотворческая деятельность Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в настоящее время направлена на разработку законопроектов, предлагающих внесение изменений и в другие статьи Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. В частности, они коснутся уплаты государственной пошлины за рассмотрение заявления (жалобы), последовательности судебного обжалования, а также дополнительной регламентации института особого мнения судьи. Последний, кстати, давно и успешно функционирует и в России (Конституционный Суд Российской Федерации), и за рубежом, что позволяет делать выводы о прочности тех или иных позиций суда, о возникновении прецедентов в арбитражной практике или, наоборот, о том, что в том или ином вопросе практика еще не устоялась.

По нашему убеждению, немало проблем в современном арбитражном судопроизводстве связано с реализацией проекта электронного обеспечения правосудия в системе арбитражных судов, направленного на перевод бумажного документооборота судов с участниками процесса на электронное взаимодействие.

Отметим, что в настоящее время в арбитражных судах внедрены автоматизированные системы для достижения значительного сокращения сроков рассмотрения судебных дел и споров, сокращения количества незавершенных дел и случаев потери документации, обеспечения удобного и быстрого доступа к информации, повышения качества и эффективности работы судебного аппарата и системы электронного обеспечения правосудия.

Кроме того, полагаем, что использование автоматизированных систем повышает прозрачность и открытость судебной системы в целом. Примечательным при этом является опыт Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, на официальном сайте которого (<http://www.arbitr.ru>) размещена уникальная информационная база «Банк решений арбитражных судов», где сосредоточены все решения, определения и постановления арбитражных судов России. Данная база представляет максимальный объем информации для общественности, позволяет оценить арбитражную практику во всей ее целостности и резко уменьшает возможности для принятия неправосудных решений.

Особое место в решении проблем арбитражного судопроизводства, на наш взгляд, занимает вопрос, непосредственно оказывающий влияние на авторитет российской судебной системы и связанный с исполнением судебных актов. По данным Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в 2007 г. арбитражными судами было выдано 713424 исполнительных листа. Исполненными вернулись только 282981 исполнительный лист, т. е. чуть меньше 40 % (Об итогах деятельности арбитражных судов Российской Федерации за 2007 год и задачах на 2008 год). Совершенно очевидно, что судебная система, в которой исполняется меньше половины принятых решений при мировом уровне в 70–80 %, не может считаться эффективной и авторитет-

ной. В этой связи совместно с Федеральной службой судебных приставов Российской Федерации необходимо приложить максимум усилий для того, чтобы добиться решительного изменения этого положения. Убеждены, что со своей стороны арбитражным судам необходимо обобщить подходы в подготовке судебных актов, проанализировать решения (определения, постановления) на предмет исполнимости и соответствия законодательству об исполнительном производстве.

Проанализированные нами проблемы современного арбитражного судопроизводства, естественно, не исчерпывают всех, встречающихся в практике. Они весьма многообразны и порой требуют введения новшеств, приспособляющих суды к новым экономическим условиям. Однако следует отметить, что все изменения должны быть взвешенными и просчитанными, не должны подрывать стабильность судебной системы. Необходимо постоянно прово-

дить экспертизу всех экономических новаций, всех законопроектов, касающихся экономики, с точки зрения действующей и будущей судебной практики.

Эта проблема более подробно будет изучена и освещена в рамках проводимого автором диссертационного исследования и последующих публикаций.

Библиографический список

1. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. проф. В. В. Ярков. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2003.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Рос. газ. – 2002. – 27 июля.
3. Клеандров, М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее / М. И. Клеандров. М., 2006.
4. Пасленов, А. Д. О новых механизмах обеспечения единообразия арбитражной практики / А. Д. Пасленов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 3, 4.

Г. А. Мелкумян,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕЙСТВИЙ, СВЯЗАННЫХ С ЗАХВАТОМ ЗАЛОЖНИКА

Преступление «захват заложника», существующее с древних времен, в последнее десятилетие приобрело повышенную общественную опасность. Данное преступное деяние учиняется в политических целях, например, для давления на правительство, при совершении других преступлений, таких как захват воздушного или морского судна, получение денежного выкупа и в иных целях.

Захват заложников в России получил широкое распространение, в первую очередь в Чечне и других регионах Северного Кавказа. Данное деяние, по сути, является формой преступного бизнеса: государственные органы, частные фирмы или родственники заложников платят огромные суммы за их выкуп.

В 1996–1997 гг. ежегодно в Москве совершалось до 200 актов захвата заложников

ради выкупа. К сожалению, противодействие этим актам со стороны правоохранительных органов пока малоэффективно, а правовая политика по отношению к захватчикам заложников четко не определена. В качестве примера можно привести нерешительные, плохо продуманные действия по освобождению заложников в г. Буденновске, повлекшие большие жертвы, а также «мирный» выкуп журналистов в Чечне, при котором преступники, ничуть не пострадав, получили громадные деньги.

Исторически сложилось, что Россия на протяжении многих столетий ведет войну на Северном Кавказе, и такое преступление, как захват заложников, является одним из способов ведения войны как с одной, так и с другой стороны.

Способ воздействия на народы Кавказа посредством взятия заложников от ханств, городов, селений и просто знатных фамилий был широко распространен в Российской Империи в XVIII–XIX вв. Покоряя какое-либо горское общество и принимая его в российское подданство, с него брали клятву не нападать и не похищать российских поданных. Устанавливалась также выдача присягавшими заложников – амана-

тов¹ – из наиболее знатных и известных семей.

«Ермолов начал с покорения Чечни и Горного Дагестана. Оно проводилось суровыми военно-колониальными методами. Непокорные селения сжигались, сады вырубались, скот угонялся, покоренные народы приводились к присяге на верность российскому императору, облагались данью, у них брались заложники (“аманаты”)), – писал В. А. Федоров (Записки А. П. Ермолова 1798–1826 гг. / сост. В. А. Федоров. М., 1991. С. 12).

В то же время горские народы Кавказа сами широко использовали практику захвата в заложники русских офицеров: «Старшины почти всех главнейших деревень чеченских были созваны ко мне, и я объяснил им, что должны они возобновить данную присягу на покорность и возвратить содержащихся у них пленных» (Там же. С. 304). Генерал А. П. Ермолов начал упорную борьбу с захватами людей на Кавказе. При этом он использовал далеко не безупречные методы. Так, после захвата чеченцами майора Швецова были арестованы кумыкские князья, через чьи земли перевезли пленника, а также влиятельные чеченцы, находившиеся в дружбе с похитителями (Приводится по: Бирюков А. В. Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX века // *Вопр. истории*. 1998. № 2. С. 52).

В настоящее время захват заложников остается одной из наиболее важных проблем Северного Кавказа. Заложничество, как и рабство, широко распространено на территории Чеченской Республики. Людей держат в кошарах, дальних деревнях, горной местности, часто похищаются российские военнослужащие, причем известны случаи, когда солдат продавали их собственные командиры. Иногда солдаты шли в рабство по доброй воле, чтобы не служить в армии. Впоследствии их выкупали через Комитет солдатских матерей (Журавлев И. А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с

захватом заложника : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 24).

Международно-правовые документы по борьбе с захватом заложников стали разрабатываться в конце 70-х гг. XX в. Семнадцатого декабря 1979 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников (Сборник международных договоров СССР. Вып. XLIII. М., 1989. С. 99–105).

Согласно ст. 1 данной Конвенции названное преступление совершает «любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжить удерживать другое лицо (здесь и далее именуется «заложник») для того, чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц – совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника».

Россия присоединилась к Конвенции в 1987 г. Тогда же в СССР был принят указ Президиума ВС СССР от 10 июля 1987 г. № 7352-XI «Об уголовной ответственности за захват заложников» (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1987. № 28, ст. 437) и уголовные кодексы союзных республик дополнены соответствующей статьей.

В соответствии со ст. 206 УК РФ захват заложника – это «захват и удержание лица в качестве заложника, совершенные в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника».

Как уже было отмечено, история захвата заложника своими корнями уходит в далекое прошлое. В качестве средства оказания давления на заинтересованных лиц он возник еще в древности. Для гарантии соблюдения договоренности о месте стоянки, территории, где можно охотиться, выполнения долговых обязательств или с целью получения выкупа одни племена удерживали в качестве заложников представителей других племен. Маргарет Мид, американский антрополог, установила факты взятия заложника в одной из первобытных общин

¹ «Аманат» (арабский) – заложник, даваемый в обеспечение договора (Словарь иностранных слов. М., 1987. С. 30).

Новой Гвинее. В этом обществе считалось обычным делом передавать детей в залог другому племени с целью скрепления союза. В случае невыполнения союзнических обязательств этих детей убивали (Захват заложников: исторические, правовые, технические и психологические аспекты: По материалам «Интернешенэл криминал полис ревью». М., 1993. С. 237). Аналогичная ситуация наблюдалась и в период монголо-татарского ига в России.

Одним из древнейших способов захвата заложников было морское пиратство. Несмотря на то, что захват людей в основном использовался для дальнейшей продажи в рабство, люди захватывались также для получения выкупа или обмена пленными. Об этом имеется множество исторических свидетельств.

Пираты часто захватывали знатных людей и требовали за них выкуп как условие освобождения. Например, французский флибустьер Граммон при осаде г. Кампече захватил более двадцати жителей и потребовал за них выкуп, а после отказа городских властей выполнить его требования приказал отрубить заложникам головы (Нойкирхен Х. Пираты (морской разбой на всех морях). М., 1980. С. 179). Ассирийский царь Синаххериб в VII в. до н. э. безуспешно осаждал Иерусалим, однако получил у иудейского царя огромную дань и заложников (История древнего мира / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Неровной, И. С. Свенцицкой. М., 1982. С. 36). А. Македонский, разбивший при Иссе в 333 г. до н. э. войска персидского царя Дария III, захватил в качестве заложниц жену и двух дочерей своего военного противника. Пиратство и связанные с ним похищения людей в то время рассматривались как вполне обычное явление. Так, Гомер в «Одиссее» описывает подвиги своего героя, считая совершенно естественным похищение женщин и детей (Приводится по: Журавлев И. А. Указ. соч. С. 99).

Удержание заложников было широко распространено в Древнем Риме, Греции и других государствах. Упоминания о захвате заложников имеются в «Избранных жизнеописаниях» Плутарха. Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» описал случай захвата в качестве заложника

сына Мономаха Святослава и обстоятельства его освобождения.

В Европе в средние века захват заложника также считался обычным явлением и служил гарантией соблюдения международных договоров и выполнения любого рода сделок между государствами и частными лицами, но чаще всего использовался во время военных действий для предотвращения сопротивления со стороны населения оккупированных территорий.

Истории известны случаи, когда захват заложников был частью государственной политики. Так, во Франции во времена Парижской коммуны 5 апреля 1871 г. был принят Декрет о заложниках, которым разрешалось задерживать в качестве заложников всех лиц, уличенных в сообществе с версальским правительством, а за казнью сторонника Парижской коммуны должна была следовать казнь тройного числа заложников, назначенных по жребию (Парижская коммуна в документах и материалах: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. М., 1984. С. 360).

Захваты заложников отмечались практически во всех войнах, которые велись в Европе в XVIII–XIX вв., а наибольшее распространение данное деяние получило в начале XX в. во время военных действий.

Цели захвата заложников в XX в. были политические и корыстные.

В первые годы советской власти заложников, согласно указанию В. И. Ленина, выбирали из числа кулаков, буржуазии, обеспечивая тем самым сбор продовольствия и повиновение. Заложник, в отличие от обвиненного в конкретных преступлениях, не мог быть освобожден ни по какому ходатайству. Тридцатого ноября 1920 г. в газете «Правда» было опубликовано правительственное сообщение, в котором указывалось, что в случае покушения на вождей Советов решено «беспощадно истреблять заложников».

Одним из первых крупных дел о захвате заложников из корыстных побуждений в XX в. считается похищение в 1932 г. сына одного из состоятельных людей Америки, Чарльза Линдберга, вызвавшее глубокое возмущение во всем мире. Этот случай послужил основанием для принятия в США закона, предусматривающего смертную

казнь за подобные преступления. Привлек к себе внимание необычный случай, происшедший в марте 1934 г. в Суэксе Фалле (США), когда банда известного в то время преступника Даллинжера ворвалась в помещение банка и, совершив ограбление, для прикрытия захватила пятерых банковских сотрудников и заставила их стоять во весь рост на подножке уезжающей автомашины. Такой случай был отмечен впервые и позже стал часто использоваться преступниками, чтобы беспрепятственно покинуть место преступления. Большое число заложников в XX в. стали захватывать во время угона самолетов. Первый такой случай был отмечен в 1930 г., получивший впоследствии широкое распространение (особенно в 60–70-е гг. XX в.).

Практиковался захват заложников и во время Второй мировой войны. Гитлеровские власти и их союзники осуществляли массовый захват местного населения в качестве заложников в целях подавления сопротивления оккупантам, превратив заложничество в инструмент террористической политики на захваченных территориях. В соответствии с приказом немецкой канцелярии от 16 октября 1941 г. за убийство немца подлежали расстрелу 100, а за убийство полицейского – 50 заложников из местных жителей. За диверсии на железных дорогах в качестве заложников уничтожались поголовно все население близлежащих деревень и сел. Массовый характер приняло уничтожение заложников в районах базирования и боевых действий партизан (Горбунов Ю. С. Международно-правовое регулирование борьбы с захватом заложников // Моск. журн. междунар. права. 1993. № 3. С. 23).

После войны уголовные элементы совершали захваты заложников с целью получения выкупа, а в 50–60-х гг. XX в. последних стали использовать для достижения политических целей. Потерпевшими чаще всего становились дипломаты, общественные и политические деятели, государственные служащие. Волна насилия, захлестнувшая мир, показала, что эти акции носят организованный характер, тщательно планируются, совершаются хорошо подготовленными группами. В 60–70-х гг. XX в. были похищены послы США в Гватемале и

Бразилии, ФРГ в Гватемале, Гаити, Бразилии, бывший президент Аргентины, швейцарский посол в Бразилии, британский посол в Уругвае. Большой общественный резонанс в Европе получил захват в 1975 г. в Вене почти всех делегатов – министров стран ОПЕК, захват спортсменов Израиля на Олимпиаде в Мюнхене в 1972 г., которые организовал известный террорист Карлос.

В России до 1990-х гг. захват заложников совершался в основном при угонах самолетов и в исправительно-трудовых учреждениях. В первом случае цель преступников состояла в том, чтобы скрыться за границей; во втором – совершить побег, добиться незаконного освобождения, перевода в другое учреждение, выразить протест против наказания или условий содержания.

С развитием межнациональных конфликтов в отдельных регионах России в качестве заложников стали захватываться представители конфликтующих сторон и личный состав органов внутренних дел и внутренних войск, дислоцируемых в этих регионах.

В последнее время в судебной практике все чаще отмечаются «нетрадиционные» способы получения гражданами положенных им материальных средств. Причем эти действия нередко сопровождаются применением физического или психического насилия. Начало проявлению таких действий положили шахтеры Сибири. Отчаявшись получить заработную плату, они стали захватывать руководителей шахт и в качестве условия их освобождения требовать немедленной выплаты причитающихся им денежных средств.

Экономический кризис 17 августа 1998 г. ознаменовался не только очередным падением уровня материального благосостояния основной массы населения России, но и появлением новых объектов притязаний – банков. Так, 7 сентября 1998 г. отставной армейский капитан Ю. Быстрое прорвался в кабинет управляющего филиалом банка СБС-АГРО в Санкт-Петербурге и под угрозой сожжения себя и управляющего филиалом потребовал возврата 14 тыс. долл. США, которые он за несколько месяцев до этого поместил на счет в банке. После по-

лучения валюты Быстрое сдался представителям власти. Следует отметить, что на практике известно множество подобных случаев.

Конечно, данные ситуации требуют вмешательства правоохранительных органов. Однако, давая юридическую оценку содеянному, они оказываются в сложном положении, поскольку их решение будет иметь не только правовое, но в определенной мере и политическое звучание.

С нашей точки зрения, признав подобные факты правомерными, а определенные предпосылки к этому есть, правоохранительные органы невольно могут спровоцировать в дальнейшем аналогичные действия. Напротив, при осуждении таких лиц,

А. Н. Миронов,

доцент кафедры административно-правовых дисциплин

Уфимского юридического института МВД России

кандидат юридических наук, доцент

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Высокий технико-юридический уровень правовых документов – один из важнейших показателей общей и правовой культуры общества. «От того, в какой степени в стране развита юридическая техника, – справедливо утверждает в предисловии к книге Э. Аннерса «История европейского права», – во многом зависит уровень ее цивилизованности...» (Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 7).

«Уровень юридической техники, – считает С. С. Алексеев, – один из показателей уровня юридической культуры в стране» (Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 2. С. 270). Недооценка структурно-композиционного построения, внешнего оформления, требований логики, стиля изложения чревата декларативностью, противоречивостью, неясностью правовых актов, что создает благоприятные возможности для различных манипуляций с ними и в конечном итоге приводит к снижению уровня законности и правопорядка.

тем более суровом, правоохранительные органы рискуют в еще большей степени потерять доверие к себе.

Библиографический список

1. *Бирюков, А. В.* Российско-чеченские отношения в XVIII – середине XIX века / А. В. Бирюков // *Вопр. истории.* – 1998. – № 2.

2. *Журавлев, И. А.* Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с захватом заложника : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

3. *Комиссаров, В. С.* Захват заложника: стремление к наживе или преступление от безысходности? / В. С. Комиссаров // *Законность.* – 1999. – № 3.

К сожалению, в настоящее время достаточно сложно говорить об устоявшемся понятии юридической техники. Теоретики права связывают с ним многое, а именно: средства, способы, приемы, правила, процедуры. В свою очередь, каждая из обозначенных составляющих имеет свое собственное значение, которое также интерпретируется по-разному. Только на основании этого уже можно говорить о неточности понятий юридической техники, формулируемых разными авторами.

По данному поводу в своей работе, правда, повествуя о законодательной технике (разновидности юридической техники), С. В. Бахвалов отмечает, что подобное представление о законодательной технике является недопустимым, поскольку без четкого уяснения природы этой юридической категории трудно решать научные и практические вопросы, связанные с рациональной организацией и дальнейшим совершенствованием законотворчества, реализацией правовых актов, их юридической интерпретацией и систематизацией (Бахвалов С. В. Законодательная технология: некоторые проблемы теории и методологии : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 71).

Следует также согласиться с мнением академика РАЕН В. М. Баранова, который считает, что «термин “юридическая техника” неточен, глубоко противоречив и при-

меняется лишь в силу правовой традиции. ...Все то, что в правовой науке и практике принято обозначать понятием “юридическая техника”, – продолжает данный автор, – правильнее называть “юридическая технология”» (Баранов В. М. Предисловие // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 11–12).

Наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой юридическая техника понимается как совокупность средств и способов (методов, правил, приемов и т. п.) составления, оформления нормативных и индивидуальных правовых актов и сводится главным образом к правотворческой (нормотворческой) технике. Причем последняя обычно именуется законодательной (законотворческой) техникой. Подобное понимание юридической техники не отражает в полной мере, как нам кажется, всех аспектов содержания этого понятия, что ведет к необходимости его некоторой корректировки, что уже и делается в новейшей правовой литературе (Деревнин А. А. О понятии юридической техники // Академ. юрид. журн. 2001. № 3 (5)).

Одни авторы (и их, пожалуй, большинство) осуществляют эту корректировку в рамках традиционных представлений о юридической технике, понимая под ней технику, с помощью которой создаются тексты правовых актов. Другие же ученые выходят за рамки таких представлений, воспринимая юридическую технику как технику, применяемую в юридической деятельности вообще. При этом и среди первых, и среди вторых имеются расхождения по вопросу об элементах (содержании) понятия юридической техники. Ряд исследователей включают в юридическую технику и средства, и способы осуществления соответствующей деятельности. Их оппоненты относят к ней или только средства, или только способы, используемые в ходе такой деятельности.

Некоторые авторы включают в определение и дополнительные элементы. Например, профессор Л. Д. Воеводин рассматривает юридическую технику как научно разработанную методику создания, познания и эффективного применения права в целях

урегулирования поведения людей (Воеводин Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11, Право. 1997. № 3. С. 6). А. Б. Лисюткин представляет юридическую технику в виде обусловленной закономерностями развития правовой системы общества совокупности определенных правил, приемов, навыков, методов, используемых в профессиональной юридической деятельности с целью обеспечения высокого качества ее результатов (Лисюткин А. Б. Юридическая техника и правовые ошибки // Государство и право. 2001. № 11. С. 24–25).

Не может не вызвать возражения с нашей стороны и выделение Ю. А. Тихомировым в качестве элемента законодательной техники процедурного элемента (Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М., 2000. С. 9). Ведь законодательная техника является разновидностью юридической техники. А эта техника в нашем ее понимании при решении процедурных вопросов не задействуется.

В обозначенных определениях происходит отнесение к юридической технике не свойственных ей, на наш взгляд, элементов. Что же следует считать элементами юридической техники?

Ни у кого не вызовет сомнения и возражения, что более общим понятием по отношению к юридической технике является понятие техники. В последнее время отходят от принятого в юридической литературе определения техники и возвращаются к наиболее, с нашей точки зрения, верному. Так, в философском понимании, основанном на трудах Г. Спенсера, М. Хайдеггера, Г. Зиммеля, Э. Шпрангера, К. Ясперса, техника представляется как система средств, которые могут применяться для достижения целей и намерений, благодаря тому, что систематически запланированный путь экономит усилия или вообще окажется единственным для достижения поставленной цели. Эта система средств нейтральна по отношению к цели и может употребляться в качестве экономящего усилия посредника-переключателя, что в онтологическом плане можно представить в виде специ-

фической формы управляемой передачи энергии (Ленк Х. Размышления о современной технике : пер. с нем. под ред. В. С. Степина. М., 1996. С. 42, 70).

Толковые словари русского языка также определяют технику как совокупность орудий, средств и приспособлений, необходимых для осуществления какой-либо деятельности. То есть техника – это орудия, средства профессиональной деятельности. Сами по себе эти средства не могут привести к появлению чего-то нового, к изменениям в чем-либо, они лишь могут этому способствовать. А для того чтобы произошли преобразования, необходимо данные средства применить в непосредственной деятельности, для чего нужны адекватные приемы и способы, а также правила, в соответствии с которыми они будут использоваться.

Давая понятие юридической техники, ее можно определить также следующим образом: это совокупность средств, которые можно обозначить как технико-юридические, предназначенные для применения в деятельности по разработке, разъяснению, совершенствованию и систематизации правовых актов. Многие авторы предпочитают говорить о юридической технике применительно к одной стадии – стадии разработки правовых актов, что также представляется не совсем верным, так как она необходима не только при создании правовых актов, но и их интерпретации, правоприменении и систематизации.

Юридическую технику следует рассматривать как совокупность технико-юридических средств, в качестве которых выступают юридические приспособления, необходимые для осуществления различных видов юридической деятельности (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной и др.). Говоря о юридической технике как совокупности технико-юридических средств, не стоит забывать о существовании других видов средств, которые также используются при создании нормативных правовых актов.

Представляется необходимым остановиться на понятии средств и их видах, которые могут быть использованы в правотворческой деятельности.

Средства – это орудия (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-либо деятельности (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 749). То есть можно сказать о существовании в содержании юридической техники приспособлений, которые позволяют в итоге создать нормативный акт. Средства применяются практически в любом виде деятельности, в том числе и в юридической, – это так называемые правовые средства. Но понятие правовых средств включает в себя многие аспекты, которые не следует относить к юридической технике, но которые, в свою очередь, могут сказаться на ее результатах. В качестве таковых можно назвать уровень культуры вообще и правовой культуры, в частности, уровень правосознания и всего общества, и отдельных индивидуумов, которые принимают участие в подготовке правовых актов различного плана.

Значение средств в жизни общества определяется следующими обстоятельствами: 1) они образуют собой предметную основу, инструментальную базу любой человеческой деятельности; 2) их основной функцией являются достижение поставленных субъектами целей, претворение их в конкретные результаты; 3) применяемые средства сигнализируют о степени развитости общества, уровне его инструментальных возможностей, демонстрируют значение и силу человека в преобразовании окружающего мира; 4) они играют стимулирующую роль, так как осознание субъектами реальной возможности осуществления определенных преобразований побуждает их к активности.

Средства юридической техники крайне разнообразны. В целом их можно подразделить на общесоциальные и технико-юридические. Отдельные авторы относят к средствам юридической техники и технические средства (Бахвалов С. В. Указ. соч. С. 73). Очевидно, следует согласиться с М. К. Юковым, полагающим, что «...юридическую технику не следует смешивать с использованием в правотворчестве и правоприменительной деятельности материальных технических средств... Эти матери-

альные средства, помогающие в правотворческой деятельности, не относятся к юридической технике» (Юков М. К. Место юридической техники в правотворчестве // Правоведение. 1979. № 5. С. 48).

К общесоциальным средствам следует отнести: понятия, суждения, языки (отечественный и иностранные), выражающие их части речи, знаки, языковые единицы (слова, словосочетания, существительные, глаголы и т. п.), буквы, знаки препинания, аббревиатуры, а также цифры, нумерацию, графические объекты (рисунки, графики, диаграммы, географические карты и пр.), ноты, формулы, таблицы, перечни, оглавления, примеры, тезаурус, символы, термины, научные категории и законы, разнообразные социальные нормы (этические, эстетические, религиозные) и т. д. Данные средства формулируют и изучают в рамках соответствующих отраслевых наук (лингвистики, филологии, математики, статистики, информатики, экономики и пр.). Немало работ, посвященных описанию особенностей так называемого юридического стиля языка, можно встретить в отечественной юридической литературе (Юридическая техника: природа, основные приемы, значение. Ретроспективный библиографический указатель / сост. и авт. предисл. В. М. Баранов. Н. Новгород, 1999. С. 42–57). Ввиду значительного количества общесоциальных средств и ограниченного объема работы мы не будем их рассматривать.

Технико-юридические средства (юридические конструкции, презумпции, фикции, ссылки, отсылки, оговорки, примечания и т. д.) – это юридические приспособления, необходимые при выработке текста правового акта.

Технико-юридические средства условно можно подразделить на две группы: средства построения нормы права (презумпции, фикции, оговорки, юридические конструкции, дефиниции и пр.) и средства оформления текста закона (ссылки, отсылки, примечания, приложения и пр.). Такое разграничение обуславливает возможность совместного использования различных средств (например, оговорок в примечани-

ях или дефиниций в приложениях) (Бахвалов С. В. Указ. соч. С. 74).

Наиболее распространенными технико-юридическими средствами являются: юридическая терминология; дефиниции; юридические конструкции; правовые презумпции; правовые фикции; примечания в нормативных правовых актах; правовые аксиомы; правовые символы; правовые преюдиции.

Некоторые авторы, например Л. В. Савченко (Савченко Л. В. Юридическая техника в правотворчестве субъекта Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 27), обозначенные технико-юридические средства называют приемами юридической техники, совершенно не делая различий между двумя разными понятиями, такими как средство и прием, что, на наш взгляд, является недопустимым. Средства – это орудия (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-либо деятельности. В материальной технике под средствами понимается то, из чего (из какого материала) и при помощи чего (каких инструментов) создаются те или иные материальные объекты.

В юридической технике материалом является язык (слова, словосочетания, предложения, знаки препинания и т. п.). К ее инструментам же относятся юридические термины и юридические конструкции, презумпции и фикции, средства структурной организации текста и его документального изложения, модельные нормативные правовые акты и образцы индивидуальных правовых актов и т. п.

Приемы же как таковые – это отдельные действия, движения, операции, направленные на достижение какого-либо результата.

Библиографический список

1. Бахвалов, С. В. Законодательная технология : дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2006.
2. Законодательная техника : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. – М., 2000.
3. Ленк, Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк ; пер. с нем. под ред. В. С. Степина. – М., 1996.

М. Г. Назарова,
*старший преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук*

ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

В современной России особое внимание уделяется вопросам охраны и реставрации памятников культурного наследия, историческим и правовым аспектам данной проблемы. Сегодня необходимо переосмыслить роль и значение культурного наследия и не только сохранить его в первоизданном виде, но и активно включать в социально-культурное пространство современной жизни.

Известно, что охрана национального культурного наследия России осуществляется в рамках программ международного сотрудничества и на основе международных и отечественных нормативных правовых актов в области охраны памятников культуры. Актуальным является вопрос о переходе памятников федерального значения в муниципальную и частную собственность, решается вопрос об административно-правовой, уголовно-правовой охране культурных ценностей. В теории административного права проблемы охраны объектов культурного наследия до настоящего времени оставались на втором плане; следствием этого явилось недостаточное развитие законодательства, а также подзаконных нормативных правовых актов (Вахитов А. К. Административно-правовая охрана объектов культурного наследия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007).

Продажа ценных произведений искусства за границу превращается сегодня в доходный бизнес. Продолжают иметь место незаконные действия «черных археологов», несмотря на законы и активные меры правоохранительных органов. Украденные ценности надежно прячут фанатики-коллекционеры либо контрабандно вывозят за рубеж (Кочетков В. Украденная история. Через десять лет археологии в России не будет // Новости. 2004. 14 сент.). Таким образом, проблема охраны культурных цен-

ностей как в России, так и за рубежом является одной из наиболее актуальных. Прежде чем рассмотреть некоторые ее аспекты, необходимо обратиться к понятию «культурные ценности».

Как в зарубежных, так и в отечественных документах имеется несколько дефиниций культурных ценностей. В основном их определение применительно к целям соответствующего документа содержат международные конвенции, решающие вопросы охраны таких ценностей.

Один из первых международных документов по охране культурных памятников – Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. (Свод нормативных актов ЮНЕСКО. М., 1991. С. 258–281). Согласно ст. 1 настоящей Конвенции культурными ценностями считаются независимо от происхождения и владельца:

а) ценности, движимые или недвижимые, которые имеют большое значение для культурного наследия каждого народа, такие как памятники архитектуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли, которые в качестве таковых представляют исторический или художественный интерес, произведения искусства, рукописи, книги, другие предметы художественного, исторического или археологического значения, а также научные коллекции или важные коллекции книг, архивных материалов или репродукций ценностей, указанных выше;

б) здания, главным и действительным назначением которых является сохранение или экспонирование движимых культурных ценностей, указанных в п. «а», такие как музеи, крупные библиотеки, хранилища архивов, а также укрытия, предназначенные для сохранения в случае вооруженного конфликта движимых культурных ценностей, указанных в п. «а»;

с) центры, в которых имеется значительное количество культурных ценностей, указанных в п. «а» и «б», так называемые «центры сосредоточения культурных ценностей» (Там же. С. 319–322).

В данном документе представлен достаточно полный и объемный перечень того,

что относится к культурным ценностям, указывается, что это движимые и недвижимые ценности, раскрывается их характер (памятники культуры, искусства или истории, религиозные или светские, археологические месторасположения, архитектурные ансамбли и т. д.), включая также репродукции ценностей.

Статья 1 Рекомендаций ЮНЕСКО «О мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного вывоза, ввоза и передачи права собственности на культурные ценности» от 19 ноября 1964 г. содержит наиболее полное определение культурных ценностей: «культурными ценностями считается движимое и недвижимое имущество, имеющее большое значение для культурного достояния каждой страны, такие предметы, как произведения искусства и архитектуры, рукописи, книги и другие предметы, представляющие интерес с точки зрения искусства, истории или археологии, этнологические документы, типичные образцы флоры и фауны, научные коллекции и важные коллекции книг и архивных документов, в том числе музыкальные архивы» (Там же).

В соответствии со ст. 1 Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности от 14 ноября 1970 г. «культурными ценностями считаются ценности религиозного или светского характера, которые рассматриваются каждым государством как представляющие значение для археологии, доисторического периода, истории, литературы, искусства и науки...» (Свод нормативных актов ЮНЕСКО. С. 283–290).

Наряду с понятием «культурные ценности» в документах ЮНЕСКО применяется также понятие «культурное наследие». М. М. Богуславский отмечает однозначность этих понятий и их общий, универсальный характер (Богуславский М. М. Международная охрана культурных ценностей. М., 1979. С. 4). Более полное и структурированное определение культурного наследия содержится в Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия от 16 ноября 1972 г. (Свод нормативных актов ЮНЕСКО. С. 290–302). Ста-

тья 1 данной Конвенции указывает на 3 категории объектов: памятники, ансамбли и достопримечательные места. К первой категории относятся «произведения архитектуры, монументальной скульптуры и живописи, элементы или структуры археологического характера, надписи, пещеры и группы элементов, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства и науки».

Ко второй категории отнесены «группы изолированных или объединенных строений, архитектура, единство или связь с пейзажем которых представляют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки».

В третью категорию объектов входят «произведения человека или совместные творения человека и природы, а также зоны, включая археологические достопримечательные места, представляющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, эстетики, этнологии или антропологии (Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1991. Вып. XLV. С. 482).

В качестве основного критерия отнесения культурных ценностей к охраняемым категориям данная Конвенция использует критерий «выдающаяся универсальная ценность» (с точки зрения истории, искусства, науки, эстетики, этнологии, антропологии), а также понятия «исключительность», «уникальность», «незаменимость». В названном нормативном акте впервые выделяется такая категория объектов культуры, как «достопримечательные места», что немаловажно в решении рассматриваемой проблемы.

Таким образом, анализ понятия культурных ценностей позволил говорить о движимом и недвижимом имуществе, представляющем интерес с точки зрения искусства, истории и археологии и имеющем большое значение для культурного достояния каждой страны. Одноименная Конвенция 1970 г. уже не содержит указания на движимые и недвижимые объекты, выделяя «составные части расчлененных художественных и исторических памятников и археологических мест». В качестве

критериев общего характера выделены только два:

1) ценности религиозного или светского характера;

2) каждое государство само определяет предметы, относящиеся к рассматриваемой категории.

Отмечается, что решение вопроса с недвижимостью в Конвенции от 14 ноября 1970 г. является более удачным и более точным, чем в Рекомендациях (Галенская Л. Н. Музы и право. Правовые вопросы международного сотрудничества в области культуры. Л., 1987. С. 153), несмотря на то, что перечень, содержащийся в первом документе, довольно полный и объемный:

«а) редкие коллекции и образцы флоры и фауны, минералогии, анатомии и предметы, представляющие интерес для палеонтологии;

б) ценности, касающиеся истории, включая историю науки и техники, историю войны и обществ, а также связанные с жизнью национальных деятелей, мыслителей, ученых и артистов и с крупными национальными событиями;

в) археологические находки (включая обычные и тайные) и открытия;

г) составные части расчлененных художественных и исторических памятников и археологических мест;

д) старинные предметы более чем 100-летней давности, такие как надписи, старинные монеты и печати и т. д.».

В российском законодательстве так же по-разному рассматривается понятие культурных ценностей. Статья 7 Закона РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (Рос. газ. 1993. 15 мая), который регулирует вопросы перемещения памятников культуры через границу нашего государства, содержит примерный перечень предметов, отнесенных к данной категории. В целом он дублирует перечень предметов, содержащихся в ст. 1 Конвенции от 14 ноября 1970 г. Однако он более краток и в качестве общего критерия отнесения предмета к культурным ценностям содержит следующее указание: «...движимые предметы, в том числе копии, взятые государством под охрану, как памятники культуры и истории». В ка-

честве общих критериев отнесения предмета к указанной категории в ст. 164 УК РФ также используются следующие определения: «предметы, имеющие особую ценность» и «предметы или документы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность». При этом разъясняется, что «особая историческая, научная или культурная ценность похищенных предметов определяется на основании **экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, культуры**» (Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. Ю. И. Скуратова, В. А. Лебедева. М., 1999).

В ст. 188 УК РФ используется понятие «культурные ценности», при этом его содержание подробно не раскрывается. Интересно, что в предыдущей редакции данной статьи (ст. 78 УК РСФСР от 1960 г.) применялось понятие «предметы художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран».

Несомненно, охрана культурных ценностей является вопросом государственной важности и мирового значения. В соответствии с п. 3 ст. 44 Конституции РФ каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Следует также отметить, что проблема охраны памятников культуры получила отражение в статьях УК РФ (ст. 158, 159, 160, 161, 162, 164).

Хищение памятников истории и культуры относится к одному из древних видов преступлений: скифские могилы, египетские пирамиды и другие места захоронения постоянно подвергались нашествию древних воров. С созданием различных музеев в европейских государствах их залы стали интенсивно заполнять историческими и художественными ценностями, незаконно вывезенными из других стран. Так, в 1826 г. во Франции был создан египетский музей, экспонатами которого стали предметы старины и искусства, обнаруженные при раскопках. В результате массового вывоза культурных ценностей в музеи Европы из стран Азии, Африки и Латинской Америки культуре этих стран был

нанесен невосполнимый ущерб. Вопрос о возвращении произведений искусства и рукописей странам, из которых они были вывезены, был поднят на XXVIII сессии ГА ООН, которая 18 декабря 1973 г. приняла специальную резолюцию № 3187 «Возвращение произведений искусства странам-жертвам экспроприации» (Савченко М. С. Охрана культурных ценностей и борьба с их хищениями (Историко-правовые аспекты) // Клио. 2000. № 1. С. 162–165).

В больших масштабах ограбления государств происходили во времена войн. Наполеон I вывез во Францию произведения искусства, захваченные в церквях, дворцах и монастырях Италии, Нидерландов, Германии, России.

Культурные ценности нашей страны подвергались интенсивному расхищению в годы Гражданской и Второй мировой войн. Так, в июле 1940 г. на основании приказа А. Гитлера был создан Оперативный штаб РР («Рейхсляйтер Розенберг»). Его задача состояла в выявлении и взятии под контроль культурных ценностей на оккупированных германской армией территориях, в том числе в СССР. Внутри нацистского ведомства у Оперативного штаба были конкуренты, осуществляющие такую же деятельность: армейская группа «Север», возглавляемая «уполномоченным по культурным ценностям» графом Зольмсом-Лаубахом, и так называемая группа Кюнсберга – особый батальон СС, находившийся в непосредственном подчинении Министерства иностранных дел и охотившийся по поручению Риббентропа за культурными ценностями. Этот батальон в течение всей войны, следуя за передовыми частями, реквизирует культурные ценности, а затем отправлял отобранные предметы в Германию. Наряду с прямым грабежом агенты этих организаций под угрозой насилия скупали за обесцененные бумажные деньги Франции, Голландии и Бельгии произведения искусства, которые в иных условиях никогда бы не стали предметом продажи и вывоз которых был запрещен. На Нюрнбергском процессе обвинение в грабеже культурных ценностей было предъявлено Герингу, Риббентропу, Франку, Борману и остальным главным военным преступникам.

По окончании войны остро встал вопрос о розыске и возвращении похищенных шедевров законным владельцам. Реституция (возвращение одним государством другому имущества, незаконно захваченного во время войны) культурной собственности осуществляется в основном по общим правилам мирных договоров о реституции, но далеко не все похищенные в годы войны культурные ценности были найдены. Их поиск продолжается и в настоящее время, имеющий нередко неожиданный результат. Так, в декабре 1998 г. представители крупнейших художественных музеев и галерей из 44 стран мира договорились в Вашингтоне обнародовать списки произведений искусства, которые были украдены нацистами или насильственно ими выкуплены, а потом различными путями попали в музей (Национальная галерея в Лондоне). В результате были обнаружены две тысячи картин, из них 470 особо ценных, которые поступили в галерею после 1933 г. Сегодня точно установлено, что 120 из них были похищены нацистами. Среди них шедевры Караваджо, Рубенса, Дега, Делакруа, Моне и Пикассо. Вопрос о возвращении этих шедевров еще не решен окончательно.

Кражи произведений искусства в странах Западной Европы участились в конце 50 – начале 60-х гг. XX в. В указанный период из музеев Франции, Италии, Англии было совершено несколько краж, ставших известными всему миру. В России в данный период не было зарегистрировано краж из музеев. Однако в 90-е гг. XX в. хищения культурных ценностей в нашей стране приняли характер национального бедствия. По официальным данным Государственного таможенного комитета РФ, в 1996 г. на границе было задержано 7700 предметов старины и искусства, хищениям подвергались храмы, городские и местные краеведческие музеи, библиотеки, архивы, картинные галереи и т. д. Одна из старейших русских церквей – Покрова на Нерли – в очередной раз подверглась нападению грабителя в конце 1998 г. В ее истории это двенадцатый случай. По уголовным делам, хранящимся в архиве Управления ФСБ по Владимирской области, можно судить о том, какой размах приобрели хищения

культурных ценностей за последние десятилетия. Известно, что в 70-е гг. XX в. из храма были вынесены иконы XVI в., в 1990-е гг. – иконы XVIII в. и т. д.

Таким образом, проблема сохранения культурного наследия должным образом еще не урегулирована. В нормативно-правовой базе существуют различные определения понятия «культурные ценности», все это требует дальнейшего исследования и доработки в правовом и экономическом аспектах (Кочетков В. Указ. соч.).

Согласно Федеральному закону от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (Рос. газ. 2002. 29 июня) основной задачей в сфере культурного наследия является **обеспечение сохранности объектов культурного наследия всех видов и категорий**, включая осуществление их государственной охраны, сохранения, использования и популяризации в соответствии с законодательством.

Главным и необходимым условием обеспечения сохранности объектов культурного наследия в настоящее время является совершенствование **государственной политики на основе всестороннего учета состава и состояния объектов культурного наследия**, современных социально-экономических условий развития общества, реальных возможностей органов власти, местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, иных лиц, особенностей национально-культурных тради-

ций народов Российской Федерации и множества других факторов.

Важнейшим элементом данной деятельности является масштабная проверка всех музеев России, инициированная В. Путиным после кражи 221 экспоната из Эрмитажа в августе 2006 г. (Коммерсант и власть. 2008. 15 дек. С. 56–58).

Таким образом, поставленная еще в прошлые десятилетия проблема охраны культурных ценностей и борьбы с их хищением по-прежнему является одной из злободневных проблем современности. Многие вопросы, связанные с незаконной покупкой и перепродажей культурных ценностей за рубеж, приобретают международный характер, для решения которых требуется консолидация и интенсивное международное сотрудничество, тесное взаимодействие отечественных и зарубежных правоохранительных систем.

Библиографический список

1. *Богуславский, М. М.* Международная охрана культурных ценностей / М. М. Богуславский. – М., 1979.
2. *Вахитов, А. К.* Административно-правовая охрана объектов культурного наследия : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007.
3. *Кочетков, В.* Украденная история. Через десять лет археологии в России не будет / В. Кочетков // Новости. – 2004. – 14 сент.
4. *Савченко, М. С.* Охрана культурных ценностей и борьба с их хищениями (Историко-правовые аспекты) / М. С. Савченко // Клио. – 2000. – № 1.

Н. В. Павличенко,

*заместитель начальника кафедры
оперативно-розыскной деятельности
органов внутренних дел
Омской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВИЛА КОНСПИРАЦИИ КАК МОДЕЛЬ РЕГУЛИРУЕМЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В действующих отечественных нормативных правовых актах словосочетание

«правила конспирации» встречается достаточно часто. Так, в ст. 14 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.) говорится, что при решении определенных настоящим законом задач оперативно-розыскной деятельности органы, уполномоченные ее осуществлять, обязаны соблюдать *правила конспирации*. В приказе ГТК России от 15 марта 1996 г. № 145 «Об утверждении временного положения о региональном таможенном управлении по борьбе с таможенными правонарушениями» (Документ опублико-

ван не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс») отмечается, что региональное таможенное управление по борьбе с таможенными правонарушениями разрабатывает в пределах своей компетенции *правила конспирации*. В постановлении Правительства Российской Федерации от 23 августа 1993 г. № 845 «Об утверждении Устава Академии Министерства безопасности Российской Федерации» (Собр. актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1993. № 37, ст. 3453) в качестве обязанностей слушателей академии закреплено положение о необходимости соблюдения *правил конспирации*. Упоминание такого словосочетания, как «правила конспирации», имеется и в большинстве ведомственных нормативных правовых актов, посвященных оперативно-розыскной деятельности.

Основываясь на законодательных и ведомственных нормативных правовых актах, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно принимал решения, основу которых составляли проблемы соблюдения правил конспирации. Так, Верховный Суд Российской Федерации посчитал обоснованным увольнение гражданина К. из правоохранительных органов в связи с нарушением последним правил конспирации (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 февр. 1999 г. № 19-Г99-1. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). В свою очередь, майору милиции М. Э. было отказано в удовлетворении иска о восстановлении на службе в связи с нарушением правил конспирации (Определение Верхов. Суда Рос. Федерации от 7 февр. 2000 г. № 25-Г00-1. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Таким образом, законодатель закрепил за понятием «правила конспирации» определенный правовой статус, позволяющий компетентным органам в случае их нарушения применять дисциплинарные, административные и уголовно-правовые меры. Подобный правовой статус правил конспирации априори подразумевает, что они являются «общеобязательными государственными предписаниями постоянного или

временного характера, рассчитанными на многократное применение», иными словами – нормами права (Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации : постановление Гос. Думы Федер. Собр. Рос. Федерации от 11 нояб. 1996 г. № 781-П ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 49, ст. 5506), а следовательно, обязаны соответствовать основным признакам норм права.

Исходя из вышесказанного правила конспирации должны: носить общий характер; содержать общеобязательное правило поведения; характеризоваться неперсонифицированностью; быть рассчитаны на неопределенное число случаев правовой реализации; иметь государственно-властный характер и обладать представительско-обязывающим содержанием; быть гарантированы государством, а самое главное – облекаться в письменную, документальную форму, связанную с конкретной процедурой применения (Теория государства и права : учеб. для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 159–169 ; Червонюк В. И. Теория государства и права : учебник. М., 2006. С. 331–348 и т. д.).

Кроме того, совокупность самих действий при определенных обстоятельствах, направленных на сохранение в тайне оперативно-розыскных сил, средств и методов, а также организационно-тактических аспектов оперативно-розыскной деятельности (правил конспирации) как норм права, обладая признаком системности, должна быть сформирована в нормативном правовом акте (актах), так как нормативный правовой акт – это письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм (Репина М. Г. Правоведение : учеб. для турист. спец. М., 2005. С. 22). По мнению В. Ф. Луговика, в качестве одного из вариантов решения проблемы можно предположить формирование мегаправил или правил-принципов, которые должны найти свое нормативное закрепление в оперативно-розыском законодательстве (Луговик В. Ф. Правовая охрана негласного сотрудничества // Проблемы теории и

практики оперативно-розыскной деятельности криминальной милиции : межвуз. сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 89).

Таким образом, создание подобного нормативного акта, содержащего перечень правил конспирации, – это объективная необходимость. Так, на вопрос, есть ли необходимость систематизировать правила конспирации в едином нормативном акте, положительно ответили 91 % опрошенных нами оперативных сотрудников, отрицательно – 8 %, затруднились ответить 1 %. При этом была выявлена следующая закономерность. Среди тех, кто негативно высказался в отношении данного предложения, в равных долях представлены лица, имеющие стаж работы в органах внутренних дел от одного года до трех лет, и лица, являющиеся руководителями оперативных подразделений, со стажем оперативной работы более 10–15 лет. Как нам представляется, в первом случае небольшой период социальной адаптации к оперативной службе не позволяет представить сотрудникам оперативных подразделений, в какой степени организационно-правовые меры могут повлиять на качество оперативной работы. Наличие же в данной группе опытных оперативных работников объясняется, на наш взгляд, пониманием последними перечисленных в нормативных актах правил конспирации как «закостенелых» и «неповоротливых» предписаний, что подтверждается результатами опроса этой группы респондентов (на данное обстоятельство указало 78 % опрошенных).

По нашему мнению, подготовка нормативного правового акта, содержащего перечень правил конспирации, позволит не только систематизировать нормы права, регламентирующие функциональную составляющую конспирации, но и окончательно решит вопрос о возможности применения государственных мер принуждения к лицам, допускающим нарушения правил конспирации. Практика нарушений (несоблюдений) правил конспирации, приведших к различным неблагоприятным последствиям (причинение вреда здоровью, материальный ущерб и т. д.), свидетельствует, что даже за грубые просчеты в оперативной работе, выраженные в рассекречи-

вании лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сотрудники оперативных подразделений не несут никакой ответственности.

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих основания и процедуру дисциплинарной, административной, гражданской и уголовной ответственности, показывает, что за нарушение правил конспирации, повлекших за собой негативные последствия, как умышленно, так и по неосторожности сотрудник оперативного подразделения должен быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 285 «Злоупотребление должностными полномочиями» Уголовного кодекса Российской Федерации в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должностным лицом своих *обязанностей* вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Возможна и дисциплинарная ответственность за нарушение служебной дисциплины, выраженное в несоблюдении установленных законодательством Российской Федерации, Присягой, контрактом о службе, а также приказами министра внутренних дел, прямых начальников порядка и *правил* при выполнении возложенных на них *обязанностей* и осуществлении имеющихся у них полномочий (Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации : постановление Верхов. Совета Рос. Федерации от 23 дек. 1992 г. № 4202-1 // Ведомости Совета нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 2, ст. 70).

Вместе с тем применение вышеперечисленных нормативных предписаний невозможно по причине отсутствия материальной составляющей права, а именно нормативного правового акта, позволяющего при принятии решения сослаться на конкретные правовые предписания, которые нарушил сотрудник оперативного подразделения.

Ситуация становится еще более сложной, если правила конспирации нарушаются лицами, которые оказывают содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Действительно, если применительно к оперативному сотруднику можно утверждать, что знания о правовом положении, должностных полномочиях и организационно-тактических особенностях оперативно-розыскной деятельности у него формируются в специальном учебном заведении МВД России или на курсах первоначальной подготовки, а также в процессе последующей работы по специальности, то познания привлекаемого к сотрудничеству лица об этом складываются нередко спонтанно, под действием средств массовой информации, художественной литературы и фильмов детективной и шпионской тематики. В результате такой среднестатистический конфиденент имеет совершенно абстрактные отрывочные представления (нередко ошибочные) о том, какие действия и в какой последовательности он должен осуществлять для сохранения в тайне от окружающих факта и обстоятельств своего сотрудничества.

Таким образом, в числе аргументов в пользу необходимости подготовки единого нормативного правового акта, включающего в себя правила конспирации, можно выделить несколько обстоятельств:

- Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» закрепил за правилами конспирации особый правовой статус, позволяющий рассматривать их в качестве норм права;

- отсутствие единых правил конспирации не позволяет применять государственные меры принуждения к лицам, допускающим их нарушения;

- формализация правил конспирации позволит лицам с разной профессиональной подготовкой эффективно осуществлять оперативно-розыскную деятельность, соблюдая принцип конспирации.

Каков же должен быть выбран способ придания официальной юридической силы правилам конспирации, иными словами, каково должно быть их внешнее официальное выражение? Нам представляется, что нормы, определяющие правила конспира-

ции, должны содержаться в таком нормативном правовом акте, как «Правила конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности». В качестве обоснования своей позиции приведем следующие аргументы.

В соответствии с правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются на основе и во исполнение федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента Российской Федерации, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации, а также по инициативе федеральных органов исполнительной власти в пределах их компетенции. При этом они издаются федеральными органами исполнительной власти в виде постановлений, приказов, распоряжений, правил, инструкций и положений (Рос. газ. 1997. 21 авг.). Иными словами, данный перечень является исчерпывающим и не подлежит расширению. Подобная позиция поддержана Министерством юстиции Российской Федерации, которое своим приказом от 4 мая 2007 г. № 88 «Об утверждении разъяснений о применении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» засвидетельствовало, что акты, изданные в ином виде (например, директивы и др.), не должны носить нормативный правовой характер (Там же. 2007. 24 мая).

В соответствии с данным нормативным предписанием Министерство внутренних дел Российской Федерации подготовило приказ от 27 июня 2003 г. № 484 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России», регламентировавший Правила подготовки нормативных правовых актов в центральном аппарате МВД России и определивший порядок организации и осуществления ведомственного нормотворчества в органах внутренних дел

(Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс»). В данном приказе оговаривается, что Министерством внутренних дел Российской Федерации издаются положения, уставы, инструкции, наставления, правила и иные нормативные правовые акты.

Таким образом, Правительство Российской Федерации, Министерство юстиции Российской Федерации и Министерство внутренних дел Российской Федерации едины в понимании того, что *правила* могут и должны быть нормативными правовыми предписаниями, в которых, применительно к рассматриваемому вопросу, содержатся нормы, регламентирующие *основные* (выделено нами. – Н. П.) виды оперативно-служебной деятельности и порядок ее осуществления конкретными категориями сотрудников (Рос. газ. 2007. 24 мая).

Опыт нормотворческой деятельности показывает, что основными формами закрепления правил в различных сферах социальной деятельности являются постановления, положения и приказы (Об утверждении правил применения отдельных мер безопасности в отношении потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : постановление Правительства Рос. Федерации от 27 окт. 2006 г. № 630 // Рос. газ. 2006. – 10 нояб. ; Об утверждении правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 6 окт. 2006 г. № 311 // Там же. 2006. 18 окт. и др.). Однако аксиоматичным выглядит наше предложение о закреплении правил конспирации в едином ведомственном приказе, так как в нем должны быть затронуты вопросы, содержащие государственную тайну, в частности, информацию о силах, средствах и методах оперативно-розыскной деятельности.

Необходимо признать, что отсутствие единых правил конспирации в оперативно-розыскной деятельности, подготовленных на основе опыта работы органов, осуществляющих такую деятельность, привели ряд ученых к выводу, что «правила конспирации, созданные на основе опыта работы оперативных служб, изучаются в специальных учебных заведениях и в системе слу-

жебной подготовки» (Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : науч.-практ. коммент. / под ред. И. Н. Зубова, В. В. Николюка. М., 1999).

Действительно, в настоящее время правила конспирации преподаются в учебных заведениях системы МВД России и содержатся в методических рекомендациях различной направленности. Анализ последних позволяет говорить о том, что учебная литература обобщает, формирует (создает) правила конспирации, тем самым нарушается нормотворческий суверенитет государственных органов, оговоренный Конституцией Российской Федерации. Нам представляется, что учебники и учебные пособия по оперативно-розыскной деятельности не должны формировать правила конспирации, а обязаны содержать комментарии, тактические разъяснения существующих правил конспирации, зафиксированных в предлагаемом нами едином нормативном правовом акте.

С содержательной стороны «Правила конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» должны в качестве одной из составляющих включать нормы из разрозненных ведомственных нормативных актов. Иными словами, правила конспирации должны трансформироваться в ведомственных нормативных правовых актах, затрагивающих вопросы оперативно-розыскной деятельности.

По нашему мнению, должна выстроиться четкая триада нормативных правовых актов, во главе которой стоит Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», содержащий правила-принципы, затем – единые «Правила конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности», и в заключение – ведомственные правовые предписания, касающиеся методики осуществления оперативно-розыскной деятельности.

При определении структуры предлагаемых формализованных «Правил конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» нами анализировался положительный опыт правового регулирования ранее действовавших ведомственных нормативных актов в сфере оперативно-розыскной деятельности. Кроме

того, изучение практического опыта обеспечения конспирации оперативными сотрудниками органов внутренних дел позволяет заключить, что данные правила конспирации должны содержать следующие разделы.

1. Общие положения. В данном разделе должны быть указаны цели, задачи и сущность деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел по обеспечению конспирации в оперативно-розыскной деятельности; представлены общие вопросы, освещающие особенности организации и тактики обеспечения конспирации в органах внутренних дел; рассмотрена компетенция сотрудников оперативных подразделений по обеспечению конспирации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

2. Правила конспирации при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий. Содержание данного раздела должно определяться структурой ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Здесь должны найти отражение: совокупность тактических действий при определенных обстоятельствах, направленных на сохранение в тайне оперативно-розыскных сил, средств и методов, а также организационно-тактических аспектов оперативно-розыскной деятельности при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий; особенности использования технических средств, а также порядок предоставления сведений ограниченного распространения судье для принятия решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

3. Правила конспирации при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности. В данном разделе предлагается представить тактические рекомендации по использованию в уголовном процессе лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; четко прописать процедуру использования оперативно-розыскных данных, содержащих сведения ограниченного распространения, согласуя ее с Уголовно-процессуальным кодексом

Российской Федерации и Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, объявленной приказом МВД России № 368, ФСБ России № 185, ФСО России № 164, ФТС России № 481, СВР России № 32, ФСИН России № 184, ФСКН России № 97, Минобороны России № 147 от 17 апреля 2007 г. (Рос. газ. 2007. 16 мая).

4. Правила конспирации при осуществлении содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Основу данного раздела должны составить правила конспирации при работе с лицами, которые оказывают содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на всех этапах оперативно-розыскного процесса. Особое место в данном разделе должно быть уделено правилам конспирации при осуществлении социальной и правовой защиты граждан, содействующих (содействовавших) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность; выплаты денежного содержания, различного рода вознаграждений и т. п.

5. Правила конспирации, применяемые лицами, оказывающими содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. В данном разделе должны содержаться формализованные требования к confidentу, соблюдая которые он будет эффективно выполнять поставленные перед ним задачи и тем самым обеспечит безопасность собственной деятельности, а также надлежащее функционирование всего оперативного подразделения.

6. Правила конспирации при осуществлении контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью. В данном разделе должны содержаться правила конспирации при осуществлении ведомственного контроля и прокурорского надзора.

Нами представлена лишь схема, объединяющая основные направления разработки единых правил конспирации, которые при их создании позволят решить насущные проблемы оперативно-розыскной деятельности, активизировать работу опе-

ративных сотрудников и обоснованно привлечь к административной, уголовной и дисциплинарной ответственности лиц, не соблюдающих правила конспирации в своей профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Репина, М. Г. Правоведение : учебник / М. Г. Репина. – М., 2005.

И. М. Пеньков,

*соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ДТП

Расследование уголовных дел о дорожно-транспортных происшествиях (далее: ДТП) сопровождается проведением множества экспертиз (судебно-медицинская, трасологическая и др.). Особое место в этом ряду занимают автотехнические судебные экспертизы, которые могут дать ответ не только на вопросы о техническом состоянии транспортных средств, но и о наличии у водителя технической возможности предотвратить наезд на пешехода (препятствие) путем торможения.

Однако проведение данного вида экспертизы может быть осложнено рядом обстоятельств. Так, при назначении такой экспертизы следователь вынужден пользоваться данными, полученными от заинтересованных в исходе дела лиц: водителя, участвовавшего в происшествии, или пострадавшего пешехода. К таким сведениям относятся: темп движения пешехода; не установленные в ходе осмотра места происшествия видимость и различимость объектов в ночное время; скорость движения автомобиля (применение систем АБС при торможении не оставляет следов шин на дорожном покрытии, что делает невозможным экспертным путем установить скорость движения автомобиля) и др.

В данном случае сложность заключается в следующем. Следы преступления в виде

2. Теория государства и права : учеб. для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005.

3. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» : науч.-практ. коммент. / под ред. И. Н. Зубова, В. В. Николожука. – М., 1999.

4. Червонюк, В. И. Теория государства и права : учебник / В. И. Червонюк. – М., 2006.

отпечатков пальцев рук, следов орудий взлома и т. д., изъятых до возбуждения уголовного дела при осмотре места происшествия или на этапе расследования уголовного дела, не позволяют заинтересованным лицам изменить их объективные параметры. Этого нельзя сказать о субъективных сведениях, установленных из показаний заинтересованных участников ДТП, положенных в основу автотехнического исследования до возбуждения уголовного дела. Впоследствии, при допросе в качестве свидетеля или подозреваемого, фигурант может изменить свои показания в компрометирующей его части. В результате выводы доследственной проверки или результаты административного расследования о наличии в действиях водителя состава уголовно наказуемого деяния не подтверждаются в ходе предварительного следствия, и виновное лицо уходит от справедливого наказания за совершенное преступление. Кроме того, это влечет негативные гражданско-правовые последствия для пострадавшей стороны.

Нельзя оставлять без внимания и возникшие основания для реабилитации подозреваемого в порядке п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ.

Решить обозначенную проблему может введение в УПК РФ возможности проведения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела. Этот вопрос на протяжении долгого времени вызывает споры в среде правоведов-теоретиков. Среди множества точек зрения наиболее правильной, по нашему мнению, является позиция Р. С. Белкина и А. И. Винберга, которые считают возможным проведение экспертиз до возбуждения уголовного дела, исполь-

зуя для данного вида следственных действий понятие «полевая криминалистика» (Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М., 1988. С. 37–63). Другой ученый, Л. В. Винницкий, называет предварительное исследование объектов, возможных доказательств в «полевых условиях» наиболее предпочтительным вариантом работы на месте происшествия, так как он дает возможность использовать полученную информацию как для поиска определенных орудий совершения преступления, инструментов, соответствующих следов, так и лица, его совершившего, иными словами, комплексно применять все имеющиеся силы и средства (Винницкий Л. В. Осмотр места происшествия: организационные, процессуальные и тактические вопросы. Караганда, 1986. С. 77).

Настоящий анализ проблем, возникающих при расследовании дел о ДТП, по нашему мнению, еще раз подтверждает ошибочность пути, по которому идет законодатель в настоящее время. Часть 4 ст. 146 УПК РФ в первоначальной редакции действующего УПК РФ разрешала следователю до возбуждения уголовного дела вынести постановление о назначении судебной экспертизы. Однако в редакции Федерального закона от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» у органов предварительного следствия такой возможности нет (Рос. газ. 2007. 8 июня).

При возбуждении уголовного дела по факту, а не в отношении конкретного виновного водителя, показания свидетеля по существующей судебной практике не имеют доказательственной силы при их расхождении с показаниями подозреваемого или обвиняемого. Таким образом, виновник ДТП, имеющий статус свидетеля, ознакомившись с заключением экспертиз, в ходе предварительного следствия может неоднократно менять свои показания, пока не добьется для себя желаемого результата.

При рассматриваемой ситуации не имеют доказательственной силы и показания,

полученные органом дознания при производстве административного расследования. Однако нужно отметить, что «объяснение», взятое следователем у виновника ДТП при проведении доследственной проверки (ст. 144 УПК РФ), и «объяснение», полученное дознавателем в порядке ст. 25.1 КоАП РФ, имеют различное юридическое значение. Так, объяснение, отобранное следователем до возбуждения уголовного дела, не регламентировано ни одной из статей УПК РФ. Его с трудом можно «подтянуть» под понятие «иного документа» (ст. 84 УПК РФ). В УПК РФ есть его законный прототип – протокол допроса (ст. 190 УПК РФ).

Совершенно иное значение имеет объяснение, взятое дознавателем в порядке ст. 25.1, 25.2, 25.6 КоАП РФ. Это запроотоколированные с соблюдением действующего законодательства показания фигурантов, взятые при производстве по делам об административных правонарушениях. При этом лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, дано право знакомиться со всеми материалами дела, давать объяснение, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, пользоваться юридической помощью защитника, а также иными процессуальными правами в соответствии с КоАП РФ (ч. 1 ст. 25.1). Кроме того, требования ч. 4 ст. 26.4 КоАП РФ обязывают лиц, в производстве которых находится дело об административном правонарушении, знакомить лицо, в отношении которого ведется административное расследование, с определением о назначении экспертизы.

Таким образом, при административном производстве никоим образом не нарушаются права фигурантов на защиту. Возникает вопрос: почему в ходе уголовного судопроизводства нет доверия к документам, собранным в соответствии с требованиями действующего законодательства, с соблюдением всех прав на защиту фигурантов? Ответ на него не может удовлетворить сотни потерпевших и их родственников, не получивших защиту от преступлений, – это несовершенство

действующего уголовно-процессуального законодательства.

Рассмотрим нередкую ситуацию, когда в отношении виновного в ДТП водителя имеется вступившее в законную силу судебное решение, устанавливающее его виновность в причинении среднего вреда здоровью, но при этом на момент вынесения решения потерпевший еще продолжает лечение. А через определенный промежуток времени лицу, пострадавшему в ДТП, после окончания лечения выдается медицинское заключение о том, что в результате уже рассмотренного в административном порядке происшествия его здоровью причинен тяжкий, а не средний вред. В этом случае включается в действие процедура, предусмотренная ст. 30.12 КоАП РФ, согласно которой вступившее в законную силу решение по делу об административном правонарушении может быть отменено председателем суда субъекта Федерации по представлению прокурора субъекта Федерации. После отмены решения суда материал попадает в органы предварительного расследования для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. И в этом случае, несмотря на то, что виновный водитель в суде подтвердил данные им ранее в ходе административного производства показания и согласился с решением суда, ничто не мешает ему изменить свои показания в ходе предварительного расследования по уголовному делу и избежать ответственности. В рассматриваемом примере следствие и суд не смогут сослаться на материалы административного дела в порядке преюдиции (ст. 90 УПК РФ), так как вынесенное судом решение по тому же ДТП уже отменено и его не существует. При этом не важны основания отмены вступившего в законную силу судебного решения.

Использование оперативных возможностей доказывания вины совершившего ДТП водителя наталкивается на несовершенство Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг. ; 2008. 30 дек.) и ведомственных подзаконных актов.

Вывод из вышеизложенного однозначен: ориентированное на защиту прав преступников законодательство не дает защиты потерпевшему.

В связи с этим, по нашему мнению, необходимо внести следующие изменения в действующее законодательство.

1. Привести правовую защищенность лиц, привлекаемых к административной ответственности, в соответствие с правовой защищенностью лиц, привлекаемых к уголовной ответственности; упорядочить назначение и проведение экспертиз по делам об административных правонарушениях; предупреждать лиц, привлекаемых к административной ответственности, о возможности использования результатов административного расследования в уголовном судопроизводстве. Эти меры позволят признавать допустимыми доказательствами в уголовном судопроизводстве материалы административных дел, включая заключения проведенных в ходе административного расследования экспертиз, и не дадут возможности стороне защиты сослаться на нарушение конституционных прав обвиняемых в ходе уголовного судопроизводства.

2. Придать процессуальное значение показаниям, полученным следователями до возбуждения уголовного дела.

3. Придать более веский процессуальный статус показаниям свидетелей, которые в процессе расследования уголовного дела «приобрели» статус обвиняемого.

4. Предусмотреть возможность проведения судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела.

Библиографический список

1. *Белкин, Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р. С. Белкин. – М., 1988.

2. *Винницкий, Л. В.* Осмотр места происшествия: организационные, процессуальные и тактические вопросы / Л. В. Винницкий. – Караганда, 1986.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. – М., 2007.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2007.

Д. В. Протасов,
аспирант кафедры гражданского права
Тверского государственного университета

ПОНЯТИЕ ПРАВА НА СЕКРЕТ ПРОИЗВОДСТВА (НОУ – ХАУ)

С введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52, ч. 1, ст. 5496) институт права на секрет производства (ноу-хау) впервые в истории отечественной цивилистики был приравнен к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и стал рассматриваться в качестве одного из объектов права интеллектуальной собственности. Законодатель в гл. 75 ГК РФ наделил правообладателя ноу-хау исключительным правом на него, определил договоры об отчуждении исключительного права на секрет производства и предоставлении права использования ноу-хау и др. При этом была продолжена традиция, заложенная в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик (далее: Основы) от 31 мая 1991 г. № 2211-1 (Ведомости Верхов. Совета СССР. 1991. № 26, ст. 733), использовать термины «секрет производства» и «ноу-хау» в качестве равнозначных.

Столь стремительное развитие законодательства в области права на секрет производства связано с востребованностью данного института для правоприменительной практики и усилением охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Принимая во внимание, что ноу-хау является новым институтом для науки гражданского права и в юридической литературе исследован недостаточно глубоко, нам представляется необходимым проанализировать его сущность. Для этого вначале обратимся к нормам советского законодательства, правовым актам начала 1990-х гг., действующему ГК РФ и определим, что следует понимать под правовой конструкцией «право на секрет производства (ноу-хау)». Затем выясним, сочетает ли в себе секрет производства признаки, которые свойственны объекту права интеллекту-

альной собственности, результату интеллектуальной деятельности.

Итак, в советской правовой системе конструкция «ноу-хау» появилась гораздо позже, чем в капиталистических государствах. В СССР положения о ноу-хау применялись только в сфере внешнеэкономической деятельности и не распространялись на внутренние взаимоотношения между социалистическими хозяйственными предприятиями. В качестве исключения разрешалось при создании на территории СССР совместных предприятий с участием советских и иностранных организаций вносить в их уставный фонд ноу-хау в качестве вкладов (О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран : постановление Совета Министров СССР от 13 янв. 1987 г. № 49 // Собр. Постановлений Правительства СССР. 1987. № 9, ст. 40). Такое ограничение объясняется тем, что в рамках командно-административной экономики институт ноу-хау существовать не мог, так как все полученные достижения научно-технического характера не засекречивались, а напротив, повсеместно передавались предприятиям для их внедрения на производстве (Дозорцев В. А. Понятие секрета промысла (ноу-хау) // Вестн. ВАС РФ. 2001. № 7. С. 100).

В советской доктрине права понятие «ноу-хау» разъяснялось учеными по-разному. К ноу-хау относили технические знания, опыт и секреты производства (Богуславский М. М. Вступительная статья к книге Г. Штумпфа «Договор о передаче “ноу-хау”». М., 1976. С. 6); незапатентованные технические, экономические и организационные знания и опыт, известные ограниченному кругу лиц, обладание которыми дает определенную экономическую выгоду (Мельников А. А. Некоторые правовые аспекты передачи «ноу-хау» в международной торговле // Вопр. изобретательства. 1980. № 11. С. 53). Существовало также мнение, что формулировать исчерпывающее определение ноу-хау не следует, а лучше выделить его существенные признаки (Нарышкина Р. Л. Некоторые проблемы охраны ноу-хау в практике США // Сов. государство и право. 1974. № 10. С. 116–117).

В подзаконных актах ноу-хау определялось как не являющиеся общеизвестными и практически применимые в производственной и хозяйственной деятельности различного рода знания и опыт, не имеющие правовой охраны за рубежом. Объектами права на ноу-хау были признаны методы, способы и навыки, необходимые для проектирования, строительства, научно-исследовательских, опытно-конструкторских и пусконаладочных работ; разработки и использования технологических процессов; составы и рецепты материалов, веществ, сплавов; методы и способы лечения, поиска и добычи полезных ископаемых, знания и опыт финансового, административного и иного порядка (Инструкция Госкомизобретений о порядке работы по продаже лицензий и оказанию услуг типа инжиниринг : приказ Госкомизобретений СССР от 26 янв. 1979 г. № 11. М., 1979. Далее: Инструкция 1979 г.). При этом данный перечень объектов права на ноу-хау не являлся исчерпывающим.

Рассмотрев приведенные дефиниции ноу-хау, мы не можем признать их удачными, объективно отражающими правовую природу права на ноу-хау. Во-первых, ошибочно определять ноу-хау только как право на знания и опыт, поскольку это сужает рамки данного института. Следует использовать более широкие формулировки, такие как «информация различного характера», «любые сведения», «данные в области...» и т. д. Во-вторых, в данных определениях отсутствуют четкие критерии для отнесения соответствующей информации к объекту права на ноу-хау, вследствие чего возможны затруднения с идентификацией подобных сведений. Содержащиеся в Инструкции 1979 г. признаки ноу-хау, в числе которых были: а) необщеизвестность; б) практическая применимость в производственной и хозяйственной деятельности; в) отсутствие правовой охраны за рубежом, — не позволяли разрешить данную проблему (Мельников А. А. Понятие «ноу-хау» и правовая регламентация отношений по его передаче // Сов. государство и право. 1981. № 11. С. 86). Поэтому встал вопрос: можно ли рассматривать в качестве объектов права на ноу-хау, в частности, коммерческую (торговую) информацию: цены на сырье,

рынки сбыта, сведения о конкурирующих фирмах, организация рекламы?

В начале 1990-х гг., в период проведения курса реформ, направленных на либерализацию экономики, Основы впервые включили институт секрета производства (ноу-хау) в правовую систему России, гарантировав его охрану на всей территории страны. Законодательная дефиниция ноу-хау была сформулирована таким образом, что право на ноу-хау теперь могло возникнуть в отношении технической, организационной и коммерческой информации. То есть ст. 151 Основ существенно расширила перечень объектов права на ноу-хау, наделив правообладателя данной информации правом на ее защиту от незаконного использования. При этом сразу следует заметить, что здесь речь не идет об исключительном праве на секрет производства.

Информация признавалась объектом права на ноу-хау только в том случае, если она отвечала совокупности следующих трех условий. Во-первых, такая информация должна была иметь действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу ее неизвестности третьим лицам; во-вторых, свободный доступ к ней на законном основании исключался; в-третьих, ее обладатель должен был принять надлежащие меры к охране ее конфиденциальности. Срок охраны ноу-хау временными рамками никак не ограничивался и напрямую зависел от соблюдения названных условий. Поэтому, как только информация переставала удовлетворять хотя бы одному из трех условий, она автоматически теряла «статус» секрета производства.

Кроме того, в соответствии с Законом РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» (Ведомости Совета нар. депутатов РСФСР и Верхов. Совета РСФСР. 1990. № 30, ст. 416) к числу объектов права интеллектуальной собственности были отнесены ноу-хау и торговые секреты. Это означало, что все действия в отношении ноу-хау и торговых секретов могли основываться на нормативных актах, регулирующих правоотношения собственности. В результате в отечественной правоприменительной практике появился новый вид лицензионных договоров, предмет которых составили имущественные

права на ноу-хау (Обеспечение прав на секреты производства (ноу-хау) / О. В. ИONOBA [и др.]. М., 1994. С. 32–56).

Таким образом, следует констатировать, что Основы содержали только общие положения о праве на ноу-хау (признаки, условия и срок предоставления охраны, ответственность), вследствие чего многие вопросы оставались не урегулированными. В частности, отсутствовали нормы о ноу-хау, созданном работником или ставшем ему известным при выполнении своих трудовых обязанностей; не был прописан гражданско-правовой механизм, позволяющий правообладателю в полном объеме реализовать свои правомочия по распоряжению правом на ноу-хау, и т. д.

Помимо рассмотренных нами источников законодательства, категория «ноу-хау» встречается в других правовых актах. Так, в приказе Государственного комитета Российской Федерации по науке и технологиям от 29 января 1997 г. № 13 «О распределении интеллектуальной собственности в договорах на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ и в договорах о совместной научно-технической деятельности, заключаемых между российскими и иностранными организациями» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс») вместо перечисления конкретных условий охраноспособности информации о ноу-хау ограничились фразой «...обеспеченная на законных основаниях необходимой охраной». В постановлении Росстата от 8 ноября 2006 г. № 64 «Об утверждении порядка заполнения и представления формы федерального государственного статистического наблюдения № 1-лицензия “Сведения о коммерческом обмене технологиями с зарубежными странами (партнерами)”» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс») к объекту права на ноу-хау отнесены знания, опыт и навыки, в то время как в Основых — техническая, организационная или коммерческая информация. Ввиду того, что указанные дефиниции в сущности не противоречили Основам, части первой ГК РФ от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994.

№ 32, ст. 3301) и части второй ГК РФ (Там же. 1996. № 5, ст. 410), они сохраняли свою актуальность до введения в действие части четвертой ГК РФ.

С 1 января 2008 г. часть четвертая ГК РФ приравнила секрет производства к результатам интеллектуальной деятельности, и право на ноу-хау стало выступать в гражданском обороте в качестве одного из объектов права интеллектуальной собственности. Следует заметить, что понятия «результаты интеллектуальной деятельности» и «интеллектуальная собственность» используются в ГК РФ в качестве тождественных, однако в теории цивилистики они нередко определяются по-разному. Поэтому далее нам представляется необходимым рассмотреть эти категории и выявить правовую природу права на секрет производства как нового института права интеллектуальной собственности.

Охрана интеллектуальной собственности была провозглашена в ст. 44 Конституции Российской Федерации (Рос. газ. 1993. 25 дек.). В ГК РФ под интеллектуальной собственностью понимается результат интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (ст. 1225 ГК РФ). Ранее действовавшая ст. 138 ГК РФ отождествляла интеллектуальную собственность с исключительным правом гражданина или юридического лица на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, индивидуализации продукции, выполняемых работ или услуг. Если обратиться к советскому гражданскому законодательству, то мы обнаружим, что оно вообще не оперировало этим выражением (Гражданский кодекс РСФСР : утвержден Верхов. Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1964. № 24, ст. 407 ; Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик : утверждена Законом СССР от 8 дек. 1961 г. // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1961. № 50, ст. 525 и др.).

В доктрине гражданского права спектр мнений в определении правовой категории «интеллектуальная собственность» доста-

точно широк и многообразен. В частности, под интеллектуальной собственностью понимается: совокупность исключительных прав как личного, так и имущественного характера на результаты интеллектуальной и в первую очередь творческой деятельности, а также на некоторые иные приравненные к ним объекты (Сергеев А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. 2-е изд. М., 2004. С. 19); обобщенное и условное наименование совокупности прав, определяющих юридические возможности их обладателей по контролю над тем либо иным результатом интеллектуальной деятельности (Городов О. А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999); право обладателя результатов интеллектуальной деятельности по своему усмотрению использовать эти результаты, распоряжаться ими, а также разрешать или запрещать их использование неограниченному кругу третьих лиц (Гражданское право : учебник / под ред. С. С. Алексеева. М. ; Екатеринбург, 2006. С. 412) и т. д.

Таким образом, подавляющее большинство научных дефиниций рассматривают интеллектуальную собственность как право на результат интеллектуальной деятельности, и только законодатель в ст. 1225 ГК РФ – в виде результата, непосредственно объекта. Следует обратить внимание на то, что сам результат интеллектуальной деятельности по своей сущности нематериален, а употребляемый термин «интеллектуальная собственность» в определенном смысле условен ввиду того, что объектом гражданских прав и гражданского оборота выступают права на результат. Об этом свидетельствует содержание ст. 128 ГК РФ, а также название разд. VII части четвертой ГК РФ и название его глав, где везде используется категория «право» («Право на секрет производства (ноу-хау)», «Право на селекционное достижение» и т. д.). Одновременно с имущественными правами в гражданский оборот поступают и материальные носители, при помощи которых фиксируется информация об объектах права собственности.

Следует также согласиться с учеными, что закрепление в ГК РФ исчерпывающе-

го перечня объектов права интеллектуальной собственности является ошибочным (Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 4-е изд. М., 2005. Т. 3. С. 109). Это противоречит действующим нормам международного права. Так, в п. VIII ст. 2 Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности от 14 июля 1967 г. (Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Публикация № 250 (R). Женева, 1974) интеллектуальная собственность определяется как права, причем перечень видов деятельности, в которых такие права могут возникать, не ограничен. Аналогичные положения закреплены и в «Соглашении о партнерстве и сотрудничестве» от 24 июня 1994 г., учреждающим партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейским сообществом и его государствами-членами, с другой стороны (Бюл. междунар. договоров. 1998. № 8. С. 3–74).

Следовательно, представляется целесообразным внести изменения в ст. 1225 ГК РФ, сформулировав законодательную дефиницию интеллектуальной собственности как право на результат интеллектуальной деятельности, а перечень объектов интеллектуальной деятельности сделать открытым. Это обеспечит согласованность, логичность норм части четвертой ГК РФ в отношении права на секрет производства (ноу-хау) как одного из институтов права на интеллектуальную собственность.

В свою очередь, признание секрета производства (ноу-хау) самостоятельным объектом права интеллектуальной собственности, по сути, свидетельствует о том, что ему должны быть присущи признаки объекта права интеллектуальной собственности. Однако не выяснив этого, мы не можем утверждать, что ноу-хау сочетает в себе совокупность таких признаков. Нельзя будет оценить правильность и объективность принятого законодателем решения о включении секрета производства в перечень объектов права интеллектуальной собственности. Поэтому далее проанализируем, действительно ли ноу-хау обладает указанными признаками.

В теории гражданского права называются различные признаки объекта права интеллектуальной собственности (Дельцова Н. В. Объекты интеллектуальной собственности: система признаков и система правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004. С. 58 и сл. ; Потрашкова О. А. Правовой режим ноу-хау // Информ. право. 2007. № 3 (10). С. 10–11 ; Судариков С. А. Фундаментальные принципы интеллектуальной собственности // Право интеллектуальной собственности. 2007. № 2. С. 3–8 и др.). Выделим основные признаки, присущие объекту права интеллектуальной собственности.

Во-первых, для данного объекта характерна нематериальная природа. Ноу-хау, бесспорно, представляет собой благо нематериальное, которое только воплощается в материальных объектах, являющихся его носителями. Это вытекает непосредственно из его определения, содержащегося в ст. 1465 ГК РФ, которое определяет ноу-хау как сведения (информацию).

Во-вторых, правообладатель наделяется исключительным правом. По своей природе оно является имущественным правом на нематериальный объект, позволяющим его владельцу препятствовать кому-либо использовать в любой форме принадлежащие ему результаты творческой деятельности или разрешать их использование на определенных условиях. Статья 1466 ГК РФ предоставляет правообладателю ноу-хау исключительное право на его использование. Это новелла гражданского законодательства, так как в отношении коммерческой и служебной тайны исключительного права у их обладателей не возникало.

В-третьих, данный объект является результатом интеллектуальной деятельности. Поскольку законодатель секрет производства характеризует посредством понятия «сведения», целесообразно обратиться к ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в которой под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448). В свою очередь,

создание, сбор, передача, переработка или хранение соответствующей информации о секрете производства представляет собой результат умственных усилий человека – интеллектуальную деятельность (Сергеев А. П. Указ. соч. С. 675–676). Ее результат воплощается в объекте права на ноу-хау, информационная составляющая которого может быть из любых отраслей человеческой деятельности (производственной, технической, экономической, организационной и др.). Поэтому, несмотря на то, что ГК РФ напрямую не определяет ноу-хау как информацию, полученную в результате интеллектуальной деятельности, такая информация будет содержать в себе определенный элемент интеллектуальной деятельности.

В-четвертых, объективная форма выражения ноу-хау. Секрет производства становится объектом гражданских правоотношений и включается в гражданский оборот лишь тогда, когда облекается в объективную форму. Это означает, что сведения о ноу-хау должны быть зафиксированы на материальном носителе (бумажном или электронном). Именно материальный носитель с зафиксированной на нем информацией будет выступать в гражданском обороте в качестве вещи, передаваемой третьим лицам вместе с правом на секрет производства. Закрепление сведений о ноу-хау на материальном носителе позволит в дальнейшем идентифицировать их и установить законного правообладателя секрета производства.

В-пятых, коммерческая ценность не исключается ноу-хау. Данный признак выражается в том, что секрет производства обязательно должен иметь действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу его неизвестности третьим лицам. Это является одним из ключевых условий охраноспособности ноу-хау, при его отсутствии сведения уже не могут охраняться в гражданско-правовом режиме ноу-хау. В свою очередь, информация сохраняет свои полезные свойства до тех пор, пока она не стала общеизвестной, т. е. остается конфиденциальной.

В-шестых, результаты интеллектуальной собственности отнесены законода-

тельством к охраняемым. Действующие нормы законодательства достаточно полно регламентируют вопросы охраны права на секрет производства: а) в ст. 1225 ГК РФ секреты производства включены в перечень охраняемых объектов права интеллектуальной собственности; б) институту ноу-хау посвящена отдельная гл. 75 раздела VII ГК РФ «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»; в) правоотношения, связанные с установлением, изменением и прекращением режима коммерческой тайны в отношении ноу-хау, регулируются Федеральным законом от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 32, ст. 3283).

Анализ наиболее характерных признаков объекта права интеллектуальной собственности свидетельствует о том, что они присущи объекту права на ноу-хау. Это позволяет нам рассматривать секрет производства в качестве самостоятельного объекта права интеллектуальной собственности. Следовательно, новелла ст. 1225 ГК РФ обоснованно отнесла секрет производства к одному из объектов права интеллектуальной собственности, что должно положительно сказаться на развитии института права на ноу-хау в рамках отечественной гражданско-правовой системы.

Теперь проанализируем сущность понятия «результат интеллектуальной деятельности» и выделим его признаки.

Законодательная дефиниция результатов интеллектуальной деятельности ни в Основах, ни в ГК РФ не встречается. В юридической литературе существуют различные точки зрения ученых относительно данного вопроса. В частности, под результатами интеллектуальной деятельности понимается: во-первых, все, что создано в результате определенных интеллектуальных усилий человека (Сергеев А. П. Указ. соч. С. 675–676); во-вторых, идеальные продукты, выраженные в объективной форме (Городов О. А. Указ. соч. С. 18–19); в-третьих, произведения интеллектуального труда, представляющие собой созданную в результате такого труда индивидуально-определенную и зафиксированную

при помощи материальных носителей документированную информацию (Новосельцев О. В. Интеллектуальная собственность – это собственность! // Инновации. 2003. № 5. С. 70), и т. д.

Что касается признаков, характеризующих результат интеллектуальной деятельности, то можно заметить, что они в принципе дублируют признаки объекта права интеллектуальной собственности. Среди них: а) нематериальная природа; б) объективная форма выражения; в) коммерческая ценность или возможная стоимостная оценка; г) правовая определенность; д) эстетическое или информационное содержание; е) непотребляемость; ж) возможность использования неопределенным кругом лиц; з) новизна и др. (Астахова М. А. Результаты интеллектуальной деятельности как объект гражданских прав: понятие и квалифицирующие признаки // Юрист. 2006. № 6. С. 48–50 ; Гальперин Л. Б., Михайлова Л. А. Интеллектуальная собственность: сущность и правовая природа // Сов. государство и право. 1991. № 12. С. 37–42 ; Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации : сб. ст. М., 2005. С. 38–39).

Теперь сопоставим признаки объекта права на ноу-хау с признаками, перечисленными выше. Первые из четырех признаков нами уже ранее рассматривались, и они, без сомнения, присущи секрету производства. Признак, касающийся информационного содержания, свойствен ноу-хау. Ведь секрет производства есть не что иное, как сведения (информация). Непотребляемость и возможность использования результата интеллектуальной деятельности неопределенным кругом лиц представляют собой, скорее всего, даже не признаки, а свойства информации. Поэтому кажется уместным говорить о них при характеристике информации, которая составляет объект права на секрет производства. Спорно, на наш взгляд, причисление к признакам результата интеллектуальной деятельности также новизны, так как она более присуща результату творческой деятельности (Ионас В. Я. Произведения творчества в гражданском праве. М., 1972. С. 9–10), а не результату интеллектуальной деятельности.

На основании изложенного можно сделать вывод, что объект права на секрет производства сочетает в себе основные признаки результата интеллектуальной деятельности. В пользу этого также свидетельствует ст. 1465 ГК РФ, которая в качестве примера относит к ноу-хау сведения о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере.

Включение секрета производства в перечень объектов права интеллектуальной собственности (результатов интеллектуальной деятельности) позволило рассматривать право на ноу-хау в качестве нематериального актива предприятия, т. е. приобретенного или созданного налогоплательщиком результата интеллектуальной деятельности (исключительного права на него), используемого в производстве продукции (выполнении работ, оказании услуг) или для управленческих нужд организации продолжительностью свыше двенадцати месяцев, согласно ст. 257 Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32, ст. 3340).

Для того чтобы информация, составляющая объект права на ноу-хау, признавалась нематериальным активом, ей необходимо: а) иметь способность приносить налогоплательщику экономические выгоды (доход); б) быть надлежащим образом документально оформленной. К нематериальным активам не относятся не давшие положительного результата научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы, а также интеллектуальные и деловые качества работников, их квалификация и способность к труду. Ведение бухгалтерского учета нематериальных активов предприятия, в число которых включено право на секрет производства, позволит: увеличить объем капитала; получить доходы от предоставления права использования секрета производства; документально подтвердить право на результат интеллектуальной деятельности; привлечь нарушителя исключительного права к ответственности и т. д. (Новосельцев О. В. Оформление, оценка и бухгалтерский учет «ноу-хау» в нематери-

альных активах // Хозяйство и право. 1999. № 12. С. 107–112).

Проведенное исследование законодательных источников отечественного права и различных точек зрения ученых позволяет нам сделать следующие выводы.

Включение в часть четвертую ГК РФ нового института права на секрет производства (ноу-хау) обусловлено модификацией предмета гражданско-правового регулирования. Если раньше ГК РФ регулировались правоотношения, связанные с охраной служебной и коммерческой тайны, то с введением в действие части четвертой ГК РФ их место заняли отношения института права на секрет производства (ноу-хау). При этом по сравнению с ранее действовавшими советскими нормативными правовыми актами, Основами с введением в действие гл. 75 ГК РФ удалось наиболее детально урегулировать правоотношения, связанные с охраной права на секрет производства (ноу-хау). Законодательная дефиниция ноу-хау расширила правовые рамки, позволив относить к ноу-хау информацию любого характера независимо от сферы человеческой деятельности. Однако законодатель, к сожалению, ничего не говорит о том, должна ли такая информация быть новой, практически применимой и т. д. Также в ст. 1465 ГК РФ отсутствует норма, упоминающая о возможных случаях, когда информация не может составлять объект права на ноу-хау, поэтому норма ст. 1465 ГК РФ нуждается, на наш взгляд, в уточнении.

Сравнительный анализ основных признаков объекта права интеллектуальной собственности, результата интеллектуальной деятельности с секретом производства (ноу-хау) подтвердил, что секрет производства (ноу-хау) следует рассматривать в качестве самостоятельного объекта права интеллектуальной собственности, результата интеллектуальной деятельности. Поэтому институт права на секрет производства обоснованно отнесен законодателем к числу охраняемых объектов интеллектуальной собственности (результатов интеллектуальной деятельности), а правообладатель ноу-хау наделен исключительным правом на него.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая : [федер. закон : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : (по состоянию на 8 нояб. 2008 г.)] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 52, ч. 1, ст. 5496.

2. Дельцова, Н. В. Объекты интеллектуальной собственности: система признаков и

система правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2004.

3. Дозорцев, В. А. Понятие секрета промысла (ноу-хау) / В. А. Дозорцев // Вестн. ВАС РФ. – 2001. – № 7.

4. Сергеев, А. П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учебник. – 2-е изд. – М., 2004.

А. Ю. Сабанов,
*адъюнкты Академии управления
МВД России*

ГЕНЕЗИС И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВЗРЫВОТЕХНИКИ

Условия возникновения криминалистической взрывотехники как отдельного направления в криминалистической науке в России впервые сложились в период Великой Отечественной войны.

Еще в начале войны, ведя борьбу с диверсантами, засылаемыми на территорию страны германской разведкой, военные контрразведчики в больших количествах изымали противопехотные и противотанковые мины, ручные гранаты, тротильные пашки, детонаторы, зажигательные смеси в бутылках и ампулах, часовые механизмы со взрывателями и бикфордовы шнуры для производства замедленных взрывов, «адские» машины, закамуфлированные под различные предметы. Последние подвергались всестороннему исследованию. Результаты исследований сообщались оперативному составу и использовались в розыске террористов и диверсантов, поиске и обезвреживании аналогичных устройств и взрывчатых материалов (Моторный И. Д., Подшибякин А. С. Криминалистическая взрывотехника : лекция. М., 1998). В таких условиях криминалистическая взрывотехника определялась как отрасль военной науки.

Для обозначения названной отрасли первоначально использовался термин «криминалистическая пиротехника», который был предложен З. И. Кирсановым и Л. Летоштяком в начале 1980-х гг. (Кирсанов З. И., Летоштяк Л. Новая отрасль криминалистической техники // Борьба с преступностью на современном этапе. Барнаул, 1982). Ими

было сформулировано научное определение криминалистической пиротехники как отрасли криминалистической техники, изучающей закономерности отражения и получения информации о происхождении и применении «взрывных систем» и разрабатывающей методы и средства обнаружения, закрепления и исследования материальных носителей информации в целях раскрытия и предупреждения преступлений. Однако предложенный термин не отражал специфики данного вида исследований в России, использовался недолго и вскоре был заменен на термин «криминалистическая взрывотехника».

Выделяются следующие этапы развития взрывотехники:

1. Возникновение, накопление эмпирического материала и формирование в самостоятельный вид исследований (1942 – 1975 гг.).

2. Совокупность ряда теоретических положений о научно-технических средствах, методах и приемах экспертно-криминалистического исследования некоторых видов взрывчатых веществ и взрывных устройств (далее: ВВ и ВУ) (1975 – 1990 гг.).

3. Формирование системы теоретических положений о соответствующих объектах и научно-технических средствах и методах их обнаружения, фиксации, изъятия и исследования (1990 – 1995 гг.).

4. Перерастание (эволюция) в частное криминалистическое учение, в рамках которого изучаются закономерности возникновения и преобразования информации о ВВ, ВУ, их имитирующих предметах, следах взрыва и разрабатываются научно-технические средства, методы и технологии собирания и исследования взрывотехнических объектов, а также рекомендации по использованию получаемых данных в интересах следственной и

оперативной практики (с 1995 г. по настоящее время).

В СССР преступления с применением взрывоопасных предметов были малочисленны и относились к разряду чрезвычайных. Поэтому их расследование носило закрытый характер и производилось, как правило, следователями органов государственной безопасности (Расследование преступлений, совершенных с применением самодельных взрывных устройств / И. И. Артамонов [и др.]. М., 1989). Это явилось причиной отсутствия разработки методик расследования умышленных взрывов криминального характера.

Выходу криминалистической взрывотехники на качественно новый уровень частной криминалистической теории способствовали теоретические и практические исследования ведущих экспертно-криминалистических учреждений страны, создание сети взрывотехнических подразделений в правоохранительных органах, укрепление их материально-технической базы, возросший научный потенциал специалистов, работающих в этой области. Четвертый этап характеризуется изменением природы взрывотехнических знаний и разрабатываемых ею рекомендаций из некоей совокупности естественно-научных, технических и юридических знаний в единый комплекс переработанных и приспособленных положений, образующих качественно новое знание синтетической природы.

Учитывая современные взгляды на криминалистическую науку как науку о закономерностях движения уголовно-релевантной информации, можно дать следующее определение **криминалистической взрывотехники**: *это частное криминалистическое учение, в рамках которого изучаются закономерности возникновения, преобразования и использования криминалистической информации о ВВ, ВУ, их имитирующих предметах, связанных с ними лицах и объектах, и на этой основе разрабатываются научно-технические средства, приемы и методики поиска, обследования, обезвреживания, осмотра, фиксации, изъятия и исследования данных объектов и следов их применения в целях обеспечения уголовно-процессуальной, оперативно-розыскной, административно-правовой форм дея-*

тельности правоохранительных органов и спецслужб по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию некоторых видов преступлений.

Развитие и совершенствование криминалистической взрывотехники как отрасли криминалистической науки предполагало разработку организационных, правовых, процессуальных, методических и тактических основ и положений, относящихся к деятельности участников уголовного судопроизводства по преступлениям, связанными с применением взрывоопасных предметов, особенно специалистов-взрывотехников.

В начале 90-х гг. XX в. участвовавшие в России факты криминальных взрывов актуализировали проблему создания специализированных подразделений в структурах МВД, ФСБ и МЧС РФ, занимающихся вопросами поиска, обнаружения, идентификации, локализации, обезвреживания и уничтожения ВУ, БП и ВВ. До недавнего времени при расследовании данных преступных деяний в основном использовались знания и опыт военных саперов и экспертов криминалистических отделов МВД РФ, которые не обладали комплексными знаниями в области криминалистической взрывотехники, что, в свою очередь, влияло на эффективность борьбы по таким преступлениям и ставило под угрозу безопасность граждан и участников следственно-оперативных групп (далее: СОГ). Так, в Республике Башкортостан в 1993 г. при выезде СОГ на места происшествий или по сообщениям о применении взрывоопасных предметов (35 фактов) в 7 случаях привлекались военные саперы и в 20 – эксперты-криминалисты, в остальных случаях использовались знания следователя и других участников СОГ.

В последующем в системе МВД РФ в экспертно-криминалистических подразделениях было предусмотрено выделение отдельных штатных должностей специалистов-взрывотехников (Приказ МВД РФ от 25 окт. 1993 г. № 473 «О выделении штатной численности в экспертно-криминалистические подразделения», который в настоящее время утратил силу в связи с изданием приказа МВД РФ от 30 мая 2003 г. № 366 «О вопросах организации деятель-

ности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел»), в отрядах милиции особого назначения были созданы инженерно-технические подразделения, в обязанности которых входило участие в специальных мероприятиях по обнаружению, изъятию, обезвреживанию взрывоопасных предметов и обеспечению при этом личной безопасности граждан. Так, анализ деятельности инженерно-технического отделения ОМОН МВД Республики Башкортостан (дислокация – г. Уфа) свидетельствует о широком использовании знаний специалистов-взрывотехников при расследовании преступлений, связанных с применением взрывоопасных предметов. В период с 2003 по 2008 г. по всем (без исключения) фактам выезда СОГ на места происшествий привлекались специалисты инженерно-технического отдела (ИТО). Опрос практических работников МВД Республики Башкортостан показал, что данное обстоятельство существенным образом повлияло, во-первых, на повышение качества следственных мероприятий (95 % респондентов дали положительный ответ), во-вторых, – на показатели раскрываемости (раскрываемость за данный период возросла на 6 %) и сокращение сроков расследования по уголовным делам данной категории. Кроме того, во исполнение постановления Правительства РФ от 15 сентября 1999 г. № 1040 «О мерах по противодействию терроризму» в структуре МВД Республики Башкортостан с 1 января 2000 г. создан и функционирует межрайонный отдел по поиску и разминированию взрывных устройств с 18 штатными единицами. Особое значение в деятельности указанных подразделений имеет то, что в их функциональные обязанности входит профилактическая работа, связанная с применением специальных средств и специальной техники при обеспечении общественной безопасности на улицах, объектах, транспорте, в общественных местах, в целях предупреждения и пресечения групповых нарушений общественного порядка, массовых беспорядков. За анализируемый период (2003–2008 гг.) ими было осуществлено 67 специальных профилактических мероприятий, в результате которых были обнаружены и обезврежены 11 ВУ, обследо-

ны более 120 объектов на предмет нахождения взрывоопасных предметов, изъято более 95 кг взрывчатых веществ.

Должное внимание уделяется вопросам взаимодействия служб и подразделений разных ведомств при поиске и обезвреживании взрывоопасных предметов. Изучение практической деятельности инженерно-саперного отдела ГУВД г. Москвы показало, что в процессе работы сотрудники инженерно-саперного отдела (ИСО) тесно взаимодействуют с группами разминирования военной комендатуры г. Москвы. Так, при поступлении сообщения об угрозе взрыва или обнаружении предмета, похожего на боеприпас, на место происшествия прибывает дежурная группа ИСО, которая проводит диагностику и идентификацию данного предмета. В случае принадлежности обнаруженного предмета к штатным боеприпасам, дежурная группа ИСО ГУВД г. Москвы вызывает через оперативного дежурного по ГУВД г. Москвы группу разминирования военной комендатуры, которая прибывает на место происшествия и изымает данный боеприпас для последующей эвакуации и уничтожения. Инженерно-саперный отдел ГУВД г. Москвы постоянно поддерживает контакты с подразделениями инженерных войск Министерства обороны РФ, ФСБ России в плане обмена опытом по поиску и обезвреживанию самодельных ВУ.

На ведомственном уровне с целью методического и научного обеспечения деятельности специалистов-взрывотехников в феврале 1996 г. МВД РФ в рамках реализации Программы развития органов внутренних дел до 2000 года перед Главным управлением кадров МВД России была поставлена задача – организовать подготовку сотрудников специальных подразделений по производству взрывных работ специального назначения в чрезвычайных ситуациях. Решением коллегии МВД России от 23 июля 1996 г. Учебный центр УВД Брянской области был определен как базовый орган по подготовке специалистов инженерно-технических подразделений отрядов милиции особого назначения (Приказ МВД РФ от 16 августа 1996 г. № 450 «О создании на базе Учебного центра УВД Брянской области курсов по подготовке специа-

листов-взрывотехников»). В настоящее время такие центры созданы в Туле, Иркутске, Омске, Тюмени.

Анализ организационных, правовых, методических и тактических основ деятельности инженерно-технического подразделения ОМОН МВД РФ свидетельствует о положительных действиях руководства государства, правоохранительных структур по противодействию преступности, связанной с использованием взрывоопасных предметов и обеспечению личной и общественной безопасности. Принятые в последнее время федеральные законы, ряд ведомственных и межведомственных нормативных актов МВД России, ФСБ России, Минюста России, ФПС России, ФАПСи России, МЧС России по борьбе с преступлениями террористического характера (Напр.: федеральные законы: от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»), противодействию незаконному обороту оружия, боеприпасов, ВВ и ВУ, а также техническому, материальному обеспечению экспертных подразделений МВД РФ (Приказы МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации») позволили в значительной степени повысить эффективность по предупреждению, раскрытию и расследованию преступ-

лений, связанных с использованием взрывоопасных предметов. Согласно статистическим данным МВД РФ, с 2005 по 2008 г. количество преступлений, связанных с применением взрывоопасных предметов, снизилось на 45 %, в ходе проведения профилактических мероприятий изъято и обнаружено более 39 т ВВ.

Особо следует отметить, что в настоящее время в соответствии с поручением Президента РФ от 21 сентября 2002 г. № 1669 по реализации предложений по повышению эффективности работ в области обнаружения и нейтрализации минно-взрывных устройств (взрывоопасных предметов) разработан Проект Указа «Об утверждении Положения о взаимодействии федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций при решении задач обнаружения и обезвреживания (уничтожения) взрывоопасных предметов», который, по нашему мнению, окажет положительное воздействие на ситуацию по борьбе с анализируемыми преступлениями.

Библиографический список

1. *Моторный, И. Д.* Криминалистическая взрывотехника : лекция / И. Д. Моторный, А. С. Подшибякин. – М., 1998.
2. *Кирсанов, З. И.* Новая отрасль криминалистической техники / З. И. Кирсанов, Л. Летоштак // Борьба с преступностью на современном этапе. – Барнаул, 1982.
3. *Артамонов, И. И.* Расследование преступлений, совершенных с применением самодельных взрывных устройств / И. И. Артамонов [и др.]. – М., 1989.

М. Ш. Сеидов,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

РАЗНОВИДНОСТИ ИНСТРУКЦИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В своей жизни и деятельности каждый человек сознательно или бессознательно руководствуется определенными правилами –

образцами, стандартами должного поведения. Без указанных правил, регулирующих поведение людей, невозможно существование и развитие общества. Немаловажное место среди различных по форме, содержанию, способам возникновения и закрепления таких правил документов занимают инструкции, которые можно рассматривать и классифицировать в зависимости от природы регулирования. В связи с этим сначала целесообразно рассмотреть такую основополагающую категорию, как *регулирование*.

Термин *регулирование* употребляется в систематизированном теоретическом сознании, практически используется во всех областях научного знания — в естественных, технических и гуманитарных науках, что может повлечь утрату конкретности содержания данного понятия. М. Старр справедливо отмечает: «...такие слова, как *регулирование*, относятся к так называемым “общим словам” с недостаточно определенным смыслом. На термин *регулирование* пытаются возложить чрезмерную нагрузку, применяя его для описания самых разнообразных ситуаций. Для того чтобы в таких случаях этот термин служил с пользой, необходимо уточнить приписываемые ему частные значения» (Старр М. Управление производством. М., 1983. С. 8).

В Словаре русского языка С. И. Ожегова глагол *регулировать*, на базе которого образован термин *регулирование*, имеет три значения: «1. Упорядочивать, налаживать. 2. Направлять развитие, движение чего-нибудь с целью привести в порядок, в систему. 3. Приводить механизмы и части их в такое состояние, при котором они могут правильно, нормально работать» (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. члена-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М., 1987. С. 585). Однако данные толкования не раскрывают в должной мере специфику анализируемого понятия. Устранить этот недостаток поможет обращение к кибернетическому и предметному подходам, в рамках которых ему (регулированию) уделяется серьезное внимание.

В кибернетике понятие *регулирование* определяется как воздействие на существующие организованные процессы, системы, которое придает объекту регулирования обусловленные характеристики, параметры (Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 1996. Т. 1: Теория права. С. 76), т. е. заранее заданное социально необходимое состояние, определяемое нормой. А если объект не приобрел указанное состояние или уклонился от него, то принимаются дополнительные меры для удержания его от отклонения. Контроль за состоянием систем и возврат их в заданное положение называются обратной связью. Эти признаки регулирования присущи всем системам и особенно актуальны для социального регулирования.

Анализируя данный подход, можно сделать вывод, что в кибернетике понятие *регулирование* рассматривается в двух аспектах:

1) как составной компонент всякого управленческого акта, т. е. как фаза (этап) управления, основное назначение которой, по словам У. Р. Эшби, состоит в том, что оно «блокирует поток разнообразия от возмущений к существенным переменным» (Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959. С. 285) во избежание недопустимого отклонения от заданной траектории движения системы;

2) как самостоятельный процесс в кибернетических системах, имеющих сходное с управлением, но не тождественное ему содержание.

Представляется, что второй аспект рассматриваемого понятия более соответствует социально-правовой действительности.

Становится очевидным, что кибернетический подход оказывается «весьма полезным для понимания регулятивной роли права» (Венгеров А. Б. Указ. соч. С. 77), поскольку определяет значительную роль правил (норм), создаваемых в управляющем центре или формирующихся самопроизвольно в самоорганизующейся системе.

При анализе понятия *регулирование* кроме кибернетического подхода возможно его изучение со стороны предметного подхода.

В 60-е гг. XX в. в отечественной литературе поднимается проблема генезиса управления, в рамках решения которой формы, предшествующие управлению, обозначались разными терминами: «авторегуляция» (Л. А. Петрушенко), «квазиуправление» (С. Петров., Л. Б. Баженов) и др. (Петрушенко Л. А. Принципы обратной связи (некоторые философские и методологические проблемы управления). М., 1967). Хотя существо вопроса, в общем-то, не в различиях терминов, а в том, что процессу управления предшествует более простая организационная форма.

Б. С. Украинцев отмечает: «В неживой природе мы не встречаем управления в полном смысле этого слова. Однако в мире физических явлений имеются возможности и содержатся предпосылки возникновения самоуправления при условии повышения уровня организации взаимодействующих

материальных систем и коренного изменения характера самого взаимодействия» (Украинцев Б. С. Особенности самоуправляемых систем. М., 1970. С. 7). Именно понятие *регулирование* как нельзя более точно характеризует предупредительные процессы, так как со своей свернутой (недифференцированной) программой и довольно простой структурой (необязательность обратных связей) оно (регулирование) может быть выявлено на гораздо более низких ступенях развития, чем управление (Петрушенко Л. А. Указ. соч. С. 222–256).

В связи с этим *регулирование* представляется как «общее понятие, отражающее организационные процессы в системах, в которых целевая направленность не выражена однозначно, а контроль, если и имеется, носит прикладной характер и не осуществляется непременно обратными связями» (Головкин Р. Б., Мамчун В. В., Новиков М. В. Теория государства и права. Владимир, 2004. С. 80).

Данное определение позволяет выделить два основных вида регулирования в зависимости от типа регулирующего воздействия – нормативное и ненормативное.

Нормативное регулирование – это воздействие комплекса технических и социальных норм на общественные отношения.

Ненормативное регулирование – это особый вид регулятивного воздействия, выражающийся в индивидуально-ситуативном действии на регулируемые процессы.

Технические нормы регулируют отношения между человеком и внешним миром (человек – техника (природа) – человек) и предписывают, как следует себя вести в отношении различных природных объектов, обращаться с разнообразными техническими приспособлениями, создавать материальные ценности и т. д.

Социальные нормы (правовые, политические, экономические, корпоративные, религиозные и др.) регулируют отношения между людьми: человек – человек.

Наиболее важные для общества технические нормы облекаются в правовую форму, что придает им юридическое значение. В силу этого они становятся не только целесообразными, но и обязательными правилами, которые охраняются государством от нарушений. Такие нормы называют-

ся технико-юридическими (например, уголовное законодательство многих стран, в том числе России, предусматривает ответственность за нарушение правил вождения и эксплуатации транспорта, безопасности при производстве строительных работ, кораблевождения и др.). В современном обществе все его члены заинтересованы в строгом соблюдении технических норм. Поэтому правовое государство придает им юридическую силу и берет под свою защиту.

Таким образом, одно из главных различий между нормативным и ненормативным регулированием заключается в персонифицированности адресатов – «относятся к тем, кого это касается» (нормативное) – и персонификации предписаний (ненормативное).

На основании вышесказанного можно говорить о нормативном и правореализующем содержании различных актов (законных, подзаконных, правоприменительных). И, на наш взгляд, важнейшее место среди них на современном этапе развития Российского государства и общества занимают *инструкции* (от лат. *instructio* – «наставление»), содержащие разъяснения о порядке применения, исполнения тех или иных положений, регулирующие основные виды служебной деятельности, функциональные обязанности определенных категорий работников, т. е. наставления, осуществляющие функции конкретизации и детализации (Сеидов М. Ш. Подзаконные нормативные акты в системе источников права и правового регулирования // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2008. № 3(8). С. 209–210).

В соответствии с типами регулирующего воздействия (нормативными и ненормативными) можно выделить три разновидности инструкций:

- 1) с нормативным содержанием (адресат неперсонифицирован);
- 2) с правореализующим содержанием (адресат персонифицирован);
- 3) смешанного типа (совмещают конкретизацию каких-либо правовых норм и индивидуальные предписания).

К первому типу относится большинство ведомственных инструкций (подзаконных актов), назначение которых – конкретизировать и детализировать федеральные конституционные законы, федеральные зако-

ны, указы Президента РФ, постановления и другие нормативные акты Правительства РФ и т. д., т. е. в целом такие инструкции можно назвать социальными, с точки зрения природы регулирования. Их нормативное содержание определяется, по нашему мнению, наличием не только первичных норм, но и норм развивающего характера, что способствует освобождению от лишнего загромождения «базовых» норм обозначенных нормативных актов.

Как правило, такие инструкции начинаются с указания «базового» правового акта, во исполнение которого, или в целях обеспечения которого, или в соответствии с которым утверждается данный подзаконный акт. Инструкция о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденная постановлением Правительства РФ от 28 октября 1995 г. № 1050, начинается словами : «В соответствии с Законом Российской Федерации “О государственной тайне” Правительство Российской Федерации постановляет...» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 43, ст. 4987).

Далее в разделе «Общие положения» акцентируется внимание на нормативных установках отправного правового акта. Так, в Инструкции о порядке допуска... к государственной тайне в п. 4 указанного раздела говорится: «В соответствии со статьей 21 Закона Российской Федерации “О государственной тайне” допуск граждан к государственной тайне осуществляется в добровольном порядке и предусматривает:

принятие на себя обязательств перед государством по нераспространению доверенных им сведений, составляющих государственную тайну;

согласие на частичные временные ограничения их прав в соответствии со статьей 24 указанного Закона...» и т. д.

В разделе «Общие положения» Инструкции Центрального Банка РФ от 30 марта 2004 г. № 111-И «Об обязательной продаже части валютной выручки на внутреннем валютном рынке Российской Федерации» (Вест. Банка России. 2004. № 29) в п. 1.1 сказано: «Обязательной продаже в соответствии с настоящей Инструкцией подлежит валютная выручка, указанная в части 3 статьи 21 Федерального закона “О валютном

регулировании и валютном контроле”», получаемая резидентами в иностранной валюте, перечень которой установлен в приложении к настоящей Инструкции...»; в п. 1.3 говорится: «Для уменьшения подлежащей обязательной продаже суммы валютной выручки резидентов учитываются расходы и иные платежи, указанные в пунктах 1–3 части 5 статьи 21 Федерального закона “О валютном регулировании и валютном контроле”, связанные с исполнением сделок, указанных в части 3 статьи 21 Федерального закона “О валютном регулировании и валютном контроле”, расчеты по которым осуществляются в иностранной валюте».

К подобному типу (инструкций с нормативным содержанием) можно отнести инструкции, включающие и конкретизирующие различные технические нормы, которые регулируют поведение человека, прежде всего, в связи с использованием техники. Экономическая теория доказала, что отношения, возникающие в процессе производства, всегда выступают в конечном счете как социальные: «Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 11. С. 357). Таким образом, специфика технических норм выражается в том, что они выступают в качестве социальных норм с техническим содержанием, т. е. являются социально-техническими. Соответственно и инструкции, содержащие такие нормы, можно назвать социально-техническими. Они функционируют как действенный регулятор той стороны общественной жизни, которая связана с использованием техники.

С усложнением техники, ее все большей компьютеризацией возрастают качество и количество отдельных приемов, действий, операций, которым и посвящены инструкции анализируемого типа. Поэтому естественно, что специалисты, использующие и обслуживающие технику, должны на профессиональном уровне знать и четко выполнять требования различных положений, наставлений и инструкций по эксплуатации техники (например, Наставление по стрел-

ковому делу, Наставление по автомобильной службе) – от этого зависит качественная бесперебойная работа машин и приборов, а в каких-то ситуациях – и жизнь людей.

В меньшей мере это относится к инструкциям, которые называются техническими или инструкциями по эксплуатации. Они содержат описание порядка и выполнения какой-либо работы, пользования машиной, прибором и так далее в бытовой сфере, хотя и здесь от соблюдения правил зависит безопасность пользователя и окружающих. Так, в каждой инструкции по эксплуатации бытовых приборов обязательно содержатся предупреждения об осторожности и недопустимости тех или иных действий. Например, в инструкции по эксплуатации кондиционера «Sanitron» сказано: «Внимание! 1. Никогда не используйте растворители и горячую воду для чистки внутреннего блока. 2. Будьте осторожны при чистке металлических частей...». Даже в инструкцию по использованию кофемолки включен целый раздел под названием «Общие указания по безопасности», содержащий десять (!) пунктов, таких, например, как:

- «Не использовать поврежденный прибор»;
- «Не протягивайте сетевой шнур через горячую плиту или открытый огонь»;
- «Все ремонтные работы должны производиться только специалистом / сервисной службой»;
- «Для отключения от сети не тяните за шнур, всегда только за вилку».

Таким образом, все инструкции с нормативным содержанием мы условно подразделили на три группы: социальные, технические и социально-технические.

К инструкциям второго типа – с право-реализующим содержанием – относится большая часть всем известных должностных инструкций, которые являются основным организационно-правовым документом любой организации, предприятия, учреждения и т. п.

Как было отмечено выше, данный вид инструкций характеризуется персонифицированностью предписаний, т. е. относится к тем средствам правового регулирования, которые «обслуживают» общественные отношения, нуждающиеся в индивидуальной регламентации. В таких случаях необходи-

ма жесткая индивидуализация масштабов поведения участников указанных отношений. Этот вид правового регулирования в юридической литературе нередко называют «индивидуальным поднормативным регулированием» (Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 327, 332–333).

Должностные инструкции определяются в различных словарях по-разному, например:

- это должностная характеристика, указывающая частные задачи, которые решаются на соответствующем рабочем месте, необходимые для их выполнения полномочия и компетентность (знания), а также место в иерархии (Юридический словарь);
- это краткое изложение основных задач, необходимых навыков и полномочий различных должностей в фирме (Словарь бизнес-терминов);
- инструкция, указывающая круг полномочий, порядок исполнения обязанностей, работ, которые должно выполнять лицо, занимающее определенную должность на предприятии, в организации, фирме (Энциклопедический словарь экономики и права);
- документ, регламентирующий производственные полномочия и обязанности работника (Финансовый словарь) и др.

На основании приведенных выше толкований можно сформулировать следующее определение: должностная инструкция – это поднормативный акт (документ), регламентирующий производственные полномочия и обязанности работника, содержащий краткое изложение основных задач, необходимых функций и навыков лиц, занимающих различные должности на предприятии, в организации, учреждении, фирме и т. п.

Должностные инструкции разрабатываются в целях обеспечения защиты прав как работника, так и работодателя (поскольку при возникновении трудового спора именно должностная инструкция может служить доказательством правомерности поведения того или другого лица), взаимосвязи и взаимозаменяемости между отдельными должностями, исключения дублирования при выполнении определенных операций, четкого разграничения прав и обязанностей работников, а также с целью установления меры их ответственности.

Должностные инструкции – это документы, которые действуют относительно

продолжительное время: они вступают в силу с момента их утверждения руководителем организации и имеют силу до замены их новым документом.

На современном этапе во многих компаниях должностные инструкции разрабатываются руководителем, который определяет субординацию, подчиненность, соотношение функциональных обязанностей, совместно с представителями отдела кадров («человеческих ресурсов»), которые привносят в текст инструкции свое знание обязанностей, умений, навыков той или иной должности, а также процесса составления подобной инструкции. В идеале целесообразно согласовывать должностную инструкцию с юрисконсультom, что означает проведение юридической экспертизы содержания инструкции, т. е. выявление в ней погрешностей – положений, противоречащих трудовому законодательству, и преследует главную цель – установление правового положения работника, который обязан выполнять трудовые функции, предусмотренные его должностной инструкцией.

И, наконец, третий тип инструкций – это инструкции смешанного типа, когда в одном и том же документе содержатся как нормы права, так и индивидуальные предписания. Это характерно для инструкций, которые наряду с конкретизацией правовых норм включают поручения тем или иным государственным органам или должностным лицам осуществлять контроль за исполнением прописанного в документе порядка выполнения какой-либо работы, деятельности. В большинстве случаев это относится к ведомственным инструкциям. Например, в Инструкции о порядке организации работы по исчислению выслуги лет для назначения процентной надбавки за выслугу лет к окладу денежного содержания сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 26 апреля 2003 г. № 283, говорится: «Руководителям структурных подразделений центрального аппарата МВД России и подразделений, непосредственно подчиненных МВД России, начальникам главных управлений МВД России по федеральным округам, министрам внутренних дел, начальникам ГУВД, УВД субъектов Российской Федерации, УВД (ОВД) на железнодоро-

рожном, воздушном и водном транспорте, ОУМТиВС, ОВДРО, образовательных и научно-исследовательских и иных учреждений МВД России произвести перерасчет выслуги лет для назначения процентной надбавки за выслугу лет сотрудникам органов внутренних дел...» и далее: «Контроль за выполнением настоящего Приказа возложить на заместителей Министра по курируемым направлениям деятельности» (Рос. газ. 2003. 29 мая). В начале приказа Минюста России от 5 июня 2008 г. № 379 «Об утверждении порядка подготовки должностной инструкции работников уголовно-исполнительной системы» записано: «В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314 “Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний”... 1. Утвердить прилагаемый Порядок подготовки должностной инструкции работника уголовно-исполнительной системы. 2. Начальникам учреждений и органов уголовно-исполнительной системы организовать разработку должностных инструкций работников уголовно-исполнительной системы. 3. Контроль за исполнением приказа возложить на заместителя директора С. Х. Шамсунова» (Бюл. Минюста России. 2008. № 9).

Такова в общем виде система современных инструкций в ее соотношении с типами регулирующего воздействия.

Библиографический список

1. *Елеонский, В. О.* Нормотворчество в органах внутренних дел. Теоретические основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1992.
2. *Марченко, М. Н.* Источники права / М. Н. Марченко. – М., 2005.
3. *Петрушенко, Л. А.* Принципы обратной связи (некоторые философские и методологические проблемы управления) / Л. А. Петрушенко. – М., 1967.
4. *Сеидов, М. Ш.* Подзаконные нормативные акты в системе источников права и правового регулирования / М. Ш. Сеидов // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2008. – № 3(8).
5. *Старр, М.* Управление производством / М. Старр. – М., 1983.
6. *Украинцев, Б. С.* Особенности самоуправляемых систем / Б. С. Украинцев. – М., 1970.

Т. А. Ткачук,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
А. Е. Михайлов,
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Идентификация является одной из основополагающих частных теорий, на которых строится криминалистика в своей методологической основе. Именно теория криминалистической идентификации предопределяет методы, цели и задачи производства следственных действий, среди которых и предъявление для опознания. Термин «идентификация» происходит от латинского слова «*identificare*» – отождествлять, иначе – отождествление или уподобление (Новый словарь иностранных слов. Минск, 2006. С. 356). В русском языке понятие «тождество» толкуется как «полное сходство» (Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М., 2005. С. 1047). Таким образом, идентифицировать объект означает определение его полного сходства с самим собой, при этом данное положение рассматривается как абстрактная категория.

Становление криминалистической идентификации как частной теории имеет более чем полувековую историю. Вопросами, связанными с разработкой основных положений теории криминалистической идентификации, занимались такие ученые, как В. Я. Колдин, В. С. Митричев, С. М. Потапов, М. Я. Сегай, Т. А. Седова, А. А. Эйсман. Однако подходы вышеперечисленных авторов к основным положениям данной теории не всегда совпадают.

В результате проведенного нами исследования было выделено три основных подхода, формирующих понятие идентификации.

Первый подход определяет идентификацию как обычный процесс установления тождества объекта (Криминалистика /под

общ. ред. д-ра юрид. наук., проф. В. А. Образцова. М., 1995. С. 87). Однако подобное определение идентификации представляется нам несколько упрощенным, поскольку не раскрывает возможные результаты идентификационных исследований в том случае, если тождество объекта не будет установлено. То есть остается не ясным, можно ли однозначно рассматривать в качестве идентификации соответствующие действия, итогом которых стало установление явного различия исследуемых объектов. Вместе с тем при данном подходе не в полной мере учтен крайне важный вопрос, касающийся установления групповой принадлежности исследуемого объекта, что может в итоге привести к однобокому толкованию возможностей идентификации.

Второй подход к вопросу определения идентификации наиболее ярко представлен в работах В. П. Колмакова, который рассматривает криминалистическую идентификацию как научный способ получения доказательств, подтверждающих или отрицающих тождество индивидуально-определенных объектов, имеющих значение для установления истины по делу (Колмаков В. П. Идентификационные действия следователя. М., 1977. С. 14). Однако данная точка зрения, на наш взгляд, также является несколько упрощенной, поскольку при определении понятия криминалистической идентификации упускается возможность установления не единичного тождества объекта, а его сходства (в рамках групповой, видовой или родовой классификации) с исследуемым объектом как одной из задач процесса идентификации. Несмотря на то, что установление групповой принадлежности рассматривается в данном случае как полноценный познавательный процесс и частный этап на пути выявления индивидуального тождества, в целом установление групповой принадлежности воспринимается как самостоятельный способ доказывания (Там же. С. 15). Мы не разделяем это мнение вышеуказанного автора, поскольку очевидно, что для установления единичного тождества объекта необходимо преодолеть стадии последовательного сужения группы объектов до полного исключения всех остальных схожих объектов. То

есть процесс установления групповой принадлежности является не самостоятельным способом доказывания, а органической стадией идентификации.

В связи с этим уместно обратиться к *третьему подходу* в понимании идентификации, который выделяет установление групповой принадлежности как одну из стадий идентификации и как одну из ее задач при решении частных вопросов. Так, В. Я. Колдин указывает, что криминалистическая идентификация должна быть определена как сравнительное исследование отображенных в следах и чувственно-конкретных образах мыслимых, раздельно существующих объектов с целью разрешения вопроса об их тождестве для последующего установления единичного материального объекта и его связи с расследуемым событием (Колдин В. Я. Судебная идентификация. М., 2003. С. 27). Подобное видение криминалистической идентификации хотя и не содержит персонифицированного упоминания об установлении групповой принадлежности, но косвенно подразумевает ее в виде определенного этапа идентификации на пути установления единичного тождества, рассматриваемого в качестве конечной цели идентификации. Однако при таком подходе определение рода или вида изучаемого объекта представляется как обычное классификационное исследование, являющееся первой стадией процесса идентификации, тогда как его конечная задача – установление индивидуально-определенного тождества объекта (Порубов Н. И., Закатов А. А. Семинары по криминалистике : учеб.-метод. пособие. Минск, 1984. С. 19). Кроме того, нужно отметить, что В. Я. Колдин отводит установлению групповой принадлежности лишь промежуточное значение в процессе криминалистической идентификации, результаты которого тем не менее также можно использовать в процессе доказывания (Колдин В. Я. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовным делам. М., 1969. С. 14). Как нам кажется, и третий подход в определении криминалистической идентификации также имеет свои изъяны – это касается позиции относительно роли установления

групповой принадлежности в процессе идентификации объектов.

Таким образом, на основании вышесказанного, а также с учетом специфики проводимого исследования, связанного с возможностями использования нетрадиционных способов предъявления для опознания, мы склонны определять ***криминалистическую идентификацию как вид деятельности специально уполномоченных лиц, осуществляемый в рамках действующего законодательства, заключающийся в проведении сравнительного исследования материально-определенных объектов, отображенных в материальных следах либо конкретно-чувственных образах, для установления наличия групповой принадлежности или индивидуального тождества либо их отсутствия с целью приобретения доказательств по уголовному делу.***

На наш взгляд, определение групповой, родовой или видовой принадлежности может, а в некоторых случаях, как это показывает практика, должно использоваться в виде конечной задачи криминалистической идентификации, и это несмотря на то, что в данном случае сам процесс идентификации окажется незавершенным. Например, при расследовании уголовного дела № 33621 по факту кражи имущества из квартиры гр-на М., совершенной гр-ми К. и С., кроме признательных показаний подозреваемых, иных прямых доказательств получить не представлялось возможным. Следствием было установлено, что среди похищенного был и пылесос «Энергия ПН-53Е». У потерпевшего была изъята инструкция по эксплуатации указанного пылесоса, признанная вещественным доказательством и приобщенная к материалам уголовного дела. С имеющегося в инструкции изображения пылесоса была сделана фотография, предъявленная наряду с изображениями других пылесосов для опознания подозреваемому К. Сделано это было, с одной стороны, для проверки возможности самооговора подозреваемого К., а с другой стороны, с целью установления факта преступной осведомленности подозреваемого К. о внешних данных похищенного им пылесоса (для подкрепления

этого была проведена также проверка показаний на месте с участием подозреваемого К., указавшего, где именно в квартире М. находился похищенный пылесос). Учитывая, что изображение предъявляемого для опознания пылесоса не может отражать индивидуальных признаков опознаваемого объекта, а содержит лишь общие данные о его внешнем виде, опознание проводилось исключительно с целью установления групповой принадлежности пылесоса к аналогичным пылесосам модели «Энергия ПН-53Е». Сам похищенный пылесос в ходе расследования обнаружен не был, однако был установлен гр-н Р., который его приобрел. С участием последнего были проведены те же следственные действия, что и с подозреваемым К., в результате чего была построена цепь косвенных доказательств, позволяющая однозначно установить факт хищения гр-ном К. пылесоса, принадлежащего потерпевшему, что и было использовано судом при вынесении обвинительного приговора (Архив судеб. участка № 1 ЗАТО г. Радужный Владимирской обл. Уголов. дело № 33621 (арх. № 1-43/05), 2005 г.).

Исходя из того, что криминалистическая идентификация является органической частью уголовного судопроизводства, вполне очевидно, что характер ее осуществления должен быть урегулирован соответствующими нормативными правовыми актами. При этом необходимо обратить внимание на существование различных форм криминалистической идентификации. Традиционно выделяют две формы – процессуальную и непроцессуальную (Особенности исследования некоторых объектов традиционной криминалистической экспертизы : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Снеткова. М., 1993. С. 10). Главный акцент в данном случае делается на основу правового регулирования. Если идентификация регулируется уголовно-процессуальными нормами, то она представляется в процессуальной форме. В случае, если затрагивается сфера оперативно-розыскной либо регистрационной деятельности, регулируемой иными нормативными правовыми актами, то идентификацию выделяют в непроцессуальную форму. В свою

очередь, процессуальная форма криминалистической идентификации подразделяется на судебно-следственную и экспертную формы. В основе данного разграничения лежит наличие соответствующих специальных знаний. Действительно, методы, применяемые экспертами при проведении идентификационных исследований, существенно отличаются от методов, используемых следователями и дознавателями. Результаты экспертных идентификационных исследований более достоверны и достаточно легко могут быть проверены, а сам процесс исследования характеризуется внешне большей последовательностью и применением специальных научных разработок, методик, технических средств. Тем не менее следственная идентификация также играет немаловажную роль в процессе предварительного расследования уголовных дел, и результаты ее используются при установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иных обстоятельств уголовного дела.

Процессуальные и непроцессуальные идентификационные действия, несмотря на некоторое различие в субъектах идентификации, методах, формах и задачах, суть одного собирательного понятия – криминалистической идентификации. Однако в рамках настоящей статьи нас в первую очередь будет интересовать следственно-судебная форма криминалистической идентификации.

Следственно-судебную форму криминалистической идентификации можно подразделить на несколько подформ: идентификацию, осуществляемую в рамках следственных действий; идентификацию, осуществляемую в рамках иных следственных мероприятий; идентификацию, осуществляемую в рамках судебных следственных действий, и идентификацию, осуществляемую в рамках иных судебных следственных мероприятий. Результаты данных подформ идентификации активно используются при раскрытии и расследовании преступлений. Более подробно мы остановимся на следственных формах криминалистической идентификации. В качестве примера идентификации, осуществляемой в рамках иных следственных мероприятий, можно назвать обя-

занность следователя устанавливать личность подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу, связанную с приобщением к материалам уголовного дела документов либо их копий, удостоверяющих личность проверяемого лица. Таким образом происходит идентификация лица, привлекаемого к уголовной ответственности, с лицом, совершившим преступление.

Криминалистическая идентификация может осуществляться и непосредственно при производстве следственных действий. Например, в производстве Следственного управления при УВД по Ярославской области в 2008 г. находилось уголовное дело № 08010102, возбужденное по факту открытого хищения мобильного телефона, совершенного в парке культуры и отдыха МПЗ г. Ярославля группой лиц по предварительному сговору с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья. Лица, совершившие данное преступление, были задержаны сотрудниками правоохранительных органов, о чем работниками местного телевидения был подготовлен видеорепортаж. После того, как он был показан по местному телевизионному каналу, на телевидение и в органы внутренних дел стали поступать звонки от жителей г. Ярославля, которые узнали среди задержанных лиц тех, кто в разное время совершали аналогичные преступления и в отношении их. В итоге было исследовано 14 уголовных дел, в том числе и тех, производство по которым уже было приостановлено, а также принято решение об объединении данных уголовных дел в одно производство. В ходе проведенного расследования данного уголовного дела на телевидении была изъята видеопленка с записью вышеназванного репортажа. Она была осмотрена, признана вещественным доказательством, приобщена к материалам уголовного дела и предъявлялась потерпевшим в ходе их допросов, которые и идентифицировали лиц, запечатленных на данной видеопленке, с лицами, совершившими ранее преступления. В итоге к уголовной ответственности была привлечена группа из 6 жителей г. Тутаева, совершивших в течение года не менее 14 тяжких преступлений на территории г. Ярославля

(Архив Дзержин. район. суда г. Ярославля. Уголов. дело № 08010102, 2008 г.)¹.

Приведенный пример, с одной стороны, ярко иллюстрирует применение методов криминалистической идентификации в процессе раскрытия и расследования уголовных дел, а с другой стороны, выявляет существующее на практике негласное правило недопустимости проведения повторного опознания тем же опознающим и по тем же признакам, если допрашиваемое лицо уже узнало объект, относящийся к расследуемому преступлению не в рамках предъявления для опознания. Нередко подобное узнавание как оперативно-розыскной вид непроцессуальной формы идентификации происходит при просмотре потерпевшим или свидетелем оперативной фото- или видеокартотеки. При этом следует отметить, что порой фото- и видеоизображения не могут передать весь комплекс индивидуализирующих признаков запечатленных объектов, оставляя некоторую долю сомнения в достоверности первоначального их узнавания.

Помимо допросов и очных ставок, к идентификационным следственным действиям ученые, как правило, относят следственный эксперимент (Иванова Л. И. Психолого-тактические аспекты предъявления для опознания в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. С. 76), проверку показаний на месте (Вольская Т. А. Процессуальные и

¹ Стоит в связи с данным примером упомянуть позицию А. Б. Соловьева, который указывал, что при производстве допросов и очных ставок вещественные доказательства предъявляются для достижения трех целей: конкретизации и детализации показаний, разоблачения лиц, пытающихся скрыть истину, и для устранения добросовестного заблуждения (Соловьев А. Б. Использование доказательств при допросе. М., 1981. С. 12). В. С. Комарков к данным целям дополнял также ориентирование допрашиваемого на изложение сведений о фактах, которые интересуют следствие (Комарков В. С. Цели и тактика предъявления доказательств в ходе допроса обвиняемого // Криминалистика и судебная экспертиза : республик. межведом. сб. науч. и науч.-метод. работ. Киев, 1972. Вып. 9. С. 97). Рассмотренный пример в целом совпадает с представлением о достижении цели ориентирования допрашиваемого на изложение фактов, интересующих следствие).

тактические аспекты предъявления для опознания по голосу и речи : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 47) и следственный осмотр (Бурыка Д. А. Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 38). И, конечно же, к идентификационным следственным действиям в первую очередь необходимо отнести предъявление для опознания, основной задачей которого и является установление тождества определенного объекта. Это позволяет рассматривать предъявление для опознания как следственное воплощение криминалистической идентификации.

В процессе работы над данной проблемой нами было проанкетировано 148 следователей и работников органов дознания УВД по Ярославской области, Шестого управления внутренних дел МВД России и СО следственного комитета при прокуратуре г. Владимира по вопросам производства предъявлений для опознания, осуществленных нетрадиционным способом, среди которых был и вопрос о том, к каким следственным действиям они прибегали для установления тождества объекта в своей практике. Интересен тот факт, что наиболее часто для установления тождества объектов использовался следственный осмотр во всем многообразии своих форм (осмотр предметов и документов; осмотр местности, строений и сооружений; осмотр трупа; осмотр места происшествия).

Так, 98,6 % опрошенных указали, что использовали следственный осмотр в целях криминалистической идентификации; предъявление для опознания в своей практике производили только 66,2 % респондентов. Объяснить данный факт, по нашему мнению, можно тем, что проведение предъявления для опознания требует значительных временных и ресурсных затрат, поэтому лица, осуществляющие предварительное расследование, часто стараются избегать организационных трудностей, используя идентификационные возможности других следственных действий. Проблемы конкуренции следственных действий в вопросах, связанных с применением возможностей криминалистической идентификации, мы, ограничиваясь рамками

данной статьи, планируем раскрыть в других публикациях. Третье место по уровню криминалистической значимости после следственного осмотра и предъявления для опознания занимает допрос. Об использовании данного следственного действия в целях установления тождества объекта указало 62,1 % опрошенных. Частота использования других следственных действий по результатам опроса такова: обыск и выемка (58,1 %); проверка показаний на месте (45,9 %); очная ставка (43,2 %) и следственный эксперимент (29,7 %). Таким образом, мы можем констатировать, что в целях криминалистической идентификации используются практически все предусмотренные законодательством следственные действия.

В ходе изучения вопросов, связанных с использованием криминалистической идентификации в раскрытии и расследовании преступлений, мы не встретили удовлетворяющего нашему видению определения идентификации, осуществляемой в рамках следственных действий, в связи с чем предлагаем ее рассматривать *как процессуальную, судебно-следственную форму криминалистической идентификации, производимую при выполнении отдельных следственных действий лицами, уполномоченными осуществлять предварительное расследование уголовных дел, с целью приобретения доказательств по уголовному делу.*

Итак, в ходе проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

- существует генетическая связь криминалистической идентификации с рядом следственных действий, в частности, с предъявлением для опознания (в том числе и осуществляемого нетрадиционным способом), общность их методов и характеристик и при этом заметная и логически обоснованная подчиненность указанных следственных действий примату криминалистической идентификации;

- перспективность и значимость сведений, получаемых в результате осуществления криминалистической идентификации как в раскрытии преступлений, так и в процессе приобретения доказательств по уголовному делу, не вызывает сомнений. По

нашему мнению, в ближайшее время вопросы, связанные с возможностями нетрадиционных способов предъявления для опознания, не только не перестанут быть актуальными, но и придадут положительный импульс к развитию данного следственного действия как определенной формы криминалистической идентификации, что закономерно скажется на увеличении его востребованности в практике расследования уголовных дел.

Библиографический список

1. *Вольская, Т. А.* Процессуальные и тактические аспекты предъявления для опоз-

нания по голосу и речи : дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2006.

2. *Колдин, В. Я.* Судебная идентификация / В. Я. Колдин. – М., 2003.

3. *Колмаков, В. П.* Идентификационные действия следователя / В. П. Колмаков. – М., 1977.

4. Особенности исследования некоторых объектов традиционной криминалистической экспертизы : учеб. пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. А. Снеткова. – М., 1993.

5. *Терзиев, Н. В.* Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности : лекции по криминалистике / Н. В. Терзиев. – М., 1961.

В. В. Туркова,

*соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБВИНЕНИЕ:

ЭТИМОЛОГИЯ И СУЩНОСТЬ

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ

Историко-правовой анализ слова «обвинение» показывает, что оно происходит от древнеславянского глагола «обинити» («обиню» об+винити), который имел значение: обвинить, признать виновным, доказать виновность (Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 2, ч. 1. С. 507). В древнерусском языке существовало немало юридических терминов, характеризующих обвинительную деятельность и субъектов, ее осуществляющих, которые имели прагматическую направленность: «сыскать до пряму», «челом бить», «челобитник», «истец», «ответчик».

Для обозначения искового требования частного обвинителя в суд существовал термин «челобитная», для следственного обвинения – «извет», т. е. донос.

Б. Унбегаун отмечает, что термины «обвинение», «обвинительный» и «обвиняемый» вошли в язык русского права вместе с рядом других новых терминов только в послепетровскую эпоху (Унбегаун Б. Язык русского права // На темы русские и общие : сб. ст. и материалов. Нью-Йорк, 1965. С. 183).

Начиная с артикулов Петра I, можно наблюдать бурное развитие юридической техники, имеющей отношение к регламентации обвинительной речи судебно-следственных органов. Термин «обвинение» вытеснил из юридического обихода термин «иск». Слово «обвинять» истолковывалось в следственно-розыскном контексте действующего уголовно-процессуального права, и с момента своего появления стало употребляться для характеристики отношений следственной власти и обвиняемого (подсудимого) (Стояновский Н. Руководство для ведения следствия. Спб., 1856. С. 127).

В XIX в. с развитием юридического учения о субъективной стороне преступления и усилением внимания законодателя к психическому отношению субъекта к своим противоправным действиям у данного слова появилась новая, близкая к современной уголовно-правовая смысловая нагрузка (Барышев Я. Основания уголовного судопроизводства. Спб., 1841. С. 64, 66).

Таким образом, в то время, когда уголовное судопроизводство носило частно-состязательный характер, термин «обвинение» отсутствовал. Он возник для выражения следственно-процессуального явления, будучи заряженным инквизиционно-следственной идеологией.

Современный внутренний смысл термина «государственное обвинение» определяется несколькими принципиальными правовыми идеями: «публичность», «состязательность», «следственность». В совокуп-

ности они определяют сущность современной правовой идеологии смешанного уголовного процесса.

Со второй половины XIX в. в российской науке слово «обвинение» стало употребляться в широком значении: как требование к суду, деятельность обвинителя – уголовное преследование (Квачевский А. Об уголовном преследовании. Спб., 1869. Ч. 3. С. 11).

По мнению М. С. Строговича, обвинение – совокупность процессуальных действий, направленных на изобличение лица, совершившего преступление (Строгович М. С. Уголовный процесс. М., 1946. С. 105). М. А. Чельцов-Бебутов под обвинением понимал формулировку обвинения по определенной статье Уголовного кодекса РФ, соответствующую составу преступления, описанному в определенном законе (Чельцов-Бебутов М. А. Советский уголовный процесс. Харьков, 1929. С. 45). Д. С. Карев отмечал: «Под обвинением понимают обвинительную деятельность, поддержание обвинения в суде уполномоченными на то лицами и сущность и содержание обвинения в конкретном преступлении» (Карев Д. С. Советский уголовный процесс. М., 1968. С. 25). П. С. Элькинд указывала, что обвинение рассматривается как процессуальная деятельность, деятельность обвинителя в суде, обвинительный тезис или утверждение о виновности, а также «содержание инкриминируемых обвиняемому обстоятельств», «самый акт предъявления определенному лицу постановления о привлечении к уголовной ответственности», «содержание такого постановления», обвинительный тезис, «который обвинитель поддерживает перед судом», а также как формулировка решения по делу (Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963). По утверждению П. М. Давыдова, обвинение есть «доказанное, закрепленное в процессуальном документе и направленное на реализацию уголовной ответственности утверждение органа дознания, следователя, прокурора, судьи или суда о совершении преступления данным лицом» (Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1974. С. 29). Н. В. Жогин и Ф. Н. Фаткул-

лин придерживаются точки зрения, согласно которой под обвинением следует понимать «совокупность инкриминируемых лицу противоправных и общественно опасных действий или бездействий» (Жогин Н. В., Фаткуллин Ф. Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 189).

Ряд процессуалистов поддерживают мнение о необходимости разделения процессуального и материального обвинения (Савицкий В. М. Очерк теории прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве. М., 1975. С. 62 ; Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 56 ; Чельцов М. А. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 88).

В науке различное толкование дается термину «обвинение» и в процессуальном аспекте. Д. С. Карев понимал под ним обвинительную деятельность, поддержание обвинения в суде (Карев Д. С. Указ. соч. М., 1968. С. 25). П. С. Элькинд расценивала обвинение как процессуальную деятельность обвинителя в суде, обвинительный акт или утверждение о виновности (Элькинд П. С. Указ. соч. С. 60–61). Были и более узкие толкования термина «обвинение» в процессуальном значении. Так, В. Д. Финько обвинением считал лишь деятельность прокурора при рассмотрении уголовного дела в суде (Финько В. Д. Процессуальное положение прокурора в кассационной инстанции // Вопросы государства и права. М., 1970. С. 296). Ф. Н. Фаткуллин указывал, что обвинение в процессуальном смысле – это основанная на законе процессуальная деятельность компетентных государственных органов и должностных лиц по изобличению обвиняемого в инкриминируемых ему преступлениях и обоснованию его уголовной ответственности с тем, чтобы добиться публичного его осуждения (Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965. С. 35).

Ученые, отрицающие необходимость толкования обвинения в материальном и процессуальном значении этого слова, аргументируют свою точку зрения тем, что форма и содержание обвинительной деятельности определены лишь уголовно-процессуальным законом и отсутствует упо-

минание об обвинении в уголовном законе (Государственное обвинение в суде. М., 1971. С. 31 ; Савицкий В. М. Обвинение в советском уголовном процессе. М., 1972. С. 47). Кроме того, обвинение, изложенное в процессуальном документе, его предъявление, изменение подробно регламентированы уголовно-процессуальным законом, нормы которого свидетельствуют о связи обвинения, уголовной ответственности и факта преступления. Обвинение, по их мнению, не сводится ни к преступлению, ни к самой ответственности, поэтому оно всегда остается понятием уголовно-процессуальным и нет необходимости говорить об обвинении в материальном смысле (Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе. Свердловск, 1973. С. 9–10).

Таким образом, спектр мнений относительно определения обвинения в процессуальной литературе довольно широк и противоречив. Стремление рассматривать обвинение лишь с одной стороны – либо как правоотношение, либо как уголовно-процессуальную деятельность – приводит к одностороннему взгляду на всю проблему. Между тем государственное обвинение представляет собой разновидность уголовно-процессуальной функции обвинения, осуществляемой в специфических условиях судебного разбирательства.

Истоки государственного обвинения лежат в деятельности органов расследования, усилиями которых собираются доказательства, изобличающие обвиняемого. Однако, попадая в суд, обвинение в материально-правовом смысле даже при полной неизменности сформулированного в обвинительном заключении тезиса начинает претворяться в жизнь с помощью совершенно иных, чем в стадии предварительного расследования, процессуальных средств и методов. Эта совокупность средств и методов реализации в суде обвинительной функции исчерпывающе охватывается одним собирательным понятием – «поддержание государственного обвинения».

Анализ вышеуказанных точек зрения на обвинение позволяет сделать вывод, что в основном это понятие чаще всего толкуется в следующих значениях: как утверждение, тезис о виновности обвиняемого; уголовно-

процессуальная функция; деятельность обвинителя, выступающего в суде; вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого.

В современном уголовном процессе, который является смешанным, на стадии предварительного расследования официальные органы, ведущие дело, осуществляют не обвинительную деятельность, а всестороннее, полное и объективное расследование дела, устанавливая как обвинительные, так и оправдательные доказательства, поэтому вряд ли эту деятельность можно назвать досудебной подготовкой уголовного иска, как пытаются это представить некоторые авторы (Александров А. С. Диспозитивность в уголовном процессе. М., 1995. С. 93–97). Важным доводом против отождествления обвинения с иском является и то, что целью деятельности государственного обвинителя в суде выступает не достижение успеха любой ценой, не выигрыш дела (как это имеет место в случае участия в деле истца), а установление истины, надзор за исполнением законов. Поддержание государственного обвинения направлено не на решение частных, личных интересов прокурора, а на привлечение к уголовной ответственности лиц, действительно виновных в совершении преступлений.

Независимо от того, что понимать под словом «обвинение», инквизиционное обвинение или обвинение в состязательном уголовном суде, буквально толковать смысл этого слова применительно к УПК РСФСР 1960 г. или к УПК РФ, в любом случае означаемое словом «обвинение» будет определяться контекстом его интерпретации, в первую очередь – текстом действующего уголовно-процессуального закона. При определении понятия обвинения необходимо учитывать «внутреннюю форму» термина, его обозначающего; исходить из современной правовой идеологии (в частности, осознавать то, какие ценности должны найти обеспечение через данную категорию); толковать смысл этого термина в контексте УПК РФ. Только в сочетании указанных факторов можно определить сущность государственного обвинения в настоящее время, раскрыть его значение в

уголовном судопроизводстве, узнать его модификации.

В результате судебной реформы, кульминационным моментом которой стало принятие нового УПК РФ, появился ряд обстоятельств, внесших существенную новизну в понимание государственного обвинения. Первое из них – это расширение судебного контроля (гл. 16 УПК РФ), а также закрепление в качестве принципа уголовного судопроизводства прав участников уголовного процесса, имеющих признаваемый законом интерес в деле, обжаловать действия и решения суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя (ст. 19 УПК РФ).

Основное значение имеет закрепление в ст. 15 УПК РФ состязательности как уголовно-процессуального принципа. Согласно ч. 3 указанной статьи суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или защиты. Суд создает необходимые условия для выполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. В ч. 4 ст. 15 УПК РФ закреплено то, что стороны обвинения и защиты равноправны перед судом. Поскольку положения названной статьи имеют принципиальное значение, постольку они распространяемы на толкование всех норм, в том числе регламентирующих порядок производства предварительного следствия и соответственно порядок привлечения в качестве обвиняемого.

В соответствии с п. 22 ст. 5 УПК РФ «обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном настоящим Кодексом». Таким образом, закон связывает понятие «обвинение» прежде всего с предметом обвинения, содержанием обвинения, иначе с обвинительным тезисом, утверждением о виновности обвиняемого в совершении преступления.

Однако законодатель не склонен употреблять термин «обвинение» только в этом значении. Так, анализ норм, содержащихся в ст. 20, 22 и других статьях УПК РФ показал, что под обвинением понимается определенный порядок уголовного преследова-

ния, форма производства по делам отдельных категорий. Из смысла ст. 100, 171–173 УПК РФ можно заключить, что обвинение – это постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Когда законодатель говорит «предъявить обвинение», он имеет в виду определенный процессуальный порядок. Он употребляет выражение «исключить отдельные пункты обвинения», подразумевая под ним «обвинительный акт». В тексте гл. 40 УПК РФ термин «обвинение» имеет смысл как определенного тезиса, с которым согласны обе стороны, так и формы, в которой этот тезис был сформулирован и получил значение. Далее законодатель употребляет выражения «поддерживать обвинение», «отказаться от обвинения», «изменить обвинение» (ст. 246 УПК РФ), т. е. опять речь идет о порядке формулирования тезиса обвинения и связанной с этим процедурой.

Обвинение как утверждение нельзя себе представить без форм, порядка, в котором происходит такого рода утверждение, т. е. как оно выдвигается, предъявляется, изменяется и прекращается. В предварительном следствии утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, делается дважды: первый раз в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, второй раз в обвинительном заключении. При дознании утверждение о совершении определенным лицом преступления указывается в обвинительном акте. Поэтому можно сказать, что в УПК РФ предусмотрены два порядка обвинения: смешанный и судебный. При предварительном расследовании в форме следствия обвинение складывается из двух актов: предварительного (следственного) обвинения, которое включает в себя вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявление этого постановления обвиняемому и обвинительного заключения, утвержденного прокурором и направленного им в суд. При дознании обвинением является обвинительный акт, представляемый органом уголовного преследования суду.

Согласно ч. 1 ст. 47 УПК РФ обвиняемым признается лицо, в отношении которого: 1) вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого; 2) вынесен

обвинительный акт. Представляется, что в данном случае речь идет о совершенно различных по своей правовой природе правовых актах. В первом случае говорится об утверждении, которое еще не адресовано суду, и важнейшим юридическим последствием которого является приобретение лицом статуса обвиняемого. Между тем обвинительный акт представляет собой утверждение стороны обвинения о том, что обвиняемый совершил преступление, которое становится предпосылкой для предания обвиняемого суду. О значении обвинительного акта можно сказать как о требовании стороны обвинения к суду о привлечении к уголовной ответственности обвиняемого. И в этом качестве он ближе к обвинительному заключению, которое после его утверждения прокурором также является требованием обвинительной власти к судебной о необходимости привлечения к уголовной ответственности и наказания обвиняемого.

Таким образом, в действующем законодательстве заложено вполне определенное понимание сущности обвинения. Обвинение – это правоприменительный акт, содержание которого составляет утверждение обвинителя о совершении данным лицом преступления и его виновности в нем.

Е. В. Тычинская,
*магистр частного права,
главный консультант аппарата
Комитета Государственной Думы РФ
по гражданскому, уголовному, арбитражному
и процессуальному законодательству*

ПОРЯДОК ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА О РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА

Предваряя вопросы заключения договора о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, следует отметить, что основу наших суждений составляет единство правового статуса лиц, осуществляющих функции единоличного исполнительного органа, будь то физическое лицо, не являющееся предпринимателем (директор,

Следовательно, государственное обвинение – один из видов обвинения, понимаемый как способ юридического оформления притязаний государственной власти к лицу, предположительно совершившему преступление. Государственное обвинение является институтом, направленным на защиту публичного интереса. Посредством государственного обвинения приводится в действие механизм публичного уголовного преследования. Назначение данного правового института состоит в обеспечении уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ).

Библиографический список

1. *Савицкий, В. М.* Обвинение в советском уголовном процессе / В. М. Савицкий. – М., 1972.
2. *Стояновский, Н.* Руководство для ведения следствия / Н. Стояновский. – СПб., 1856.
3. *Строгович, М. С.* Уголовный процесс / М. С. Строгович. – М., 1946.
4. *Фаткуллин, Ф. Н.* Обвинение и судебный приговор / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань, 1965.
5. *Чельцов-Бебутов, М. А.* Советский уголовный процесс / М. А. Чельцов-Бебутов. – Харьков, 1929.

генеральный директор), индивидуальный предприниматель (управляющий) либо коммерческая организация (управляющая организация), а также предположение о существовании договора о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества как особого вида договора. Данный договор, являясь самостоятельным видом гражданско-правового договора, по своему типу относится к договорам об оказании услуг и входит в группу договоров, опосредующих предоставление юридических (юридико-фактических) услуг. Он представляет собой интегрированный договор, соединяющий обязательства из договора поручения и возмездного оказания услуг таким образом, что в результате этой интеграции появляется качественно новая, сложная по структуре договорная конструкция с единым, комплексным предметом.

По договору о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества одна сторона (генеральный директор либо управляющая организация/управляющий) обязуется оказывать другой стороне (обществу) услуги по осуществлению функций единоличного исполнительного органа данного общества, а общество обязуется оплачивать их. Обязательство, порожаемое этим договором для генерального директора либо управляющей организации/управляющего, – это обязательство быть единоличным исполнительным органом хозяйственного общества. Его сущность состоит в выполнении управленческих функций внутри организации путем совершения фактических действий по текущему руководству деятельностью общества (ведению его дел) и в представительстве общества перед третьими лицами посредством совершения от его имени сделок и иных необходимых юридических действий.

«Процесс заключения договоров предопределен самой природой соответствующей конструкции: если смысл договора состоит в соглашении, то тем самым его заключение предполагает выражение воли каждой из сторон и ее совпадение» (Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2002. С. 193). Именно поэтому нас интересует то, каким образом стороны исследуемого договора совершают встречные волеизъявления в целях достижения соглашения между ними.

В отечественном законодательстве практически отсутствуют нормы, посвященные договору, заключаемому с лицом, реализующим функции единоличного исполнительного органа, за исключением тех, в которых указывается на сам факт существования такого договора. Однако как Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее: Закон об ООО), так и Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее: Закон об АО) содержат правила об образовании единоличного исполнительного органа и передаче его полномочий управляющему либо управляющей организации. Посредством толкования этих пра-

вил, с учетом общих положений об обязательствах и договоре, мы и попытаемся описать порядок заключения названного договора.

В соответствии с Законом об ООО в обществе с ограниченной ответственностью образование исполнительных органов общества, а также принятие решения о передаче полномочий единоличного исполнительного органа общества коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю (управляющему), утверждение такого управляющего и условий договора с ним отнесено к исключительной компетенции общего собрания участников (подп. 4 п. 2 ст. 33 Закона об ООО). Кроме того, установлено, что договор с управляющим подписывается от имени общества лицом, председательствовавшим на общем собрании участников общества, утвердившем условия договора с управляющим или участником общества, уполномоченным решением общего собрания участников общества (абз. 2 ст. 43 Закона об ООО).

Во многом схожие нормы содержит Закон об АО. Так, в частности, образование исполнительного органа общества входит в компетенцию общего собрания акционеров, если уставом общества решение этих вопросов не отнесено к компетенции совета директоров (наблюдательного совета) (подп. 8 п. 1 ст. 48 Закона об АО). По решению общего собрания акционеров полномочия единоличного исполнительного органа общества могут быть переданы по договору коммерческой организации (управляющей организации) или индивидуальному предпринимателю (управляющему). При этом решение о передаче полномочий единоличного исполнительного органа принимается общим собранием акционеров только по предложению совета директоров (наблюдательного совета) (абз. 3 п. 1 ст. 69 Закона об АО). В отличие от Закона об ООО, где речь идет исключительно о договоре с управляющим, в отношении акционерного общества законодатель прямо говорит о том, что права и обязанности единоличного исполнительного органа общества (директора, генерального директора), управляющей организации или управляющего по осуществлению руководства

текущей деятельностью общества определяются Законом об АО, иными правовыми актами Российской Федерации и *договором, заключаемым каждым из них с обществом*. Договор от имени акционерного общества подписывается председателем совета директоров (наблюдательного совета) или лицом, уполномоченным советом директоров (наблюдательным советом) общества (абз. 2 п. 3 ст. 69 Закона об АО).

При анализе содержания приведенных выше норм следует обратить особое внимание на следующие моменты. Во-первых, неясно, что включает в себя понятие «образование единоличного исполнительного органа». Во-вторых, прямо не определено, кто должен утверждать условия договора с физическим лицом (директор, генеральный директор), как в обществе с ограниченной ответственностью, так и в акционерном обществе, кроме того, не названо лицо, подписывающее текст такого договора от имени общества с ограниченной ответственностью. В-третьих, в отношении управляющего и управляющей организации законодатель оставил открытым вопрос о том, кто утверждает условия договора с ними, хотя в первоначальной редакции Закона об АО содержалось указание на то, что это делает совет директоров (наблюдательный совет) общества. В-четвертых, не вполне ясно, что означает формулировка: «договор от имени общества подписывается».

Согласно абз. 2 ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ) порядок назначения или избрания органов юридического лица определяется законом и учредительными документами. Следовательно, образование единоличного исполнительного органа – это назначение либо избрание конкретного физического лица, не обладающего специальным статусом, индивидуального предпринимателя или коммерческой организации генеральным директором, управляющим, управляющей организацией соответственно. Назначая либо избирая то или иное лицо, общее собрание или совет директоров своим решением возлагает на это лицо функции единоличного исполнительного органа, сообщая ему тем самым полномочия единоличного исполнительного органа, предусмотренные

законом и конкретизированные уставом общества. Однако для того, чтобы избранное или назначенное лицо приступило к осуществлению предоставленных ему полномочий, между ним и обществом должно возникнуть обязательственное отношение, содержащее соответствующую обязанность. Основанием возникновения указанного обязательства будет договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. Для заключения договора сторонам необходимо согласовать его существенные условия. Вместе с тем законодательно не решен вопрос о том, как это должно происходить.

В соответствии с п. 2.8 Положения о дополнительных требованиях к порядку подготовки, созыва и проведения общего собрания акционеров, утвержденного Постановлением ФКЦБ России от 31 мая 2002 г. № 17/пс, при выдвижении кандидата на должность единоличного исполнительного органа общества к предложению в повестку дня общего собрания *может прилагаться письменное согласие выдвигаемого кандидата* и сведения о кандидате, подлежащие предоставлению лицам, имеющим право на участие в общем собрании, при подготовке к проведению общего собрания. А п. 3.3 данного Постановления *информацию о наличии либо отсутствии письменного согласия* выдвинутых кандидатов на избрание в соответствующий орган общества относит к дополнительной информации, *обязательной для предоставления* лицам, имеющим право на участие в общем собрании, при подготовке к проведению общего собрания, повестка дня которого содержит вопрос об образовании единоличного исполнительного органа общества. Б. Р. Карабелников из указанных предписаний делает вывод о том, что ФКЦБ России полагает возможным выдвигать на соискание должности единоличного исполнительного органа акционерного общества лицо, которое не давало согласия на подобное назначение, задаваясь при этом вопросом, как же тогда это лицо будет работать. По мнению названного автора, при подготовке советом директоров документов для проведения общего собрания более логично опрашивать предполагаемых кандидатов и полу-

чать их письменное согласие на возможное назначение. Если же кто-то из выдвинутых кандидатов согласия не дает, то вынесение этой кандидатуры на голосование будет бесполезной тратой времени. Однако после вступления в силу указанного Постановления совет директоров в соответствии с п. 1 ст. 53 Закона об АО обязан включить в список кандидатов любое лицо, предложенное акционером, владеющим не менее 2 % голосующих акций общества, даже если предложенный кандидат прямо отказался занимать должность единоличного исполнительного органа общества (Карабельников Б. Р. Трудовые отношения в хозяйственных обществах. М., 2003).

Действительно, если лицо выразило свой отказ от возможного избрания или назначения, то включение его в список кандидатов не имеет смысла. Более того, это может рассцениваться как нарушение прав и законных интересов отказавшегося. Например, ФАС Центрального округа, рассматривая кассационную жалобу по делу о признании недействительным решения совета директоров ОАО в части отказа во включении в список кандидатур для голосования по выборам генерального директора кандидатуры, предложенной истцом, согласилась с выводами суда первой инстанции об отсутствии оснований для удовлетворения заявленного иска, поскольку из материалов дела усматривается, что совет директоров отказал истцу во включении выдвинутой им кандидатуры в список кандидатур и в бюллетень для голосования по выборам генерального директора в связи с письменным отказом этого лица баллотироваться в данный орган общества. Как отметила ФАС Центрального округа, предложение о включении гражданина вопреки его воле в список кандидатов на должность генерального директора не соответствует требованиям Конституции РФ, п. 1 и 2 ст. 1 ГК РФ, ст. 2, 56, 273, 275 Трудового кодекса РФ (далее: ТК РФ), предусматривающих осуществление гражданами своих прав своей волей и добровольность трудового договора (Постановление ФАС Центрального округа от 29 августа 2005 г. № А48-8552/04-9). Следовательно, в законы об ООО и АО необходимо включить соответствующую оговорку.

Отсутствие в законах об ООО и АО каких-либо правил о субъектах и порядке утверждения условий договора с физическим лицом (директором, генеральным директором), вероятно, объясняется тем, что традиционно такой договор принято считать трудовым, и поэтому соответствующие нормы следовало бы искать в ТК РФ. Однако, даже допустив, что договор с генеральным директором – это договор трудовой, мы не можем не согласиться с Б. Р. Карабельниковым в том, что если в отношении рядовых работников трудовое законодательство содержит четкие механизмы заключения трудовых договоров, то к единоличным исполнительным органам хозяйственных обществ такие механизмы оказываются неприменимы. «Обязанности работодателя по отношению к руководителю общества выполняет общее собрание или совет директоров, а в трудовом законодательстве специфика функционирования такого “коллегиального” работодателя обойдена молчанием» (Карабельников Б. Р. Указ. соч.).

Что же касается формулы «от имени общества договор подписывает...», то, например, И. С. Шиткина, рассматривая данный вопрос, специально акцентирует внимание на том, что уполномоченное лицо должно «не заключить, т. е. определить его существенные условия, а именно подписать» договор (Шиткина И. С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление : науч.-практ. изд. М., 2006. С. 457).

Такой акцент отнюдь не случаен. Подобная формулировка закона наводит на мысль о том, что подписание договора от имени общества с ограниченной ответственностью председательствующим на общем собрании или по решению собрания иным лицом, а от имени акционерного общества – председателем совета директоров или иным уполномоченным советом лицом – это некое техническое действие, которое необходимо для того, чтобы зафиксировать условия уже заключенного договора в одном документе, подписываемом сторонами. На наш взгляд, подобный феномен можно объяснить только действительной объективной необходимостью фиксации условий договора о реализации полномочий единоличного исполнительного органа в некоем

письменном документе и существующим при этом стойким предубеждением, что договор – это всегда единый документ, подписанный сторонами. Вместе с тем представляется, что условия договора в данном случае могут быть изложены и в каком-либо ином документе, например, в приложении к протоколу общего собрания либо заседания совета директоров.

По нашему мнению, порядок образования единоличного исполнительного органа, включающий в себя порядок избрания либо назначения конкретного лица, которое будет осуществлять соответствующие функции, и порядок заключения с ним договора следует четко определить законом. Более того, он должен быть унифицирован. Необходимо создать единые в своей основе правила как для обществ с ограниченной ответственностью, так и акционерных обществ независимо от того, кто будет осуществлять функции единоличного исполнительного органа общества – физическое лицо, не обладающее специальным статусом (директор, генеральный директор, президент), индивидуальный предприниматель (управляющий) либо коммерческая организация (управляющая организация).

De lege ferenda указанный порядок может выглядеть следующим образом.

Поскольку при образовании единоличного исполнительного общества только предстоит определить лицо, которое будет уполномочено выступать от имени общества, то ничего другого не остается, как возложить для целей данного конкретного случая представительские полномочия на общее собрание его участников (акционеров) либо на совет директоров общества. Таким образом, участники (акционеры) либо члены совета директоров выступают в этой ситуации в качестве коллективного представителя хозяйственного общества и, принимая соответствующие решения, действуют от его имени.

В процессе подготовки общего собрания участников (акционеров) либо заседания совета директоров, в повестку дня которого включается вопрос об избрании или назначении лица, реализующего функции единоличного исполнительного органа общества, следует определить и сформулировать

предполагаемые условия договора, заключаемого с данным лицом. Затем лицу (лицам), чья кандидатура будет предложена к избранию или назначению, необходимо сделать предложение быть выдвинутым в качестве кандидата на избрание либо назначение соответственно. При этом ему сообщаются предполагаемые условия договора. Разумеется, что лицо (лица), которому предложено быть выдвинутым в качестве кандидата, может внести свои изменения, дополнения в предполагаемые условия договора. После этого от лица (лиц), которому предложено быть выдвинутым в качестве кандидата, нужно получить письменный документ, содержащий, во-первых, согласие быть выдвинутым в качестве кандидата, а во-вторых, обязательство в случае избрания либо назначения осуществлять функции единоличного исполнительного органа общества в соответствии с законом и уставом общества на прилагаемых условиях. При этом важно, что до момента получения названного письменного документа отношения сторон нужно оценивать как преддоговорный этап, и юридического значения они не имеют, однако сам письменный документ, содержащий согласие и обязательство с приложением условий договора, следует квалифицировать как оферту.

Следующим этапом должно стать проведение собственно общего собрания либо заседания совета директоров, где будет осуществлено избрание или назначение лица, реализующего функции единоличного исполнительного органа, и утверждены те самые прилагаемые условия договора. В таком случае протокол общего собрания играет двойную роль: он, с одной стороны, сообщает конкретному физическому или юридическому лицу полномочия единоличного исполнительного органа общества, а с другой – является акцептом в процедуре заключения договора о реализации функций единоличного исполнительного органа. С момента, когда лицо, уполномоченное осуществлять функции единоличного исполнительного органа, ознакомится с содержанием данного протокола, договор о реализации функций единоличного исполнительного органа будет считаться заключенным.

Если же в процессе проведения общего собрания либо заседания совета директоров будет принято решение внести изменения в прилагаемые условия договора, то такое решение, зафиксированное в протоколе общего собрания либо заседания совета директоров, станет отказом от акцепта и офертой на новых условиях. В указанном случае для того, чтобы договор был заключен, от лица, уполномоченного осуществлять функции единоличного исполнительного органа, необходимо будет получить соответствующий акцепт.

При таком подходе полностью снимается проблема неопределенности, возникающая в связи с разрывом во времени между принятием общим собранием решения и подписанием договора, в частности, сам собой разрешается вопрос, «как быть с текущим управлением компанией в случае

затягивания переговорного процесса относительно текста договора» (Осипенко О. В. Конфликты в деятельности органов управления акционерных компаний. М., 2007. С. 393). Кроме того, точно известен момент, с которого договор о реализации функций единоличного исполнительного органа считается заключенным.

Библиографический список

1. Брагинский, М. И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М., 2002.
2. Карабельников, Б. Р. Трудовые отношения в хозяйственных обществах / Б. Р. Карабельников. – М., 2003.
3. Шиткина, И. С. Холдинги: правовое регулирование и корпоративное управление : науч.-практ. изд. / И. С. Шиткина. – М., 2006.

Н. В. Урлеков,
*соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СТАТУСА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Российская система судостроительства и судопроизводства за период реформирования претерпела существенные изменения. Особое значение имеет возрождение суда присяжных заседателей, деятельность которых в настоящее время распространяется только на рассмотрение уголовных дел.

Причины возрождения суда присяжных во многом схожи с причинами введения данного института в 1864 г. Аналогично XIX в. в XX столетии суд присяжных появился как следствие социально-экономических и политических преобразований, происходящих в стране. Его воссоздание было вызвано необходимостью разрешения проблем, в совокупности породивших системный кризис юстиции, падение государственных органов власти в целом и авторитета суда, в частности. Причины возникновения суда присяжных в современный период обусловлены требованием демократизации и дифференциации форм осуществ-

ления правосудия; обеспечения доступа граждан к участию в правосудии на фоне отказа от института народных заседателей; защиты и неуклонного соблюдения конституционных прав и свобод граждан; соответствия международным правовым стандартам. Не углубляясь в полемику о необходимости или бессмысленности возрождения суда присяжных в российском уголовном судопроизводстве, обратим внимание на некоторые проблемы, связанные со статусом и деятельностью присяжных заседателей.

Согласно Конституции РФ быть присяжным заседателем является правом гражданина. Между тем Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» (Рос. газ. 2004. 25 авг.) подчеркивает, что участие в качестве присяжных заседателей является гражданским долгом. Представляется, что осуществление обязанностей присяжного заседателя не может исполняться без добровольного согласия. Ведь если гражданин не желает участвовать по каким-либо внутренним убеждениям в рассмотрении уголовного дела, то невозможно ожидать от него объективной и беспристрастной оценки обстоятельств данного

уголовного дела, тем более что он должен их оценить и вынести вердикт по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. Более того, участие в рассмотрении уголовного дела в качестве присяжного заседателя сопряжено со значительными временными затратами, поэтому необходимо на время поступиться личными делами и интересами. Участие в деле по принуждению, а именно так можно рассматривать исполнение гражданского долга в данном случае, может привести к тому, что присяжный заседатель именно в процессе голосования выразит свое отношение к такому участию, проголосовав «в отместку». В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно одним из критериев допуска к включению в список кандидатов в присяжные заседатели предусмотреть добровольное согласие гражданина.

Реализация права быть присяжным заседателем обусловлена многими цензами. Так, присяжными заседателями не могут быть лица: не достигшие к моменту составления списков кандидатов в присяжные заседатели возраста 25 лет; имеющие непогашенную или неснятую судимость; признанные судом недееспособными или ограниченные судом в дееспособности; состоящие на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере в связи с лечением от алкоголизма, наркомании, токсикомании, хронических и затяжных психических расстройств; подозреваемые или обвиняемые в совершении преступлений; не владеющие языком, на котором ведется судопроизводство; имеющие физические или психические недостатки, препятствующие полноценному участию в рассмотрении судом уголовного дела.

Кроме того, из списков присяжных заседателей могут быть исключены лица в случае подачи гражданином письменного заявления о наличии обстоятельств, препятствующих исполнению им обязанностей присяжного заседателя, если он является: лицом, не способным исполнять обязанности присяжного заседателя по состоянию здоровья, подтвержденному медицинскими документами; лицом, достигшим возраста 65 лет; лицом, замещающим государственные должности или выборные должности в

органах местного самоуправления; военнослужащим; судьей, прокурором, следователем, дознавателем, адвокатом, нотариусом или имеющим специальное звание сотрудником органов внутренних дел, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, службы судебных приставов, таможенных органов, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, а также лицом, осуществляющим частную детективную деятельность на основе специального разрешения (лицензии); священнослужителем.

Согласно ч. 7 ст. 326 УПК РФ от исполнения обязанностей присяжных заседателей по их устному или письменному заявлению председательствующим судьей могут быть освобождены лица старше 60 лет; женщины, имеющие ребенка в возрасте до трех лет; лица, которые в силу религиозных убеждений считают для себя невозможным участие в осуществлении правосудия; лица, отвлечение которых от исполнения служебных обязанностей может нанести существенный вред общественным или государственным интересам; иные лица, имеющие уважительные причины для неучастия в судебном заседании.

Анализ установленных цензов показал, что законодатель не учел, на наш взгляд, не менее значимый ценз – образовательный. Несмотря на то, что присяжные заседатели при вынесении вердикта должны руководствоваться жизненным опытом, по нашему мнению, наличие как минимум общего среднего образования должно быть обязательным требованием к кандидатам в присяжные заседатели. Закон не только не требует, но и запрещает присяжным заседателям рассматривать правовые вопросы. Между тем часто невозможно отделить вопросы факта от вопросов права. Кроме того, процессуальная процедура участия присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела достаточно сложная. Наличие хотя бы элементарных школьных знаний у кандидата в присяжные заседатели в большей мере способствовало бы эффективности данного вида судопроизводства. В этой связи предлагаем ст. 3 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» дополнить

пунктом 5 следующего содержания: «не имеющие общего среднего образования».

Статья 10 названного закона устанавливает срок исполнения гражданином обязанностей присяжного заседателя. Так, лицо может быть привлечено к участию в уголовном деле в качестве присяжного заседателя один раз в год на десять рабочих дней, а если рассмотрение уголовного дела, начатое с участием присяжных заседателей, не окончилось к моменту истечения указанного срока, – на все время рассмотрения этого дела.

Возникает вопрос: если граждане могут привлекаться только один раз в год и до окончания рассмотрения уголовного дела, то с какой целью законодатель указал срок 10 рабочих дней? Если дело будет рассмотрено менее чем за 10 дней, лицо все равно не может в этом же году быть присяжным заседателем. Если рассмотрение дела превысит 10-дневный срок, то присяжный заседатель не вправе быть отстраненным от участия в нем по основанию истечения 10-дневного срока.

В этой связи целесообразно из ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» исключить слова «на десять рабочих дней, а если рассмотрение уголовного дела, начатое с участием присяжных заседателей, не окончилось к моменту истечения указанного срока, – на все время рассмотрения этого дела».

Статус присяжных заседателей включает права, гарантии и обязанности, закрепленные гл. 42 УПК РФ. Присяжные заседатели вправе: участвовать в исследовании всех обстоятельств уголовного дела, задавать через председательствующего вопросы допрашиваемым лицам, участвовать в осмотре вещественных доказательств, документов и производстве иных следственных действий; просить председательствующего разъяснить нормы закона, относящиеся к уголовному делу, содержание оглашенных в суде документов и другие неясные для них вопросы и понятия; вести собственные записи и пользоваться ими при подготовке в совещательной комнате ответов на поставленные перед присяжными заседателями вопросы.

Несмотря на то, что обязанность присяжных заседателей является гражданским

долгом, их участие не безвозмездно: за время исполнения присяжным заседателем обязанностей по осуществлению правосудия соответствующий суд выплачивает ему за счет средств федерального бюджета компенсационное вознаграждение в размере одной второй части должностного оклада судьи этого суда пропорционально числу дней участия присяжного заседателя в осуществлении правосудия, но не менее среднего заработка присяжного заседателя по месту его основной работы за такой период.

Кроме того, за присяжным заседателем на время исполнения им обязанностей по осуществлению правосудия по основному месту работы сохраняются гарантии и компенсации, предусмотренные трудовым законодательством.

Следует отметить, что на период исполнения обязанностей присяжным заседателям предоставляются гарантии независимости и неприкосновенности, установленные Конституцией РФ, Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (Рос. газ. 1997. 6 янв.), Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (Рос. газ. 1992. 29 июля), Федеральным законом от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (Рос. газ. 1995. 26 апр.).

Вместе с тем отдельные положения Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» определяют гарантии, распространяющиеся только на судью. Например, уголовное дело в отношении судьи может быть возбуждено только Председателем Следственного комитета при прокуратуре РФ на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда РФ, о наличии в действиях судьи признаков преступления и с согласия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации.

Необходимо заметить, что квалификационная коллегия судей принимает решение по вопросам, связанным с возбуждением в отношении судьи уголовного дела, привлечением его к уголовной ответственности, заключением под стражу или приводом судьи. Подобные полномочия квалификаци-

онных коллегий судей в отношении присяжных заседателей не указаны в законе.

Наряду с ч. 2 ст. 87 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР» (Ведомости ВС РСФСР. 1981. № 28, ст. 976) независимость и неприкосновенность присяжных заседателей закреплены федеральными законами «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «О судебных приставах» (Рос. газ. 1997. 5 авг.). В соответствии с последним в судах обеспечивается безопасность судей, заседателей, участников судебного процесса и свидетелей. Однако Инструкция о порядке исполнения судебными приставами распоряжений председателя суда, судьи или председательствующего в судебном заседании и взаимодействия судебных приставов с должностными лицами и гражданами при исполнении обязанностей по обеспечению установленного порядка деятельности судов и участия в исполнительской деятельности (утв. приказом Минюста РФ от 3 авг. 1999 г. № 226 // Рос. газ. 1999. 15 окт.) не содержит требований об обеспечении безопасности присяжных заседателей.

Справедливы в этой связи слова А. В. Забейды о том, что наличие двух законов, закрепляющих положение об обеспечении безопасности присяжных заседателей органами, отнесенными подчинением к различным ведомствам, без определения координации их действий, влечет за собой, как правило, отсутствие всяких гарантий (Забейда А. В. Отдельные проблемы обеспечения и защиты прав, свобод, а также личности присяжного заседателя в Российской Федерации // Право и политика. 2005. № 12).

Нет оснований оспаривать мнение Е. Середы о том, что «в Законе указано, что на присяжных заседателей распространяются те же меры безопасности, что и на судей. Но мы знаем, как на практике охраняют судей, как часто они бывают объектом нападения... Подразумевается, что присяжные заседатели приравниваются к судьям и должны охраняться, но на деле этого нет. Ни фактически, ни юридически» (URL: <http://www.newtimes.ru>).

Следовательно, многие положения законодательства о гарантиях присяжных заседателей являются декларативными.

На наш взгляд, целесообразно разработать механизм обеспечения независимости и безопасности присяжного заседателя, дополнив им Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Присяжные заседатели наряду с профессиональными судьями рассматривают и разрешают уголовные дела. Они самостоятельно выносят оправдательный или обвинительный вердикт. Следовательно, ничем иным, как осуществлением правосудия, данную деятельность назвать нельзя. Однако, законодатель в п. 30 ст. 5 УПК РФ установил: «присяжный заседатель – лицо, привлеченное в установленном настоящим Кодексом порядке для участия в судебном разбирательстве и вынесения вердикта». Вместе с тем п. 54 ст. 5 УПК РФ гласит: «судья – должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие». В этой связи представляется не вполне точным термин о том, что присяжный заседатель, в отличие от судьи, является участником уголовного судопроизводства (Быков В. Присяжные заседатели как участники уголовного судопроизводства // Уголов. право. 2006. № 1). В таком случае неясно, на каком основании законодатель наделяет присяжного заседателя гарантиями независимости и неприкосновенности. По нашему мнению, присяжный заседатель наравне с судьей осуществляет правосудие, этим он отличается от других участников уголовного судопроизводства.

Полагаем целесообразным п. 30 ст. 5 УПК РФ изложить в следующей редакции: «присяжный заседатель – лицо, привлеченное в установленном настоящим Кодексом порядке для осуществления правосудия, правомочное выносить вердикт».

Правовой статус присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве предполагает также возложение на них определенных обязанностей (ч. 2 ст. 333 УПК РФ) и запретов.

Одним из последних является запрет присутствовать при исследовании фактов прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иных данных, способных вызвать предубеждение присяжных заседателей в отношении подсудимого. Данное положение закона вызывает обоснованные

возражения. Здесь нельзя не согласиться с В. Быковым, который, осуждая данное требование, подчеркивает, что «законодатель не боится, что такое предубеждение появится у профессионального судьи, который единолично назначает подсудимому наказание, но ограничивает присяжных заседателей в праве знать, кого они судят в данном процессе» (Быков В. Суд с участием присяжных заседателей: новая формула // Уголов. процесс. 2006. № 9. С. 47). С нашей точки зрения, исследование в присутствии присяжных заседателей вопросов репутации, качеств подсудимого, его прошлого могут в большей мере способствовать объективной оценке фактов по уголовному делу, тем самым позволят в большей степени обеспечить качественный вердикт, не допуская обвинения невиновного или ухода от ответственности виновного в совершении преступления. Представляется, что для возможности объективной оценки присяжными заседателями личности подсудимого и факта содеянного необходимо слова «запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого» из ч. 8 ст. 335 УПК РФ исключить.

Помимо прав, гарантий и обязанностей присяжных заседателей законодатель установил и их ответственность: за неявку в суд без уважительных причин присяжный заседатель может быть подвергнут денежному взысканию в порядке, установленном ст. 118 УПК РФ. Мы полностью разделяем мнение В. Быкова в том, что «если рассматривать присяжного заседателя как судью, а по сути дела так должно было бы и быть, то как вы-

глядит эта норма с точки зрения просто здравого смысла, когда судья штрафует другого судью?! Это лишний раз подтверждает нашу мысль о том, что законодатель изначально не рассматривает присяжного заседателя как равноправного, полноценного и ответственного судью» (Его же. Присяжные заседатели как участники уголовного судопроизводства // Уголов. право. 2006. № 1).

Модель современного российского суда присяжных заседателей включает 1 профессионального судью и 12 присяжных заседателей. Разделяя позицию В. Быкова, полагаем, что для повышения качества решений суд присяжных заседателей должен состоять из трех профессиональных судей и четырех присяжных заседателей. По нашему мнению, коллегиальное рассмотрение вопросов права профессиональными судьями позволит минимизировать судебные ошибки, а предлагаемый состав присяжных заседателей станет менее затратным и более действенным в процессе совещания при вынесении вердикта.

Библиографический список

1. Быков, В. Присяжные заседатели как участники уголовного судопроизводства / В. Быков // Уголов. право. – 2006. – № 1.
2. Забейда, А. В. Отдельные проблемы обеспечения и защиты прав, свобод, а также личности присяжного заседателя в Российской Федерации / А. В. Забейда // Право и политика. – 2005. – № 12.
3. Уголовный процесс : учебник / под ред. В. П. Божьева. – М., 2006.
4. Уголовный процесс России: Общая часть : учеб. для студентов юрид. вузов и фак. / А. И. Александров, С. А. Величкин, Н. П. Кириллова [и др.] ; под ред. В. З. Лукашевича. – СПб., 2004.

оценки общественной опасности преступлений определенного вида и лиц, их совершивших, и осуществляется законодателем через установление в законе вида и меры уголовной ответственности, а также вида и размера уголовного наказания (Шеслер А. В. Соучастие в преступлении. Тюмень, 2007. С. 51). Между тем она не имеет однозначного определения в теории российского уголовного права.

Ю. Н. Чернышова,

*адъюнкт кафедры уголовного права
Тюменского юридического института
МВД России*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ

Дифференциация уголовной ответственности является средством законодательной

Часть авторов считают, что дифференциация уголовной ответственности представляет собой «градацию, расслоение последней в уголовном законе, результатом чего являются различные уголовно-правовые последствия» (Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения (Вопросы конструирования составов и дифференциации уголовной ответственности). Ярославль, 2003. С. 82). Дифференциация посредством градации типового наказания проявляется в дифференциации оснований ответственности, причем такая дифференциация может быть связана как с криминализацией (пример тому – появление в российском уголовном праве норм о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (гл. 23 УК РФ), так и не связана с ней (дифференциация путем введения квалифицирующих признаков и (или) привилегирующих признаков и (или) увеличения их количества, означающая «расслоение» ранее единого основания уголовной ответственности за то или иное преступление) (Егорова Н. А. О понятиях дифференциации и унификации уголовной ответственности // Рос. ежегодник уголов. права. 2007. № 2. С. 101). Дифференциация путем введения квалифицирующих признаков осуществляется посредством закрепления в статьях Особенной части УК РФ различных по своей тяжести санкций, устанавливавшихся с учетом характера и степени общественной опасности деяний (Гальперин И. М. Дифференциация уголовной ответственности и эффективность наказания // Сов. государство и право. 1993. № 3. С. 71). Наличие квалифицирующих признаков состава преступления свидетельствует о повышенном уровне общественной опасности этих составов по сравнению с основным составом, а наличие привилегирующих признаков – о снижении общественной опасности.

Одним из квалифицирующих признаков во множестве статей Особенной части УК РФ выступают формы соучастия, так как «основными дифференцирующими признаками соучастия в уголовном законе являются степень и характер участия в преступлении, а в Особенной части еще и степень

сплоченности и организованности группы» (Кругликов Л. Л., Васильевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 121). В ст. 35 УК РФ говорится о четырех формах соучастия: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Однако в качестве квалифицирующих признаков в Особенной части УК РФ выступают только первые три, поскольку законодатель не использует совершение преступления преступным сообществом в качестве квалифицирующего признака. Как самостоятельная форма соучастия преступное сообщество (преступная организация) закреплено в ст. 210 УК РФ. По мнению С. Балеева, в соответствии с законом преступное сообщество (преступная организация) может рассматриваться как конструктивный признак основного состава преступления (ст. 210 УК РФ) либо как обстоятельство, отягчающее наказание (Балеев С. О понятии преступного сообщества (преступной организации) // Уголов. право. 2007. № 3. С. 16).

Разграничение форм соучастия на простые и более сложные выявляет одну из проблем дифференциации уголовной ответственности соучастников, которая демонстрирует пробелы в конструировании Особенной части УК РФ. В некоторых случаях законодатель не проводит разделения форм соучастия по степени общественной опасности в тех нормах, где в качестве квалифицирующих признаков указаны как простые, так и сложные формы соучастия, причем в одних и тех же пунктах и частях статей. Это является фактически отсутствием дифференциации внутри нормы, так как разные по степени общественной опасности формы соучастия «не предполагают на этом основании безусловного усиления уголовной репрессии, поскольку “замыкают” их в рамках одного и того же квалифицирующего признака» (Кубов Р. Х. Совершенствование норм Уголовного кодекса, связанных с дифференциацией уголовной ответственности соучастников // Уголов. право. 2006. № 12. С. 34). Примером тому может служить п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда

здоровью», где группа лиц, группа лиц по предварительному сговору и организованная группа соединены в одном квалифицирующем признаке. В этом случае вопрос об общественной опасности преступлений, совершенных группой лиц и группой лиц по предварительному сговору, можно считать дискуссионным, указав на незначительное уменьшение общественной опасности при совершении преступления группой лиц без предварительного сговора и последующее компенсирование этого индивидуализацией наказания. Однако разница в степени общественной опасности между преступлением, совершенным группой лиц без предварительного сговора, и преступлением, совершенным организованной группой, очень существенна, и, по нашему мнению, ошибочно приравнивать их друг к другу. Дифференциация в приведенном нами примере должна заключаться в том, что квалифицирующий признак «совершение преступления организованной группой» должен быть выведен из п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ и включен в качестве самостоятельного признака в ч. 4 этой же статьи (Там же. С. 35).

Показательны в этом отношении экологические преступления. В ст. 256, 258, 260 УК РФ квалифицирующие признаки совершения этих преступлений группой лиц по предварительному сговору и организованной группой не дифференцированы, и это представляется нам законодательной ошибкой. Санкции за ч. 3 ст. 256 и за ч. 2 ст. 258 УК РФ ограничивают лишение свободы на срок до двух лет. В этом смысле уравнивать незаконную добычу (вылов) водных биологических ресурсов и незаконную охоту, совершаемые обычными группами лиц и организованными группами, и не производить дифференциации уголовной ответственности по последнему критерию представляется необоснованным (Там же. С. 36).

Помимо описанной выше ошибки, также неоправданно обеспечение квалифицирующими признаками «группа лиц по предварительному сговору» и «организованная группа» малораспространенных преступлений или преступлений с низкой общественной опасностью наряду с необеспечением данными признаками тех преступлений, распространение которых связано с развитием

технического прогресса в современном обществе (например ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ»). Известно, что проблема хакерства является основной для информационных сетей, причем хакеры-одиночки составляют малую часть таких преступников, чаще всего это сплоченные группы.

Однако не все нормы Особенной части УК РФ имеют неправильное с точки зрения дифференциации уголовной ответственности построение. Так, в ст. 126, 127 УК РФ обоснованно разделяется совершение преступления группой лиц по предварительному сговору и совершение преступления организованной группой как особо квалифицированный вид совершения преступления. Такое же построение имеется и в ряде других статей Особенной части УК РФ.

Именно этот подход представляется нам обоснованным, ведь он правильно разграничивает простые и сложные формы соучастия между собой и частично облегчает квалификацию преступлений, совершенных в соучастии. Отсутствие такого разграничения, непринятие законодателем во внимание общих основ дифференциации являются его ошибкой. Это подтверждается высказыванием Т. А. Лесниевски-Костаревой, которая определяет квалифицирующие признаки как указанные в законе характерные для части преступлений соответствующего вида существенные обстоятельства, отражающие типовую значительно измененную в сравнении с основным составом преступления степень общественной опасности содеянного и меру ответственности (Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 1998. С. 162). Следовательно, указание простых и сложных форм соучастия в одном квалифицирующем признаке уравнивает их общественную опасность, а это неверно, так как для более общественно опасного способа не увеличивается размер наказания, не усиливается санкция по сравнению с основным составом.

Традиционно в российском уголовном законодательстве расширение пределов санкции осуществляется путем внесения соответ-

ствующих квалифицирующих признаков в разные части одной статьи УК РФ. Поэтому нам представляется ошибочной позиция законодателя, относящего совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой в ряде случаев к одной части статьи Особенной части УК РФ, в ряде случаев – к разным частям. Функция дифференциации уголовной ответственности обусловлена основным качеством квалифицирующих признаков: отражать значительное изменение типовой степени общественной опасности содеянного (Там же. С. 163). При неправильном построении статей Особенной части УК РФ данная функция утрачивает свое первоначальное значение.

И. М. Чубченко,

*соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России*

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РФ

Согласно ст. 59 Конституции РФ защита Отечества является долгом и обязанностью каждого гражданина Российской Федерации и относится к важнейшим функциям государства. Решающая роль в осуществлении данной функции принадлежит Вооруженным силам РФ, основу которых составляют военнослужащие, имеющие иное правовое положение в государстве, чем обычные граждане РФ.

Военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями, установленными федеральными законами. Их особый правовой статус представляет собой совокупность прав и свобод, гарантированных государством, а также обязанностей и ответственности, установленных Федеральным законом от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (Рос. газ. 1998. 2 июня), федеральными конституционными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также Уставом внутренней службы Вооруженных сил РФ,

Библиографический список

1. *Кругликов, Л. Л.* Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – СПб., 2003.
2. *Кубов, Р. Х.* Совершенствование норм Уголовного кодекса, связанных с дифференциацией уголовной ответственности соучастников / Р. Х. Кубов // Уголов. право. – 2006. – № 12.
3. *Лесниевски-Костарева, Т. А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т. А. Лесниевски-Костарева. – М., 1998.
4. *Шеслер, А. В.* Соучастие в преступлении / А. В. Шеслер. – Тюмень, 2007.

Дисциплинарным уставом Вооруженных сил РФ, Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных сил РФ (Общевойсковые уставы Вооруженных сил Российской Федерации : утв. указом Президента РФ от 10 нояб. 2007 г. № 1495 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 47, ст. 5749).

Прохождение военной службы имеет место и в ряде других министерств и ведомств, относящихся к силовым (О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // Рос. газ. 1998. 20 мая).

По данным ГИЦ МВД России, полученным в соответствии с порядком регистрации преступлений, утвержденным приказом Генеральной прокуратуры РФ, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений» (Рос. газ. 2006. 25 янв.) военнослужащими, составляющими 1 % населения нашей страны, ежегодно совершается в среднем 15 тыс. преступлений (Материалы коллегии Главной военной прокуратуры РФ по итогам работы за 2008 г. М., 2009).

Специфика военно-служебных отношений обуславливает особенности привлечения военнослужащего к уголовной ответственности. В случае совершения им преступления (любой категории) уголовное

дело становится подследственным военным органам дознания и предварительного следствия.

До 7 сентября 2007 г. указанные преступления независимо от обстоятельств и места их совершения расследовались следователями военных прокуратур, а после утверждения Указом Президента РФ от 1 августа 2007 г. № 1004 Положения о Следственном комитете при прокуратуре РФ в Российской Федерации (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 32, ст. 4122) для этих целей были созданы специализированные следственные органы – военные следственные отделы, следователи которых имеют соответствующий допуск к государственной тайне и более глубокие познания в специфике функционирования воинских подразделений. Это обусловлено историческими традициями и отечественным законодательным опытом.

Вместе с тем в связи с произошедшими в последнее время существенными изменениями уголовно-процессуального законодательства РФ вопреки сложившейся практике не все преступления, совершенные в Вооруженных силах РФ, расследуются указанными органами. Причины данного положения кроются как в несовершенстве действующего законодательства, так и сложной структуре самих Вооруженных сил.

В действовавшем до 7 сентября 2007 г. уголовно-процессуальном законе компетенция следственных органов военной прокуратуры (ст. 151–152 УПК РФ) определялась признаками персональной подследственности и зависела от того, какой субъект совершил (либо предполагается, что совершил) преступление.

Так, предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, совершенных военнослужащими, гражданами, проходящими военные сборы, а также лицами гражданского персонала Вооруженных сил РФ, других войск, воинских формирований и органов, созданных в соответствии с федеральными законами и иными нормативными актами, в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или совершенных в расположении воинской части, соединения, учреждения, предписывалось производить военным проку-

рорам и следователям военных прокуратур военных округов и флотов, Ракетных войск стратегического назначения, Федеральной пограничной службы, Московской городской военной прокуратуры и Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации с соблюдением требований ст. 151 и 152 УПК РФ, как правило, по месту совершения или окончания преступления.

Детализация требований УПК РФ проводилась изданными в его развитие ведомственными нормативными актами, например, приказом Генерального прокурора РФ от 21 января 2002 г. № 4/27 «О соблюдении требований ст. 126 УПК РФ» (Законность. 2002. № 2), приказом заместителя Генерального прокурора РФ – Главного военного прокурора от 21 марта 2003 г. № 55 «О подследственности уголовных дел» (Сб. Гл. воен. прокуратуры РФ. 2003. № 2).

В каждом издаваемом акте констатировались факты необоснованного определения подследственности, что вело к расследованию преступлений неправомочными органами и, как следствие, нарушению конституционных прав участников уголовного процесса.

Споры с территориальными правоохранительными органами о том, кому расследовать то или иное уголовное дело, велись практически всегда. Однако в последнее время они стали приобретать массовый характер. Особенно много вопросов по подследственности возникает по делам о самоубийствах военнослужащих, поскольку здесь имеют важное значение такие факторы, как место обнаружения трупа, характер телесных повреждений потерпевшего, а также мотивы совершенного суицида и др.

К сожалению, ни один нормативный акт не содержит исчерпывающих требований по определению подследственности уголовных дел, в связи с чем нередко допускается «следственный брак». Дело в том, что расследование по делам «чужой» подследственности является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и должно влечь признание полученных доказательств и принятых по делу решений не имеющими юридического значения.

Соблюдение правил подследственности приобрело особую актуальность в связи с принятием постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия». Пленум обратил внимание судов на необходимость считать недопустимыми доказательства, полученные ненадлежащими лицами или органами (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 1995. № 12).

Ныне действующий, т. е. после 7 сентября 2007 г., УПК РФ исключил разграничение компетенции органов военной юстиции по субъекту преступного деяния, отдав прерогативу определения подследственности прокурору (п. 8 ст. 151 УПК РФ), что, на наш взгляд, является несостоятельным.

В связи с наличием существенного пробела в законодательстве Генеральный прокурор РФ 29 января 2008 г. издал указание № 14/49 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). Пункт 2 данного Указания предписывал Главному военному прокурору определить своим приказом порядок осуществления прокурорского надзора за исполнением законодательства о подследственности. Однако ввиду особой сложности регламентации рассматриваемого вопроса соответствующий приказ до настоящего времени не подготовлен.

Кроме того, в приказе председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ от 17 марта 2008 г. № 33 «Об установлении компетенции специализированных следственных органов Следственного комитета при прокуратуре РФ» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс») вопросам воинской подследственности посвящен только один абзац, обозначающий основные принципы решения указанного вопроса, чего явно недостаточно.

Вместе с тем еще раз подчеркнем, что неурегулированность определения подследственности ведет к его нарушению при расследовании преступлений, что, в свою

очередь, нарушает конституционные права участников уголовного процесса на осуществление правосудия, препятствует вынесению справедливого приговора, отрицательно сказывается на борьбе с преступностью в целом, приводит к напрасной трате сил, средств и времени органов предварительного расследования, отвлечению их от раскрытия действительно совершенных тяжких преступлений. К тому же граждане в этих случаях без необходимости вызываются в органы внутренних дел и иные правоохранительные органы, отрываются от общественно полезного труда. Подобные нарушения закона подрывают авторитет государственных органов.

В уголовно-правовой литературе, в том числе по военно-уголовному законодательству, недостаточно специальных работ, посвященных комплексному исследованию проблем определения подследственности уголовных дел. Это объясняется тем, что данная составляющая очень подвижна и определяется ведомственными подзаконными актами. В трудах Х. М. Ахметшина, В. Г. Белявского, Н. В. Васильева, И. Г. Погребняка, Е. В. Прокоповича, В. В. Романова, А. А. Толкоченко, И. М. Мацкевича, И. И. Котлярова, И. М. Соловьева рассматриваются различные аспекты воинских преступлений, однако конкретные вопросы данной проблемы никогда глубоко не исследовались.

В практической деятельности правоохранительных органов известно много случаев нарушения подследственности как со стороны военных следственных отделов, так и территориальных следственных органов. Данные нарушения происходят в основном по причинам слабого знания действующего законодательства сотрудниками правоохранительных органов и запутанности законодательства, регламентирующего указанные вопросы.

По нашему мнению, подследственность уголовного дела следует определять для расследования военными следственными органами по субъекту совершенного преступления с учетом ст. 152 УПК РФ, регламентирующей территориальный принцип подследственности, а правила о «военной подследственности» — сформулировать в

уголовно-процессуальном законе более четко и универсально, исключив чрезмерно громоздкую законодательную конструкцию (перечисление министерств и ведомств, соответствующие статьи Уголовного кодекса РФ и пр.). Конкретные федеральные органы исполнительной власти, должностные лица которых поднадзорны органам военной прокуратуры, можно устанавливать на подзаконном уровне соответствующим приказом Генерального прокурора РФ.

В свою очередь, определение правил подследственности на подзаконном уровне должно, как представляется, осуществляться в едином нормативно-правовом акте, устанавливающем разграничение подследственности территориальных и специальных органов следствия. Действующие по этому вопросу приказы Генерального прокурора РФ и Главного военного прокурора нуждаются в совершенствовании. С этой целью необходимо принять единый подзаконный нормативный акт о подследственности с одновременной отменой всех действующих на настоящий момент приказов. Данные меры позволят обеспечить наиболее эффективное и четкое регулирование вопросов подследственности органам военных следственных отделов и органам дознания Вооруженных сил РФ.

Таким образом, определение подследственности в Вооруженных силах РФ не имеет четкой регламентации в уголовно-процессуальном законодательстве, необоснованно запутанно и отличается рядом

особенностей, которые необходимо учитывать при производстве предварительного следствия. В связи с этим целесообразно внести соответствующие изменения в ст. 151 и 152 УПК РФ, а также в подзаконные акты, регулирующие вопросы подследственности, чтобы унифицировать подходы по разграничению компетенции следственных органов.

Библиографический список

1. О подследственности уголовных дел : приказ заместителя Ген. прокурора Рос. Федерации – Гл. воен. прокурора от 21 марта 2003 г. № 55 // Сб. Гл. воен. прокуратуры Рос. Федерации. – 2003. – № 2.

2. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел : указание Ген. прокуратуры Рос. Федерации от 29 янв. 2008 г. № 14/49. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. Об установлении компетенции специализированных следственных органов Следственного комитета при прокуратуре РФ : приказ председателя Следств. комитета при прокуратуре Рос. Федерации от 17 марта 2008 г. № 33. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Положение о Следственном комитете при прокуратуре РФ : указ Президента РФ от 1 авг. 2007 г. № 1004 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 32, ст. 4122.

Е. Г. Шаломенцева,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Владимирского филиала Российской
академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации
кандидат экономических наук, доцент

МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ: СИСТЕМА И КЛАССИФИКАЦИЯ

Принятие Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее:

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ) (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822), как справедливо отмечают многие исследователи, ознаменовало начало нового периода в развитии и организации местного самоуправления как одного из важнейших институтов демократического государства и соответственно способствовало дальнейшему реформированию данного института (Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации : учебник. М., 2006 ; Чашина С. И. Правовые акты главы муниципального образования, главы местной администрации и иных должност-

ных лиц исполнительных органов местного самоуправления (на примере Хабаровского края) // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 7 ; Широков А. Н., Юркова С. Н. Местное самоуправление в Российской Федерации: основные понятия, термины и положения федерального законодательства : справ. пособие для депутатов, должностных лиц и служащих органов местного самоуправления. М., 2004). По причине масштабности проводимых преобразований Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ вступает в силу поэтапно с 1 января 2009 г., за исключением положений, для которых его гл. 12 установлены иные сроки и порядок вступления в силу.

Основой реформы местного самоуправления, наряду с иными положениями, введенными Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, является двухуровневая система территориальной организации местного самоуправления, предполагающая формирование в качестве муниципальных образований, с одной стороны, поселений (городских и сельских), а с другой стороны, муниципальных районов, следствием чего явилось значительное увеличение количества муниципальных образований. Если до недавнего времени в Российской Федерации существовало 11,5 тыс. муниципальных образований, то с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, по данным Счетной палаты Российской Федерации, их число на 1 января 2008 г. составило уже 24136 (Сводная аналитическая записка по результатам экспертно-аналитического мероприятия «Обеспечение реализации Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в 2007 году» // Бюл. Счет. палаты Рос. Федерации. 2008. № 12), в результате количество принимаемых (издаваемых) органами местного самоуправления правовых актов, как отмечает А. М. Цалиев, «вообще не поддается подсчету» (Цалиев А. М. Обеспечение соответствия муниципальных нормативных правовых актов национальному законодательству и нормам международного права // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 18). Однако в

40 регионах Российской Федерации в той или иной форме ведется работа в сфере учета муниципальных правовых актов (Хромов Д. Р. Реализация реформы местного самоуправления // Практика муниципального управления. 2008. № 2). В частности, в результате такой работы, проведенной во Владимирской области, установлено, что органами местного самоуправления 127 муниципальных образований области в 2007 г. принято (издано) около 80 тыс. муниципальных правовых актов.

Следует отметить, что вступление Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ в силу в полном объеме с 1 января 2009 г. поставит новые вопросы перед субъектами как правотворческой, так и правоприменительной деятельности в отношении муниципальных правовых актов. Во-первых, это обусловлено уже отмеченным увеличением количества муниципальных образований, влекущим за собой соответствующий рост числа органов и должностных лиц местного самоуправления и издаваемых ими правовых актов.

Во-вторых, с 1 января 2009 г. в соответствии с требованиями Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ все муниципальные образования, независимо от статуса, приступают к осуществлению полномочий по решению вопросов местного значения в полном объеме. Статьей 83 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ субъектам Российской Федерации предоставлено право в переходный период определять порядок решения вопросов местного значения вновь образованными муниципальными образованиями и наделять органы местного самоуправления муниципальными районами полномочиями по решению вопросов местного значения входящих в состав данных районов поселений. Так, в соответствии с Законом Владимирской области от 23 ноября 2005 г. № 168-ОЗ «О порядке решения вопросов местного значения вновь образованных городских и сельских поселений Владимирской области» (Владим. ведомости. 2005. № 365–366) с 1 января 2008 г. к осуществлению полномочий по решению вопросов местного значения в полном объеме приступили все 26 городских поселений (включая вновь

образованные), с 1 января 2009 г. – все 80 сельских поселений (включая вновь образованные). Очевидно, что такой порядок решения вопросов местного значения предполагает, что и полномочия по правовому регулированию соответствующих общественных отношений с указанного времени переходят от 16 муниципальных районов к поселениям. Учитывая количество муниципальных образований на примере Владимирской области, следует сделать вывод об увеличении объема правотворческой деятельности практически на порядок.

В-третьих, необходимо отметить, что Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с организацией и ведением регистра муниципальных нормативных правовых актов» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 46, ст. 5556), также вступившим в силу с 1 января 2009 г., на органы государственной власти субъектов Российской Федерации возложены полномочия по организации и ведению регистра муниципальных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации (далее: муниципальный регистр). Основываясь на практике применения порядка ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации (Об утверждении Положения о порядке ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 29 нояб. 2000 г. № 904 // Там же. 2000. № 49, ст. 4826), полагаем, что ведение муниципального регистра потребует усиления взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов и должностных лиц местного самоуправления в направлениях обеспечения единообразия и системности принимаемых (издаваемых) муниципальных правовых актов, повышения качества и эффективности муниципальной правотворческой деятельности, а также усиления контроля в данной сфере.

В целях решения обозначенных проблем полагаем необходимым в первую очередь обратить пристальное внимание на изуче-

ние вопросов систематизации и классификации муниципальных правовых актов, поскольку при таком объеме правотворческой деятельности неизбежно возникнут проблемы в сфере компетенции органов и должностных лиц местного самоуправления при принятии (издании) правовых актов, соотношении таких актов между собой, а следовательно, и разрешении правовых коллизий. Муниципальная правовая система объективно нуждается в упорядочении, главной практической целью которого являются обеспечение единства правового пространства Российской Федерации, безусловная согласованность правовых актов, совершенствование юридического качества муниципальных правовых актов, высокое сущностное и технико-юридическое качество подготовки их текстов.

В соответствии с ч. 1 ст. 43 Федерального закона от 6 октября № 131-ФЗ в систему муниципальных правовых актов входят:

- 1) устав муниципального образования, правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан);
- 2) нормативные и иные правовые акты представительного органа муниципального образования;
- 3) правовые акты главы муниципального образования, постановления и распоряжения главы местной администрации, иных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, предусмотренных уставом муниципального образования.

Исходя из законодательных положений, предлагаем классификацию муниципальных правовых актов по различным основаниям, что позволит выявить существенные признаки, характеризующие их место и роль в системе правового регулирования на региональном уровне. Как отмечается в правовой литературе, соотношение видов актов – важнейший вопрос правотворческой деятельности, однако сегодня данная сфера правотворчества не является в необходимой мере юридически обеспеченной (Юртаева Е. А. Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журн. рос. права. 2006. № 5).

За основу мы приняли классификацию муниципальных правовых актов, предло-

женную В. И. Фадеевым (Кутафин О. Е., Фадеев В. И. Указ. соч.):

1) *по юридической силе*: к актам высшей юридической силы данный автор обоснованно относит устав муниципального образования (как отмечается в специальной литературе, своего рода конституцию муниципального образования (Мелентьев А. Муниципальные правовые акты // Законность. 2005. № 1 ; Шугрина Е. С. Техника юридического письма : учеб.-практ. пособие. М., 2001) и правовые акты, принятые на местном референдуме (сходе граждан);

2) *по субъекту правотворческой деятельности*: акты, принятые (изданные):

а) на местном референдуме (сходе граждан);

б) органами и должностными лицами местного самоуправления.

На наш взгляд, группа «б» подлежит дальнейшей классификации, поскольку статус органа или должностного лица местного самоуправления, согласно ч. 3–7 ст. 43 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ, определяет его компетенцию в сфере правотворческой деятельности, а также вид акта:

– *представительный орган муниципального образования* по вопросам, отнесенным к его компетенции федеральными законами, законами субъекта Российской Федерации, уставом муниципального образования, принимает **решения**, устанавливающие правила, обязательные для исполнения на территории муниципального образования, а также решения по вопросам организации деятельности представительного органа муниципального образования;

– *глава муниципального образования* в пределах своих полномочий, установленных уставом муниципального образования и решениями представительного органа муниципального образования, издает **постановления и распоряжения** по вопросам организации деятельности представительного органа муниципального образования в случае, если глава муниципального образования является председателем представительного органа муниципального образования, или постановления и распоряжения по вопросам, отнесенным к компетенции главы местной администрации, в

случае, если глава муниципального образования является главой местной администрации;

– *председатель представительного органа* издает **постановления и распоряжения** по вопросам организации деятельности представительного органа муниципального образования (здесь возможно совпадение функций с главой муниципального образования в случае, указанном в предыдущем абзаце);

– *глава местной администрации* в пределах своих полномочий, установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, уставом муниципального образования, нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования, издает **постановления** по вопросам местного значения и вопросам, связанным с осуществлением отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления, а также **распоряжения** по вопросам организации работы местной администрации (в данном случае возможно совпадение функций с главой муниципального образования по аналогичному основанию);

– *иные должностные лица* местного самоуправления издают **распоряжения и приказы** по вопросам, отнесенным к их полномочиям уставом муниципального образования. К таким должностным лицам относятся руководители органов местного самоуправления, предусмотренных уставами муниципальных образований и наделенных исполнительно-распорядительными полномочиями по решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления;

3) *по юридическому содержанию*:

а) *нормативные акты*. На наш взгляд, в группе «а» следует отдельно выделить так называемые локальные акты, регулирующие общественные отношения, в том числе трудовые, в рамках конкретного органа местного самоуправления;

б) *ненормативные (индивидуальные) акты*. Исследователи обращают внимание на тот факт, что нормативно дефиниции нормативного правового акта и ненорма-

тивного правового акта не закреплены (Соловьев С. Г., Лукьянов В. А. Муниципальный правовой акт: проблемные вопросы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 5), вследствие чего возникают затруднения в правотворческой и правоприменительной практике;

4) *по категории предмета правового регулирования*: акты, принимаемые по вопросам:

а) местного значения;

б) осуществления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления;

в) организации работы органов местного самоуправления.

Анализируя в совокупности данные классификационные основания, а также учитывая конкретные муниципальные правовые акты, следует сделать вывод, что на практике постановлениями называются нормативные либо индивидуальные (например, о предоставлении земельных участков, выдаче разрешений на строительство и т. п.) акты главы муниципального образования (главы местной администрации), а распоряжениями – в основном внутренние (локальные) акты, регламентирующие деятельность либо представительного органа, либо местной администрации. Данная точка зрения находит подтверждение и в юридической литературе (Чашина С. И. Указ. соч.).

На наш взгляд, требуют уточнения положения Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ о наделении председателя представительного органа (а равно и главы муниципального образования, являющегося председателем представительного органа) полномочиями по изданию и постановлений, и распоряжений, поскольку неясны критерии определения конкретного вида акта по вопросам организации деятельности представительного органа муниципального образования. Мы полагаем, что акты председателя представительного органа должны издаваться только в виде распоряжений.

Правовые акты, издаваемые иными должностными лицами местного самоуправления, являются преимущественно либо локальными, либо индивидуальными;

5) *по наличию публичного мнения по поводу принятия акта*:

а) акты, проекты которых должны быть вынесены на публичные слушания (например, проекты устава муниципального образования и актов о внесении изменений и дополнений в устав, проект местного бюджета);

б) акты, к проектам которых указанные требования не предъявляются.

Муниципальные правовые акты могут быть классифицированы и по иным основаниям.

Обобщая все вышесказанное, считаем, что в целях оптимизации правотворческого процесса в муниципальных образованиях следует осуществить ряд мероприятий.

Во-первых, необходимым представляется законодательное закрепление классификации правовых актов. Как отмечает Е. А. Юртаева, установленная в федеральном законе в виде иерархической «лестницы» классификация позволит безошибочно определять юридические характеристики соответствующего правового акта – его юридическую силу, приоритет в процессе правоприменения и др. (Юртаева Е. А. Указ. соч.). Мы разделяем мнение этого автора о том, что общий ход правотворческой работы необходимо ориентировать в направлении единой системы координат так, чтобы развитие муниципальной правовой системы осуществлялось в строгом соответствии с установленной классификацией правовых актов.

Во-вторых, в уставах муниципальных образований необходимо в обязательном порядке указывать вид правовых актов, которые вправе принимать органы местного самоуправления, их должностные лица и, в частности, должностные лица, обладающие исполнительно-распорядительными полномочиями в структурных подразделениях органов местного самоуправления с правом юридического лица. В этих целях полагаем целесообразным конкретизировать положения ч. 1 ст. 34, ч. 7 ст. 43, п. 6 ч. 1 ст. 44 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ.

В-третьих, в ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ необходимо сформулировать понятия нормативного

правового акта и ненормативного (индивидуального) правового акта органов и должностных лиц местного самоуправления.

Таким образом, совершенствование законодательства, регулирующего рассматриваемую сферу общественных отношений, позволит повысить эффективность осуществления органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения и реализации отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления.

Библиографический список

1. *Кутафин, О. Е.* Муниципальное право Российской Федерации : учебник / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. – М., 2006.

2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон [от 6 окт. 2003 г.

№ 131-ФЗ] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 40, ст. 3822.

3. *Соловьев, С. Г.* Муниципальный правовой акт: проблемные вопросы теории и практики / С. Г. Соловьев, В. А. Лукьянов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2007. – № 5.

4. *Цалиев, А. М.* Обеспечение соответствия муниципальных нормативных правовых актов национальному законодательству и нормам международного права / А. М. Цалиев // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 18.

5. *Чащина, С. И.* Правовые акты главы муниципального образования, главы местной администрации и иных должностных лиц исполнительных органов местного самоуправления (на примере Хабаровского края) / С. И. Чашина // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 7.

А. А. Ашин,
*заведующий кафедрой
уголовного права и процесса
Владимирского государственного
университета
кандидат юридических наук, доцент*

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (1941–1945 гг.)**

Великая Отечественная война внесла существенные коррективы в содержание карательной политики государства и практику ее реализации. Продолжается дальнейшее ужесточение мер уголовного наказания, принимаются законы, устанавливающие новые виды уголовной ответственности. Поток поступления заключенных в места лишения свободы был огромен. Во второй половине 1941 г. судами и военными трибуналами было осуждено 1 339 702 чел., из них 67,4 % – к различным срокам лишения свободы; в первой половине 1942 г. – 1 396 810 чел. и 69,3 % соответственно. В течение войны в лагерях и колониях наблюдалось изменение состава заключенных. С 22 июня 1941 г. по 1 июня 1944 г. в места лишения свободы поступило 1 800 тыс. заключенных, убыло – 2 900 тыс. (Уголовно-исполнительная система, 125 лет / под ред. Ю. Я. Чайки. М., 2004. С. 127).

В соответствии с требованиями военного времени была изменена также работа исправительно-трудовых учреждений (далее: ИТУ). Их деятельность, а также положение осужденных регулировались ведомственной Инструкцией о режиме содержания и охране заключенных в исправительно-трудовых лагерях и ИТК НКВД СССР в военное время», изданной в феврале 1942 г. Данный документ наделял оперативно-служебные наряды правом в ряде случаев применять оружие без предупреждения (при побеге и преследовании заключенных, нападении на администрацию и конвой). При открытом, злостном сопротивлении заключенных, если оно грозило серьезными по-

следствиями и не могло быть ликвидировано иными мерами, охрана лагеря имела право после двукратного предупреждения применять оружие. Допускалось его применение и при отказе заключенных приступить к работе. Неприменение оружия, когда к этому вынуждала обстановка, а также неправильное его применение влекли за собой судебную или административную ответственность. Это способствовало возникновению произвола в данных учреждениях (Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е. История отечественных органов внутренних дел : учеб. для вузов. М., 2005. С. 232).

Охрана тюрем и колоний немедленно переводилась на военное положение. Прекращались отпуска всех сотрудников, находящиеся в отпусках немедленно отзывались (Материалы Тюремного отделения. Оп. 3. Д. 1. Л. 125 ; Д. 1/4. Л. 94).

Был прекращен вывод несовершеннолетних из тюрем в специальные колонии. Несовершеннолетние правонарушители в возрасте от 16 лет и старше направлялись для отбытия срока наказания в местные исправительно-трудовые колонии (далее: ИТК), где размещались отдельно от взрослых заключенных (Материалы Тюремного отделения. Оп. 3. Д. 1. Л. 157).

Двенадцатого сентября 1941 г. тюремное управление НКВД СССР в условиях военного времени запретило всем категориям заключенных в тюрьмах, кроме несовершеннолетних, свидания с родственниками (Там же. Л. 158).

Следует отметить, что Великая Отечественная война крайне усугубила положение заключенных, особенно в плане материально-бытового обеспечения и медико-санитарного обслуживания. В первые месяцы войны подлежало эвакуации из мест заключения европейской части страны 750 тыс. заключенных, что вызвало их большую концентрацию в учреждениях по месту передислокации. В 1941–1942 гг. на одного заключенного приходилось менее 1 м² жилой площади (Ивашов Л., Емелин А. Гулаг,

1941–1945 годы // Воспитание и правопорядок. 1991. № 8. С. 41–43).

Первые дни войны, особенно для работников тюремного ведомства Советского государства, были сопряжены с неимоверными трудностями, связанными с эвакуацией заключенных из тюрем западных областей Союза. Например, из тюрем Украины подлежали эвакуации 34 200 заключенных, для перевозки которых требовалось 1 308 вагонов, из расчета 50–60 заключенных на один вагон. Однако по распоряжению начальников железных дорог было выделено только 300 вагонов, в которых можно было разместить 14 тыс. заключенных (ГАРФ. Ф. 9413. Оп. 1. Д. 23. Л. 130–131).

В связи с этим в большинстве случаев эвакуация проводилась пешим порядком, преимущественно под конвоем надзорного состава тюрем. Для заключенных эвакуация была связана с неисчислимыми трудностями и бедствиями, нередко представляла собой «путь в небытие» (Детков М. Г. Тюрмы, лагеря и колонии России. М., 1999. С. 232–233).

Время в пути следования эвакуированных заключенных к местам назначения часто исчислялось месяцами. На протяжении эвакуации заключенные терпели голод, холод, антисанитарные условия, зашвышенность, нередко были истощены, тяжелые болезни и как результат смерть многих из них. Начальник тюремного отдела УНКВД по Алтайскому краю лейтенант Г. Б. Евсеев в докладной записке от 1 февраля 1942 г. сообщил в Тюремное управление НКВД СССР о состоянии принятых с 3 июля по 20 декабря 1941 г. эшелонов с эвакуированными заключенными следующее. «За указанный период принято шесть эшелонов с численностью заключенных 3 879 чел. Третьего июля 1941 г. принято из тюрьмы № 2 г. Ленинграда 899 чел., в их числе 404 несовершеннолетних преступников и 495 женщин. Санитарное состояние поступившего эшелона неудовлетворительное: 50 % несовершеннолетних заболели чесоткой, трахомой и другими кожными заболеваниями. Все несовершеннолетние приняты раздетыми – без верхней одежды и обуви, а в трусах и майках» (Детков М. Г. Указ. соч. С. 233).

Необходимо отметить, что вследствие ухудшения материально-бытового обеспечения несовершеннолетних осужденных у большей их части при эвакуации одежда не соответствовала сезону, что приводило к массовым заболеваниям осужденных и повышенной смертности.

Одной из главных причин детской смертности в ИТК являлось недостаточное и неполноценное питание, в результате чего были распространены такие заболевания, как алиментарная дистрофия, пеллагра, цинга и туберкулез легких. Эта группа заболеваний составляла 10 % от всех первичных амбулаторных посещений, от 20 до 25 % всех госпитализируемых больных, от 30 до 40 % всех койко-дней и от 60 до 80 % всей смертности (ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 19. Л. 93, об.). Во время Великой Отечественной войны широкое распространение получили некоторые необычные для мирного времени заболевания, к которым относятся алиментарная дистрофия, авитаминозы, бронхолит (Военно-медицинская подготовка. М., 1989. С. 447). Так, смертность воспитанников детских колоний в первом квартале 1942 г. составляла: январь – 57 чел. (0,34 % всего списочного состава); февраль – 48 чел. (0,25 %); март – 38 чел. (0,20 %) (ГАРФ. Ф. 9412. Оп. 1. Д. 19. Л. 94).

Для того, чтобы нормализовать питание несовершеннолетних осужденных, был принят приказ НКВД СССР от 23 июня 1942 г. № 355 «О довольствии несовершеннолетних заключенных в трудколонирах НКВД». Однако данный нормативный акт не изменил сложившуюся в ИТК ситуацию с детской смертностью в связи с ухудшением материально-бытового обеспечения несовершеннолетних осужденных.

Например, в целях организации питания несовершеннолетних заключенных в Верхотурской колонии имелась столовая, рассчитанная на 600 мест. Кухня столовой размещалась в грязном и тесном помещении. Столовая посудой и ложками была обеспечена недостаточно, поэтому заключенные пищу принимали через край миски или железной самодельной ложкой. Колонии постоянно не хватало продуктов питания, отсутствовали жиры, овощи, мясо, рыба. На завтрак заключенные в основном

получали чай, на обед и ужин – суп из ржаной муки, а на второе блюдо – кашу из ячневой крупы или горошницу.

По нашему мнению, невозможно провести качественный сравнительный анализ дифференцированных норм питания взрослых заключенных и несовершеннолетних правонарушителей. С одной стороны, что вполне объяснимо, взрослым требовалось больше калорий ввиду тяжелого физического труда; с другой – подростки больше нуждались в таких необходимых продуктах, как белки, которых в рационе было недостаточно. Кроме того, вопреки всем нормативным правовым актам несовершеннолетних заключенных часто использовали на вредных производствах. Поэтому можно лишь констатировать, что общим здесь являлась зависимость питания заключенных от норм выработки производственных заданий (Пажит Ю. Ю. Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. С. 190).

В рассматриваемый период времени в России медико-санитарное обслуживание несовершеннолетних было неудовлетворительным. Так, например, Камышловская ИТК не имела своей амбулатории, стационара, дезокамеры и бани. Медицинская помощь оказывалась в Камышловской городской больнице, а мытье проводилось в городской бане, но не регулярно. Смена нательного белья и прожарка верхней одежды производились редко, в результате чего заключенные, проживающие в зоне и на сельхозучастке, были завшивлены. По состоянию на июль 1942 г. в колонии из медперсонала находился только один фельдшер, который в своем распоряжении имел только одну аптечку с небольшим набором медикаментов. В несколько лучшем положении находилась Верхотурская колония. Для медико-санитарного обслуживания несовершеннолетних заключенных имелись амбулатория и стационар, рассчитанный на 27 коек. В целом санчасть врачебно-медицинским персоналом была укомплектована (Там же. С. 204–205).

Отсутствие квалифицированной медицинской помощи приводило к увеличению смертности среди осужденных.

По мнению В. Земскова, в годы войны в лагерях и колониях ГУЛАГа среди заключенных в 1941 г. умерли 100 997 чел.; 1942 г. – 248 877; 1943 г. – 166 967. На протяжении военных лет ГУЛАГом погребено 621 637 заключенных, а с 1934 по 1947 г. – 963 766 (Земсков В. Архипелаг ГУЛАГ: глазами писателя и статистика // Аргументы и факты. 1989. № 45). Доля смертности заключенных в среднем составляла: в 1939 г. – 0,25 %; 1940 г. – 0,1 %; 1941 г. – 0,21 %; 1942 г. – 1 %; 1943 г. – 0,8 % (Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995. С. 177).

Вследствие начавшейся Великой Отечественной войны ослабел надзор за осужденными, в том числе за несовершеннолетними, что привело к увеличению побегов из мест лишения свободы и контрреволюционного проявления. Например, среди заключенных Покровской колонии Московской области распространялись фашистские свастики и контрреволюционные лозунги. В Бузулукской детской колонии заключенные по предварительному сговору учинили бунт, разгромили столовую, напали на охрану, ранили шесть стрелков ВОХР (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 107. Л. 112–112, об.). На борьбу с побегами и контрреволюционными проявлениями со стороны антисоветского элемента была направлена работа оперативно-чекистских отделов лагерей и тюрем, которые установили, что не было должным образом организовано агентурно-оперативное обслуживание несовершеннолетних заключенных, содержащихся в трудовых колониях и приемниках-распределителях НКВД. В улучшение данной работы 9 мая 1941 г. был принят Циркуляр оперативного отдела ГУЛАГа «Об агентурно-оперативном обслуживании трудовых колоний несовершеннолетних преступников и детских приемников-распределителей».

В соответствии с данным документом агентурно-оперативное обслуживание трудовых колоний несовершеннолетних преступников и детских приемников-распределителей было возложено на оперативно-чекистские отделы, отделения и группы УИТЛ и К ОИТК НКВД – УНКВД. Большое значение уделялось вербовке агентурно-осведомительной сети из числа обслуживающего персонала колоний и распреде-

лителей и старших возрастов несовершеннолетних заключенных. Каждая вербовка несовершеннолетних тщательно подготавливалась с учетом ее целесообразности и перспективности.

Циркуляр особое внимание уделял агентурному обслуживанию несовершеннолетних, осужденных за контрреволюционную работу, перебежчиков и детей репрессированных. Выявленный антисоветский элемент из числа обслуживающего персонала и несовершеннолетних ставился на оперативный учет и активно разрабатывался. В дополнение к этому выявлялись антисоветские связи разрабатываемого элемента на воле.

Во всех случаях открытых антисоветских проявлений среди несовершеннолетних, террористических высказываний, разжигания национальной розни, распространения контрреволюционных лозунгов и листовок, массовых отказов от работы и учебы, подготовки к побегам наряду с непосредственными виновниками выявлялись и привлекались к ответственности организаторы и вдохновители этих проявлений.

С самого начала Великой Отечественной войны производство страны во всех направлениях было переведено на режим работы военного времени. Любое производство и вся деятельность были определены интересами обороны. В сложившейся ситуации руководство страны огромное значение придавало труду осужденных.

Война потребовала максимальной централизации всех людских и материальных ресурсов. Сотни объектов промышленного значения в рекордные сроки были восстановлены или построены вновь руками заключенных. За 1941–1945 гг. были освоены европейский Север и северо-восток страны. Там, где строились новые промышленные объекты, появились новые лагеря (Смыкалин А. С. Пенитенциарная система Советской России, 1917 – начало 1960-х гг. (Историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 227–228).

С началом войны ГУЛАГ направил в народное хозяйство страны заключенных, из них в лесную промышленность – 320 тыс. чел., горно-металлургическую – 171 тыс.,

строительство железных дорог – 448 тыс., аэродромное и шоссейное строительство – 268 тыс., строительство оборонительных сооружений – 200 тыс. До войны заключенные выделялись 350 предприятиям, к концу – 640. При этих предприятиях было создано 350 специальных ИТК с 225 тыс. заключенных (Попов В. П. Государственный террор в Советской России 1923–1953 гг. (Источники и их интерпретация) // Отечествен. архивы. 1992. № 2. С. 27). Наибольшее их количество было занято на строительстве – 34 %, в цехах – 25 %, на горно-рудных работах – 11 %, лесозаготовках, погрузочно-разгрузочных и других видах работ – 30 % (Там же. С. 28). Наиболее значительными сферами производства ГУЛАГа стали: выпуск боеприпасов (мин, гранат, запалов, авиабомб), средств связи, снаряжения и обмундирования для армии.

В юридической литературе уделяется внимание трудовому энтузиазму, с которым заключенные, в том числе несовершеннолетние, в период военного времени трудились: производительность труда заключенных в 1944 г. превысила довоенную в два раза, в пять раз сократилось число отказчиков от работы. И это при постоянном ухудшении физического состояния здоровья содержащихся в лагерях заключенных, так как по способности к труду заключенные в 1940 г. подразделялись на следующие категории: способные к тяжелому труду – 35,6 %, труду средней тяжести – 25,2 %, легкому труду – 15,6 %, ослабленные и инвалиды – 23,1 %. В сравнение в 1942 г. отмечалось: способных к тяжелому труду – 19,2 %, труду средней тяжести – 17 %, легкому труду – 38,3 %, ослабленных и инвалидов – 25,5 % (Ивашов Л., Емелин А. Указ. соч. С. 42–43).

Например, подростки Камышловской ИТК (Свердловская область) работали на Камышловском кожзаводе (20 чел.), Лесопитомнике железной дороги им. Кагановича (29 чел.), сельхозработах Военведа (40 чел.), лесосплаве и смолокурении (7 чел.) (Пажит Ю. Ю. Указ. соч. С. 114).

Заключенные Верхотурской трудовой колонии для несовершеннолетних работали на лесозаводе в деревообделочных мастерских, изготавливая спецтару для Военведа и

корпуса для зерносортировок «Клетон». Подростки также привлекались к работе в слесарно-механический цех, изготавливавший насосы «Тарда». Помимо этого заключенные работали в литейном цехе. Производственный процесс проходил на основе трудового соревнования, что было характерно и для всей страны в целом. Согласно материалам проверки Верхотурской колонии на день обследования (3 июля 1942 г.) из числа работавших на производстве было: рекордистов – 266 чел., работавших стахановскими методами – 461 чел., работавших по ударному – 422 чел., выполнявших норму до 100 % – 4 чел. Не работали на производстве 78 чел. (освобождены по болезни, находились в изоляторе, не использовались по различным причинам). Производственная программа по основным видам продукции была выполнена (по состоянию на май 1942 г.) на 116 %. Однако сам профиль производства колонии не давал возможности всех несовершеннолетних заключенных использовать на работах, где бы они смогли получить ту или иную специальность, если не считать механический, литейный и сборочный цеха. Значительная часть несовершеннолетних работала на подсобных работах. Так, из 1153 работавших подростков на прямом производстве было задействовано только 384 чел. В связи с этим по отбытии срока наказания только незначительная часть заключенных могла получить специальность. Организация же специальных обучающих мастерских и создание рабочих мест с целью получения специальности несовершеннолетними заключенными были невозможны по причине слабой материальной базы колонии (Пажит Ю. Ю. Указ. соч. С. 115).

По мнению А. С. Смыкалина, пенитенциарная система, как и вся страна, переживала тяжелые годы. И все же жизнь в лагерях во время Великой Отечественной войны была «не слаще» жизни на свободе, видимо, поэтому некоторые осужденные обращались с просьбой направить их на фронт, где бы они могли кровью искупить свою вину перед обществом и государством. Патриотические настроения среди заключенных были достаточно сильны, и идея гитлеровского командования создать из них

«пятую колонну» не увенчалась успехом (Смыкалин А. С. Указ. соч. С. 227–228).

В конце Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы в СССР появилось большое количество беспризорников, которые совершали преступления и правонарушения. Советское государство с целью изоляции преступных элементов осуществляло деятельность по перепрофилированию различных видов исправительных учреждений в колонии для несовершеннолетних.

Одним из таких примеров является образованная в конце 1944 г. Абаканская воспитательная колония.

До 1944 г. на территории указанной колонии находился лагерь заключенных, возводивших в Хакасии сахарный завод. Когда эта задача была выполнена, подневольных строителей перебросили на другое место, оставив 150 чел. для того, чтобы перестроить и подготовить бараки для приема беспризорных детей. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что до этого времени на юге Красноярского края отсутствовали колонии для содержания несовершеннолетних правонарушителей. Имелись детские дома, следственный изолятор, тюрьма в Минусинске. К приезду беспризорников готовились основательно, даже завезли новые постельные принадлежности. Обустроили территорию, на которой располагались три жилых барака, штаб и стадион, клуб и столовая, помещение для карантина, школа и санчасть. Производственная зона состояла из механического и столярного цехов. Все здания и подсобные помещения были деревянными, поэтому колония имела свою пожарную команду из нескольких человек, лошадей и повозку с бочкой воды. Колонию совсем не озеленяли: на ее территории рос всего один тополь. В распоряжении начальника колонии находился не автомобиль, а выездная лошадь с пролеткой (Тарабин А., Федотов С. Абаканская воспитательная // Преступление и наказание. 2005. № 1. С. 36–37).

Для обогрева как производственных, так и жилых помещений использовалось лишь печное отопление. И когда в зону привозили уголь, он моментально растаскивался. Воспитанники запасались углем впрок и

даже прятали его в спальнях под полом. Начиная с 1945 г. колония начала постепенно обновляться. Расширилось производство, дополнительно были открыты литейный и слесарный цеха. Первой продукцией литейки стали корпуса гранат-лимонок. Еще рабочие отливали печные дверки и плиты. Из воспитанников создали учебные группы формовщиков. Однако в смены выводили лишь ребят старшего возраста, так как рабочих мест не хватало. Все колонисты были охвачены лишь школьным обучением. Постепенно старые производственные и жилые помещения сносились. Вместо них строили современные кирпичные здания с центральным отоплением. С территории жилой зоны убрали штаб, пекарню, пожарную часть и котельную. Появились ПТУ, ОГМ, стадион, здание ДПНК и другие объекты (Тарабин А., Федотов С. Указ. соч. С. 37).

В заключение следует отметить, что возникшая в конце Великой Отечествен-

ной войны колония для несовершеннолетних на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы является одним из образцово-показательных исправительных учреждений для несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Детков, М. Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России / М. Г. Детков. – М., 1999.
2. Пажит, Ю. Ю. Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005.
3. Смыкалин, А. С. Пенитенциарная система Советской России, 1917 – начало 1960-х гг. (Историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1998.
4. Уголовно-исполнительная система, 125 лет / под ред. Ю. Я. Чайки. – М., 2004.

И. А. Егорькова,

*учитель истории и обществознания
МОУ «Лицей № 82» г. Нижнего Новгорода*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НИЖЕГОРОДСКОМ КРАЕ В 1920–1935 гг.¹

Проблема борьбы с правонарушениями, совершаемыми детьми, актуальна всегда, поскольку многое, что закладывается в человеке с детства, становится основным жизненным критерием уже взрослой личности.

В исследуемый нами период также осознавалось, что вопрос детской преступности является одним из самых серьезных и его необходимо срочно решать.

¹ Территорией Нижегородского края собирательно именуется регион Поволжья, являющийся на протяжении почти всех 1920-х гг. губернией, а с 1929 г. – Нижегородским, с 1934 г. – Горьковским краем, с разным составом населения, административным центром которого был Нижний Новгород и Горький.

Хронологические рамки исследования обусловлены наличием документов, в которых проблема преступности несовершеннолетних впервые была поставлена – 1920 г., и где объявлялось о массовой ликвидации детской преступности в стране – 1935 г.

Общеизвестно, что лица, совершающие в раннем возрасте противоправные действия, позже, как правило, труднее поддаются исправлению и в итоге составляют основной резерв для взрослой и рецидивной преступности. Так, проведенные исследования показывают, что 64 % рецидивистов впервые совершило проступки в детском возрасте (Куфаев В. Повторные правонарушения несовершеннолетних // Право и жизнь. 1923. № 1. С. 40). Избрав для себя криминальный путь в жизни, несовершеннолетний в большинстве случаев оказывался в местах лишения свободы, исправительных или трудовых домах, получая за первое правонарушение квалификацию «преступный элемент», за вторую – «рецидивист», за третью-четвертую – «социально опасный».

В послереволюционный период наблюдалось резкое увеличение детской преступности по всей стране. Она во многом представляла собой продолжение беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних и обуславливалась, с одной стороны, смещением моральных ценностей, а с другой – необходимостью добывать средства к существованию.

Основной причиной правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, в 1920–1935 гг. был социально-экономический фак-

тор. Дополняли его война, революция и голод. В результате детские преступления в количественном отношении достигли колоссальных размеров. Так, к 1920 г., по сравнению с 1913 г., детская преступность возросла более чем вдвое, с 1916 г. – на 38,5 % (Детская дефективность, преступность и беспризорность. По материалам Первого Всерос. съезда. 24.05 – 02.07.1920. М., 1922. С. 19), и продолжала увеличиваться. Число детских правонарушений достигло своего максимума в 1921 г. В первую очередь это касалось голодающих губерний и тех местностей, куда стекалось население в поисках пропитания. Об этом свидетельствуют архивные данные: за шесть месяцев 1920 г. в Комиссию по делам несовершеннолетних (далее: комонес) РСФСР поступило 12 500 несовершеннолетних, обвинявшихся в общественно опасных действиях. В 1921 г., также за полгода, по тем же местностям было уже зарегистрировано 32 585 ребят (Центральный архив Нижегородской области (далее: ЦАНО). Ф. Р-56. Оп. 1. Д. 585. Л. 35). Данное обстоятельство объясняется тем, что в неурожайный 1921 г. с наступлением тепла начались массовые миграционные процессы несовершеннолетних из голодающих районов Поволжья, и как результат – резко возросло количество преступлений малолетних, направленных на поиск пропитания. Это явление, как отмечалось на проходившем в конце 1921 г. Всероссийском съезде помощи голодающим, носило повсеместный характер. Общее тяжелое экономическое положение страны, в частности, неурожай, сокращение штатов в промышленности, увеличение вольного рынка и уличной торговли, во многом способствовали росту преступности несовершеннолетних.

Необходимо отметить тот факт, что число детей, проходивших через комонес, которые имели родителей, значительно превышало количество сирот. Более половины всех правонарушений совершалось безнадзорными. Они воровали не из-за нужды, а с целью добычи денег на кино, конфеты, папиросы, игру в карты и другие развлечения. Возможно, это происходило из-за того, что школа не занималась профилактикой преступности в учебных заведениях.

Со второй половины 1920-х гг. отмечаются качественные изменения в борьбе с детской преступностью и в ней самой. Пер-

вые были связаны с изменившейся государственной политикой. Вычеркнув социальное направление из числа приоритетных, государство практически перестало финансировать соответствующие организации, которые занимались этой проблемой, и возложило данную обязанность на органы местной власти.

Вторые были обусловлены социальным фактором. Согласно статистическим данным, у большинства детей, привлекавшихся в комонес, родители были ремесленниками, крестьянами, чернорабочими, трудящимися на фабриках, заводах и служащими рабочего труда (курьеры, сторожа, кучера, прислуга и т. п.). Объясняется это тем, что характер занятий взрослых заставлял их работать вне дома и, следовательно, оставлять детей без присмотра. Отсюда детская безнадзорность, способствовавшая росту преступности. Такое положение было характерно для всей страны в целом и для Нижегородского края, в частности.

Из общего числа юных правонарушителей подавляющее большинство составляли несовершеннолетние, родители которых были заняты сельским хозяйством. Мы полагаем, что это объясняется не только преобладанием сельского населения в стране и неурожаем 1921 г., но и экономическим упадком деревни вообще, а также отсутствием на местах системы помощи детям, временно впадшим в нужду. В результате дети крестьян вынуждены были уходить в город в поисках заработка, а не находя его, становились на преступный путь. Общая картина преступности в этот период такова, что 90 % ее составляли дети рабочих и беднейшего крестьянства (Лившиц Е. С. Детская беспризорность и новые формы борьбы с нею : метод. письмо работникам социально-правовой охраны. Письмо первое. М., 1924. С. 8).

Влияние, которое оказывал социальный фактор на преступность несовершеннолетних, наиболее ярко проявляется в сведениях об их семейном положении. Из общего числа детей, нарушивших закон, сироты составляли 25 %, у 40 % были родители, у 34 % была лишь мать, у 4,8 % – только отец (Скляр Л. Преступность несовершеннолетних по новым данным // Власть Советов. 1923. № 5. С. 160). Дети, воспитывавшиеся только матерью, находились в более неблагоприят-

гополучной обстановке, чем жившие с отцом. Их социально-экономическое положение мало чем отличалось от состояния круглого сироты. Это объяснялось тем, что мужчина мог обеспечить ребенка в материальном плане лучше, нежели женщина. В условиях неравной оплаты труда мужчин и женщин последним приходилось проводить больше времени вне дома для получения необходимого дохода. Кроме того, мать имела меньшее моральное влияние на сына, чем отец. В целом же любая неполная семья способствовала развитию правонарушений среди несовершеннолетних, особенно если она была материально не обеспечена.

В исследуемый период выделяются следующие типы правонарушителей: случайные, социально запущенные, клинически больные. Случайные преступления совершали дети, которых не коснулась социальная запущенность, они были психически здоровы, развиты интеллектуально. Характер их преступлений не представлял большой общественной опасности, и рецидив не происходил. Само правонарушение совершалось под влиянием внешних факторов. Ко второй группе относились педагогически запущенные несовершеннолетние, не знавшие ремесла, экономически не обеспеченные, не приспособленные к окружающим условиям. Больными считались алкоголики, наркоманы, дети, имевшие умственную отсталость. Они совершали преступления неоднократно.

Возрастной состав несовершеннолетних правонарушителей был следующий: наиболее часто преступления совершали подростки в возрасте от 14 до 18 лет. До этого возраста преступления совершались детьми редко, поскольку последние не обладали достаточной физической силой, опытом и умением. Однако постепенно развиваясь, приобретая необходимые ловкость и умение, несовершеннолетние под влиянием неблагоприятной окружающей среды становились готовыми к совершению преступления, в частности к кражам. Характерной особенностью детских краж было то, что заранее они не знали, что вытащат из кармана. Ведь это не что иное, как та же «игра», правда, худшего свойства, цель которой – добыть кусок хлеба и утолить голод. Но главное заключалось не в этом, а в том, что

ребенок приходил к таким приемам благодаря окружающей его среде. И как дети в здоровой обстановке воспринимали все хорошее, так и ребенок в условиях неблагоприятной социальной среды был склонен к восприятию только нездорового, считая это нормой. Оставаясь же без надлежащего воспитательного присмотра, он постоянно подвергался дурному влиянию улицы.

Чем старше становились дети, тем больше правонарушений они совершали. Об этом свидетельствуют статистические материалы комонес: несовершеннолетними в возрасте до 14 лет совершалось 28 % преступлений, 14–16 лет – 32 %, 16–18 лет – 41 % (Куфаев В. И. Юные правонарушители. М., 1925. С. 160).

Приведенные данные корреспондируют со сведениями, содержащимися в отчете о деятельности Нижегородской комиссии по делам несовершеннолетних за 1929 г. По ее сведениям, возраст нарушителей и количество совершенных ими преступлений соотносится следующим образом: 8–10 лет – 18 человек, 11 лет – 12, 12 лет – 30, 13 лет – 24, 14 лет – 49 человек (ЦАНО. Ф. Р-3485. Оп. 1. Д. 252. Л. 75 об.).

Количество и характер правонарушений несовершеннолетних находились в прямой зависимости от их физического развития и положения в обществе. При этом девочками преступления совершались в 4–5 раз реже, чем мальчиками. Число первых, проходивших через комонес, составляло лишь 6 % от общего количества дел (Государственный архив Нижегородской области № 3, г. Балахна. Ф. 793. Оп. 1. Д. 340. Л. 44.). Выделяя преступников в возрасте 14–18 лет и сравнивая их с лицами более младшего и старшего возраста, можно констатировать, что в этот возрастной период появляется новый фактор преступности – половое созревание. Данная возрастная группа характеризуется большим количеством так называемых преступлений против нравственности.

Повторные правонарушения были наиболее характерны для детей в возрасте 13–15 лет. Чем старше становился ребенок, тем больше рецидивных преступлений он совершал. Данные по Нижегородскому краю за 1929 г. показывают, что массово повторные правонарушения совершались не более трех раз. Затем, по мере возраста-

ния количества рецидивов, уменьшается общая численность преступников: 1 раз через комонес прошло 53 человека, 2 раза – 51 ребенок, 3 раза – 32, 4 раза – 16, 5 раз – 7, 6 раз – 5, 9 раз – 4, 11 раз – 1, 13 раз – 2, 17 раз – 1, 21 раз – 1 человек (ЦАНО. Ф. Р-3485. Оп. 1. Д. 252. Л. 76).

По материалам Народного комиссариата просвещения, почти 70 % мальчиков и свыше 50 % девочек, прошедших комонес в возрасте до 14 лет, пытались встать на путь самостоятельного заработка, и именно его отсутствие привело многих из них к повторным правонарушениям (Детская беспризорность и детский дом: сб. ст. и материалов Второго Всерос. съезда СПОН. М., 1926. С. 14). Подростки реже искали работу, а чаще были готовы преступить закон. Таким образом, одной из основных причин повторных правонарушений являлся экономический фактор. Кроме того, они совершались под влиянием негативной окружающей среды. Именно под влиянием опытных преступников совершалось большинство рецидивов, которые были хорошо организованы.

С улучшением общей экономической ситуации в стране количество повторных правонарушений значительно сократилось. Так, в 1932 г. было зарегистрировано первичных правонарушений 1 698, а вторичных – только 160 (ЦАНО. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 136. Л. 71). При этом отмечались единичные случаи совершения преступлений более двух раз.

Не все правонарушения, совершаемые несовершеннолетними, регистрировались и тем более раскрывались. По данным местных отделов образования, в исследуемый период из каждых 100 беспризорных детей 81 совершал какое-либо преступление, причем год от года число правонарушений увеличивалось. Этому в немалой степени невольно способствовало проведение Нижегородской ярмарки, где совершалась основная масса преступлений юными правонарушителями. За 1927 г. в РСФСР было привлечено к уголовной ответственности за какое-либо правонарушение 28 960 несовершеннолетних. В среднем за год в республике привлекалось к уголовной ответственности около 30 000 ребят (Народное просвещение в РСФСР к 1928/1929 учебному году : отчет Наркомпроса РСФСР за

1927/1928 учеб. г. М. ; Л., 1929. С. 45).росло и количество малолетних рецидивистов. В среднем в РСФСР в 1924–1925 гг. они составили 21,6 % от общего числа несовершеннолетних правонарушителей (Отчет Наркомпроса РСФСР за 1925/1926 учебный год. М. ; Л., 1927. С. 64).

Диапазон совершаемых детьми преступлений был весьма разнообразен. Во многом это зависело от той ситуации, в которой оказывался ребенок, его потребностей и возможностей. Губкомиссия по делам несовершеннолетних выделяла такие наиболее типичные противоправные деяния, как: кражи, хулиганство, драки, поджоги, грабежи, побег или неподчинение дисциплине детского дома, растрата его имущества, рубка леса, педерастия, мошенничество, изнасилования, появление на улице в нетрезвом виде, торговля без патента, убийство, дурное поведение, игра в карты, самонокурение, хранение оружия. При этом 75–85 % уголовных дел несовершеннолетних составляло посягательство на собственность (ЦАНО. Ф. Р-120. Оп. 8. Д. 63. Л. 58.). Подавляющую часть из них – 91 % (Детская беспризорность и детский дом. С. 13) – были кражи (денег, вещей, продуктов, документов). Первоначально были распространены карманные кражи. Затем несовершеннолетние преступники стали подразделяться по специализации, и со временем выделились рыночные, вокзальные, квартирные воры. Постепенно изменялась масштабность преступлений. С 1924 г. качественно изменилось совершение краж: они стали более продуманными, организованными, крупными.

Взрослея, подростки объединялись в воровские шайки. Как правило, в состав шайки входили от двух до десяти человек, одни отвлекали людей, другие при этом воровали. Однако большинство преступлений в Нижегородском крае, по данным комонес за 1929 г., было совершено детьми единолично – 109 правонарушений, группами – 57, под руководством взрослых – лишь 7 преступлений (ЦАНО. Ф. Р-3485. Оп. 1. Д. 252. Л. 78).

Другими наиболее часто совершаемыми преступлениями были «правонарушения против порядка управления» (сопротивление и оскорбление власти, побег из-под стражи и др.), которых в РСФСР за 1927 г.

было зафиксировано 7 055 (Народное просвещение в РСФСР к 1928/1929 учебному году. С. 45). Наибольший процент из них составляют хулиганские действия. Это явление носило массовый характер, причем пик преступной активности приходился на май–июнь, а основную часть преступлений (около 90 %) совершали учащиеся (ЦАНО. Ф. Р-169. Оп. 1. Д. 52. Л. 4).

Как детские шалости квалифицировались поджоги и мелкие кражи малолетних. Они массово были распространены как в городе, так и сельской местности. Также расценивались игры, граничащие с массовым хулиганством, например так называемые чапаевские нападения, имевшие место в г. Горьком. В них участвовало около 200 человек, представляли они собой драку «стенка на стенку». В сельской местности бесчинства носили более общественно опасный характер. В летний период группы подростков устраивали регулярные поджоги владений крестьян. Поскольку эти преступления не квалифицировались как имущественные, то органы власти рассматривали их как хулиганство, однако от этого их последствия не становились менее опасными.

Существовало различие между преступлениями, совершаемыми несовершеннолетними в сельской местности и крупных населенных пунктах. Так, особенностью детской преступности в городах являлись спекуляция и уличная торговля без патента, подделка документов и проступки. В то же время в сельской местности массовый характер носили самогонокурение и незаконная рубка леса. В целом на деревню приходилось около 50 % преступлений, совершаемых детьми (Государственный архив

Российской Федерации. Ф. А-1575. Оп. 10. Д. 228. Л. 12). Однако, по данным уездных комиссий Вятской губернии, в сельской местности в основном совершались мелкие проступки, тяжелых правонарушений практически зафиксировано не было. Более серьезные преступления совершались в городах и крупных населенных пунктах.

Таким образом, на основании вышеизложенного мы можем заключить, что детская преступность несовершеннолетних в Нижегородском крае в исследуемый период имела разнообразные формы. Для спасения будущего государства ее искоренение необходимо было провести в самые кратчайшие сроки. Однако государством не предпринимались необходимые меры для решения данной проблемы. В результате мы имеем печальный опыт массовой преступности несовершеннолетних, вызванной как тяжелым экономическим, политическим и социальным положением в стране, так и игнорированием властями этого вопроса, что, в свою очередь, способствовало усугублению и без того сложной ситуации как в Нижегородском крае, так и в республике в целом.

Библиографический список

1. Детская беспризорность и детский дом : сб. ст. и материалов Второго Всерос. съезда СПОН. – М., 1926.
2. Детская дефективность, преступность и беспризорность. По материалам Первого Всерос. съезда. 24.05 – 02.07.1920. – М., 1922.
3. Куфаев, В. И. Юные правонарушители / В. И. Куфаев. – М., 1925.
4. Скляр, Л. Преступность несовершеннолетних по новым данным / Л. Скляр // Власть Советов. – 1923. – № 5.

Ю. А. Комнатная,
*соискатель кафедры теории
и истории государства и права
Белгородского государственного
университета*

История науки МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ 2009 г.

Несмотря на 155-летнюю историю, российское международное частное право и

сегодня представляет собой одну из сложнейших правовых наук. Наличие большого количества точек зрения в данной области привело к противоречию в определении понятия международного частного права и его места в системе права. Обращение к истории науки международного частного права позволяет исследовать основания возникновения подобных разногласий.

Научная мысль отечественных юристов дореволюционного периода в области международного частного права отличалась

большим многообразием. В ведущих курсах по гражданскому и международному праву, а также по общей теории права были отражены основные вопросы коллизионного права и выдвинут ряд оригинальных идей. В конце XIX – начале XX в. имена таких ученых, как М. И. Брун, Ю. С. Гамбаров, Н. П. Иванов, П. Е. Казанский, М. Н. Капустин, Д. И. Каченовский, Н. М. Коркунов, К. И. Малышев, А. Н. Мандельштам, Д. И. Мейер, М. И. Мыш, Б. Э. Нольде, А. А. Пиленко, А. А. Рождественский, А. Н. Стоянов, Г. Ф. Шершеневич, О. О. Эйхельман, были знакомы каждому правоведа. В настоящее время они, как и их достижения в области международного частного права, известны лишь единицам.

Рассмотрим юбилейные даты 2009 г., в котором исполняется:

– **190 лет** со дня рождения Дмитрия Ивановича Мейера, известного русского цивилиста, профессора Казанского и Петербургского университетов, автора новой для России системы гражданского права, основ торгового права, основателя отечественной науки конфликтного права, а также ученого, впервые создавшего юридическую клинику;

– **170 лет** со дня рождения Николая Павловича Иванова, ученика Д. И. Мейера и М. Н. Капустина, экстраординарного профессора Казанского университета, юриста-международника, положившего начало развитию русской науки международного частного права;

– **155 лет** со дня рождения Оттона Оттоновича Эйхельмана, одного из видных представителей науки международного права, доктора международного права и магистра государственного права, экстраординарного профессора Демидовского юридического лицея, ординарного профессора кафедры истории важнейших иностранных законодательств древних и новых Киевского университета;

– **140 лет** со дня рождения Алексея Андреевича Рождественского, юриста и социолога, магистра государственного права, профессора Демидовского юридического лицея и Ярославского университета, автора технической теории коллизионного права.

Эти талантливые ученые, отличающиеся широтой взглядов, внесли огромный вклад

в развитие отечественной науки международного частного права. Несомненный интерес представляет не только их научная и педагогическая деятельность, но и биография каждого. Поэтому, прежде чем осветить научные достижения представленных юбиляров, приведем краткие биографические сведения о них.

Д. И. Мейер, сын придворного музыканта, родился в Петербурге 1 сентября 1819 г. После окончания 2-й Петроградской гимназии в 1834 г. он поступил в Главный педагогический институт, где в 1841 г. окончил курс юридических наук с золотой медалью. Как лучший студент в этом же году он был откомандирован в Берлинский университет для усовершенствования в науках. Осенью 1844 г. Д. И. Мейер возвратился в Петербург и после успешной пробной лекции был назначен адъюнктом в Казанский университет. С 1845 г. до конца своих дней он читал русское гражданское право (Певзнер Г. С. Д. И. Мейер – выдающийся русский цивилист // Уч. зап. Каз. гос. ун-та. Казань, 1956. Т. 116, кн. 13. С. 19–20). Степень магистра Д. И. Мейер получил в 1846 г. В 1848 г. после защиты докторской диссертации ученый был удостоен степени доктора, в результате чего его возвели в экстраординарные, а в 1852 г. – ординарные профессора Казанского университета. Написав ряд ценных научных произведений, Д. И. Мейер положил начало созданию казанской школы цивилистов. В декабре 1855 г. он покинул Казанский университет и занял кафедру гражданского права в Петербургском университете. Авторитет ученого был так велик, что «самым сильным аргументом, заставлявшим умолкнуть спорщиков, была ссылка на Мейера: это сказал Мейер, это его мнение» (Гольмстен А. Дмитрий Иванович Мейер. Его жизнь и деятельность. 1819–1856: предисл. к изд. // Мейер Д. И. Русское гражданское право. Пг., 1914). Б. Э. Нольде, отзываясь о работе ученого, писал: «Мейер открыл русской науке конфликтное право, притом по лучшему образцу, существовавшему в то время в западной литературе» (Нольде Б. Э. М. И. Брун (1860–1916) и наука международного права в России // Вестн. гражд. права. 1917. № 3(5). С. 10). «Научно-педагоги-

ческая работа Мейера в области гражданского права оставила глубокий след в развитии этой науки, – отмечал Д. И. Фельдман, – а в той части, которая связана с коллизионными нормами, имела важное значение для возникновения русской науки международного частного права» (Фельдман Д. И. К истории науки международного права в Казанском университете (1804–1917 гг.) // Уч. зап. Каз. ун-та. Казань, 1956. Т. 116, кн. 13. С. 41).

Н. П. Иванов родился в Симбирской губернии в 1839 г. Образование получил в Нижегородской гимназии (Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 2005. С. 429), после которой поступил в Казанский университет на юридический факультет, и окончил его в 1860 г. со степенью кандидата юридических наук (Фельдман Д. И. Указ. соч. С. 43). Для приготовления к профессорскому званию по кафедре международного права был прикомандирован к Московскому университету под руководство М. Н. Капустина. В декабре 1864 г. Н. П. Иванов защитил диссертацию «Основание частной международной юрисдикции», а в январе 1865 г. он получил звание приват-доцента международного права Казанского университета. Помимо международного права ученому было поручено чтение лекций по энциклопедии права. В 1874 г. он был утвержден в степени магистра и получил должность доцента. Экстраординарным профессором Н. П. Иванов стал только в 1884 г., а в 1885 г. ходатайствовал об отставке. К преподавательской и научной деятельности ученый больше не вернулся. Остаток лет он провел в Москве. Б. Э. Нольде утверждал, что «Иванов первый в русской литературе ясно и подробно изложил самую постановку вопроса о конфликтах» (Нольде Б. Э. Указ. соч. С. 11). Отмечая заслуги ученого, Д. И. Фельдман писал: «Важно подчеркнуть, что при всех своих недостатках книга Иванова “Основание частной международной юрисдикции” положила фактически начало развитию русской науки международного частного права» (Фельдман Д. И. Указ. соч. С. 45).

Оттон Оттонович Эйхельман, немец Прибалтийского края, родился в 1854 г. в

имении Георгиевском недалеко от Санкт-Петербурга. Получив гимназическое воспитание в Ревельской губернской гимназии, в 1873 г. поступил в Дерптский университет, который окончил со степенью кандидата юридического факультета в июне 1875 г. В феврале 1878 г. был возведен в степень магистра государственного и международного права, после чего назначен штатным доцентом по кафедре государственного и административного права Демидовского юридического лицея. В 1880 г. О. О. Эйхельман получил степень доктора международного права и его утвердили экстраординарным профессором Демидовского юридического лицея. Девятого апреля 1882 г. ученый был избран экстраординарным профессором на кафедру истории важнейших иностранных законодательств древних и новых Киевского университета св. Владимира, а с 1883 г. он стал ординарным профессором. С 1883 по 1884 г. О. О. Эйхельман состоял Киевским отдельным цензором. В январе 1884 г. ученый перешел на кафедру международного права Киевского университета. С 1885 г. он начал издавать свои лекции по международному праву, а ряд работ был посвящен исключительно вопросам международного частного права (Грабарь В. Э. Указ. соч. С. 435–437).

А. А. Рождественский родился в Москве в 1869 г. По окончании юридического факультета Московского университета был оставлен на кафедре для приготовления к профессорскому званию. В 1911 г. он был зачислен в приват-доценты Московского университета, а в 1913 г. – получил степень магистра государственного права. Уже в 1914 г. ученый состоял профессором Демидовского юридического лицея, а после преобразования лицея в Ярославский государственный университет (с 1918 г.) стал профессором этого университета. Служил он до 1923 г., когда был отчислен из университета по состоянию здоровья (Покровский С. П. Демидовский лицей в его прошлом и настоящем. Ярославль, 1914. С. 247). А. А. Рождественский более известен как специалист общей теории права, однако, исследуя природу коллизионной нормы, предложил собственную теорию понимания международного частного права.

Обращаясь к научной и педагогической деятельности рассматриваемых ученых, следует отметить тот факт, что она осуществлялась в период становления русской науки международного частного права. Интерес к международному частному праву наблюдался в большом количестве научных работ середины XIX – начала XX в. В этот период формируется несколько направлений исследования международного частного права, в частности цивилистическое (К. Н. Анненков, Ю. С. Гамбаров, К. И. Малышев, Д. И. Мейер, М. И. Мыш, И. Е. Энгельман), международно-правовое (В. Э. Грабарь, В. П. Даневский, Н. П. Иванов, П. Е. Казанский, М. Н. Капустин, Д. И. Каченовский, Ф. Ф. Мартенс, А. Н. Стоянов, О. О. Эйхельман, Т. М. Яблочков) и общетеоретическое (А. Д. Градовский, Н. М. Коркунов, В. И. Лебедев, А. Матерсон, Н. К. Ренненкампф, А. А. Рождественский, Е. Н. Трубецкой, В. М. Хвостов, Г. Ф. Шершеневич).

Цивилисты определяли международное частное право как институт гражданского права (К. Н. Анненков, Д. И. Мейер) или его подотрасль (К. И. Малышев). Некоторые рассматривали его исключительно с процессуальной точки зрения (М. И. Мыш, И. Е. Энгельман). Было также высказано мнение, что международное частное право – это лишь комплексная юридическая дисциплина (Ю. С. Гамбаров). Этот взгляд нашел сторонников и среди теоретиков права (В. М. Хвостов).

Особенно жаркие дискуссии по вопросу определения места международного частного права в системе международного права возникли среди юристов-международников. Одни отрицали международное частное право (Д. И. Каченовский). Другие полагали, что международное частное право – это отрасль международного права (В. Э. Грабарь, Н. П. Иванов, П. Е. Казанский, Л. А. Камаровский). Третьи отводили международному частному праву скромное место в предлагаемых системах международного права (В. П. Даневский, М. Н. Капустин, А. Н. Стоянов). Четвертые были сторонниками национального подхода (Л. А. Шаланд, О. О. Эйхельман).

Теоретики права также приняли участие в обсуждении вопросов международного

частного права, которое в общей теории права рассматривалось как коллизии разноместных законов. Относительно понимания международного частного права ученые также разошлись во мнениях. Большинство правоведов определили международное частное право как составную часть международного права (А. Д. Градовский, В. И. Лебедев, А. Мартесон). Некоторые утверждали, что коллизионное право представляет собой догматическое учение и относится исключительно к общей теории права (Н. М. Коркунов, Г. Ф. Шершеневич). Была также высказана точка зрения об отсутствии необходимости развития науки международного частного права (Н. К. Ренненкампф, кн. Е. Н. Трубецкой). А. А. Рождественским была выдвинута оригинальная техническая теория коллизионного права.

Следует отметить, что взгляды Д. И. Мейера, Н. П. Иванова, О. О. Эйхельмана и А. А. Рождественского сыграли значительную роль в становлении отечественной науки международного частного права до революционного периода.

Так, основоположником российского конфликтного права и его цивилистического направления принято называть Д. И. Мейера, который, находясь под влиянием немецкой школы, включил правила установления личных и имущественных прав иностранцев в параграф о пределах действия гражданских законов своей системы русского гражданского права. Однако, согласно замечаниям В. Э. Грабаря, первенство в открытии проблемы конфликтного права принадлежит двум магистрантам Петербургского университета: Благовещенскому («О действии государственных и гражданских законов в международном праве») и Бобровскому («О действии законов гражданских и уголовных одного государства в другом») (Грабарь В. Э. Указ. соч. С. 597). Но в связи с тем, что эти диссертации остались в рукописи, для России Д. И. Мейер явился первым исследователем основ конфликтного права. Раскрывая вопросы возможных коллизий, ученый предлагал использовать теорию трех статутов: *statuta personalia*, *statuta realia*, *statuta mixta* (Мейер Д. И. Русское гражданское право (Чте-

ния Д. И. Мейера). Общая часть. Казань, 1858. Вып. I. С. 56), основываясь при этом на коллизионной теории Савиньи. Относительно формы актов ученый рекомендовал применять общее правило, которое технически выражалось в формуле *locus regit actum*, уточняя, что «акт, совершаемый согласно законам места его совершения, однако, почитается у нас законным не безусловно – по содержанию своему он не должен быть противен общественному порядку и запрещен законами империи; такой акт признается у нас недействительным, хотя бы он соответствовал законам места его совершения» (Там же. С. 62). Тем самым Д. И. Мейер впервые в отечественной науке обозначил проблему применения оговорок о публичном порядке, для которой предлагал универсальное правило: «юридические отношения, признаваемые законами в одной местности, признаются законными в другой, если особым определением законодательства этой другой местности не объявлена незаконность того или другого данного отношения» (Там же). Помимо общих правил коллизионного права ученый подробно рассмотрел правила совершения комиссионной сделки и движения переводных векселей в международной торговле, обычаи морского страхования и фрахта судов, а также вопросы разрешения конкретных коллизий в области внешней торговли (Юридические исследования относительно торгового быта Одессы. Сочинение Д. Мейера. Казань, 1855. С. 5–12).

Однако первым достаточно полным и содержательным исследованием основных положений международного частного права стала диссертация Н. П. Иванова, который будучи учеником Д. И. Мейера интересовался вопросами, возникшими на стыке гражданского и международного права. В своем сочинении он доказывал, что коллизионное право представляет собой самостоятельную отрасль международного права, четко называя ее частным международным правом. Защищая свою позицию, ученый утверждал, что фактически коллизий в пределах одной территории не может быть в силу действия общего закона этого государства (Иванов Н. П. Основание частной международной юрисдик-

ции // Уч. зап. Каз. ун-та. Казань, 1865. Т. I. С. 136–138), поэтому конфликтное право имеет исключительно международный характер. Соглашаясь с Д. И. Мейером, наиболее приемлемой Н. П. Иванов считал теорию Савиньи, усматривая в ней один отрицательный момент, выражающийся в возможном смешении судебной и законодательной власти, что могло привести к подрыву правопорядка государства (Там же. С. 151). Международное частное (или гражданское) право, по мнению Н. П. Иванова, должно строиться на правилах суверенности, взаимности и международного общения (Там же. С. 152). Ученый предложил следующее определение: «международное частное право определяет юридические отношения между частными лицами, принадлежащими различным государствам или же возникшие за границей» (Там же. С. 141). Данная работа положила начало развитию отечественной науки международного частного права.

О. О. Эйхельман занял собственную позицию. Разделяя международное право на две крупные области: естественное международное право и особенное (партикулярное) международное право, – международное частное право ученый относил ко второй части, указывая, что «от каждого государства зависит определить эти отношения по своему усмотрению» (Эйхельман О. О. Очерки из лекций по международному праву. Киев, 1900. С. 5, 6). О. О. Эйхельман утверждал, что «так называемое “международное частное право” (с учением о выдаче преступников и об исполнении судебных поручений и решений), насколько оно относится к международному праву, составляет в системе международного права предмет международных сношений между законодательствами гражданского и уголовного права и процесса различных государств и не требует особого названия, в роде неудачных терминов: “международное частное право” и “международное уголовное право”» (Его же. Введение в систему международного права. Киев, 1889. Вып. I. С. 61). Критикуя общепринятое название, он указывал, что «субстратом, материалом для этого учения является гражданское право», и более поддерживал прежнее на-

звание – «коллизия статутов», начала которой применялись во всех цивилизованных государствах (Его же. Очерки из лекций по международному праву. С. 111, 113). По его мнению, международная унификация норм гражданского права сама по себе исключает международное частное право, так как утрачивается сам смысл коллизионного регулирования. В вопросе «национализации» международного частного права О. О. Эйхельман нашел сторонников среди других юристов-международников (Л. А. Шалланд).

Особое видение международного частного права представил А. А. Рождественский. Его работа, посвященная международному частному праву, большей частью являлась критикой публичной теории М. И. Бруна. Не соглашаясь с основной точкой зрения М. И. Бруна, А. А. Рождественский поддержал последнего в том, что «коллизионные нормы не принадлежат к области частного права» (Рождественский А. А. Два этюда. 1. Что такое, так называемое, международное частное право? М., 1916. С. 13). Однако, по мнению ученого, «они не принадлежат и к сфере публичного права» (Там же). Раскрывая природу коллизионных норм, являющихся основой международного частного права, А. А. Рождественский отмечал, что «теоретики международного частного права считают конфликтные нормы особым видом юридических норм; между тем... эти нормы к числу юридических не принадлежат» (Там же). Ученый основывался на том, что: во-первых, «коллизионная норма не разграничивает взаимных отношений между властью и населением»; во-вторых, «не обосновывает соответствующих субъективных прав населения» (Там же. С. 21). Отрицая юридическую природу коллизионных норм, А. А. Рождественский пришел к следующему выводу: «это – нормы технические, т. е. нормы, устанавливающие опре-

деленный способ для достижения определенной цели, – в данном случае наилучшего разрешения коллизии разноместных законов» (Там же. С. 23). Основываясь на предложенной позиции, ученый отмечал: «Отсюда ясно, как следует отнестись к названию “международное частное право”. Такое название... просто не имеет никакого смысла... А потому, и самой науки международного частного права не существует, а существует лишь учение о коллизии разноместных законов, как гражданских, так и других» (Там же. С. 24–25). Отрицая наличие международного частного права как правовой науки, он, однако, допускает существование и развитие такой правовой дисциплины в рамках изучения международного права. Подобную идею высказывали также цивилист Ю. С. Гамбаров и теоретик В. М. Хвостов.

Таким образом, взгляды дореволюционных юристов и сегодня не утратили своей актуальности и, возможно, с их помощью будет достигнут желаемый компромисс в вопросах международного частного права, которое стало более востребованным в связи с проблемами, возникшими в мировой экономике на современном этапе.

Библиографический список

1. *Грабарь, В. Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / В. Э. Грабарь. – М., 2005.
2. *Иванов, Н. П.* Основание частной международной юрисдикции / Н. П. Иванов // Уч. зап. Каз. ун-та. – Казань, 1865. – Т. I.
3. *Мейер, Д. И.* Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – Пг., 1914.
4. *Рождественский, А. А.* Два этюда. 1. Что такое, так называемое, международное частное право? / А. А. Рождественский. – М., 1916.
5. *Эйхельман, О. О.* Очерки из лекций по международному праву / О. О. Эйхельман. – Киев, 1900.

О. Р. Рузевич,
*ассистент кафедры уголовного права
и процесса факультета права и психологии
Владимирского государственного
университета*

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УГРОЗЫ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В философии сравнение рассматривается как познавательная операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов, как один из основных логических приемов познания внешнего мира. С помощью данного приема выявляются количественные и качественные характеристики предметов, классифицируется, упорядочивается и оценивается содержание познания. Сравнить – значит сопоставить «одно» с «другим» с целью выявить их возможные отношения; посредством сравнения мир постигается как «связное разнообразие». Простейший и важнейший тип отношений, выявляемых путем указанной операции, – это отношения тождества и различия (Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева. М., 1983. С. 650).

В уголовном праве сравнение (сравнительно-правовой метод) выступает средством изучения уголовно-правовых явлений, применяемым в различном сочетании с другими методами научного познания. Выделяются два вида сравнительно-правовых исследований: нормативное и функциональное.

Нормативное сравнение предполагает анализ сходных правовых норм, институтов, законодательных актов. «Иногда такой подход трактуется как формально-юридический (догматический) анализ, доктринальные традиции которого были заложены юридическим позитивизмом еще на заре возникновения сравнительного правоведения в XIX в. Сравнительное правоведение концентрировало свое внимание на норме права, и прежде всего законе (в ши-

роком смысле слова), и не выходило за пределы законодательства и иных правовых норм» (Саидов А. Х. Сравнительное правоведение. М., 2007. С. 15).

Функциональное сравнение характеризует социологический подход к познанию правовых явлений. В этом случае «охватывается значительно более широкий, чем при нормативном сравнении, круг вопросов, в том числе и о практике применения правовых норм, позициях юридической доктрины. Сравнение идет не от нормы к социальному факту, а наоборот, от социального факта к его правовому регулированию» (Там же. С. 17).

Следует отметить, что законодательство занимает значительное место в современной компаративистике. Это обусловлено тем, что оно находится у истоков сравнительного правоведения, которое, в свою очередь, позволяет достичь ряд целей, в частности: познавательную, информационную, аналитическую, интегративную и др. (Подробно об этом: Бехруз Х. Сравнительное правоведение. Одесса ; М., 2008 ; Ведерникова О. Н. Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. № 1 ; Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1996 ; Есаков Г. А. Основы сравнительного уголовного права. М., 2007 ; Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). М., 1998 и др.).

Сравнение законодательного регулирования угрозы в преступлениях против собственности в зарубежном уголовном праве ориентировано в первую очередь на развитие российского уголовного права, решение стоящих перед ним задач, унификацию уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за сходные деяния.

Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (далее: МУК СНГ) (Информ. бюл. государств – участников СНГ. 1996. № 10) в нормах об ответственности за

грабеж (ст. 245), вымогательство (ст. 246), разбой (ст. 247) и завладение автомобилем или ценным имуществом без цели хищения (ст. 249) рекомендовал содержание угрозы сформулировать соответственно следующим образом: а) совершение насилия, не опасного для жизни и здоровья; б) оглашение позорящих сведений о лице или его близких, предание гласности сведений о таких обстоятельствах, которые потерпевший желает сохранить в тайне, а также применение насилия над лицом или его близкими либо уничтожение (повреждение) имущества лица, его близких и других лиц, в ведении или под охраной которых находится это имущество; в) применение насилия, опасного для жизни или здоровья; г) применение насилия, не опасного для жизни или здоровья (квалифицированный состав), и применение насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего (особо квалифицированный состав). Таким образом, уже изначально законодатели государств – участников СНГ были ориентированы на создание норм об ответственности за указанные преступления, предусматривающих различные по содержанию угрозы, причем перечень их видов носит не оправданно исчерпывающий характер, т. е. является закрытым.

Рекомендации МУК СНГ в национальном законодательстве были реализованы с учетом политических, идеологических, экономических и социальных интересов государств, а также законодательных традиций, которые за годы советской власти, по сути, были нивелированы, а новые за короткое время самостоятельной государственности в полной мере еще не сложились.

Так, УК Азербайджанской Республики (СПб., 2001) лишь частично основан на указанных модельных нормах. Во-первых, ст. 180 УК Азербайджанской Республики в качестве квалифицирующего признака грабежа вообще не предусматривает угрозу; во-вторых, в вымогательстве ее содержание изложено иначе: в частности, в ст. 182 говорится об угрозе распространения только таких сведений, которые позорят потерпевшего или его близких родственников.

В УК Республики Армения (Ереван, 2004) формулировка угрозы в нормах об

ответственности за анализируемые преступления в целом совпадает с МУК СНГ. Однако содержание угрозы предания гласности нежелательной для потерпевшего информации, по нашему мнению, изложено точнее, так как в законе имеется указание не только на порочащие сведения, но и на сведения, которые причиняют существенный вред правам и законным интересам лица или его близких (ст. 182 УК Республики Армения). Таким образом, законодатель расширил перечень способов совершения вымогательства и тем самым обеспечил дополнительную защиту психической неприкосновенности личности.

Аналогичное содержание угрозы закреплено в ст. 170 УК Киргизской Республики (СПб., 2002).

В соответствии со ст. 181 УК Грузии (СПб., 2002) угроза включает сведения, разглашение которых может причинить вред правам потерпевшего, а также его близким родственникам. Также сформулировано содержание угрозы в составе вымогательства по УК Республики Казахстан (ст. 181) (Алматы, 2005).

Согласно ст. 208 УК Республики Беларусь (Минск, 2008), ст. 250 УК Республики Таджикистан (СПб., 2001) и ст. 165 УК Республики Узбекистан (СПб., 2001) ответственность за вымогательство в целом связывается с угрозой, содержание которой совпадает с нормой, рекомендованной МУК СНГ. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что при характеристике угрозы как самостоятельного преступления (ст. 186) белорусский законодатель уничтожение или повреждение имущества связывает только с общеопасным способом, а в ст. 208 УК такого ограничения не вводит, что представляется более обоснованным решением. Кроме того, угроза в преступлении, предусмотренном ст. 214 УК Республики Беларусь, выступает лишь в качестве квалифицирующего признака, при этом насилие, которым угрожают потерпевшему, не дифференцируется.

Особо следует выделить позицию законодателя Республики Молдова. Если в части уголовно-правового регулирования угрозы в грабеже и разбое в целом нет различий как с МУК СНГ, так и с уголовным за-

конодательством других стран, то относительно вымогательства подход совершенно иной. Во-первых, это преступление именуется шантажом. Во-вторых, его законодательная формула также имеет существенные отличия. Согласно ст. 189 УК Республики Молдова (Кишинев, 2002) под шантажом понимается «требование передачи имущества собственника, владельца или пользователя либо права на него или совершения иных действий имущественного характера под угрозой насилия над лицом или его родными и близкими либо оглашения позорящих их сведений, а равно под угрозой повреждения или уничтожения имущества собственника, владельца или пользователя или их родных и близких».

Таким образом, по УК Республики Молдова адресат угрозы уничтожения или повреждения имущества, на наш взгляд, указан точнее. Данный подход может быть заимствован отечественным законодательством в целях совершенствования характеристики угрозы по УК РФ.

Кроме того, надо иметь в виду, что виды преступлений против собственности в УК Республики Молдова, в которых угроза выступает в качестве одного из способов совершения деяния, представлены шире, чем, например, в УК РФ. Так, в качестве самостоятельного преступления выделяется завладение чужой недвижимостью, квалифицирующим признаком которого является угроза применения насилия (п. «с» ч. 2 ст. 193 УК Республики Молдова).

Далее, по УК Республики Молдова, УК Республики Узбекистан и УК Украины (URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243122&subID=100105882>) угон транспортного средства без цели его хищения признан преступлением, посягающим не на собственность, а на безопасность функционирования транспорта, соответственно нормы об этом деянии помещены в гл. XXII «Транспортные преступления» (ст. 273), гл. XVIII «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (ст. 267) и разд. XI «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта» (ст. 289).

По УК Украины описание угрозы в квалифицированном виде грабежа и разбоя

полностью совпадает с угрозой, указанной как в модельных нормах, так и нормах УК РФ. Содержание же рассматриваемого признака в вымогательстве представлено шире: в него также включена угроза «ограничения прав, свобод или законных интересов» потерпевшего или его близких родственников (ст. 189 УК Украины).

Таким образом, различия в правовом регулировании угрозы в преступлениях против собственности по уголовному законодательству государств – участников СНГ, по сути, имеются только в отношении вымогательства.

Психическое насилие в виде угрозы выделяется всеми без исключения правовыми системами мира (романо-германской, англо-американской, скандинавской, мусульманской, социалистической и смешанной) (Правовые системы стран мира : энцикл. справ. / отв. ред. А. Я. Сухарев. М., 2000. С. 111).

При анализе уголовного законодательства зарубежных стран следует иметь в виду, что уголовно-правовые нормы, в которых предусматривается ответственность за применение психического насилия, подразделяются на два вида:

- 1) общие – если такое преступное деяние совершает общий субъект в отношении любого потерпевшего и «в обычной обстановке»;
- 2) специальные – когда преступление совершает специальный субъект в отношении потерпевшего, обладающего определенными признаками, указанными в законе, и «в конкретной обстановке».

В качестве общих норм уголовное право зарубежных стран рассматривает угрозу совершения какого-либо деяния и принуждения потерпевшего к совершению каких-либо действий или воздержанию от их совершения. Такие виды преступлений характерны для уголовных кодексов большинства стран, но при формулировке диспозиций уголовно-правовых норм имеются различия по способам принуждения потерпевших, видам и формам высказывания, субъектам преступления.

В европейских странах бывшего социалистического лагеря сохранилось влияние социалистического уголовного права, а в некоторых из них в обновленном виде действуют те же кодексы, что и ранее.

Например, УК Республики Болгария (СПб., 2001) в ч. 2 ст. 198 дает общую дефиницию угрозы как способа совершения грабежа: это «запугивание непосредственным совершением такого деяния, которое представляет серьезную опасность для жизни и здоровья, чести или имущества угрожаемого или какого-либо другого присутствующего лица».

Оценивая сущность угрозы в грабеже, частично соответствующей степени опасности в разбое по УК РФ, надо иметь в виду, что болгарское уголовное законодательство не выделяет разбой в качестве самостоятельного преступления против собственности.

Кроме того, согласно УК Республики Болгария в вымогательстве перечень видов угроз и их направленность носят открытый характер, что, как представляется, соответствует складывающейся криминологической характеристике данного преступления, в том числе в России. Так, в ст. 213а УК Республики Болгария говорится: «Кто... угрожает насилием, разглашением позорящих обстоятельств, повреждением имущества или другим противозаконным действием с тяжкими последствиями для него или его родственников...». Кроме того, выделяется угроза убийством или причинением тяжкого телесного повреждения (п. 1 ч. 2 указанной статьи).

Наряду с конкретной угрозой как способом совершения преступлений против собственности в УК Республики Болгария имеются нормы, в которых содержание угрозы не раскрывается. Например, в ст. 214, предусматривающей ответственность за вымогательство, способом преступления названа угроза как таковая. Аналогичная ситуация наблюдается в описании изъятия из владения другого лица без его согласия чужого механического транспортного средства с намерением его использовать (деяние отнесено к числу преступлений на транспорте и других путях сообщения – ст. 346 УК Республики Болгария). В этом случае судебское усмотрение, по сути, будет складываться на основе оценки ряда обстоятельств, в том числе фактического насилия, применяемого при совершении преступления. Однако содержание последнего в законе также не раскрыто. Подобный подход к характеристике конstitutивных признаков состава преступления вряд ли можно оценить положительно.

Аналогичный прием законодательной техники используется в УК Республики Польша (СПб., 2001). Так, при характеристике разбоя в § 1 ст. 280 дается лишь ссылка на угрозу как один из способов его совершения без конкретизации содержания, а при описании преступления, заключающегося в удержании изъятой вещи непосредственно после совершения кражи, указывается угроза немедленного применения насилия (ст. 281).

В некоторых нормах польский законодатель называет направленность угрозы на определенные интересы личности, однако при этом использует комбинированный прием описания способа совершения преступления. Например, в ст. 282 УК Республики Польша ответственность за принуждение другого лица с целью получения имущественной выгоды распорядиться собственным или чужим имуществом либо прекратить хозяйственную деятельность связывается как с конкретной угрозой (посягательство на жизнь), так и с ее неконкретизированными видами (посягательство на здоровье, насильственное посягательство на имущество). К числу последних относится и указание на угрозу немедленного применения насилия (§ 3 ст. 289).

Оценивать сущность угрозы в преступлениях против собственности по УК Республики Польша следует в совокупности с ее определением, данным в § 12 ст. 115, содержащим разъяснение понятий, употребляемых в законе, и § 1 ст. 190, предусматривающим ответственность за угрозу как самостоятельное преступление. В общем виде угроза в УК Республики Польша сформулирована следующим образом: «Противозаконной угрозой является как угроза, о которой говорится в ст. 190, так и угроза возбудить уголовное преследование или разгласить сведения, оскорбляющие честь угрожаемого или самых близких ему лиц»¹. В качестве деяния угроза заключается в совершении преступления во вред угрожаемому или его самому близкому лицу, если она вызывает обоснованные опасения ее реализации.

¹ По УК Республики Польша самыми близкими лицами являются: супруг, родственники по восходящей и нисходящей линии, братья и сестры, свойственники по той же линии или степени, усыновленные и их супруги, а также совместно проживающие лица.

Необходимо подчеркнуть, что способ описания угрозы в кодексах европейских стран практически одинаков. Например, в § 281 УК Дании (М., 2001) выделяются два ее вида:

1) угроза насилием, значительным повреждением товаров или лишением свободы, ложным обвинением в совершении наказуемого деяния или в бесчестном поведении, оглашением информации, относящейся к частной жизни;

2) угроза ложным обвинением в совершении наказуемого деяния или в бесчестном поведении «в целях получения для себя или других лиц выгоды, которая не была подтверждена действием, которое было причиной для угрозы».

Наряду с этим датский законодатель достаточно часто использует другой прием – указывает угрозу в самом общем виде, например, насилие при грабеже (§ 288 УК Дании).

Аналогично содержание угрозы сформулировано в ст. 195 УК Республики Сан-Марино (СПб., 2002). Кстати сказать, во всех других преступлениях, где угроза выступает способом их совершения, в данном кодексе она не конкретизирована. Даже применительно к угрозе как преступлению в законе не дается ее развернутого определения, а лишь отмечается: «Угроза причинить несправедливый ущерб другому лицу...» (ст. 181).

В ряде норм об ответственности за преступления против собственности Закона об уголовном праве Израиля (СПб., 2005) угроза также указывается в общем виде («угрожает применить насилие к лицу или к имуществу» – (алеф) ст. 402; применение угрозы – ст. 404).

Законодатель Израиля выделяет два вида вымогательства: а) вымогательство, совершаемое путем применения силы (ст. 427), б) вымогательство, совершаемое путем угроз (ст. 428). В последнем случае направленность угрозы, ее формы и содержание представлены достаточно широко. Подобная их характеристика, пожалуй, не встречается в уголовном законодательстве других государств. Так, в ст. 428 говорится: «Тот, кто письменно, устно либо своим поведением угрожает лицу незаконным причинением вреда телу, свободе, имуществу, заработку, репутации либо частной жизни угрожаемого или иного лица, а равно уг-

рожает лицу распространить либо воздержаться от распространения информации, касающейся его или иного лица, а равно наводит ужас на лицо иным способом...».

Приведенная характеристика угрозы имеет одну особенность. Законодатель не ограничивает ее информационной формой и включает в нее *поведение*, т. е. физическую форму воздействия на потерпевшего. Вероятно, в этом случае указанное поведение фактически также направлено на *сообщение* потерпевшему о возможных неблагоприятных для него последствиях, служит сигналом об этом. Ради этого оно и применяется.

Российские же специалисты считают, что при угрозе возможен только информационный способ воздействия (Подробно об этом: Бойцов А. И. Понятие насильственного преступления // Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с насильственной преступностью / отв. ред. Н. А. Беляев, Д. А. Шестаков. Л., 1988. С. 143 ; Панов Н. И. Способ совершения преступления и уголовная ответственность. Харьков, 1982 и др.).

В УК Испании (М., 1998) для обозначения рассматриваемого признака в ряде норм о преступлениях против собственности используется такой термин, как «запугивание» (ст. 238, 239, 242). Его содержание в законе не раскрывается. Кроме того, в уголовно-правовых нормах нет и достаточных так называемых демонстрационных признаков, на основании которых можно было дать толкование угрозы как способа совершения преступления. Единственная оговорка содержится в п. 3 ст. 242, где указано: «Если значение... запугивания было незначительным... наказание может назначаться на степень меньше, чем предусмотрено первым пунктом этой статьи».

Таким образом, определение как содержания угрозы, так и ее значения испанский законодатель полностью отдал на усмотрение правоприменителя, что вряд ли можно считать оправданным.

Норвежский законодатель при использовании угрозы в качестве криминообразующего признака исходит из возможности вызывать «серьезный страх перед насилием» (§ 267 Уголовного законодательства Норвегии (СПб, 2003)), а в некоторых случаях просто указывает на ее наличие.

В УК ФРГ (М., 2000) также чаще всего используется последний из числа указанных выше законодательных приемов описания угрозы (п. «b» ч. 2 § 244, п. «с» ч. 1 § 250 и др.). Вместе с тем в ряде норм говорится об угрозе «реальной опасности для жизни и здоровья» (§ 249 и др.), «причинения значительного вреда» (§ 240 и др.).

Законодатель Швейцарии для обозначения рассматриваемого способа совершения преступления против собственности оперирует понятиями угрозы наличной опасности для жизни или здоровья (ст. 140 УК Швейцарии (М., 2000)) и причинения серьезного вреда (ст. 156 УК Швейцарии).

УК Франции (СПб., 2002), как и законодательство ряда других стран Европы, не выделяет грабеж и разбой в самостоятельные виды преступления, а объединяет открытые и насильственные посягательства против собственности в общей группе краж, дифференцируя последние на простые и отягощенные. Последние совершаются, в частности, путем применения физического насилия. Угрозу же в качестве способа законодатель не предусматривает вообще.

Иранский законодатель также не раскрывает содержание угрозы. В п. 5 ст. 651 и ст. 652 Закона об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран (СПб., 2008) говорится об угрозе применения насилия вообще. Следует отметить, что в виде преступления угроза представлена шире – как «выраженная любым способом в отношении другого лица или его близких родственников угроза причинения вреда жизни и здоровью, чести и достоинству или имуществу либо разглашения тайны частной жизни...» (ст. 669).

В Балтийских странах (Латвии, Литве и Эстонии) выделяются разные виды преступлений против собственности, в которых угроза выступает конструктивным признаком состава преступления. По УК Латвии (СПб., 2001), например, открытое хищение имущества признается не грабежом, а кражей, законодательная формула которой не предусматривает анализируемого признака (ст. 175). В разбое содержание угрозы не конкретизировано, а говорится об угрозе насилия (ст. 176).

По нашему мнению, более удачна характеристика угрозы в вымогательстве (ст. 183 УК

Латвийской Республики) в первую очередь из-за указания в законе на возможность причинения иного существенного вреда. Сделав перечень видов угроз открытым, латвийский законодатель практически снял многие проблемы, которые возникают в правоприменительной деятельности в России. Например, ряд видов угрозы, имеющих значительно большее воздействие на потерпевшего, в результате которых была подавлена его воля, не охватываются УК РФ (изнасилование малолетней или несовершеннолетней дочери, похищение престарелых родителей, детей и т. д.), что вряд ли можно признать обоснованным.

В УК Эстонской Республики (СПб., 2001) в грабеже и разбое угроза представлена так же, как и в УК РФ (ст. 140 и 141), в то время как в вымогательстве ее содержание несколько шире: наряду с обстоятельствами, указанными российским законодателем, в эстонском уголовном законодательстве выделена угроза ограничением свободы личности (ст. 142 УК Эстонской Республики).

Ни в одном из уголовных законов, кроме УК Индии (М., 2007), не даются понятие психического насилия и его отграничение от физического насилия. Согласно ст. 349 УК Индии лицо считается применяющим насилие к другому лицу, если оказывает воздействие на него само или посредством предмета, причем потерпевший должен ощущать его органами чувств.

Статья 350 УК Индии определяет преступное насилие как физическое или психическое воздействие на потерпевшего.

Психическое насилие согласно УК Индии состоит из двух стадий:

1) возникновение у потерпевшего только опасения, что ему может быть причинен вред, который называется «угрозой преступным насилием»;

2) возбуждение у лица страха по поводу неминуемого, немедленного причинения ему вреда (ст. 351).

Недостатком такого деления, на наш взгляд, является отсутствие в законе толкования понятий «опасение» и «чувство страха». По-видимому, под опасением следует понимать возникновение у потерпевшего состояния тревоги как результат нарушения его психической неприкосновенности.

УК Республики Аргентина (СПб., 2003) не выделяет разбой в качестве самостоя-

тельного преступления. В гл. II разд. VI «Ограбление» включено несколько норм, которые охватывают (исходя из положений российского уголовного законодательства) как собственно грабеж, так и разбой. Например, ст. 165 и 166 УК Республики Аргентина предусматривается ответственность за ограбление, если в целях его совершения или в связи с его совершением было осуществлено убийство потерпевшего либо применено насилие, в результате которого причинены телесные повреждения, указанные в ст. 90 и 91 данного Кодекса (полная утрата трудоспособности, неизлечимая душевная болезнь, потеря органа либо утрата органом функций и др.). Подобные действия по УК РФ признаются разбоем.

Угроза как способ совершения деяния упоминается в ст. 168 и 169 УК Республики Аргентина: в первом случае как «запугивание», во втором – как «выдвижение порочащих достоинство обвинений или разглашения секретов». В последнем варианте содержание угрозы в принципе сопоставимо с ее содержанием в вымогательстве, предусмотренном УК РФ.

Следует отметить, что УК Аргентины, используя понятие угрозы, порой не указывает, на какие интересы личности, охраняемые правом, она направлена. Так, в нормах о преступлениях против половой свободы говорится об угрозе вообще (ст. 119, 125, 125/2, 127/3, 130), угрозе и любых других способах запугивания или принуждения (ст. 126, 127, 127/3); аналогичным образом сформулированы нормы о преступлениях против свободы (ч. 1 ст. 142). В некоторых уголовно-правовых нормах указывается цель угрозы – «вызвать тревогу или страх у одного или нескольких лиц» (ч. 1 ст. 149/2), «заставить другое лицо против его воли совершить или допустить совершение определенного действия» (ч. 3 ст. 149/2), «заставить принять какие-либо меры или получить уступки от какого-либо представителя государственной власти» (п. «а» ч. 2 ст. 149/3), «заставить человека покинуть страну, какую-либо провинцию или место постоянного проживания или работы» (п. «б» ч. 2 ст. 149/3) и др. Кроме того, выделяется так называемая анонимная угроза (ч. 2 ст. 149/2, ч. 1 ст. 149/3).

Своеобразно представлена угроза в рассматриваемых преступлениях в УК Австра-

лии (СПб., 2002). Так, согласно ч. 1 ст. 132.2 «лицо является виновным в преступлении, если данное лицо совершает кражу и ... («ii») угрожает использовать силу прямо здесь по отношению к другому лицу...».

Пожалуй, только в УК Таиланда (М., 2005) в качестве последствия грабежа указывается на причинение психического вреда здоровью, однако при этом в уголовно-правовой норме психическое насилие или угроза не признаются способом совершения преступления (ст. 336).

В вымогательстве, шантаже, разбое и групповом разбое (ст. 337–339 УК Таиланда) угроза представлена по-разному: от перечисления интересов личности, которым угрожающий намеревается причинить вред (совершить акт насилия против жизни, здоровья, свободы, репутации или собственности принуждаемого или третьего лица, выдать секрет), до ее констатации в самом общем виде (акт насилия).

По УК Турции (СПб., 2003) угон транспортного средства признается видом кражи. Так, в ст. 494 говорится: «Кража... если она совершена: 1) в отношении частного транспортного средства, которое после краткосрочного использования возвращено владельцу или оставлено в таком месте, где владельцем без труда может быть обнаружено, или которое было взято с явным намерением вернуть обратно...». Как видим, в законодательную характеристику данного преступления угроза не включена. В нормах о грабеже и разбое она закреплена в виде физической расправы или причинения крупного материального ущерба (ст. 495 и 496), «крупного ущерба жизни, чести или имуществу другого лица» (ст. 498).

В ст. 197 УК Турции законодатель указывает на угрозу применения оружия. По существу, в этом случае виновный угрожает не тем, что нарушит какие-либо интересы потерпевшего, а применением оружия, тем самым усиливая психологическое воздействие на жертву. Полагаем, такой подход к законодательному закреплению угрозы заслуживает внимания российского законодателя.

В УК стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Республики Корея, Японии и др.) также нет единого подхода как к определению видов преступлений против собственности, так и закреплению содержания рас-

смаатриваемого признака. Например, УК Китайской Народной Республики (Владивосток, 1999) к преступлениям против имущества, совершаемым путем угроз, относит грабеж (ст. 263) и вымогательство (ст. 274). В первом случае законодатель ее просто упоминает наряду с другими способами совершения преступления, не конкретизируя при этом ни ее направленность (также поступает законодатель Японии – ст. 236 УК Японии (Владивосток, 2000)), ни ее содержание, а во втором случае именует ее шантажом.

УК Республики Корея (СПб., 2004) ни в конструкции вымогательства (ст. 350), ни в противоправном использовании автомобиля и тому подобных предметов (ст. 331-2) не называет угрозу в качестве признаков преступления. Лишь в ст. 335, предусматривающей ответственность за особо квалифицированную кражу, об угрозе говорится как о запугивании («лицо, которое использует... запугивание с целью невозвращения собственнику украденного имущества...»).

Дефиниция вымогательства в ст. 249 УК Японии изложена в самой общей форме: «Тот, кто путем вымогательства побудил другое лицо к передаче имущества...». Такая характеристика преступления практически делает судебное усмотрение в трактовке его содержания необоснованно широким. При этом возможность совершения данного деяния путем угрозы, вероятно, не исключается, поскольку ее применением можно побудить другое лицо к указанным действиям против своей воли.

Между тем надо иметь в виду, что в УК Японии имеется специальная гл. 32 «Преступления, состоящие в угрозах», содержащая две статьи. В первой из них (ст. 222) раскрывается содержание угрозы как преступления: «Лица, угрожавшие другим людям тем, что может быть причинен вред их жизни, здоровью, свободе, чести или имуществу». Во второй (ст. 223) говорится о принуждении, которое наряду с насилием включает и угрозу, по содержанию совпадающую с угрозой, описанной в предыдущей статье.

Таким образом, сравнительный анализ уголовно-правового регулирования угрозы в преступлениях против собственности по законодательству зарубежных стран позволяет сделать следующие выводы:

1. В МУК СНГ законодатели государств-участников изначально были ориентированы на создание норм об ответственности за преступления против собственности, предусматривающих различные по содержанию угрозы, причем перечень их видов носит не оправданно исчерпывающий характер, т. е. является закрытым.

2. В процессе дальнейшего совершенствования уголовного законодательства России целесообразно учесть опыт:

а) УК Республики Армения – в части описания угрозы predания гласности нежелательной для потерпевшего информации, содержащей указание не только на порочащие сведения, но и на сведения, которые причиняют существенный вред правам и законным интересам лица или его близких (ст. 182);

б) УК Республики Молдова – в части указания на угрозу повреждения или уничтожения имущества собственника, владельца либо пользователя или их родных и близких (ст. 189);

в) УК Украины – в части формулировки общих начал назначения наказания с учетом степени тяжести совершенного преступления (ст. 65); выделения угрозы ограничения прав, свобод или законных интересов потерпевшего или его близких родственников (ст. 189);

г) УК Турции – в части криминализации угрозы применения оружия (ст. 197).

3. Признание по законодательству ряда государств угона транспортного средства преступлением против безопасности движения или эксплуатации транспорта не отражает социальной направленности действий виновного, сущность нарушаемых общественных отношений, так как не всякое самовольное изъятие автомобиля влечет нарушение указанных отношений.

Библиографический список

1. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств // Информ. бюл. государств – участников СНГ. – 1996. – № 10.

2. Правовые системы стран мира : энцикл. справ. / отв. ред. А. Я. Сухарев. – М., 2000.

3. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение / А. Х. Саидов. – М., 2007.

А. Л. Сергейчик,
преподаватель кафедры
естественно-научных дисциплин
Пермского института ФСИИ России

**ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
РЕЖИМОВ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ И
ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ФСИН России**

Становление на Западе основ информационного общества, использование информационных технологий в сфере государственного управления позволили в 1960-е гг. систематизировать и обрабатывать огромный объем персональных данных. Это способствовало повышению оперативности в деятельности исполнительной власти, принятию выверенных стратегических и оперативных решений в экономической, политической, социальной и иных сферах общественной жизни.

В то же время формирование сферы *privacy* (секретность) потребовало жесткой правовой регламентации процессов сбора, обмена, хранения, актуализации и уничтожения соответствующей информации. Значимый объем международных источников правового регулирования *privacy* объясняется востребованностью единого концептуального начала в установлении стандартов ее формирования и использования и в первую очередь в сфере деятельности исполнительной власти. Инициатива в правовом регулировании данной сферы принадлежит Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСД), Евросоюзу, Организации американских государств, Сообществу стран Шенгенского соглашения («Шенгенское информационное пространство»), Международной торговой палате.

Концептуальным источником правового регулирования сферы *privacy* является Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера (Конвенция о защите физических лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера (ETS № 108), заключена в г. Страсбурге 28 янв. 1981 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты

прав человека и борьбы с преступностью. М., 1998. С. 106–114). Подписавшие данную Конвенцию государства обязуются формировать национальные правовые режимы персональных данных.

Персональные данные в названной Конвенции определяются как любая информация, относящаяся к некоему идентифицированному или доступному для идентификации индивидууму (субъекту данных). Такое исключительно широкое определение данного понятия предоставляет государствам–участникам Конвенции возможность свободы определения данного понятия и его структурирования в национальном законодательстве (Соколова О. С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 169).

Рассматривая некоторые особенности национальных правовых режимов персональных данных, можно отметить, что, например, Австрийское законодательство определяет их как данные, которые могут быть отнесены к идентифицируемому лицу или лицу, имеющему высокую вероятность идентификации. В Дании это понятие включает также наличие персонального регистрационного номера и/или средств идентификации лица (Иванский В. П. Правовая защита информации о частной жизни граждан. Опыт современного правового регулирования. М., 1999. С. 119). В соответствии со ст. 1(3) закона Великобритании «Акт о защите баз данных» указанное понятие определяется как информация о физическом лице, которое может быть идентифицировано с помощью такой информации, включая любое выраженное мнение о данном лице, но без указания о намерениях пользователя данных в отношении этого лица. Согласно ст. 4 закона Франции № 78-17 «Об обработке данных, файлов данных и индивидуальных свободах» персональные данные — данные, которые позволяют в любой форме, прямо или косвенно, установить личность физического лица, в отношении которого эти данные собраны, независимо от того, физическим или юридическим лицом они были обработаны.

Таким образом, правовой режим персональных данных в зарубежных странах ос-

нован на общих принципах, зафиксированных в нормах международного права, и реализуется на уровне национального законодательства.

Рассматривая вопрос о правовом регулировании режима служебной тайны, необходимо обратить внимание на то, что в ряде государств существует единая концепция правового регулирования общественных отношений по поводу информации, функционирующей в режиме тайны, в самом обобщенном значении этого слова. Так, присущая российскому законодательству дифференциация информации ограниченного доступа на сведения, функционирующие в режиме государственной тайны, и конфиденциальную информацию не свойственна Великобритании, США, Албании, Болгарии, Чехии и другим странам.

Например, законодательство Великобритании относит к конфиденциальной информации любые сведения, которые по инициативе субъекта права подлежат ограниченному доступу, – это технические и коммерческие секреты, сведения об управленческой, профессиональной деятельности, маркетинговые исследования, политическая информация, личная тайна. Исходя из положений закона «О нарушении конфиденциальности» конфиденциальная информация имеет следующий признак: она не является общественным достоянием, т. е. не имеет особой значимости для обеспечения общественной безопасности, раскрытия криминальных, деликтных, иных незаконных действий (Власова О. В. Законодательство Великобритании: охрана коммерческой тайны и другой конфиденциальной информации // Хозяйство и право. 2001. № 8. С. 113). Общественным достоянием считается та информация, которая способствует, например, реализации следственных полномочий, отправлению правосудия. В 2005 г. в Великобритании вступил в силу закон «О свободе информации», где установлен перечень видов информации (23), которая может функционировать в режиме тайны (сведения, обеспечивающие интересы безопасности Соединенного Королевства, сведения об уголовном расследовании, о коммерческих секретах, идентифицирующие данные и т. д.). Вся другая инфор-

мация является общедоступной (Богдановская И. Ю. Конституционное государство в условиях информационного общества (зарубежный опыт). Административное и информационное право (состояние и перспективы развития). М., 2003. С. 252). Законодательством США к служебной информации отнесены сведения о новых изобретениях, иная коммерческая информация, «ноу-хау» в управленческой деятельности, информация, полученная из отчетов, докладов, сведений, представляемых в государственные структуры, и т. д. В Германии общим критерием отнесения информации к секретным служебным сведениям является публичная потребность в ее ограниченном обороте, которая определяется исходя из возможных отрицательных последствий для страны в целом или ее земель, а также в случае потенциальной угрозы публичным интересам.

Режим конфиденциальной информации, используемой в сфере деятельности исполнительной власти, следует признать достаточно жестким исходя из требований информационной безопасности, которые аналогичны системам защиты военной информации. Это стандарты информационной безопасности (Evolution Criteria for IT Security ICO I IEC 15408 – 1,2,3 1999\Е), которые предполагают такие параметры, как широта, глубина, централизация защиты, контроль за распределением информации, кадровая безопасность. Это связано с политикой НАТО, направленной на засекречивание большого объема информации об управленческих решениях в сфере деятельности исполнительной власти (Роберте А. НАТО, секретность и право на информацию // Конституц. право. Восточно-европ. обозрение. 2003. № 2. С. 36), которые напрямую к военным секретам не относятся, но их принятие обусловлено политикой военной и информационной безопасности данной организации.

Международным законодательством регламентирован порядок обмена конфиденциальной информацией в административной сфере. Основные принципы такого обмена были сформулированы в 1978 г. в Европейской конвенции о получении за рубежом информации и свидетельств по административным вопросам (Европейская конвенция о получении за рубежом инфор-

мации и свидетельств по административным вопросам (ETS № 100), заключена в г. Страсбурге 15 марта 1978 г. // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М., 1988. С. 362–369).

Основной целью данного документа является упрощение системы получения информации по административным вопросам. Названная Конвенция не регулирует отношения по поводу получения информации в уголовной и финансовой сфере, однако не препятствует распространению ее положений и на данные правоотношения, если это иницируется участником Конвенции в отношении имеющейся у него информации.

Межгосударственный обмен конфиденциальной информацией в административной сфере на территории Содружества Независимых Государств регламентируется Соглашением о сотрудничестве в формировании информационных ресурсов и систем, реализации межгосударственных программ государств – участников СНГ в сфере информатизации от 24 декабря 1999 г., разработанным Экономическим советом СНГ (Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://www.pravoteka.ru>). В рамках данного Соглашения предусмотрено формирование систем электронного сообщения на основе международных стандартов ООН ЭДИФАКТ, защита информационных ресурсов по согласованным сферам деятельности, осуществление взаимодействия по совершенствованию системы информационной безопасности государств-участников Соглашения, разработка совместных принципов и механизмов доступа к информационным ресурсам.

Дальнейшее развитие правовых основ функционирования конфиденциальной информации в деятельности пенитенциарных учреждений, с учетом опыта их применения в зарубежных странах, должно осуществляться по следующим направлениям:

1. Принятие базовых законов о персональных данных и служебной тайне, унификация на их основе действующего законодательства и правовых актов пенитенциарной системы России.

2. Создание системы органов, уполномоченных на защиту персональных дан-

ных, регистраторов и контролеров банков персональных данных.

3. Создание системы отраслевой и региональной регистрации банков данных, содержащих персональные данные и сведения, функционирующие в режиме служебной тайны пенитенциарных учреждений.

4. Введение системы международных критериев оценки информационной безопасности. Аудит информационной безопасности должен оценивать уровень эффективности разработанной политики информационной безопасности в отношении ресурсов, содержащих конфиденциальные сведения, на каждом объекте (пенитенциарных учреждений).

5. Введение в уголовное законодательство норм, устанавливающих уголовную ответственность за разглашение персональных данных особой категории и информации, функционирующей в режиме служебной тайны.

Учитывая вышеизложенное и то, что сбор сведений о деятельности персонала учреждений и органов уголовно-исполнительной системы осуществляется криминалитетом с целью противодействия процессу исполнения наказания, дезорганизации деятельности, приготовления к совершению преступлений, выявлены пробелы в правовом регулировании, обуславливающие проблемы в защите конфиденциальной информации в уголовно-исполнительной системе, по нашему мнению, необходимо проведение научных и исследовательских работ в данной области с целью внесения изменений и дополнений в организационно-правовую базу, регламентирующую деятельность пенитенциарных учреждений Российской Федерации.

Библиографический список

1. Власова, О. В. Законодательство Великобритании: охрана коммерческой тайны и другой конфиденциальной информации / О. В. Власова // Хозяйство и право. – 2001. – № 8.
2. Соколова, О. С. Административно-правовые режимы конфиденциальной информации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006.
3. Ярочкин, В. И. Информационная безопасность : учеб. для студентов вузов / В. И. Ярочкин. – М., 2004.

**Сведения об авторах, названия статей, ключевые слова и аннотации
на русском и английском языках**

<p>Ашин А. А., заведующий кафедрой уголовного права и процесса Владимирского государственного университета кандидат юридических наук, доцент E-mail: olegan80@mail.ru</p>	<p>Ashin A. A., the head of the Department of Criminal Law and Process Vladimir State University candidate of law, assistant professor</p>
<p>Особенности исполнения лишения свободы в отношении несовершеннолетних (1941–1945 гг.)</p>	<p>Peculiarities of execution imprisonment punishment regard for juveniles (1941–1945)</p>
<p>исправительно-трудовая политика в отношении несовершеннолетних, лишение свободы, Великая отечественная война</p>	<p>re-education policy in juvenile justice, imprisonment, Great Patriotic War</p>
<p>Статья посвящена особенностям исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних, обусловленным Великой Отечественной войной. Рассматриваются некоторые аспекты исправительно-трудовой политики, нормативно-правового регулирования отбывания несовершеннолетними наказания в исправительных учреждениях</p>	<p>This article is devoted to the peculiarities of punishment to imprisonment in juvenile justice, stemming from the Great Patriotic War. Some aspects of re-employment policy, regulatory juveniles serving sentences of correctional institutions</p>
<p>Бавыкин Д. Ю., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru</p>	<p>Bavykin D. Y., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia</p>
<p>Теоретические аспекты криминалистической характеристики преступлений террористического характера, совершаемых путем взрыва</p>	<p>Theoretical aspects of criminalistic characteristics of terrorism acts, were committed by explosion</p>
<p>терроризм, криминальный взрыв, криминалистическая характеристика, способ совершения преступления, личность преступника, расследование преступлений</p>	<p>terrorism, criminal explosion, criminalistic characteristic, methods of commission of crime, criminal personality, crime investigation</p>
<p>В статье рассматриваются элементы криминалистической характеристики преступлений террористической направленности, совершаемых путем взрыва. Автор на основе анализа теоретических и правовых источников, относящихся к проблематике исследования представил современные особенности типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений террористического характера, способа совершения преступления, личности преступника и типичных жертв данных преступных деяний, совершаемых путем взрывов, а также объектов посягательства и другие обстоятельства</p>	<p>The article is devoted to the examination of the elements of the criminalistic characteristics of terrorist orientated crimes committed by the explosion. The author presented, on the basis of analysis of theoretical and legal sources connected with the problematic of the research, the modern features of typical investigation situations that appear during investigation of terrorist orientated crimes, methods of commission of crime, criminal personality and typical victims of crimes committed by the explosion, and also the objects of encroachment and other conditions</p>
<p>Волынский А. Ф., профессор кафедры криминалистики Академии экономической безопасности МВД России доктор юридических наук, профессор E-mail: academy@bk.ru</p>	<p>Volynsky A. F., professor of Forensic Studies Department of Academy for Economic security of Ministry for Interior of Russia, doctor of law, professor</p>
<p>Тишутина И. В., доцент кафедры криминалистики Тульского филиала Московского университета МВД России кандидат юридических наук E-mail: tula@mosu-mvd.com</p>	<p>Tishutina I. V., assistant-professor of Forensic Studies Department Tula's Branch Moscow University of Ministry for Interior of Russia, candidate of law</p>
<p>Некоторые проблемы реализации социальных функций криминалистики</p>	<p>Some problems of social functions of Criminalistics</p>
<p>социальные функции; криминалистика; криминалистическое обеспечение; преступность; раскрытие и расследование преступлений</p>	<p>social functions, criminalistics, forensic support, criminality, detection and solving crimes</p>
<p>В статье рассматриваются формы проявления и направления реализации социальных функций криминалистики, их взаимосвязи с криминалистическим обеспечением и зависимостью реализации указанных функций от криминалистической теории и практики. Авторы обращают внимание на необходимость учитывать влияние объективных и субъективных факторов на развитие и возможные варианты реализации социальных функций криминалистики</p>	<p>The paper is devoted to the forms of display and realizations trends of criminalistics social functions, their correlation with forensic support and dependence of their realization from criminalistics theory and practice. The authors their attention to the necessity to take into account the influence of objective and subjective reasons on the development and possible forms of realization 'criminalistics' social functions</p>
<p>Галимов С.А., адъюнкт кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России E-mail: akdmc@jin.mvd.ru</p>	<p>Galimov S. A., adjunct of faculty of management of bodies of investigation of crimes Academies of management MBD of Russia</p>
<p>Особенности тактики допроса при расследовании преступлений против жизни сотрудников милиции</p>	<p>Features of interrogation tactics in the investigation of crimes against pro-life police officers</p>
<p>предварительное расследование, тактика следственных действий, обвинение, сотрудник милиции, свидетель, потерпевший, подозреваемый, victimность</p>	<p>preliminary investigation, tactics of investigative action, accusation, militiaman, witness, victim, suspected person, victimness</p>
<p>В статье рассматриваются тактические приемы производства допроса по уголовным делам, связанным с посягательством на жизнь сотрудников милиции. Автор на основе изучения теоретических источников, действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также исследования практической деятельности правоохранительных структур по раскрытию и расследованию преступлений данной категории, представил особенности производства допроса различных участников уголовного судопроизводства, характерные для современной криминогенной ситуации в России</p>	<p>The article examines tactical methods of the process of interrogation on criminal cases, connected with some inquiries of the encroachments on lives of militiamen. The author, on the base of the study of theoretical sources, criminal and procedural criminal legislation, study of the practical activity of law enforcement agencies concerning solving and inquiry of this category of crimes, the author represented features of interrogation of various members of the criminal procedure, which are typical to up-to-date criminogenic situation in Russia</p>
<p>Головинская И. В., заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России доктор юридических наук E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru</p>	<p>Golovinskaya I. V., head of the Department of socio-economic disciplines Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia, doctor of law</p>
<p>Расширение перечня особых порядков судебного разбирательства в отечественном уголовном процессе: досудебное соглашение о сотрудничестве</p>	<p>Expansion of the special proceedings in the domestic criminal process: the pre-agreement about cooperation</p>
<p>судебное решение, досудебное соглашение о сотрудничестве, обвиняемый, прокурор, защитник, личная безопасность</p>	<p>judicial decision, pre-trial agreement, the defendant, prosecutor, defender, personal safety</p>

Статья посвящена дополнению УПК РФ новой главой 40 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»	The paper is devoted to supplementing the Code of Criminal Procedure RF by the new chapter 40.1 «A special order of the court decision at the conclusion of the pre-trial agreement of cooperation»
Гулягин А. Ю., заместитель прокурора Владимирской области кандидат юридических наук E-mail: Gulyagin-prok@yandex.ru	Gulyagin A. Y., the Deputy of the Vladimir region Prosecutor, candidate of law
Проблемы координационной деятельности по борьбе с преступностью в федеральных округах	The problems of coordinate activity to struggle against the crimes on a stage of federals accounts
прокуратура, координационная деятельность, федеральный округ	prosecutor, coordinate activity, federal account
В статье рассматривается состояние сегодняшней координационной деятельности по борьбе с преступностью, проводимой на уровне федерального округа. Обозначаются две важные, по мнению автора, проблемы: во-первых, необходимость внесения изменений в Федеральный закон РФ «О прокуратуре Российской Федерации», которые бы наделили заместителей Генерального прокурора РФ полномочиями по осуществлению координационной деятельности в кругах, во-вторых, предлагается механизм повышения эффективности такой деятельности в федеральных округах	The article uncovers issues of coordinate activity to struggle against the crimes on a stage of federal account. Marks two important, as author see, problems: first, it's necessity to introduce changings into the legislation; second, it's offer the mechanism of improvement effectiveness of that activity
Егорькова И. А., учитель истории и обществознания МОУ «Лицей № 82» г. Нижнего Новгорода E-mail: irina-egorkova@mail.ru	Egorkova I. A., the teacher of a history and society of knowledge MOY «Lyceum № 82» of Nizhniy Novgorod
Общая характеристика преступности несовершеннолетних в Нижегородском крае в 1920–1935 гг.	General characteristics of juvenile delinquency in Nizhni Novgorod province in 1920–1935
беспорядочность, безнадзорность, преступность несовершеннолетних	children's criminality, homelessness, indifference
В статье на основе архивных материалов анализируется проблема преступности несовершеннолетних в Нижегородском крае в 1920–1935 гг. В качестве основных причин преступности несовершеннолетних автор рассматривает беспорядочность и безнадзорность	In the article on the base of archive documents the children's criminality in Nizhegorodskiy region in 1920–1935 years in analyzed. As the main reason of children's criminality the author considers homelessness and indifference
Емельянов С. Н., начальник ВЮИ ФСИН России кандидат педагогических наук, доцент E-mail: emelyanov@vui.vladinfo.ru	Emelyanov S. N., Chief of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Execution of Sentences of the Russian Federation candidate of Pedagogic, assistant professor
Отечественная уголовно-исполнительная система: поиски идеологической парадигмы	Russian penal system: search for ideological principles
Уголовно-исполнительная система, карательная политика, цели уголовного наказания, исправление личности преступника, социальная адаптация осужденных	The Penal System, punitive politics, purposes of criminal punishment, correction of a criminal's personal qualities, social adaptation of convicts
Статья посвящена анализу идеологических основ отечественной уголовно-исполнительной политики. Автор исследует свойственное государству понимание целей уголовного наказания начиная с древнерусской эпохи и заканчивая современностью. На материале законодательных актов и правоприменительной практики показано, что приоритеты карательной политики зависят от общего содержания внутриполитического курса государственной власти и отражают ее сущность. В статье рассматривается, как происходила эволюция карательной идеологии Российского государства от репрессивной к исправительно-воспитательной, т.е. пенитенциарной	The paper is devoted to the analysis of the ideological principles of the Russian penal politics. The author studies the purposes of criminal penalty how they were realized by the Russian State beginning from the ancient age up to the modern times. Researching into the legislative acts and the Law enforcement the author argues that the priorities of penal politics depend on the internal political course and reflect the substance of the State system. The article describes the evolution of the Russian State's penal ideology from its repressive forms to the penitentiary principles.
Ерохина Ю. Е., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru	Yerokhina Y. Y., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia
Новые подходы к разрешению коллизий в институте гарантий и компенсаций	The new ways to the descision of collections in the institute of guarantees and compensations
гарантии, компенсации, служебная командировка, работник, работодатель, служебная поездка, срочный трудовой договор, пенсионер, выходное пособие, трудовой договор	guarantees, compensations,, mission, employee, employer, business trip, urgent labour contract, pensioneer, relief, labour contract
В статье рассматриваются проблемные стороны института гарантий и компенсаций в социально-трудовой сфере, а также возможные пути их разрешения. Устранение коллизий в институте гарантий и компенсаций путем внесения дополнений в отдельные статьи Трудового кодекса РФ является попыткой гармонизации трудового законодательства, его совершенствования и повышения эффективности.	The article is devoted to the problems of the institutes of guarantees and compensations in the social – labour spheare and to the possible ways of their decision. Removing the collision in the institute of guarantees and compensations by adding the complements to some articles in the Labour Code of the R. F. Is the attempt of harmonisation of the Labour Code and its perfection and efficacy
Есипов А. В., аспирант кафедры уголовного права и криминологии Тюменского государственного университета E-mail: president@utmn.ru	Esipov A. V., the post-graduate student of chair of criminal law and criminology Tyumen state university
Проблемы квалификации действий иных соучастников при добровольном отказе исполнителя	Challenges skills actions of other accomplices in the voluntary refusal artist
проблемы квалификации преступлений, уголовная ответственность, соучастие в преступлении, добровольный отказ, дифференциация уголовной ответственности, ответственность соучастников	Problems of qualification of crimes, the criminal liability, partnership in a crime, voluntary refusal, differentiation of the criminal liability, responsibility of accomplices
Статья представляет собой актуальное исследование, обладающее определенной теоретической и практической значимостью. Учитывая повышенную общественную опасность преступлений, совершаемых в соучастии, значительную их распространенность, что обуславливает установление более строгих санкций для лиц, совершающих преступление в соучастии, а также повышение эффективности борьбы с организованной преступностью, особое значение приобретает правильное установление пределов ответственности соучастников преступления в случае недоведения исполнителем преступления до конца. К сожалению, к настоящему времени не сформирована единообразная правоприменительная практика и не выработана единая теоретическая позиция по данному вопросу.	This article represents the actual research possessing the certain theoretical and practical importance. Considering the raised public danger of the crimes made in partnership, their considerable prevalence that causes an establishment of more strict sanctions for the persons committing a crime in partnership, and also increase of efficiency of struggle against the organized crime, special value gets a correct establishment of limits of responsibility of accomplices of a crime in a case the executor of a crime up to the end. Unfortunately, by present time it is not generated uniform правоприменительная experts and the uniform theoretical position on the given question is not developed. In this con-

В связи с чем, существует острая необходимость в законодательном закреплении правил квалификации действий иных соучастников в случае добровольного отказа исполнителя от совершения преступления	nection, there is a sharp necessity for legislative fastening of rules of qualification of actions of other accomplices in case of voluntary refusal of the executor of crime fulfillment
Есипова И. В., аспирант кафедры уголовного права и криминологии Тюменского государственного университета E-mail: president@utmn.ru	Esipova I. V., the post-graduate student of chair of criminal law and criminology Tyumen state university
Роль учета при назначении наказания личности лица, совершившего преступление в группе	On account when sentencing the person who committed the crime in a group
назначение наказания, личность виновного, соучастие, принципы назначения наказания, индивидуализация наказания, ответственность соучастников	punishment appointment, the person guilty, partnership, principles of appointment of punishment, punishment individualization, responsibility of accomplices
Одним из обязательных критериев общих начал назначения наказания выступает учет при назначении наказания личности виновного. Особое значение имеет изучение направления влияния данного признака на назначение наказания при совершении групповых преступлений. Назначение судом наказания при совершении групповых преступлений с учетом данных о личности подсудимого, основанных на объективных и субъективных признаках, позволяет реализовать частно-предупредительное воздействие наказания. Это может способствовать решению задач повышения эффективности практики применения норм закона, совершенствования противодействия преступности, обеспечению реализации принципа гуманизма. Теоретический материал проиллюстрирован материалами судебной практики	As one of obligatory criteria of the general beginnings of appointment of punishment the account acts at appointment of punishment of the person of the guilty. Special value has studying of a direction of influence of the given sign on punishment appointment at fulfillment of group crimes. Appointment as punishment court at fulfillment of group crimes taking into account data about the persons of the defendant based on objective and subjective signs allows to realise private-precautionary influence of punishment. It can promote the decision of problems of increase of efficiency of practice of application of norms of the law, perfection of counteraction of criminality, maintenance of realisation of a principle of humanism. The theoretical material is illustrated by judiciary practice materials
Ефаров М. Х., адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru	Efarov M. H., adjunct the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia
Понятие оперативно-розыскной характеристики краж товарно-материальных ценностей, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы	The concept and characteristics of property crimes, committed in penal institutions
криминалистическая характеристика, криминологическая характеристика, оперативно-розыскная характеристика, оперативно-тактическая характеристика, товарно-материальные ценности, уголовно-исполнительная система, уголовно-правовая характеристика	criminality's characteristics, operative-investigation characteristics, operative-tactical characteristics, signs of crime, legacy in jurisprudence characteristics
Данная статья имеет своей целью выработку единого понятийного аппарата по определению оперативно-розыскной характеристики такого вида преступлений, как кражи товарно-материальных ценностей на объектах и в учреждениях уголовно-исполнительной системы. В статье приводятся точки зрения ученых по определению криминалистической, криминологической, уголовно-правовой, оперативно-тактической характеристики преступлений. На основе изучения специальной литературы автор предлагает свое определение оперативно-розыскной характеристики применительно к сфере краж товарно-материальных ценностей на объектах и в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Понимание и знание оперативно-розыскной характеристики исследуемой сферы и ее составляющих элементов позволяют правильно организовать оперативное обслуживание учреждений УИС в целях предупреждения краж товарно-материальных ценностей	This article goals the formation of unique notional apparatus for the determination of the operative-criminal characteristics of such kind of crimes as thefts of material wares valued on the objects and institutions of criminal-penitentiary system. In the article there are points of view of different scientists on the topic of notation of criminology and criminalistics; legacy in jurisprudence, operative-tactical characteristics of crimes. According to the basis of studying the special literature, the author offers his own Holton of operative-criminal investigation characteristics for the sphere of thefts of material-wares valued taking place in criminal-penitentiary system. Understanding and knowledge of criminal investigation characteristics of examining and composing parts, allow to organize in a right way operative service of criminal-penitentiary system in order to prevent thefts of material wares
Зарубин А. В., аспирант кафедры уголовного права и процесса Юридического института Красноярского государственного аграрного университета E-mail: lawsfu@mail.ru	Zarybin A. V., the post-graduate student criminal law and process chair Legal institute of Krasnoyarsk state agrarian university
Сравнительный анализ разъяснений пленумов верховных судов СССР и РФ (РСФСР) о мошенничестве	Comparative analysis of decisions of the Supreme Courts of the USSR and the RF on fraud
мошенничество, присвоение, растрата, Пленум Верховного Суда, преступления против собственности, уголовная ответственность, злоупотребление доверием, квалификация мошенничества, отграничение от джепредпринимательства	swindle, assignment, waste, Plenum of the Supreme Court, crime against the property, a deceit, breach of confidence, qualification of swindle
Статья представляет собой актуальное исследование, обладающее теоретической и практической значимостью. 27 декабря 2007 года было принято постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», которое является первым постановлением Пленума, непосредственно посвященным таким формам хищения, как мошенничество, присвоение и растрата. Данное постановление вносит отдельные изменения в понимание судами сущности мошенничества и его разграничения с другими составами преступлений. Анализ указанных выше нововведений и посвящена статья Зарубина А.В. Автор тщательно исследует положения Постановления № 51, сравнивает их с различными постановлениями пленумов верховных судов СССР и РФ (РСФСР). Указывает на недостатки и достоинства новой редакции положений указанного постановления	A. V. Zarubin's article represents the actual research possessing the theoretical and practical importance. On December, 27th, 2007 the Decision of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «About judiciary practice on affairs about swindle, assignment and waste» which is the first decision of Plenum directly devoted to such forms of plunder as swindle, assignment and waste was accepted. The given decision makes separate changes to understanding courts of essence of swindle and its differentiation with other structures of crimes. Specified above innovations Zarubina A.V.'s article also is devoted the analysis. The author carefully investigates positions the Decision №51, compares them to various decisions of Plenums of the Supreme Courts of the USSR and RSFSR (Russian Federation). Points out the defects and advantages of new edition of positions of the specified decision
Идрисов М. М., старший прокурор отдела прокуратуры г. Москвы E-mail: istra05@mail.ru	Idrisov M. M., senior prosecutor of Public Prosecutor's Office in Moscow
Задачи государственного обвинителя в состязательном уголовном процессе	The objectives of the public prosecutor in the adversarial criminal process
защита, подсудимый, государственное обвинение, состязательный уголовный процесс, отказ от обвинения	defense, the defendant, prosecution of the state, adversary criminal trial, denial a charges
Статья посвящена проблемам осуществления поддержания государственного обвинения в условиях состязательного уголовного процесса и роли государственного обвинителя в рассмотрении уголовных дел в судах общей юрисдикции	The article deals with the implementation of the maintenance of public prosecution in the context of adversarial criminal process and the role of public prosecutor in criminal cases in courts of general jurisdiction

<p>Козинкин В. А., старший преподаватель кафедры криминалистики Тульского филиала Московского университета МВД России E-mail: vladkoz30@mail.ru</p>	<p>Kozinkin V. A., head teacher of Forensic Studies Department Tula's Branch Moscow University MVD of Russia</p>
<p>Проблемные аспекты взаимодействия субъектов раскрытия и расследования преступлений с операторами сотовых систем подвижной связи</p>	<p>Aspects of interaction between crime investigation units and mobile-telephone operators</p>
<p>информация, средства сотовых систем подвижной связи, оператор связи, взаимодействие, правоохранительные органы, расследование преступлений, система оперативно-розыскных мероприятий</p>	<p>information, means of Digital Cellular systems, operations and maintenance center, cooperation, law-enforcement agencies, the investigation of crimes, the system of operative-surching measures</p>
<p>В статье рассматриваются отдельные аспекты организации взаимодействия различных подразделений и служб правоохранительных органов в процессе получения информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи (СССПС), как между собой, так и с операторами средств сотовых систем подвижной связи. Автор обращает внимание на то, в каких организационно-тактических формах осуществляется взаимодействие следователей с оперативными работниками в целях получения информации из СССПС</p>	<p>The extract under discussion is considered some aspects of organization the cooperation between different law-enforcement agencies in the process of receiving the information finding with the operators of means of Digital Cellular system. The author pays attention to the fact that in what practical and tactic forms does the cooperation between investigators and operative workers in order to receive the information from means of Digital Cellular system</p>
<p>Колесник И. Ю., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru</p>	<p>Kolesnik I. U., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia</p>
<p>Эколого-правовая деятельность как вид юридической деятельности</p>	<p>Environmental and legal activities as a kind of legal action</p>
<p>эколого-правовая деятельность, юридическая деятельность, предмет экологического права</p>	<p>ecologo-juridical activity, juridical activity, subject of ecological law</p>
<p>В статье обосновывается необходимость выделения эколого-правовой деятельности как самостоятельного вида юридической деятельности. Это вызвано необходимостью расширения предмета экологического права и использования инструментальных возможностей деятельностного подхода в исследовании вопросов правовой регламентации общественных отношений в экологической сфере</p>	<p>In this article is paid much attention to the ecologo-juridical activity as independent type of juridical activity. That means that this subject must be widen and at the same time we must have another ways of researching points of juridical regulation social relations in ecological sphere</p>
<p>Комнатная Ю. А., соискатель кафедры теории и истории государства и права Белгородского государственного университета E-mail: Komnatnaya@bsu.edu.ru</p>	<p>Komnatnaya J. A., applicant for the chair theory and the history of state and law of Belgorod State University</p>
<p>История науки международного частного права: юбилейные даты 2009 года</p>	<p>History of science of private international law: the anniversary date of 2009 year</p>
<p>Международное право, коллизионное право, международное частное право, система международного права, история права</p>	<p>Interstate law, international private law, the system of international law, law of conflict of laws, legal history</p>
<p>Настоящая статья посвящена юбилейным датам в истории науки международного частного права. Наряду с краткими биографическими сведениями о Д.И. Мейере, Н.П. Иванове, О.О. Эйхельмане и А.А. Рождественском, статья содержит анализ их взглядов и оценку достижений в развитии науки международного частного права</p>	<p>The article is about the anniversary dates in the history of the law of conflict of laws. Along with short biographies of D.I. Meyer, N.P. Ivanov, O.O. Eihelmann and A.A. Rozhdestvensky, the article includes the analysis of their views and estimation of their achievements in development of the law of the conflict of laws</p>
<p>Кострюков К. В., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru</p>	<p>Kostryukov K. V., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia</p>
<p>Виктимологические аспекты личности и поведения потерпевших от мошенничества</p>	<p>Victim of identity and behavior of victims of fraud</p>
<p>виктимология, виктимность, личность потерпевшего, жертва преступления, предупреждение преступлений, мошенничество</p>	<p>victimology, victimness, victim's identity, crime victim, prevention of crime, fraud</p>
<p>В статье на основе исследования теоретических и практических проблем виктимности жертв преступлений рассматриваются личностные качества и поведение потерпевшего от мошеннических действий. Данный анализ позволяет установить и задержать лиц, виновных в совершении преступления, выявить объективные и субъективные движущие силы, лежащие в основе их зарождения и развития, а также принять меры к предотвращению впредь подобных деяний. Реализация приведенных соображений на практике будет способствовать разработке комплексов организационных и тактических предупредительных мер, в том числе мер индивидуального психологического воздействия, рассчитанных на принятие к различным типам преступников и некоторым категориям их потенциальных жертв</p>	<p>The article is devoted to the consideration of personality and behavior of a fraud victim based on theoretical and practical problems of victimness of crime victims. This analysis permits to identify and detain a criminal, to study all the motives and to assume the measures to prevent crimes. The realization of these considerations will favour the development of the package of organizational and preventive measures including psychological impact upon the individual meant for applying on different types of criminals and some categories of potential victims</p>
<p>Лобанова А. Ф., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru</p>	<p>Lobanova A. F., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia</p>
<p>Экономическое правосудие Российской Федерации: проблемы становления</p>	<p>Economic justice in the Russian Federation: problems of formation</p>
<p>правосудие, экономический, арбитражный, структура, суд, кодекс, проблемы, судопроизводство</p>	<p>justice, economic, arbitration, the structure of the court, the code, problems, judicial proceedings</p>
<p>В данной статье рассматриваются понятие правосудия, становление и развитие арбитражной системы в России, структура арбитражной системы Российской Федерации, задачи экономического правосудия, основные вопросы и проблемы арбитражного судопроизводства, пути их решения и др.</p>	<p>The present paper deals with the concept of justice, formation and development of arbitration system of Russia, structure of the arbitration system of the Russian Federation, the problems of economic justice, the basic questions and problems of arbitration legal proceedings, the ways of their solutions, etc.</p>

<p>Маленчук В. Ф., начальник ГУФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области</p> <p>Колесов В. И., профессор Санкт-Петербургской юридической академии, директор инновационного центра «Постпенитенциарное образование» доктор педагогических наук E-mail: urac@cards.lanck.net</p>	<p>Malenchuk V. F., chief GUFSIN of Russia on Saint Petersburg and Leningrad area</p> <p>Kolesov V. I., professor of the Saint-Petersburg legal academy, director of the Innovative center «Postpenitenciarное education» doctor of pedagogical sciences</p>
<p>Формирование нравственной устойчивости осужденных в местах лишения свободы в процессе образовательной деятельности</p> <p>формирование, нравственная устойчивость, процесс, образовательная деятельность, освобождение</p> <p>В статье рассматриваются проблемы и пути формирования нравственной устойчивости осужденных в процессе образовательной деятельности и подготовки их к освобождению</p>	<p>The formation of the moral stability of convicts in places of deprivation of liberty in the process of educational activities</p> <p>forming, moral stability, process, educational activity, liberation</p> <p>In the article problems and ways of forming of moral stability are examined convict in the process of educational activity and to preparation convict to their liberation</p>
<p>Малин П. М., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Краснодарского государственного университета культуры и искусств кандидат юридических наук, доцент E-mail: skapunkin@yandex.ru</p>	<p>Malin P. M., professor of the department of criminal-executive law of Krasnodar State University of Culture and Arts, candidate of law, assistant professor</p>
<p>Распределение осужденных к лишению свободы по уровням опасности как необходимое условие реализации международных стандартов по обращению с заключенными в исправительных учреждениях России</p> <p>уголовно-исполнительное право, прогрессивная система, уровень опасности, лишение свободы, европейские пенитенциарные правила</p> <p>С позиций науки Уголовно-исполнительного права и рекомендаций, изложенных в тексте Европейских Пенитенциарных Правил, выносятся на обсуждение проблемные вопросы, связанные с расширением спектра личностных характеристик осужденных к лишению свободы для определения, того или иного уровня опасности личности осужденного</p>	<p>The distribution of persons sentenced to prison terms of levels of danger as a necessary condition for the implementation of international standards for the treatment of prisoners in correctional institutions Russia</p> <p>criminal-executive law, progressive system, level of danger, convicted person, imprisonment, European penitentiary rules</p> <p>From the point of view of the criminal-executive law study and recommendations indicated in the text of European Penitentiary Rules, the author of this article discusses important questions connected with the expanding of convicted people's personal traits to imprisonment in order to determine the level of danger of the convicted person</p>
<p>Мелкумян Г. А., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru</p>	<p>Melkumyan G. A., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia</p>
<p>Историко-правовой анализ действий, связанных с захватом заложника</p> <p>захват заложника, аманат, преступление, уголовный закон, похищение человека, выкуп, правоохранительные органы</p> <p>В статье исследуются исторические аспекты действий, связанных с захватом заложника. Достаточно подробно изложены проблемы, касающиеся захвата заложников сложившиеся в современный период в нашей стране на Северном Кавказе. Анализ правовых положений проведен с учетом международного опыта и на основе исследования объемного теоретического и нормативного материала</p>	<p>Historical and legal analysis of actions related to the hostage-taking</p> <p>hostage-taking, amanat, crime, criminal law, kidnapping, ransom, law enforcement</p> <p>The historical aspects of hostage-taking acts are analyzed in the article. The problems related with hostage-taking established in the modern period in the North Caucasus are set forth in detail. Analysis of legal provisions is carried out taking into account international experience and based on studying of voluminous theoretical and normative material</p>
<p>Миронов А. Н., доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент E-mail: mironov.ufa@mail.ru</p>	<p>Mironov A. N., assistant-professor of management and law department of Ufa Law Institute of the Russian Interior, candidate of law, assistant professor</p>
<p>Юридическая техника нормативных правовых актов</p> <p>Юридическая техника, технико-юридические средства, приемы, способы, юридическая терминология, юридические конструкции</p> <p>В статье рассматриваются понятие и содержание юридической техники. Обосновывается необходимость отнесения к юридической технике только технико-юридических средств. Названы основные технико-юридические средства</p>	<p>Legal technique legal normative acts</p> <p>Juridical technics, Juridical technique and means, Juridical terms, Juridical constructions</p> <p>The article deals with the term and contents of juridical technique. It is proved the necessity the only juridical technical means concerning to juridical technique. Essential juridical technical means are called</p>
<p>Назарова М. Г., старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин ВЮИ ФСИН России кандидат философских наук E-mail: human@vui.vladinfo.ru</p>	<p>Nazarova M. G., senior instructor of the Chair of Humanities of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia, candidate of philosophy</p>
<p>Проблемы охраны культурных ценностей в России и за рубежом</p> <p>культурные ценности, охрана национальных культурных ценностей, реставрация памятников и артефактов, реституция памятников культуры, культурное наследие</p> <p>Данная статья посвящена проблемам охраны культурного наследия в России и за рубежом. Подготовлена на основе отечественных и международных документов</p>	<p>Problems of Cultural Property in Russia and abroad</p> <p>cultural values, protection of national cultural values, restoration of monuments and artifacts, restitution of cultural artifacts, cultural heritage</p> <p>This article deals with the problems of cultural heritage protection in Russia and abroad. It's built on the basis of national and world documents and laws</p>
<p>Павличенко Н. В., заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России кандидат юридических наук, доцент E-mail: aldan1973@rambler.ru</p>	<p>Pavlichenko N. V., the deputy chief of operative-search activity chair of Omsk academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law, assistant professor</p>
<p>Правила конспирации как модель регулируемых общественных отношений, возникающих в оперативно-розыскной деятельности</p> <p>Оперативно-розыскная деятельность, конспирация, правила, законодательство, права, обязанности</p> <p>В статье рассматриваются проблемы классификации правил конспирации в оперативно-розыскной деятельности. Предлагается официальное закрепление правил конспирации в едином нормативном правовом акте. Особое внимание уделяется структуре данного нормативного акта, его названию и форме официального закрепления</p>	<p>Terms of conspiracy as a model of regulated public relations arising in the operative-search activity</p> <p>crime detection, conspiracy, the rules, legislation, the rights, the duties</p> <p>The problems of classification of conspiracy rules in operative-search activity are considered in the article. Some conspiracy rules are offered to be officially fastened in the uniform standard legal certificate. Special attention is paid en to the structure of the given statutory act, its name and the form of official fastening</p>

Панарин Д. А., начальник высших академических курсов Академии права и управления ФСИН России кандидат юридических наук, доцент E-mail: belaya@academjust.ryazantelecom.ru	Panarin D.A., head of High Academic Courses of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service, candidate of law, assistant professor
Восприятие некоторых рекомендаций международных документов по вопросам соблюдения прав осужденных в нормативно-правовых актах России в сфере организации уголовно-исполнительного процесса	The perception of some of the recommendations of the international instruments on the rights of convicted persons in compliance with the regulations of Russia in the sphere of criminal-executive process
международные правовые акты, соблюдение прав и свобод осужденных, Европейский суд по правам человека, Совет Европы, организационно-правовая сфера деятельности учреждений и органов УИС, сотрудники исправительных учреждений	international legal acts, prevention of rights and freedoms, European Court of Human Rights, Council of Europe, organizational and legal sphere of penal institutions' and bodies' activity, penal staff
Рассматриваются вопросы соответствия ряда нормативных предписаний международно-правовых актов внутреннему правовому полю Российской Федерации в отношении соблюдения прав осужденных к лишению свободы при организации уголовно-исполнительного воздействия в исправительных учреждениях	The author of the article considers the issues of compliance of the normative instructions of the international legal acts with the internal legal sphere of the Russian Federation in order to prevent the rights of prisoners during organization of the penal influence in correctional establishments
Панарина Н. М., заместитель начальника отдела организации международного сотрудничества и науки научного центра Академии права и управления ФСИН России E-mail: belaya@academjust.ryazantelecom.ru	Panarina N., deputy Head of the International Collaboration and Science Department of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service
Основные функции дежурной службы (смены) исправительной колонии как субъекта организационно-управленческой деятельности	Basic functions of a penal colony duty service as a subject of organizational and management activities
дежурная служба, оперативная обстановка, информационно-аналитическая работа, безопасность в исправительном учреждении, основные направления дежурной смены	security and safety service, operational situation, informational and analytical work, safety and security in the penal institution, the main trends of security and safety services' activity
В статье рассматриваются основные направления деятельности дежурных служб ИК как субъекта организационно-управленческой деятельности. Автор останавливается на анализе информационно-аналитической работы, осуществляемой дежурными сменами в исправительных учреждениях. Рассматривает комплекс организационных мероприятий и методических приемов, проводимых указанными структурными подразделениями ИК, направленных на анализ и оценку оперативной обстановки. Также автор выделяет главные требования, предъявляемые к силам по обеспечению безопасности, порядка исполнения и отбывания уголовного наказания в ИК	In the article the main trends of the security and safety service of penal institutions are considered. The security and safety service is regarded as the subject of organization and management. The author points out the analysis of informational and analytical work provided by duty officers in penal institutions. The complex of organizational activities and methodological approaches are used by the structural subdivisions of the penal institution to analyze and estimate the operational situation. Also the author singles out the main requirements to security and order services of execution and serving of punishment in penal institutions
Пеньков И. М., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru	Penkov I. M., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia
Некоторые проблемы, возникающие при расследовании уголовных дел о ДТП	Some problems arise when investigating criminal cases on traffic accidents
дорожно-транспортное происшествие, осмотр места происшествия, преступление, уголовно-процессуальный кодекс, кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях	transport accident, examination of the place of happening, crime, criminally-processing code of the Russian Federation, the Russian Federation code of administrative violence of rules
В представленной работе, на примере уголовных дел о дорожно-транспортных преступлениях, рассмотрен актуальный вопрос об имеющихся недостатках в действующем уголовно-процессуальном законодательстве РФ, позволяющих виновным в дорожно-транспортном происшествии (ДТП) водителям избежать уголовной ответственности за совершенные преступления Проанализировав уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, судебно-следственную практику, автор предложил пути совершенствования действующего законодательства, позволяющие защитить уголовный процесс от ненормативных действий его участников, направленных на дискредитацию доказательственной базы виновности преступников. Работа имеет практическую ценность и рекомендована для изучения в системе служебной подготовки различных следственных подразделений Владимирской области	In the actual article, taking in account the example of criminal cases concerning road and transport incidents, considered question about lacks of the operating criminally-remedial legislation of the Russian Federation which allowed guilty drivers in road accident to avoid the criminal liability for committed crimes. Having analysed the criminally-remedial code of the Russian federation, the code of the Russian Federation about administrative offences, judicial-investigatory practice, the author has offered ways of perfection of the current legislation, allowing to protect criminal trial from not standard actions of its participants directed to descraditation of evidentiary base of guilt of criminals. The Work has practical value and is recommended for studying in system of office preparation of various investigatory divisions of Vladimir region
Протасов Д. В., аспирант кафедры гражданского права Тверского государственного университета E-mail: mehtay@yandex.ru	Protasov D. V., post-graduate student chair of civil law Tver state University
Понятие права на секрет производства (ноу-хау)	The notion of the right to a secret (know-how)
секрет производства, ноу-хау, интеллектуальная собственность, конфиденциальная информация, коммерческая тайна	trade secret, know-how, intellectual property, confidential data, commercial secret
В статье рассмотрена сущность нового института интеллектуальной собственности «право на секрет производства (ноу-хау)». Проанализирована гражданско-правовая охрана секретов производства (ноу-хау) в советском законодательстве и законодательстве Российской Федерации	In the article new institute of intellectual property «trade secret (know-how) rights» was considered. The peculiarities of civil law protection of trade secrets (know-how) in soviet legislation and legislation of Russian Federation were analyzed
Рузевич О. Р., ассистент кафедры уголовного права и процесса факультета права и психологии Владимирского государственного университета E-mail: olegan80@mail.ru	Ruzevich O. R., assistant of the department of "Criminal Law and process" The Faculty of "Law and Psychology" Vladimir State University
Уголовно-правовое регулирование угрозы в преступлениях против собственности по законодательству зарубежных стран	Legal regulation of the term "threat" concerning property crimes under the laws of foreign countries
сравнительное исследование, сравнительное правоведение, угроза в преступлениях против собственности, криминализация угрозы	comparative investigation, comparative jurisprudence, threat in crimes against property, threat criminalization
В статье проводится сравнительный анализ законодательного регулирования угрозы в преступлениях против собственности, который ориентирован,	The article deals with comparative analysis of law regulations of threat in crimes against property first and foremost directed at the

в первую очередь, на развитие российского уголовного права, решение стоящих перед ним задач по унификации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за сходные деяния. Компаративистское исследование позволило автору сделать выводы и сформулировать ряд рекомендаций, которые будут полезны российскому законодателю	Russian criminal law development and its goal solution in unification of criminal law standards providing for responsibility for the similar acts. This comparative investigation allows the author to make conclusions and formulate recommendation which will be useful for Russian legislator
Рушак Р. В., заместитель начальника ГУФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Колесов В. И., профессор Санкт-Петербургской юридической академии, директор инновационного центра «Постпенитенциарное образование» доктор педагогических наук E-mail: urac@cards.lanck.net	Ruschak R. V., deputy chief GUFSIN Russia on Saint Petersburg and Leningrad area Kolesov V. I., professor of the Saint-Petersburg legal academy, director of the Innovative center «Postpenitenciamoe education» doctor of pedagogical sciences
Педагогические аспекты исправления осужденных в местах лишения свободы	Pedagogical aspects of correction of convicts in penal institutions
перевоспитание, педагогическое воздействие, обучение, воспитание	re-educate, pedagogical influence, teaching, education
В данной статье рассматриваются вопросы перевоспитания осужденных и пути их решения при помощи воспитательного и образовательного процессов	In this article the questions of re-education of convict and way of their decision are examined through educate and educational processes
Сабанов А. Ю., адъюнкт Академии управления МВД России E-mail: akdmc@jin.mvd.ru	Sabanov A. U., adjunct of Academy of management MBD of Russia
Генезис и современное состояние криминалистической взрывотехники	Genesis and the current status of forensic explosive
Криминалистическая взрывотехника, взрывоопасные предметы, специалист-взрывотехник, эксперт-криминалист, следственно-оперативная группа, инженерно-саперное подразделение, предупреждение преступлений	bases of a modern condition криминал explosion of engineering is carried out (spent), the regional features of functioning of divisions specializing in the field of prevention of criminal explosions are submitted
В статье рассматриваются исторические аспекты относительно новой отрасли криминалистической техники – криминалистической взрывотехники. Достаточно подробно освещены этапы развития данной отрасли криминалистических знаний и определено ее понятие. Проведен анализ организационных, правовых и методических основ современного состояния криминалистической взрывотехники, представлены региональные особенности функционирования подразделений, специализирующихся в области предотвращения криминальных взрывов	In clause the historical aspects concerning new branch криминал of engineering - криминал explosion of engineering are considered. The stages of development of the given branch криминал of knowledge are in detail enough covered and his concept is determined. The analysis of organizational, legal and methodical
Сергейчик А. Л., преподаватель кафедры естественно-научных дисциплин Пермского института ФСИН России E-mail: psfsin@permonline.ru	Sergeychik A. L., lecturer of the faculty of natural-scientific disciplines of Perm Institute of the Federal Penal System of Russia
Опыт правового регулирования режимов конфиденциальной информации в зарубежных странах и его использование в деятельности ФСИН России	Legal regulation of confidential information modes in foreign countries and its application in institutions of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia
регулирование, защита, информационная безопасность, конфиденциальная информация, персональные данные, служебная тайна	regulation, protection, information security, confidential information, personal data, service secret
В статье раскрываются основные направления правового регулирования отношений в области административно-правовых режимов конфиденциальной информации в сфере государственного управления зарубежных стран, а также значимости зарубежного опыта в обеспечении деятельности пенитенциарных учреждений России	The article is devoted to the basic directions of the legal regulation of relations in the field of administrative-legal regimes of the confidential information in sphere of the government of foreign countries, and the importance of foreign experience in maintaining of the activity of penitentiary institutions of Russia
Сеидов М. Ш., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru	Seidov M. Sh., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia
Разновидности инструкций в зависимости от типа регулирующего воздействия	Varieties of instructions depending on the type of regulatory impact
ненормативное регулирование, нормативное регулирование, инструкция, социальная инструкция, техническая инструкция, социально-техническая инструкция	non-normative regulation, normative regulation, instruction, social instruction, technical instruction, social-technical instruction
В данной статье анализируется понятие регулирования и его разновидности. В соответствии с ними М. Ш. Сеидов представляет авторскую классификацию инструкций, в рамках которой он выделяет три основных типа данных документов: 1) инструкции с нормативным содержанием; 2) инструкции с индивидуальными предписаниями; 3) инструкции смешанного типа, содержащие как нормативные конкретизирующие установли, так и персонализированные поручения, наставления. Соискатель на основе анализа существующих дефиниций формулирует свое определение понятия «должностная инструкция». Статья представляет интерес и для юристов-теоретиков, и для юристов-практиков, и для обучающихся по специальности «Юриспруденция», т.к. помогает в определении пределов и объема различных уровней регулирования общественных отношений	In the article the notion “regulation” and its types are being analyzed. According to them M. Seidov presents author’s classification of instructions, which defines 3 main types of such documents: 1) instructions with normative content; 2) instructions with individual directions; 3) mixed instructions containing both normative specifying directions, as well as personified orders and directions. Basing on the analysis of existing definitions the applicant develops his own definition of the notion “job description”. The article will be of interest to lawyers-theoreticians, lawyers-practicians, as well as for those studying law, as it helps to define limits and volumes of social relations regulations of different levels
Скрячев А. М., начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук, доцент Баринов А. В., заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук, доцент Гудков А. И., заведующий кафедрой юридических дисциплин факультета внебюджетного образования ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук E-mail: grpd@vui.vladinfo.ru	Skryachev A. M., chief of the Civil Law Disciplines Chair of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia, candidate of law, assistant professor Barinov A., deputy of the chief of the Civil Law Disciplines Chair of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia, candidate of law, assistant professor Gudcov A., chief of the Law Disciplines Chair of Self-funded Department of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia, candidate of law

Частно-государственное партнерство в системе трудовой адаптации осужденных	Public-private partnerships in the employment adaptation of convicts
частно-государственное партнерство, формы частно-государственных партнерств, трудовой адаптации осужденных, совместная деятельность	public-Private Partnership, forms of the public-private partnership, required labour of convicts, joint activity
Статья посвящена перспективам использования частно-государственного партнерства как эффективного механизма привлечения осужденных к труду в условиях рыночной экономики	The article is devoted to the prospects of use of the public-private partnership, as effective mechanism of required labour of convicts in conditions of market economy
Ткачук Т. А., доцент кафедры криминалистики ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук, доцент Михайлов А. Е., преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России E-mail: upik@vui.vladinfo.ru	Tkachuk T. A., assistant-professor of Forensic Studies Department of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Execution of Penal Sentences; candidate of law, assistant professor Mikhailov A. Ye., teacher of the Department of Criminal Law and Criminology, Vladimir law Institute of the Federal Service for Execution of Penal Sentences
Криминалистическая идентификация и ее роль в раскрытии и расследовании преступлений	Forensic identification and its role in the disclosure and investigation of crimes
криминалистическая идентификация, групповая принадлежность, следственные действия, предъявление для опознания, преступление	forensic identification, group membership, investigative measures, presentation for identification, crime
В представленной статье рассмотрено понятие криминалистической идентификации и дано её авторское определение. Изучены примеры использования приемов криминалистической идентификации в рамках отдельных следственных действий, в том числе и предъявления для опознания. Рассмотрена роль установления групповой принадлежности идентифицируемых объектов в раскрытии и расследовании преступлений. Кроме этого, в статье обобщены итоги анкетирования сотрудников следственных подразделений и органов дознания, показавшие идентификационную значимость некоторых следственных действий. В результате авторами дано собственное определение понятия идентификации, осуществляемой в рамках следственных действий, и выявлена перспективность изучения нетрадиционных способов предъявления для опознания	The concept of forensic identification and its definition are the subject matter of the paper. The paper describes the practical use of forensic identification techniques, viewed in the framework of individual investigative measures; presentation for identification being one of them. The importance of group membership in investigating and solving crimes is also studied in the paper. Besides, the paper sums up questionnaires, presented by investigation officers which demonstrate the importance of certain investigation activities for identification procedures. As a result, the authors offer their own definition of the concept of identification which is done during investigation. Feasibility of the study of non-traditional presentation procedures
Туркова В. В., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru	Turcova V.V., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia
Государственное обвинение: этимология и сущность уголовно-процессуальной категории	State prosecution: essence of the category of criminal procedure
обвинение, государственное обвинение, Уголовно-процессуальный кодекс, прокуратура, прокурор, уголовное судопроизводство, обвиняемый, процессуальная деятельность, состязательность, уголовный процесс, суд, преступление, виновность, обвинительный акт, обвинительное заключение, уголовно-процессуальное право	charge, the state charge, the criminally-remedial code, office of Public Prosecutor, the public prosecutor, criminal legal proceedings, the accused, remedial activity, competitiveness, criminal trial, court, crime, guilt, the indictment, the bill of particulars, criminally-procedural right
Статья посвящена исследованию понятия «государственное обвинение» и его сущности, историко-правовому анализу происхождения слова «обвинение» в древнерусском языке и изменению термина «обвинение» с развитием юридического учения о субъективной стороне преступления; изложены различные толкования российских ученых-процессуалистов относительно понятия «обвинение»	Article is devoted concept research «the state charge» and to its essence, the istoriko-legal analysis of an origin of a word «charge» in Old Russian language and change of the term «charge» with development of the legal doctrine about the subjective party of a crime; various interpretation of the Russian scientists-protsessualistov concerning concept «charge» are stated
Тычинская Е. В., магистр частного права, главный консультант аппарата Комитета Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству E-mail: tychin@duma.gov.ru	Tychinskaya E. V., master of Private Law, the chief consultant of Staff of the State Duma of Russian Federation on civil, criminal, arbitral and procedural legislation
Порядок заключения договора о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества	The order of the conclusion of the contract on the implementation of functions on a single executive body of the economic society
хозяйственное общество, единоличный исполнительный орган хозяйственного общества, образование единоличного исполнительного органа, управляющий, управляющая организация	business entities, a sole executive body of economic society, the education the sole executive body, the general director, managing the organization
Настоящая статья посвящена вопросам заключения договора о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. Автором предложен новый подход к порядку заключения данного договора	This article is devoted to the conclusion of the contract on realisation CEO's functions. The author offers the new approach to a procedure of the conclusion of this contract
Урлеков Н. В., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru	Urlekov N. V., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia
Некоторые проблемы деятельности и статуса присяжных заседателей	On some problems of activity and status of the jurors
присяжные заседатели, статус, полномочия, права, гарантии, обязанности, ответственность, ценз, вердикт	jury, status, power, rights, warranties, duties, responsibilities, qualifications, the verdict
Статья посвящена проблемам наделения граждан статусом присяжного заседателя, а также исследованию прав, гарантий и обязанностей присяжных заседателей	The article deals with the problems of giving citizens the status of the jurors. The article is devoted to the exploration rights, safeguards and responsibilities of jurors
Фомичева О. В., старший преподаватель-методист отделения методического обеспечения учебного процесса учебного отдела Академии права и управления ФСИН России E-mail: root@academjust.ryazantelecom.ru	Fomichova O. V., senior Lecturer-Methodist office methodical support of educational process of the Training Division of the Academy of Law and Management of the Federal Penal Service
Проблемы участия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в реализации уголовно-процессуальной деятельности	Problems of participation of penal institutions and organs in criminal proceeding

уголовно-процессуальная деятельность, уголовно-процессуальное законодательство, дознание, оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальные полномочия	criminal procedure activity, criminal procedure legislation, inquest, investigation and search operations, criminal procedure powers
Рассматриваются проблемы участия учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в уголовно-процессуальной деятельности и пути их решения. Автор обращается к рассмотрению степени участия оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний в производстве неотложных следственных действий. Выделяет неоднородные организационно-методические вопросы и трудности обозначенной сферы деятельности, требующие разрешения. Предлагает ряд организационно-правовых мер, направленных на повышение эффективности разрешения уголовно-процессуальных вопросов, возникающих в деятельности уголовно-исполнительной системы	In the article the author considers the issues of participation of penal institutions and bodies in criminal process and the ways of problems solving. The author studies the degree of the participation of the investigation and search subdivisions of the Federal Penal Service in the procedure of emergency investigation operations. She points out complicated organizational and methodological issues in this sphere that it is necessary to solve. The author suggests the number of organizational and legal measures used in order to increase the effectiveness of criminal process issues solving in the activity of penal system
Чернышова Ю. Н., адъюнкт кафедры уголовного права Тюменского юридического института МВД России E-mail: chernisheva_dian@mail.ru	Chernyshova J. N., adjunct of chair of criminal law of the Tyumen juridical institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Некоторые проблемы дифференциации уголовной ответственности соучастников	Some problems of differentiation of criminal liability of accomplices
уголовная ответственность, соучастие в преступлении, дифференциация уголовной ответственности, общественная опасность преступлений, квалифицирующие признаки, ответственность соучастников	the criminal liability, partnership in a crime, differentiation of the criminal liability, public danger of the crimes, qualifying signs, responsibility of accomplices
Статья Ю. Н. Чернышовой представляет собой актуальное исследование, обладающее теоретической и практической значимостью. В настоящее время дифференциация уголовной ответственности не имеет однозначного определения в теории российского уголовного права. Она является средством законодательной оценки общественной опасности преступлений определенного вида и лиц их совершивших. Как справедливо отмечает автор, ошибочной является позиция законодателя, относящего совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой в ряде случаев к одной части статьи Особенной части, в ряде случаев к разным частям. Функция дифференциации уголовной ответственности обусловлена основным качеством квалифицирующих признаков: отражать значительное изменение типовой степени общественной опасности содеянного. При неправильном построении частей Особенной части данная функция утрачивает свое первоначальное значение	J.N.Chernyshovoj's article represents the actual research possessing the theoretical and practical importance. Now norms, the differentiation of the criminal liability has no unequivocal definition in the theory of the Russian criminal law. It is means of a legislative estimation of public danger of crimes of a certain kind and their persons made. As the competitor fairly marks, the position of the legislator carrying fulfillment of a crime by a group of persons, a group of persons on preliminary arrangement and the organized group in some cases to one part of article of the Especial part, in some cases to different parts is erroneous. Function of differentiation of the criminal liability is caused by the basic quality of qualifying signs: to reflect considerable change of typical degree of public danger содеянного. At wrong construction of parts of the Especial part the given function loses the initial value
Чубченко И. М., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru	Chubchenko I. M., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia
Особенности определения подсудности уголовных дел о преступлениях, совершенных в Вооруженных силах РФ	Especially the definition of jurisdiction of criminal cases on crimes committed in the Armed Forces of the Russian Federation
подсудность уголовных дел, преступление, совершенное в вооруженных силах	competence of criminal case, offence, committed in armed forces
В настоящей статье рассмотрены вопросы, касающиеся процедуры идентификации компетенции уголовных дел о преступных деяниях, совершенных в вооруженных силах	In the present article the issues of the procedure of identification the competence of criminal cases about criminal offences committed by enlisted personnel are raised
Шаломентева Е. Г., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского филиала Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации кандидат экономических наук, доцент E-mail: shalomentseva@mail.ru	Shalomentseva E. G., chair of state-legal disciplines of the Vladimir branch of the Russian academy of public service at the President of the Russian Federation, candidate of economic, assistant professor
Муниципальные правовые акты: система и классификация	Municipal regulations: the system and classification
муниципальное образование, органы местного самоуправления, должностное лицо местного самоуправления, выборное должностное лицо местного самоуправления, муниципальный правовой акт	municipal union, local governments, the official of local government, the elective official of local government, the municipal legal certificate
Статья посвящена анализу деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления по принятию (изданию) муниципальных правовых актов и предложениям по их систематизации и классификации. На основе выводов по результатам изучения муниципальной практики предлагаются изменения в действующее законодательство о местном самоуправлении	Article is devoted the analysis of activity of bodies and officials of local government on acceptance (edition) of municipal legal certificates and offers on their ordering and classification. On the basis of conclusions by results of studying of municipal practice changes in the current legislation about local government are offered
Шпилевой О. Н., соискатель факультета подготовки научно-педагогических кадров ВЮИ ФСИН России E-mail: adunkt@vui.vladinfo.ru	Shpilevoy O. N., applicant for the department of scientific personnel training of Vladimir Law Institute of the Federal Service for Executing of Sentences of Russia
Современное состояние оперативно-профилактической работы в колониях-поселениях и факторы, обуславливающие ее эффективность	Present status of operational and preventive work in prisons and factors contributing to its effectiveness
колонии-поселения, спецконтингент, оперативная обстановка, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-профилактическая деятельность, побег, уклонение от отбывания лишения свободы, уровень преступности, динамика преступности	colonies, special contingent, operational situation, investigation and search operations, operational and preventive activities, escape, evasion of service of sentence, crime rate, crime dynamics
В статье рассматриваются современное состояние пенитенциарной преступности в колониях поселениях, анализируется оперативная обстановка, факторы, обуславливающие рост и качественные изменения преступности в колониях-поселениях, а также задачи оперативных подразделений ФСИН РФ по предупреждению правонарушений в данных исправительных учреждениях	The article is devoted to the contemporary state of penitentiary crime in colonies, analysis of the operational situation, factors that cause an increase and qualitative change in crime in colonies and tasks of the operative units of the Federal Service for Execution of Sentences of Russia, aiming at preventing of delinquency of these correctional facilities

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 печатного листа (22 страницы). Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал – полуторный; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); аннотацию; основной текст; ключевые слова; библиографический список (3–4 источника), оформленный по ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Библиографические ссылки должны быть внутритекстовыми и оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка». **Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком.**

Сведения об авторе, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

В случае изменения сведений об авторе, последний обязан уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати.

К представляемой рукописи необходимо приложить рецензию.

Работы авторов, не соответствующие вышеназванным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, аннотацией и рецензией необходимо выслать заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант отправить по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru, **с обязательным указанием в поле «Тема письма» «Статья в Вестник».**

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 3500 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 32-49-73, 32-25-60, e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 03281175960)	Сч. №	40503810900001000001
Банк получателя ГРКЦ ГУ БАНКА РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Г.ВЛАДИМИР	БИК	041708001
	Сч. №	
Назначение платежа: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (реализация журнала «Вестник»)		

Дорогие читатели!

Подписывайтесь на «Вестник Владимирского юридического института»!

Оформить подписку на наш журнал вы можете в любом почтовом отделении связи.

Информация об издании содержится в каталоге агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» на 1-е полугодие 2010 г.

Подписной индекс журнала 36614

Каталожная цена одного номера 236 руб., двух номеров – 472 руб.

Даты выхода издания в свет: 25 марта, 25 июня

Заполните абонемент, вырежьте его и оформите подписку на журнал
в почтовом отделении связи

Ф. СП-1 	АБОНЕМЕНТ на журнал										36614	
	(наименование издания) <i>Вестник Владимирского юридического института</i>										Индекс издания	
											Количество комплектов	
	на 2010 год по месяцам											
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда												
(почтовый индекс)						(адрес)						
Кому												
(фамилия, инициалы)												

			ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА									
			на журнал 36614 (индекс издания)									
ПВ	место	ли-тер										
(наименование издания) <i>Вестник Владимирского юридического института</i>												
Стои-мость	подписки	— — — руб. — — — коп.	Количество комплектов									
	Переад-ресовки	— — — руб. — — — коп.										
на 2010 год по месяцам												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда												
(почтовый индекс)		(адрес)										
Кому												
(фамилия, инициалы)												